

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: ТЕКСТ, КОРПУС, ПЕРЕВОД

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Отв. ред. Д.Б. Никуличева

Москва – 2020

УДК 81
ББК 81
Г

*Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением
Российской академии наук
Институтом языкознания РАН*

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических наук Н.В. Васильева
доктор филологических наук К.Я. Сигал

Германские языки: текст, корпус, перевод. Коллективная монография /
Отв. ред. Д.Б. Никуличева. Ред. колл.: Н.С. Бабенко (соредактор), Е.Б. Кротова
(отв. секретарь), Т.В. Топорова, Е.Б. Яковенко. – М.: Институт языкознания
РАН, 2020. – 260 с.

Ответственный редактор: доктор филологических наук Д.Б. Никуличева

Редакционная коллегия: Н.С. Бабенко, Е.Б. Кротова, Д.Б. Никуличева,
Т.В. Топорова, Е.Б. Яковенко.

Коллективная монография выполнена в рамках шестых Чтений, посвященных памяти В.Н. Ярцевой. В каждой из трех частей коллективной монографии (текст, корпус, перевод) материал древних и современных германских языков представлен как источник новых историко-филологических и лингвистических данных и интерпретаций в системообразующем и антропоцентрическом, контрастивном, лексикографическом, социокультурном и жанроориентированном аспектах. Издание предназначено лингвистам, филологам-германистам, преподавателям вузов и аспирантам по профилю германские языки.

ISBN 978-5-6045633-0-4

© Текст. Коллектив авторов, 2020
© Институт языкознания РАН, 2020

Содержание

Введение

Германские языки: источники новых данных и интерпретаций (Дина Борисовна Никуличева)	5
---	---

ЧАСТЬ 1

ТЕКСТ: источники новых историко-филологических и историко-лингвистических данных и интерпретаций в системообразующем, социокультурном и жанроориентированном аспектах

Глава 1.1. Выражение видо-временных и модальных отношений в исторических и современных текстах Псалтири (диахроническое измерение категориальной конвергенции в грамматике глагола) (Михаил Львович Котин).....	20
Глава 1.2. Англосаксонские научные трактаты: историко-культурный контекст и особенности текстовой и языковой организации (Екатерина Борисовна Яковенко).....	31
Глава 1.3. Архаизмы и инновации в древнеисландском эпосе: повторы в «Старшей Эдде» (Татьяна Владимировна Топорова).....	45
Глава 1.4. Архаизмы и инновации в древнеисландском эпосе: <i>hara</i> <i>legomæna</i> как аналог имен собственных в «Старшей Эдде» (Татьяна Владимировна Топорова).....	64
Глава 1.5. Стилиевые ресурсы немецких романских текстов раннего Нового времени (XVI в.) (Наталья Сергеевна Бабенко).....	77
Глава 1.6. Метадискурс как источник исторической динамики жанров англоязычной прессы (Елена Георгиевна Беляевская).....	93

ЧАСТЬ 2

КОРПУС: электронные ресурсы как источник новых данных для интерпретации грамматических, лексических и фразеологических явлений в германских языках

Глава 2.1. Немецкие модальные глаголы в параллельном корпусе и задачи двуязычной лексикографии (Дмитрий Олегович Добровольский).....	103
Глава 2.2. Использование корпуса параллельных текстов в исследовании эквивалентности (Ирина Сергеевна Парина).....	117

Глава 2.3. Немецкие идиомы в корпусе (акционально-временные формы) (Елена Борисовна Кротова).....	129
Глава 2.4. Комбинаторно-деривационный способ словотворчества в немецкоязычной сетевой коммуникации (Родмонга Кондратьевна Потапова, Всеволод Викторович Потапов)..	144
Глава 2.5. (Не)политкорректная лексика в немецко-русском словаре: принципы отбора и лексикографического описания (Елена Александровна Кондакова, Елена Викторовна Морозова).....	152
Глава 2.6. Прецедентное имя Goldilocks как метафорический ресурс в англоязычном газетном тексте (Александра Викторовна Нагорная, Михаил Александрович Цейтлин)...	165

ЧАСТЬ 3¹

ПЕРЕВОД: источники новых лингвистических данных и интерпретаций в антропоцентрическом, системоцентрическом, контрастивном и лексикографическом аспектах

Глава 3.1. Выражение неопределенного лица в шведском и русском языках: сопоставительный анализ и перевод (Елена Михайловна Чекалина).....	179
Глава 3.2. Средства выражения эвиденциальных значений в датском и русском языках и проблема их перевода (Эльвира Борисовна Крылова)	190
Глава 3.3. Особенности грамматической ориентации во времени через призму датско-русского перевода (Дина Борисовна Никуличева).....	203
Глава 3.4. Выделительная конструкция det är ... som в шведском языке: коммуникативное содержание и особенности его передачи при переводе (Елена Леонидовна Жильцова).....	217
Глава 3.5. Особенности датского речевого этикета в зеркале перевода (Елена Александровна Гурова).....	226
Глава 3.6. Анализ датских сложных слов в переводах как средство выявления словообразовательных особенностей датских композитов (Елена Всеволодовна Краснова).....	236
Глава 3.7. Английские переводы идиоматики русского авангарда в лексикографическом освещении (Ирина Владимировна Зыкова).....	245
Contents	257

¹ Часть 3 выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00146.

Введение

Германские языки: источники новых данных и интерпретаций Germanic Languages: Sources of New Data and Interpretations

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография «Германские языки: текст, корпус, перевод» посвящена 70-летию юбилею Института языкознания РАН, директором которого с 1969 по 1977 годы была член-корреспондент АН СССР Виктория Николаевна Ярцева, в течение многих лет также заведовавшая сектором германских языков Института языкознания.

Виктория Николаевна настоятельно подчеркивала важность работы с текстовым материалом разных эпох, отмечая, что «при построении истории того или иного языка среди материалов, которыми располагает лингвист, произведения литературы занимают большое, а иногда и ведущее место» [Ярцева 1969, 161]. Прямое обращение к текстам разных исторических периодов сохраняет свою актуальность и по сей день.

Вместе с тем, по мере развития новых технологий всё большую значимость приобретают электронные источники лингвистических данных. Благодаря электронным ресурсам расширяется эмпирическая база исследований. Обращение к одноязычным и параллельным корпусам дает доселе невиданные возможности для охвата языковых фактов, позволяющих оперативно отслеживать текущие языковые изменения и уточнять, а иногда и пересматривать данные о живом функционировании языка.

Двуязычные корпуса также представляют собой ценнейший источник данных для контрастивной лингвистики, развитию которой в нашей стране В.Н. Ярцева уделяла особое внимание. Использование параллельных корпусов не отменяет лингвистической значимости обращения и к прямому сопоставлению оригиналов текстов на одном языке и их переводов на другой язык – особенно двунаправленному сопоставлению текстов на родном и иностранном языке. Такое сопоставление, как отмечается в главе Е.М. Чекалиной, «позволяет более ярко и выпукло увидеть специфику каждого языка сквозь призму другого и заметить в каждом из них семантические тонкости и нюансы, остающиеся в тени при системно-типологическом подходе».

Упор на сопоставление целостных художественных текстов и их переводов в большей степени, нежели сравнение изучаемых явлений в составе корпусов, позволяет усилить антропоцентрический ракурс исследования. При таком подходе автор и переводчик рассматриваются как представители различающихся лингвокультур. В зависимости от того, какие смыслы категоризированы в грамматических системах соответствующих языков, нюансирование этих смыслов при переходе от оригинала к переводу либо усиливается, либо закономерно ослабевает.

Таким образом, для описания и интерпретации фактов германских языков в их диахронии и синхронии важнейшую роль играют три типа источников: текст, корпус, перевод. Именно эта рубрикация и была положена в основу деления предлагаемого коллективного труда на три исследовательские части.

Часть I «Текст» посвящена историко-филологической и историко-лингвистической проблематике, связанной с изучением памятников письменности на германских языках, относящихся к разным эпохам и ареалам. Материалы приводятся в хронологической последовательности от текстовых источников раннего Средневековья к современным текстам на германских языках, формирующимся в изменяющихся условиях новой социокультурной и языковой реальности.

В **Главе 1.1.** М.Л. Котиним исследуются несколько фрагментов Псалтири как части Ветхого Завета, которые содержат языковой материал, служащий текстологической основой как для диахронического, так и для синхронического изучения функционирования грамматических категорий в разных языках – не только германских. Достоверность получаемых в ходе такого исследования результатов гарантируется тем, что в наличии имеется классический параллельный корпус, восходящий к одному и тому же источнику (Книге Псалмов, написанных на древнееврейском языке) и переведённым либо непосредственно с языка-источника, либо опосредованно – с греческого и/или латыни – на другие языки: древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, ранненововерхненемецкий, ранненовоанглийский, церковнославянский, русский, старопольский и современный польский.

В главе рассматриваются методологические вопросы надежности сравнения фрагментов Псалтири на разных языках для выявления взаимодействия категориальных функций аспектуальности, темпоральности и модальности. Исследование содержит анализ широко представленной в текстах Псалтири волитивной и деонтической модальности, модифицирующей высказывание в аспекте его желательности, необходимости или возможности для референта подлежащего. Автор подчеркивает, что Псалтирь, за редким исключением, не содержит маркеров эпистемической модальности. «Это связано с тем, что псалмопевец не оценивает степени достоверности описываемых ситуаций с точки зрения собственной осведомлённости».

Общий вывод заключается в том, что, используемые для выражения будущего времени в германских переводах конструкции с модальными глаголами (в их типичном для Псалтири деонтическом или волитивном прочтении) обнаруживают тенденцию к маркированию завершённости. Тогда как соответствующие им формы совершенного вида будущего времени в языках, имеющих категорию вида славянского типа, напротив, содержат имплицитные сигналы деонтической или волитивной модальности.

Отметим, что представленный в главе исследовательский опыт изучения исторически удаленных друг от друга фрагментов текста имеет

множество точек соприкосновения с современной корпусной лингвистикой по части применения новых технологий для получения сравнительных данных о функционировании элементов грамматических систем разных языков в сопоставляемых текстовых фрагментах.

Важную роль в изучении авторских текстов, созданных на германских языках в древний период их истории, играет изучение особенностей языка писателя. «Язык произведений писателя может прежде всего изучаться как свидетельство состояния языка его эпохи и как определенное историческое звено в развитии литературного языка. С другой стороны, язык произведений крупного писателя всегда несет на себе печать индивидуального стиля и является отражением неповторимого своеобразия творческой манеры данного писателя» [Ярцева 1969, 162].

Глава 1.2., выполненная Е.Б. Яковенко, посвящена изучению языка и стиля древнеанглийских научных трактатов, созданных англосаксонскими учеными монахами Эльфриком (*Ælfric*, с. 955 – с. 1010) и Бюрхтфертом (*Byrhtferth*, с. 970 – с. 1020). В плане содержания произведения обоих носили несамостоятельный характер. Непосредственным источником Грамматики Эльфрика была сокращенная анонимная грамматика „*Excerptiones de Prisciano*“, вобравшая в себя основные моменты грамматического учения Присциана и Доната, а два другие естественнонаучных трактата „*De temporibus anni*“ Эльфрика и „*Manual*“ Бюрхтферта – также возводятся к более ранним латинским трудам. По определению Е.Б. Яковенко, анализируемые трактаты «балансируют между авторским текстом и переводом», проявляя признаки того и другого.

Решение вопроса о соотношении древнеанглийского перевода и латинского источника решается автором в русле взглядов В.Н. Ярцевой, отмечавшей, что «существовала известная, для каждого исторического периода своя особая манера перевода. Иными словами, отношение к переводу и взгляды на роль и задачи работы переводчика менялись, и это зависело не только от того, являлся ли переводимый текст каноническим (библия и другие религиозно-культурные документы) или допускающим варианты, но и от различного понимания задач перевода» [Ярцева 1969, 83].

В исследовании показано, что Эльфрик и Бюрхтферт стояли у истоков переводческой традиции, в соответствии с которой переводчик, применяя интервенционную стратегию, становится и критиком исходного, и фактическим автором нового текста. Тексты переводов анализируются как феномены культурной интерпретации, в результате которой труды на англосаксонском языке приобретали самостоятельность, сопоставимую по своей значимости с оригиналами.

Автор отмечает, что несмотря на частое переключение языковых кодов, стиль и язык англосаксонских трактатов отличается от латинских трактатов «предельной простотой и ясностью», что позволяет автору сделать

вывод о том, что «к XI веку формируется стиль англосаксонской научной прозы, приобретающий собственные черты и отличный от стиля латинских научных сочинений того же или более раннего периода» и – главное – доступный широкому читателю. Прерванный Нормандским завоеванием, он был практически утрачен английской культурой. Новый научный стиль, сложившийся несколько столетий спустя, имел уже другую языковую основу и строился на других культурных основаниях.

Древнеисландский эпический текст «Старшей Эдды» рассматривается как источник сведений о древнегерманской картине мира в **Главах 1.3. и 1.4.** В двух соположенных главах Т.В. Топоровой исследованы противоположные явления – с одной стороны, такие традиционные выражения, характерные для фольклора, как повторы, а с другой стороны – уникальные инновации – гапаксы – словоупотребления, зарегистрированные в Эддических текстах лишь единожды. Примененная методика анализа позволяет показать, что и те и другие не случайны, но образуют целостную систему, ключом к пониманию которой является древнескандинавская мифопоэтическая модель мира.

В **Главе 1.3.** показано, что феномен повтора относится к числу архаичных и его использование в Эддических текстах стимулируется наличием аллитерации, исходно объединявшей одни и те же лексемы. Повторы выделены в формальном отношении, они фигурируют в маркированных контекстах, занимают инициальную позицию в первой строке строфы. Предлагается классификация повторов, подразделяемых на идентичные ($A = B$) и неидентичные ($A \neq B$).

К основным выводам главы относится то, что частотность повторов и их протяжённость зависят от ценности той или иной лексемы или групп лексем в мифопоэтической модели мира, реализующейся в Старшей Эдде. При этом наибольшее влияние на формирование повторов оказывает миф творения. Появление повторов в эддических песнях детерминировано потребностями того или иного жанра, например, дублирование элементов в *перебранке* служит для уязвления противника, в *туле*, предполагающей перечисление имён, сопровождаемое многократным глаголом называния, в *заговоре* – для номинации враждебного субъекта с целью его нейтрализации. Значимость повторов в Старшей Эдде объясняется детерминированностью эддического текста космогоническим мифом, основанным на идее повторения сакрального прецедента.

В **Главе 1.4.** рассматриваются гапаксы легомена, которые либо являются именами собственными, либо обнаруживают с ними большое сходство, поскольку обозначают неповторимые феномены. Объектом исследования является «Прорицание вёльвы» – первая из песен «Старшей Эдды», представляющая собой целостное изложение мифологических сведений древних исландцев. Исследование всех отмеченных в этом тексте гапаксов позволяет автору утверждать, что «единичные словоупотребления не являются

хаотичными вкраплениями, напротив, они образуют стройную систему, в которой каждый элемент занимает соответствующее место». Гапаксы именуют важнейшие космогонические символы (мировое древо, хаос, гибель богов, демиургов и объекты творения). Они реализуют магические ритуалы и воплощают оценку, проявляющуюся в свойственной архаичному сознанию дуальных оппозициях. Гапаксы обнаруживают черты поэтической организации и высокого стиля, «языка богов».

В.Н. Ярцева обращала внимание на необходимость изучать «изменение и расширение сфер функционирования <...> языка, явившееся результатом новых общественных условий» [Ярцева 1969, 209]. Изменение сфер функционирования исследуется в двух заключительных главах части «Текст» Н.С. Бабенко на материале ранней романной прозы в постреформационной Германии и Е.Г. Беляевской на материале современных англоязычных СМИ.

В **Главе 1.5.** выполненной Н.С. Бабенко, представлены историко-культурные материалы, демонстрирующие процессы транзита из замкнутого на себе средневекового типа культуры в новую коммуникативную среду, которая развивалась в условиях публичности и массового потребления продуктов книжной культуры. С позиций исторической стилистики и современного лингвистического жанроведения рассматривается существование в постреформационной Германии особой, исторически обусловленной социокультурной ситуации, сложившейся в немецкой словесности второй половины XVI в. Ее отличительной чертой являлось освоение прежнего опыта использования немецкого языка, расширение границ его применения в книжной культуре и в дискурсивных практиках. Эти процессы нашли своеобразное преломление в развитии отдельных жанров текстов и в характере их взаимодействия. Изучению подлежит проблема формирования ранней романной прозы на немецком языке, ее истоков, стимулов и направлений развития, взаимодействия с публичными дискурсами своего времени. Также выявляется связь ранней романной литературы с массовой литературой малых форматов, и прежде всего с жанром шванков, которые имели в XVI в. рекреационное назначение и тем самым выполняли важную внеидеологическую функцию.

Дискурсы второй половины XVI в. отражали сложный характер социальных и культурных процессов, которые находили преломление в текстах разных жанров. Среди них романная литература занимала особое место как площадка для развития, с одной стороны, жанрово-стилистического разнообразия книжно-письменной культуры, с другой стороны, для выравнивания грамматической формы письменного языка, а также для освоения возможностей и ресурсов самого немецкого языка в рамках оригинальной авторской прозы, которая во многом носила не только традиционный, но и поисковый, а также экспериментальный характер. Материалы данной главы существенным образом дополняют представления об истории развития

немецкого литературного языка в эпоху, которая в историографии традиционно считается мало значимой, что опровергается материалами проведенного исследования.

Жанроведческая проблематика находит продолжение в **Главе 1.6.** на материале современных англоязычных СМИ, исследуемых в режиме диахронной динамики жанров. Е.Г. Беляевской рассматриваются процессы модификации метадискурса нарратива, которые связаны с акцентированием в тексте эмотивной реакции участников медиасобытия, а также с выдвиганием на первый план мнения и оценочного отношения автора текста, берущего на себя роль очевидца произошедшего не только в газетной / журнальной аналитике, но и во всех информационных материалах. Отмечается, что систематизация разных жанров и стилей является частью общей проблемы категоризации, которая большинством исследователей признается основной проблемой, решаемой когнитивной лингвистикой.

Решение проблемы выделения и исторической модификации жанров в исследовании предлагается путем моделирования процессов текстообразования, под которым понимается конструирование и/или продуцирование текста в процессе речетворческой деятельности человека.

Хотя когнитивные основания формирования текстов обладают определенной устойчивостью, в языке периодически появляются новые разновидности текстов. В качестве катализатора тех модификаций, которые происходят или еще только намечаются в жанровой дифференциации англоязычной прессы, называется интернет. Влияние интернета обусловлено тем, что электронные средства массовой коммуникации обеспечивают более быстрое распространение новостей, чем печатные СМИ, а также быструю возможность получить дополнительные данные и необходимые подробности, что существенно меняет прежнюю систему распространения информации. В исследовании демонстрируется, что в условиях распространения интернета существенно меняется роль адресанта информации: он становится более индивидуальным и более анонимным. Именно эти свойства электронных СМИ активизируют новые стратегии формирования метадискурса в медийном нарративе.

Часть II «Корпус» посвящена демонстрации тех новых возможностей, которые электронные ресурсы предоставляют для анализа материала современных германских языков в их живом функционировании. В качестве источников исследовательского материала рассматриваются, прежде всего, лингвистические корпуса (как параллельные, так и одноязычные), а также иные электронные ресурсы.

У лингвиста появляются новые данные, в том числе статистические, по интересующим его аспектам, будь то грамматика, лексика или фонетика. Корпус помогает лучше понять реальное функционирование языка и избежать упрощенного понимания исследуемых явлений. Тем не менее, корпус не

свободен от ограничений: результат поиска напрямую зависит от качества и полноты имеющейся в нем разметки. Исследователь также должен четко понимать, с каким корпусом он работает: какие типы текстов в нем представлены и в каких пропорциях, какой промежуток они охватывают. Отсутствие такого понимания может привести к ложным выводам.

В **Главе 2.1.** на материале немецко-русского подкорпуса параллельных текстов Национального корпуса русского языка, Д.О. Добровольский показывает, как работа с корпусом расширяет представления о возможностях языка и помогает уточнить семантику отдельных языковых единиц. В качестве объекта исследования выступают немецкие модальные глаголы. В основу исследования положены материалы проекта по созданию надкорпусной базы данных по немецким модальным конструкциям и их русским эквивалентам. Параллельный корпус оказывается мощным инструментом исследования семантики и прагматики выражений языка оригинала, поскольку в основе перевода этих выражений на другой язык лежит их содержательная интерпретация.

Анализ материала базы данных показывает, в том числе, что традиционное противопоставление семантически близких модальных глаголов по функции, с одной стороны, подтверждается, а с другой – оказывается недостаточным для их правильного употребления. Так, глаголы *können* и *dürfen*, взятые в их первых, наиболее частотных значениях, противопоставлены по характеру модальности: онтологической для *können* и деонтической для *dürfen*. Важно, однако, что в одном из своих значений *können* имеет деонтическое значение, аналогичное первому значению *dürfen*. Традиционное противопоставление глаголов *müssen* и *sollen* по принципу «внутренней» необходимости, осознаваемой самим субъектом, и «внешнего» долженствования также оказывается небесспорным. По материалам параллельного корпуса основное семантическое различие между этими глаголами в их основных значениях проявляется скорее в том, что *sollen* выражает «ослабленное» долженствование.

У параллельных корпусов есть и свои ограничения, как показано в **Главе 2.2.**, выполненной И.С. Париной. При работе с корпусом необходимо иметь четкое представление о том, какой временной промежуток он охватывает и какие тексты входят в него. На примере лексем, считающихся «ложными друзьями переводчика», показано, как анализ параллельного корпуса позволяет определить контекстные условия, в которых они все же могут выступать в качестве эквивалентов. Для языковых единиц, которые в словарях традиционно описываются как полные эквиваленты, демонстрируется обратное: анализ параллельного корпуса показывает, что между такими лексемами могут быть выявлены различия. Корпус параллельных текстов представляется многообещающим ресурсом в исследовании эквивалентности: через обращение к речи в сопоставительном аспекте в ряде случаев получается обнаружить некоторые особенности на системном уровне.

В продолжении темы обсуждаются возможности работы с одноязычными корпусами. Так, в **Главе 2.3.** Е.Б. Кротовой представлены результаты анализа употребления идиом в разных временных формах (презенте, претерите и перфекте) на материале крупного одноязычного корпуса немецкого языка Deutsches Referenzkorpus.

Корпусное исследование дает возможность кластеризовать идиомы по сходству их синтаксического поведения. Так, исследование, в частности, показало, что «идиомы чаще встречаются в претерите, чем в перфекте, что может показаться неожиданным: идиомы считаются характерными скорее для разговорной речи, а претерит считается скорее книжной формой». Отдельно рассматриваются идиомы, выделяющиеся из общей выборки за счет слишком редкого или частого употребления в определенных временных формах. Автором выдвигается предположение о том, что идиомы-действия (по фундаментальной классификации предикатов Ю.Д. Апресяна) в основном ведут себя более стандартно и реже имеют ограничения на употребления в различных временных формах, в отличие от идиом-интерпретаций и идиом-состояний, у которых подобные ограничения встречаются чаще.

Одноязычные корпуса, в отличие от параллельных, могут достигать гораздо большего объема и охватывать больший временной промежуток, так как не требуется наличие доступного перевода текстов оригинала. За счет этого одноязычные корпуса позволяют следить за новейшими тенденциями в языке. Одним из возможных направлений таких исследований является изучение словотворчества в сети Интернет, отраженное в **Главе 2.4.** Р.К. Потапова и В.В. Потапов анализируют способы словообразования неологизмов в молодежной сетевой коммуникации и демонстрируют устойчивость структурных правил словообразования немецкого языка в сознании его носителей. Англо-американская лексика активно используется в немецкоязычных неологизмах, обрастая морфологическими, деривационными и прочими сегментами, используемыми при словообразовании в немецком языке.

Одноязычные корпуса также позволяют исследовать изменения в семантике и прагматике языковых единиц, как показано в **Главе 2.5.**, выполненной Е.А. Кондаковой и Е.В. Морозовой. Авторы рассматривают семантическую структуру неполиткорректных лексических единиц в немецком языке, выявляют специфику прагматического компонента их значения и предлагают способ его словарной фиксации. Говорится, в том числе, о важности идентификация слов, которые в настоящий момент только начинают свою «карьеру» в качестве неполиткорректных обозначений. Так, например, в 2015 году в немецкой прессе и Интернет-пространстве обострилась возникшая несколькими годами ранее дискуссия о необходимости замены слова *Flüchtling* словом *Geflüchtete(r)*. Оценочная сема привносится в семантическую структуру слова суффиксом *-ling*, благодаря которому лексема *Flüchtling* выстраивает

парадигматические отношения с такими отрицательно коннотированными словами, как *Sträfling* или *Eindringling*, и ассоциируется с ними. Слово *Flüchtling* на данный момент можно рассматривать как неполиткорректное, несмотря на отсутствие соответствующего комментария в толковом словаре Duden.

Завершает Часть II Глава 2.6., в которой на обширном корпусном материале А.В. Нагорной и М.А. Цейтлинным анализируются особенности функционирования прецедентного имени сказочной принцессы *Goldilocks* в современной англоязычной прессе. Авторы изучают процессы его метафоризации и устанавливают степень вариативности метафорических употреблений имени в газетных и журнальных текстах. Как показывает материал, наиболее устоявшимся метафорическим значением прецедентного имени *Goldilocks* оказывается «гармоничное, сбалансированное состояние некоторой системы». В рамках этой метафорической проекции наблюдаются две семантические вариации – «оптимальное состояние» и «компромиссное решение». Выявление подобных словосочетаний на основе корпусных данных, их систематизация и анализ их вариативности представляют не только теоретический, но и практический интерес, обладая релевантностью в лексикографической и переводческой перспективе.

Часть III «Перевод» задумывалась как применение лингвистических постулатов, сформулированных Викторией Николаевной Ярцевой в книге «Контрастивная грамматика», к задачам исследования современных германских языков в их сопоставлении с русским.

Обсуждая место контрастивистики среди других разделов науки о языке, Виктория Николаевна подчеркивала, что «контрастивная лингвистика как одна из частей языкознания должна обладать определенными теоретическими посылками и набором специальных методов исследования языкового материала» [Ярцева 1981, 5]. В частности, отмечалась «необходимость двустороннего сравнения языков: как иностранного с родным, так и родного с иностранным. Этот подход обеспечил подлинно лингвистический и не формальный, а содержательный метод сравнения материала двух или нескольких языков» [там же, 6].

Глава 3.1. посвящена исследованию выражения неопределенности лица в шведском и русском языках. Используемая Е.М. Чекалиной методика состоит в двустороннем сопоставлении художественных текстов. Сначала проводится анализ того, как шведские двусоставные предложения с неопределенно-личным местоимением *man* передаются русскими переводными эквивалентами. Затем анализируется то, каким предложениям в русских оригиналах соответствуют переводные шведские эквиваленты с местоимением *man*. Такой подход позволяет, с одной стороны, показать регулярные соответствия, в равной мере наблюдаемые как при сопоставлении шведских оригиналов с русскими переводами, так и русских оригиналов с их переводами на шведский язык. С

другой стороны, этот подход позволяет выявить точки расхождений, когда при переводе со шведского языка на русский предпочтительными оказываются одни соответствия, а при переводе с русского языка на шведский – иные.

Так, из приводимого Е.М. Чекалиной описания возможных типов межъязыковых соответствий следует, что к регулярным соответствиям относятся те случаи, в которых в полной мере реализуется семантика шведского *man* как указывающего на включенность субъекта в неопределенное множество референтов. Как в переводах со шведского языка на русский, так и в переводах с русского языка на шведский местоимению *man* регулярно соответствуют «указания на неопределенное множество лиц, представленное как открытый класс» (*человек, люди, мы*), а также «бессубъектные высказывания с модальными предикатами» (*хочется, необходимо* и др.) и «отглагольные существительные с процессуальной семантикой, содержащие указание на неопределенно-личный агентс» (*попытка, сопоставление* и др.).

Одновременно автор обращает внимание на то, что в шведско-русских параллелях «перевод предложений с *man* высказываниями с формой 3 лица множественного числа встречается достаточно редко». Это происходит «главным образом, в тех случаях, когда в контексте содержится указание на дистанцированность неопределенно-личного субъекта от субъекта речи». Зато при противоположно направленном русско-шведском сопоставлении соответствие русских неопределенно-личных предложений с формами 3 л. мн. ч. шведским предложениям с неопределенно-личным местоимением *man* оказывается весьма частотным. Автор отмечает, что «высказывания с *man* часто встречаются при переводе контекстов, где в фокусе внимания находится динамика изменения ситуации». Методика двустороннего сравнения языков позволяет продемонстрировать специфику одного языка сквозь призму другого, отметив в каждом из них те семантические нюансы, которые остаются за пределами внимания исследователя при работе с материалом одного языка.

Особую значимость в контрастивных исследованиях В.Н. Ярцева придавала учету особенностей языка как целостной системы: «Вследствие цельности языковой системы черты одного уровня должны коррелировать со строением других уровней», – писала она [Ярцева 1981, 13]. И продолжала, что при сравнении языков «следует искать те единые межуровневые параметры, которые объединяют данный языковой тип» [там же, 14], понимая языковой тип как «определенную форму организации понятийного содержания языка» [там же, 13]. Эти постулаты являются принципиально важными для всех участников проекта «Антропоцентрическая грамматика датского языка»² (Э.Б. Крыловой, Д.Б. Никуличевой, Е.А. Гуровой, Е.В. Красновой), исследующих то, как на разных участках датской языковой системы проявляются особенности вербальной ориентации говорящего в коммуникации, пространстве и времени.

² Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

При контрастивном анализе – подчеркивала В.Н. Ярцева – «важную роль играет включение рассматриваемого языкового факта в ряд явлений ему сопредельных, то есть в некоторую микросистему» [Ярцева 1981, 98]. Микросистему средств выражения эвиденциальности, в датском языке в сопоставлении со средствами выражения эвиденциальности в русском рассматривает Э.Б. Крылова в **Главе 3.2**. Под эвиденциальностью автор понимает указание на информационный источник, на основании которого делается то или иное утверждение говорящего. В исследовании отмечаются как общие, так и лингвоспецифические средства передачи пересказываемости в русском и датском языках. Например, основной коммуникативной функцией русских конструкций с квазипассивными глаголами (*считают, считается / говорят, говорится / предполагают, предполагается / представляется / расценивается / ожидают, ожидается и др.*), также как и аналогичных им датских конструкций (*menes / siges / formodes / ventes u др. + at-infinitiv*) является «передача чужих слов, чужого мнения, чужой эпистемической оценки как общего или коллективного знания, мнения, предположения. Для данных конструкций часто характерна невозможность агенса перформативного глагола». (Ср. предыдущую главу о шв. местоимении *man*).

Одновременно автор главы обращает внимание на то, что в каждом из двух сопоставляемых языков имеются специальные маркеры для выражения некоторых грамматических смыслов, не получающих формального выражения в другой лингвокультуре. Так, в датском языке отсутствуют ксенопоказатели, выражающие скепсис говорящего по поводу передаваемой чужой информации (ср. рус. частицы *де, дескать, мол*), тогда как в русском отсутствуют показатели снятия ответственности за достоверность сообщаемого в результате намеренного дистанцирования говорящего от передаваемой им информации. «Дистанцирование говорящего от передаваемой информации и отсылка к некоему внешнему источнику, с чьих слов она пересказывается, является функционально-семантической особенностью ксенопоказателя *skulle + Inf. I, II*. Об оценочной нейтральности этой конструкции свидетельствует тот факт, что «из всех датских маркеров чужой речи только *skulle + Inf. I, II* может вводить частичное цитирование». Автор затрагивает также проблемы передачи в переводе значений, выражаемых лингвоспецифическими маркерами эвиденциальности.

В.Н. Ярцева указывала, что именно на грамматическом уровне контрастивного описания «ярче всего проявляются типологические черты сравниваемых языков» [там же, 3], и в качестве особенно иллюстративных примеров приводила «случаи сравнения языков, имеющих или не имеющих дробные подразделения для прошедшего времени глаголов» [там же, 22]. В русле этих идей написана **Глава 3.3**. Исследование Д.Б. Никуличевой посвящено проблеме экспликации культурно значимых смыслов, воплощенных в темпоральных категориях датского глагола, средствами русского перевода.

Автор показывает, что фундаментальной смысловой категорией, определяющей структурирование системы датского глагола, является категория дистанцирования, организующая темпоральную перспективизацию событий с точки зрения говорящего. Дистанцирование является одной из базовых категорий организации грамматической системы датского глагола и охватывает грамматическую организацию не только темпоральных, но и эпистемических и эвиденциальных смыслов. Это наблюдение Д.Б. Никуличевой согласуется с выводами главы Э.Б. Крыловой (Глава 3.2) о том, что именно категория дистанцирования лежит в основе грамматической семантики такого датского ксенопоказателя чужой речи как конструкция *skulle + Inf. I, II*.

Сопоставление с переводами фрагментов датских художественных текстов, построенных на преимущественном использовании одной из категориальных форм датского глагола, употребляемых для обозначения денотативного прошедшего времени (плюсквамперфекта, претерита и перфекта), позволило выявить точки несовпадений, где в переводе закономерно происходит опущение или приращение темпоральных смыслов по сравнению с текстом оригинала. Автор исследует эпизоодообразующий потенциал указанных датских темпоральных категорий и прослеживает, как эпизоды, построенные на грамматических различиях в перспективизации событий посредством той или иной темпоральной формы, неизбежно – под влиянием языковой специфики грамматической категоризации – претерпевают смысловое изменение при их переводе на русский язык.

В.Н. Ярцева отмечала, что «контрастивная лингвистика является той зоной, где пересекаются пути теории и практики» [Ярцева 1981, 4], подчеркивала «практическое приложение контрастивной лингвистики» и указывала такие важнейшие области ее применения как преподавание чужого языка и преподавание перевода [там же, 5]. Глава 3.4. нацелена на практику преподавания шведско-русского перевода. На материале художественных переводов на русский язык двух современных шведских романов, Е.Л. Жильцова анализирует факторы, влияющие на выбор переводчиком того или иного русского эквивалента шведской выделительной конструкции *det är ... som*. Автор делает вывод о том, что «выделение той части предложения, которая, по мнению говорящего, особенно важна для адресата сообщения и к которой он хочет привлечь внимание последнего», обслуживаемое данной конструкцией, по-разному реализуется в русских переводах в зависимости от того, какой член предложения подвергается рематизации. Если перемещение в конец предложения характерно для рематизации подлежащего, то коммуникативное выделение иных членов предложения в русских переводах происходит в начальной позиции предложения и обычно обслуживается акцентуацией посредством частиц.

Обсуждая связь контрастивной грамматики и смежных дисциплин, В.Н. Ярцева отмечала, что контрастивные исследования должны

устанавливать связи, в том числе, с «психолингвистикой, могущей помочь в понимании коммуникативно значимых различий между языками, с различными аспектами социолингвистики, помогающей определить зоны расхождений между языками» [там же, 31]. Коммуникативно значимые различия между языками исследуются в **Главе 3.5.** Е.А. Гуровой, анализирующей способы передачи формул вежливости в переводах художественных текстов с датского языка на русский. На примере этикетных формул приветствия / прощания, благодарности, а также средств выражения вежливости в побудительных речевых актах выявляются культурно-специфичные элементы коммуникативного поведения датчан и русских, влияющие на выбор переводческой стратегии. В этой связи особую значимость приобретают антропоцентрированные параметры социальной дистанции – как вертикальной, так и горизонтальной. Различия в стиле коммуникации, обусловленные несовпадением норм социальной дистанции, особенно заметны при выборе формы обращения и приветствия, при переводе которых переводчик часто прибегает к приему лексических замен. В отношении побудительных речевых актов также нередко используются замены, так как в русском языке употребление формы императива имеет более широкое применение, чем в датском. Автор отмечает, что речевой акт благодарности играет большую роль в датской лингвокультуре, в связи с чем датчане благодарят чаще и многословнее, чем русские. При переводе некоторые этикетные формулы благодарности опускаются, так как чрезмерная вежливость в некоторых случаях воспринималась бы по-русски негативно.

Методика контрастивного анализа варьируется «сообразно уровню языковой структуры, подлежащей контрастивному сравнению», – писала В.Н. Ярцева [там же, 3]. Специфическая методика сопоставления моделей датских композитов с их русскими эквивалентами разрабатывается в **Главе 3.6.**, выполненной Е.В. Красновой. Словообразовательные особенности датского сложного слова рассматриваются ею на материале переводов русской художественной литературы на датский язык. Исходя из того, что «при сравнении языков невозможно сопоставлять одновременно все языковые факты, ибо специфика каждой из сторон языка требует особого к ним подхода» [там же, 10], автор разрабатывает шестишаговую методику отбора материала, позволяющую выделить наиболее типичные соответствия. Наиболее значимые результаты связаны с анализом семантики таких датских композитов (20% от проанализированного материала), которые были использованы в переводе не как эквиваленты русских словосочетаний, а как соответствия русским однословным номинациям. Большая часть таких единиц оказалась обозначениями предметов материальной культуры. Исследование их семантической структуры показало, что второй компонент в них оказывается либо широкозначным, либо многозначным, и требуется использование уточняющего компонента, который и обеспечивает отнесение композита к

единичному предмету. Антропоцентрический подход позволяет определить важность коммуникативной ситуации и взгляда говорящего на выбор первого, определяющего компонента сложного слова в целях его идентификации адресатом.

Часть монографии, посвященная анализу переводов, завершается **Главой 3.7.**, посвященной особенностям перевода на английский язык идиоматики русского авангарда. Вопросы, поднимаемые И.В. Зыковой, отражают идею, высказанную В.Н. Ярцевой в книге «Развитие национального литературного английского языка» о том, что «в творчестве крупных писателей может найти место субъективная оценка качества и свойств литературного языка их времени, отношение к мерам по обогащению и улучшению языка, взгляды на задачи языкового строительства» [Ярцева 1969, 94]. В рамках создаваемого И.В. Зыковой словаря «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» проводится «сличение» – по выражению В.Н. Ярцевой – всех возможных вариантов перевода единиц идиоматики авангарда из английских переводных изданий кубофутуристов. Важным для исследования является наблюдение В.Н. Ярцевой о том, что «манера переводческой практики связана <...> с лингвистическими тенденциями языка, на который переводится данное произведение» [там же, 85]. Автор предлагает классификацию идиоматики в текстах русского авангарда и отмечает, что наиболее репрезентативным является перевод на английский авангардных идиом-терминов (например, таких, как *самовитое слово*). Исследование призвано «углубить понимание процесса идиообразования как практики лингвистического экспериментирования не только в языке источника, но и в языке перевода».

Завершая обзор исследований, вошедших в состав коллективной монографии «Германские языки: текст, корпус, перевод», стоит отметить, что целостность всего проекта поддерживается тематическими скрепами, существующими между главами.

Так, сравнение функционирования германских модальных глаголов в тексте Псалтири на германских и славянских языках, выполненное М.Л. Котиным (Часть I), согласуется с исследованием Д.О. Добровольского сопоставляющего функционирование модальных глаголов немецкого языка с их русскими эквивалентами в немецко-русском подкорпусе параллельных текстов (Часть II). Как отмечает Д.О. Добровольский, «параллельный корпус оказывается мощным инструментом исследования семантики и прагматики выражений языка оригинала, поскольку в основе перевода этих выражений на другой язык лежит их содержательная интерпретация. Следовательно, *перевод часто содержит элементы толкования переводимого выражения и помогает заметить некоторые не вполне очевидные компоненты смысла*». Данное положение, высказанное в связи с корпусным материалом, в полной мере предваряет все исследования, объединенные в Части III, целиком посвященной сравнению переводов.

С другой стороны, антропоцентрический ракурс исследования, характеризующий большинство глав из Части III, отражает и подход Е.Г. Беляевской (Часть I), устанавливающей связь модификации современного англоязычного нарратива СМИ с «акцентированием в тексте эмотивной реакции участников медиасобытия» и с «выдвижением на первый план мнения и оценочного отношения автора текста».

Идя разными исследовательскими путями и отталкиваясь от разного текстового материала, сразу несколько авторов предлагаемой монографии – Е.Б. Яковенко с терминологическими инновациями в древнеанглийских ученых трактатах и Т.В. Топорова с древнеисландскими гапаксами (Часть I), А.В. Нагорная с прецедентным именем сказочной героини в современной прессе (Часть II), И.В. Зыкова с неологизмами футуристов и английскими переводами их лингвокреативности (Часть III) – решают схожую задачу – на материале германских языков исследуют то, как ведет себя уникальная единица в стандартном окружении.

Тем самым предлагаемая вниманию читателей монография «Германские языки: текст, корпус, перевод» выполняет свою основную цель – представить отечественную германистику как живой исследовательский процесс, сохраняющий верность традициям предшественников и одновременно нацеленный на использование тех новых исследовательских возможностей, которые возникают в нашей современности.

Литература

Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Д.Б. Никуличева

ЧАСТЬ 1

ТЕКСТ: источники новых историко-филологических и историко-лингвистических данных и интерпретаций в системообразующем, социокультурном и жанроориентированном аспектах

Глава 1.1.

Выражение видо-временных и модальных отношений в исторических и современных текстах Псалтири (диахроническое измерение категориальной конвергенции в грамматике глагола)

М.Л. Котин

Зеленогурский университет, Польша

Глава посвящена анализу взаимодействия категориальных функций глагольного вида, времени и модальности в некоторых стихах Псалтири, где конвергентные отношения проявляются особенно ярко. Речь идёт, в частности, о 12 (13) и 23 (24) псалмах, где в церковнославянской и русской синодальной версиях используются глаголы совершенного вида будущего времени (*воспою, взы(й)дет, станет*) со скрытой в видовой и темпоральной семантике волитивной или деонтической модальностью, тогда как в немецком языке используются конструкции с модальными глаголами (соответственно, волитивным *wollen* и деонтическим *dürfen*), а в английском – с глаголами вспомогательными, служащими для образования аналитического футурума (*will, shall*), а также с *should*. Анализ включает соотнесение данных форм с их соответствиями в древнегреческом, латинском, древневерхненемецком, средневерхненемецком, ранневерхненемецком, ранневоанглийском, старопольском и современном польском языке.

Der Ausdruck aspektuell-temporaler und modaler Relationen in historischen und modernen Texten des Buchs der Psalmen (zur diachronen Dimension der kategorialen Konvergenz in der Verbgrammatik)

Michail Kotin

Universität Zielona Góra, Polen

Der Beitrag befasst sich mit Wechselwirkung von Kategorialfunktionen Verbalaspekt, Tempus und Modalität in ausgewählten Versen des Psalters, wo derartige Konvergenzrelationen besonders auffällig sind. Es geht im Besonderen um den 12. bzw. 13. sowie den 23. bzw. 24. Psalm, wo die altkirchenslawische und russische synodale Version perfektive Verbalformen des Futurs mit coverter volitiver bzw. deontischer Modalfunktion (*воспою, взы(й)дет, станет*) benutzen, während im modernen Deutsch Modalverbfügungen (respektive mit dem volitiven *wollen* und dem deontischen *dürfen*) und im modernen Englisch Futurauxilaire *will, shall* und das Modalverb *should* erscheinen. Die Untersuchung involviert einen Vergleich dieser Formen mit ihren Entsprechungen im Altgriechischen, Lateinischen, Althochdeutschen, Frühneuhochdeutschen, Frühneuenglischen, Altpolnischen und modernen Polnischen.

Псалтирь как часть книг Ветхого Завета представляет собой собрание написанных особой стихотворной техникой текстов, чрезвычайно интересных в самых разных аспектах – историческом, культурологическом, филологическом, лингвистическом. С языковедческой точки зрения псалмы содержат языковой материал, который может служить текстологической основой для исследований, посвящённых, среди прочего, вопросам как диахронического, так и синхронического изучения функционирования грамматических категорий в разных языках. Достоверность получаемых в ходе такого исследования результатов обусловлена тем, что мы имеем дело с классическим параллельным корпусом, восходящим к одному и тому же источнику (Книге Псалмов, написанных на древнееврейском языке) и переведённым либо непосредственно с языка-источника, либо опосредованно – с греческого и/или латыни. При этом сравниваемые языки не находятся, за частичным исключением греческого и латыни, в отношении исходного и целевого языков, в силу чего контрастивный анализ исключает, как правило, зависимость перевода от непосредственно сравниваемых оригиналов. В частности, сопоставляемые тексты на церковнославянском, русском и, с другой стороны, на немецком, английском или польском языке являются переводами соответственно (целиком или преимущественно) с греческого и (целиком или преимущественно) с латыни, и сравниваемые грамматические формы и конструкции могут поэтому оцениваться как достаточно независимые друг от друга, чтобы исключить прямое влияние языка-источника при переводе на каждый отдельный язык, поскольку ни один из языков не «сталкивался» с другим в процессе перевода. Текстологически Книга Псалмов сочетает в себе признаки разных речевых жанров: диалога, эпического нарратива, апеллятива, этико-дидактической и интимной лирики [Seybold 1991; Millard 1994, 53-60; Nanamann 2010, 138-144]. С точки зрения коммуникативной интенции теологического текста, псалмы делятся на покаянные, славословящие, благодарственные, учительные, паломнические, исторические, «природные» и осуждающие / проклинающие [Seybold 2003, 170; Schnocks 2014, 33-49]. Многие псалмы соединяют в себе признаки разных типов текста и представляют собой в данном отношении смешанные жанровые формы текста. Такое жанровое разнообразие обуславливает присутствие в Псалтири языковых форм, присущих разным жанрам, что является существенным фактором при оценке достоверности данных, касающихся категориальной конвергенции в сфере кодификации грамматических функций. Есть, впрочем, и жанрово обусловленные ограничения в изучении проблемы, рассматриваемой в настоящей главе, а именно взаимодействия категориальных функций аспектуальности, темпоральности и модальности. Псалтирь, за редким исключением, не содержит маркеров эпистемической функции, принадлежащей к подсистеме модальности в глагольной парадигме. Это связано с тем, что псалмопевец не оценивает степени достоверности описываемых ситуаций

с точки зрения собственной осведомлённости [Palmer 1986; Kratzer 1991; Diewald 1999; Hundt 2003]. Подобный субъективный подход обесценивал бы исходную жанровую доминанту, предполагающую полное доверие Богу и выражение исключительно тех сторон описываемых событий, которые находятся в границах несомненного, будь то знание Закона или Божественное откровение самому автору. Вся сфера предположения, широко понимаемой спекулятивной риторики (кроме риторических вопросов, которые, впрочем, по сути своей не спекулятивны), остаётся поэтому за рамками текстов Псалтири. В связи с этим мы ограничиваемся анализом широко представленной в текстах Псалтири волитивной и деонтической модальности, характеризующей не оценку правдоподобности произносимого говорящим, а модифицирующей высказывание в аспекте его желательности, необходимости или возможности для референта подлежащего. Данный тип модальности в англоязычной специальной литературе называется, вслед за Пальмером и Кратцер, «корневой модальностью» (root modality) [Palmer 1986; Kratzer 1991]. Таким образом, проблематика главы сужается до изучения конвергентных отношений между видовой, темпоральной и *корневой* модальной функцией. Объём главы исключает детальное обсуждение заявленной проблемы, поэтому ограничимся анализом выбранных стихов из двух псалмов – 12 (по другой нумерации – 13) и 23 (24), в которых конвергентные категориальные отношения выражены особенно ярко.

В связи со сложностью обсуждаемой проблемы и ограниченностью объёма главы имеет смысл отказаться от вступительных замечаний и начать рассмотрение с примеров, выявляя существенные характеристики соответствующих грамматических форм непосредственно в ходе их анализа.

Рассмотрим вначале 6-й стих 12 (13) псалма, который в греческой Септуагинте звучит так:

(1) ἔσσω τῷ κυρίῳ τῷ ἐνεργητήσαντί με.

Выделенная курсивом форма ἔσσω является будущим временем 1л. ед. ч. от глагола ἔδω ‘пою’ и переводится как ‘буду петь’. Понятно, что с учётом акциональной амбивалентности глагола ‘петь’ здесь возможно двоякое толкование в плане видовой семантики, а именно (1) ‘запою, начну петь’ или (2) ‘продолжу петь в будущем, буду петь, как делаю это сейчас’. То же самое можно сказать о латинской версии в Вульгате:

(2) *cantabo* Domino quia reddidit mihi / qui bona tribuit mihi,

где также используется форма форма Futurum Primum глагола *cantare* ‘петь’.

Церковнославянский и русский Синодальный переводы толкуют греческую глагольную форму как совершенный вид в инхоативном значении:

- (3) *воспою* Господеви, благодеявшему мне.
(4) *воспою* Господу, облагодетельствовавшему меня.

Совершенно иначе латинская форма *Futurum Primum* трактуется в древнейшем старопольском переводе, содержащемся в так называемой Флорианской Псалтири, представляющей собой составленный на трёх языках (латинском, средневерхненемецком и старопольском) текст, написанный около 1400 г. (5), а также в современной польской «Библии Тысячелетия» (6):

- (5) *piac będę* Gospodnu, jenże dobroty dał jest mnie.
(6) *chcę śpiewać* Panu, który obdarzył mnie dobrem.

Хотя в старопольском и в современном польском языке имеется категория глагольного вида, вполне соотносимая с видом в церковнославянском и современном русском языках, старопольский переводчик пользуется аналитической формой будущего времени, полностью аналогичной русской конструкции с *буду*, а в современной польской версии появляется модальный глагол 'хотеть' с инфинитивом. Если старопольский перевод при этом вполне приемлем и понятен, учитывая амбивалентность видовой семантики в латыни, то использование модального глагола *chcieć* в современной польской версии можно объяснить только (косвенным?) влиянием лютеровских и послелютеровских немецких переводов, при том, что в польском языке модальная семантика, отсутствующая в латинской версии, у глагола полностью сохранена, а, с другой стороны, сама форма является избыточной с учётом возможностей использования видовых конструкций.

Древневерхненемецкий текст Псалтири в переводе Ноткера Немецкого, содержащем интерлинейные версии точного и смыслового переводов с обширным комментарием автора на обоих языках [Sonderegger 1975, 100], использует форму настоящего времени *singo*, которую можно трактовать как 'пою', 'буду петь' или 'воспою', то есть максимально широко:

- (7) *Cantabo domino Singo góte* [...] qui bona tribuit mihi. Der mir spiritalia bona gegében hat. (C. 38, строка 20).

Здесь необходимо оговориться, что в древневерхненемецком языке отсутствовала форма будущего времени, и глагол мог выступать либо в настоящем (*Präsens*), либо в простом прошедшем (*Präteritum*). Настоящее время служило при этом как для выражения события, совпадающего с моментом речи, так и для следующего за ним в будущем. В случае амбивалентности была также возможность использования соответствующих наречий или именных конструкций со значением времени, приставки *gi-/ge-* или модальных глаголов, которые широко использовались как вторичные маркеры будущего

времени. Ноткер, однако, не только здесь, но и во многих аналогичных случаях отказывается от перифразирования, ограничиваясь формальной передачей латинского текста, что неизбежно ведёт к амбивалентной интрепретации конструкции. По всей видимости, Ноткер избегает более точного перевода из двух принципиальных соображений. Во-первых, он стремится к максимально изоморфному отображению латинского текста в переводе, что было общим требованием древнейшей традиции перевода латинских текстов на древнегерманские языки. Во-вторых, он, по-видимому, опасается привнесения модального прочтения ('хочу петь', 'должен петь') в конструкцию в случае использования модальных глаголов, хотя в других древневерхненемецких текстах имеется множество примеров, когда глаголы *wellen*, *s(k)ulan*, *mugan* практически теряют свою модальную семантику, выступая в функции маркеров будущего времени. Тем не менее модальные глаголы вводятся им крайне редко.

В ранненовоанглийском языке грамматикализация бывших модальных глаголов в темпоральной парадигме была практически завершена, что обуславливает использование форм с *will* как в Библии короля Иакова, так и в современном английском переводе, ср.:

(8) *I will sing* unto the Lord, because he hath dealt bountifully with me. (King James Bible)

(9) *I will sing* to the Lord, because he has dealt bountifully with me. (The Holy Bible. Contemporary English Version)

В лютеровской версии (она приводится здесь в, на наш взгляд, лучшей из всех современных редакций – редакции 1912 года), а также в так называемой «Единой Библии» (Einheitsbibel) – одном из современных немецких переводов, основанных на католических версиях с учётом перевода Лютера – употребляется модальный глагол *wollen* в форме 1 л. ед. ч. *will* с инфинитивом основного глагола:

(10) *ich will dem Herrn singen*, dass er so wohl an mir tut.

(11) *singen will* ich dem HERRN, weil er mir Gutes getan hat.

Следует заметить, что с точки зрения грамматической функции глагол *wollen* с «корневым» значением 'хотеть' в процессе своего развития в немецком языке скорее усилил, нежели ослабил волитивную модальность, тогда как темпоральная функция перешла к глаголу *werden* как маркеру будущего времени в сочетании с инфинитивом. Таким образом, ожидался бы перевод с использованием формы аналитического футурума, присутствующего, в отличие от эпохи Ноткера, в глагольной парадигме как современного немецкого языка, так и языка эпохи Лютера. Отказ от *werden* можно, на наш взгляд, объяснить желанием переводчиков подчеркнуть инхотативность процесса, его

«возникновение в будущем», а не «продолжение из настоящего в будущее», то есть трактовкой, сходной с церковнославянской и русской синодальной версией. Дело в том, что волитивные и деонтические глаголы, как убедительно показал В. Абрахам, конвергентны, особенно при выражении будущего времени, с видовой семантикой перфективности [Abraham/Leiss 2008, xii]. Использование *wollen* вместо аспектуально амбивалентного *werden* позволяет решить данную задачу, пусть ценой ввода дополнительного модального значения желания, отсутствующего в латинской версии. Неясным остаётся, впрочем, само стремление сочетать здесь будущее время с перфективной видовой функцией, учитывая, что греческий и латинский переводы не содержат никакого указания на оправданность данной трактовки. Впрочем, данная проблема касается адекватности перевода и не может отдельно рассматриваться в настоящей главе.

Стих 3 23 (24) псалма в греческом содержит две глагольных формы будущего времени индикатива среднего залога – *ἀναβήσεται* ‘взойдёт, поднимется’ (от *ἀναβαίνω* ‘восхожу, поднимаюсь’) и *στήσεται* ‘встанет, будет поставлен’ (от *ἵστημι* ‘ставить, поставить’, кодирующих в риторическом вопросе предполагаемое действие в будущем:

(12) τίς ἀναβήσεται εἰς τὸ ὄρος τοῦ κυρίου καὶ τίς στήσεται ἐν τόπῳ ἁγίῳ αὐτοῦ?

В церковнославянском и русском Синодальном переводах, а также в старопольской Флорианской Псалтири и в современной польской «Библии Тысячелетия» используются формы глаголов будущего времени совершенного вида:

(13) Кто *взойдет* на гору Господню? или кто *станет* на месте святем Его?

(14) Кто *взойдѣт* на гору Господню, или кто *станет* на месте святом Его?

(15) Kto *wstąpi* na górę bożą albo kto *stanie* na mieście świętem jego?

(16) Kto *wstąpi* na górę Pana, kto *stanie* w Jęgo świętym miejscu?

По смыслу данный перевод является единственно возможным, поскольку в данном стихе реализуется скрытое значение деонтической модальности – «возможность» в смысле «разрешение», «разрешение», передаваемое в современном немецком языке модальным глаголом *dürfen*. Речь идёт о риторическом вопросе: кому позволено, разрешено взойти на гору Господню и стать на Его святом месте. Последующий стих содержит ответ на данный вопрос – тому, кто «неповинен руками и чист сердцем». Как показал В. Абрахам, в языках, имеющих категорию глагольного вида и парадигматизированную

пару совершенного и несовершенного вида, деонтическая модальность, как правило, соотносится именно с совершенным видом и имплицитно включена в его категориальную функцию [Abraham/Leiss 2008, xii].

Латинский перевод (Вульгата) в разных списках даёт две версии первого глагола:

(17) *Quis ascendet/ascendit in montem domini aut quis stabit in loco sancto eius?*

Форма *ascendet* – Futurum Primum, полностью согласующееся с будущим временем глагола *stabit*, что позволяет с большой долей вероятности предполагать её «первичность» в тексте. Вторая форма, *ascendit*, может трактоваться либо как презенс, либо как перфект. В обоих случаях её использование не вполне понятно. Настоящее время в латинском стихе следовало бы скорее всего исключить, как и перфект. Достаточно сравнить латинскую и греческую версии, а также соотнести формы *ascendet/ascendit* и *stabit*, чтобы предположить, что форма *ascendit* является, скорее всего, ошибкой переписчика. Ноткер Немецкий, который, как видно из текста его перевода, где приводится латинский стих, пользовался источником с этой последней формой, переводит его на древневерхненемецкий как *gestêig ûf*, то есть претерит с послелогом, который следует трактовать как ‘взошёл’, ‘поднялся’. Форму *stabit* Ноткер, за неимением в древневерхненемецком будущего времени, передаёт конъюнктивом презенса: *stâte*, то есть ‘кто мог бы встать’, с неопределённой временной отнесённостью в темпоральной перспективе настоящего/будущего, типичной для древневерхненемецкого конъюнктива настоящего времени:

(18) *QVIS A-scendit in montem domini? Vuer gestêig ûf in gótes perg? [Vuer erhuôb sih noh in dîa hôhi Gótes rehtes?] Aut quis stabit in loco sancto eius? Alde uuer ist dar der stâte in sînero hêiligun stete? (C. 71, строки 19-22).*

В Лютеровской Библии редакции 1912 г. обоих случаях употребляется глагольная конструкция с *dürfen* и инфинитивом базового глагола, точно передающая семантику «разрешения», «позволения», «допустимости»:

(19) *Wer darf auf des HERRN Berg gehen, und wer darf stehen an seiner heiligen Stätte?*

Подобный перевод содержится и в современной немецкой «Единой Библии»; единственным отличием является использование другого глагола в сочетании с *dürfen* в первом случае:

(20) *Wer darf hinaufziehen zum Berg des HERRN, wer darf stehn an seiner heiligen Stätte?*

Ранненовоанглийская версия (Библия короля Иакова) использует глагол *shall* с инфинитивом, а новоанглийская версия (The Holy Bible) – модальный глагол *may*, что, по-видимому, объясняется тем, что *shall*, частично сохранявший в ранненовоанглийском модальную семантику возможности / допустимости, в новоанглийском практически полностью утратил модальность, став вспомогательным глаголом для образования будущего времени:

(21) *Who shall ascend into the hill of the Lord? or who shall stand in his holy place?*

(22) *Who may ascend the mountain of the Lord? Who may stand in his holy place?*

Таким образом, в языках, где присутствует категория глагольного вида славянского типа („Slavic-style aspect“) [Dahl 1985, 85; Eckhoff /Haug 2015, 191], видовая (перфективная) семантика имплицитно скрывает грамматическое корневое модальное значение желания или возможности, тогда как в языках, где видовые пары славянского типа (совершенный – несовершенный вид) отсутствуют, деонтическая модальность может передаваться модальными глаголами, которые, в свою очередь, обнаруживают тенденцию к кодификации совершенного вида.

Что касается постулируемой В. Абрахамом [Abraham/Leiss 2008, xii] противоположной тенденции, а именно конвергентных отношений между несовершенным видом и эпистемическим значением модальных сигналов, то есть функцией предположения, суждения говорящего о правдоподобии говоримого, то, как уже было указано выше, данная гипотеза не может быть проверена на материале Псалтири, поскольку эпистемическая модальность для данного текста не характерна. Можно лишь проиллюстрировать данный феномен известными примерами типа:

(23) англ. *Pete must return home today. vs. Pete must be returning home now.*

(24) нем. *Peter muss heute nach Hause zurückkehren. vs. Peter muss gerade nach Hause zurückkehren.*

(25) рус. *Петя должен сегодня вернуться домой. vs. Как раз сейчас Петя должен возвращаться домой (и можно пойти ему навстречу).*

(26) польск. *Piotr musi dziś wrócić do domu. vs. Piotr właśnie musi wracać do domu (a więc możemy go spotkać w drodze).*

Детальное исследование данной проблемы требует включения разножанрового корпуса текстов, как исторических, так и современных, и углублённого анализа соответствующих примеров с учётом не только контекста, но прежде всего акциональной семантики «базовых» глаголов, поскольку от

неё непосредственно зависит кодификация видовой семантики в сочетании с типом модальности. В частности, имеются глаголы, принадлежащие к классу *Perfecta tantum* (согласно известной классификации З. Вендлера [Vendler 1957], *Achievements* и отчасти *Accomplishments*), которые, за редчайшим исключением, не могут обозначать длительного процесса или действия, например:

(27) нем. *Peter muss schnell wegfahren*. ‘Петя должен быстро уехать’.

(28) нем. *Die Schüler dürfen jetzt ihre Aufsätze abgeben*. ‘Ученики могут сдать / сдавать свои сочинения’.

В этих случаях предпочтительным является корневое (деонтическое или волитивное) прочтение модального глагола. Эпистемическое прочтение в подобных случаях встречается крайне редко и, как правило, ограничивается глаголами, содержащими помимо предельной акциональной семантики дополнительные семантические признаки, как, например, дейктическую отнесённость действия, как в случае с глаголами типа *приходить/прийти*, обозначающим действие, направленное к объекту и одновременно к (реальному или мыслимому) ориго, ср.

(29) нем. *Peter muss heute kommen*. ‘Петя должен сегодня прийти’ («обязан прийти») vs. «скорее всего придёт»).

Псалтирь, как уже отмечалось выше, не содержит эпистемических модальных сигналов в силу жанровой специфики текста, а, следовательно, подобного рода феномены должны исследоваться на ином корпусе и заслуживают отдельного рассмотрения. Настоящая глава, где исследовались конвергентные отношения в сфере темпоральности, аспектуальности и корневой (то есть деонтической и волитивной) модальности, позволяет сделать вывод о том, что наиболее адекватными переводами рассмотренных стихов Псалтири являются те, в которых используется будущее время глаголов совершенного вида в языках, содержащих категорию «славянского» вида, тогда как в языках, где данная категория отсутствует, данные формы замещают конструкции с модальными глаголами в «корневом» (деонтическом или волитивном) прочтении. Отсюда следует другой, более общий, вывод о том, что, с одной стороны, конструкции с модальными глаголами в «корневом» прочтении обнаруживают тенденцию к маркированию завершённости, и, наоборот, формы совершенного вида будущего времени глаголов в языках, имеющих категорию вида славянского типа, содержат имплицитные сигналы «корневой» (деонтической или волитивной) модальности.

Литература

- Abraham W., Leiss E. (eds.)* Modality-Aspect Interfaces. Implications and typological solutions. Amsterdam, 2008.
- Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford & New York, 1985.
- Diewald G.* Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen, 1999.
- Eckhoff H.M., Haug D.T.T.* Aspect and prefixation in Old Church Slavonic // *Diachronica*, 32, 2015. Pp. 186-230.
- Hanamann R.* Der deutsche Teil des Florianer Psalters. Sprachanalyse und kulturgeschichtliche Einordnung. Frankfurt a.M. [u.a.], 2010.
- Hundt M.* Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung // *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 31, 2003. S. 343-381.
- Millard M.* Die Komposition des Psalters. Ein formgeschichtlicher Ansatz. Tübingen, 1994.
- Kratzer A.* Modality // *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung* / Stechow, A. von, Wunderlich, D. (Hgg.). Berlin-New York, 1991. Pp. 639-650.
- Palmer F.R.* Mood and Modality. Cambridge, 1986.
- Schnocks J.* Psalmen. Paderborn, 2014.
- Seybold K.* Die Psalmen. Eine Einführung. 2. Aufl. Stuttgart [u.a.], 1991.
- Seybold Klaus.* Poetik der Psalmen. Stuttgart [u.a.], 2003.
- Sonderegger St.* Notkers des deutschen Psalmenübersetzung // *Sprachspiegel*, 31, 4, 1975. S. 99-104.
- Vendler Z.* Verbs and Times // *The Philosophical Review*, 66, 1957. P. 143-160.

Источники

- Ветхий Завет на церковнославянском языке. Псалтирь. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/psaltir.html
- Псалтирь на русском языке в синодальном переводе. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/ps/1-150
- Biblija online. Kniga Psalmov. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bible-ru.org/psalms-1.html>
- Biblia Tysiąclecia. Księga Psalmów. [Электронный ресурс]. – URL: <https://biblia.deon.pl/rozdzial.php?id=834>
- Die Bibel (2017): Revidierte Einheitsübersetzung. Gesamtausgabe. Stuttgart: Katholisches Bibelwerk. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/einheitsuebersetzung/bibeltext/bibel/text/lesen/stelle/2/10001/19999/>
- King James Bible. Psalms. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/Psalms>

Luther, M. Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der Übersetzung von Martin Luther. Revidierte Ausgabe. Berlin, 1912: Preußische Haupt-Bibelgesellschaft. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bibel-online.net>

Septuagint Psalms. The Greek Old Testament. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ellopos.net/elpenor/greek-texts/septuagint/chapter.asp?book=24>

Tax, Petrus W. Die Werke Notkers des Deutschen. Bde. 8-10: Der Psalter. Tübingen, 1979-1983.

Tax, Petrus W. Die Werke Notkers des Deutschen. Bde. 8-10: Der Psalter. [Электронный ресурс]. – URL: <http://titus.unifrankfurt.de/texte/etcs/germ/ahd/notkerps/notke.htm>

Глава 1.2.

Англосаксонские научные трактаты: историко-культурный контекст и особенности текстовой и языковой организации

Е.Б. Яковенко

Институт языкознания РАН, Москва

В главе рассматриваются особенности текстовой организации и языкового оформления трех трактатов, написанных на рубеже X-XI вв. на древнеанглийском языке с элементами латыни: латинской грамматики Эльфрика, “De temporibus anni” – выполненного Эльфриком перевода латинского трактата Беды – и обширного труда Бюрхтферта “Enchiridion” (“Manual”). Выполненные в одном культурно-историческом контексте, работы характеризуются определенным сходством организации текста, подачи материала, отношения авторов к источникам информации, взаимодействия с читательской аудиторией, метаязыка и способов образования специальной терминологии.

Anglo-Saxon Treatises: Historical, Textual and Lingual Specificity

Yekaterina Yakovenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The chapter focuses on textual and lingual particularities of three Anglo-Saxon treatises dating from late 10th – early 11th c.: 1) Ælfric’s “Grammar”, 2) his “De anno temporibus” translated from Bede’s “De natura rerum”, 3) Byrhtferth’s “Manual”, all written in Old English with some elements of Latin. Accomplished within the same cultural and historic context, all the three treatises are characterized by certain similarity of text structure, manner of narration, the authors’ attitude to the sources of their texts, their interaction with the audience, metalanguage and means of the formation of special terminology.

Введение

Вторая половина X в. – начало XI в., вошедшие в историю Англии как эпоха Бенедиктинского возрождения, были отмечены всплеском литературы, науки и искусства. Культурный подъем страны был обусловлен главным образом церковными преобразованиями: Бенедиктинская реформа, успех которой был во многом обязан вмешательству королевской власти, превратила монастыри в центры научной мысли, что позволило сохранить научное наследие, умножить его и сделать его доступным образованным слоям населения. В этот период в Англии возник целый ряд научных трудов, написанных как на латинском, так и на древнеанглийском языке и принадлежащих различным областям знания: богословию, грамматике, естествознанию, медицине. Научный уровень этих произведений различен: если медицинские трактаты носят сугубо практический (справочно-рекомендательный) характер, то трактаты

по грамматике и естествознанию свидетельствуют о высоком уровне знаний о языке и окружающем мире, достигнутом к тому времени, и их систематизации.

Данное исследование посвящено историческим условиям создания и особенностям текстового и языкового оформления трех трактатов, написанных на рубеже X-XI вв. на древнеанглийском языке с элементами латыни: латинской грамматики Эльфрика и двух естественнонаучных сочинений: “De temporibus anni” – выполненного Эльфриком перевода латинского трактата Беды – и обширного труда Бюрхтферта “Enchiridion” (“Manual”). Данные произведения представляют большой интерес с точки зрения их содержания и языка, а их авторы – ученые монахи Эльфрик (Ælfric, с. 955 – с. 1010) и Бюрхтферт (Byrhtferth, с. 970 – с. 1020) – являются авторитетнейшими фигурами англосаксонской эпохи.

В задачи настоящего исследования входит: 1) рассмотрение историко-культурного контекста указанных произведений; 2) выявление их содержательных, структурных, прагматических особенностей, включая корреляцию с источниками, отношение авторов к своим текстам и взаимодействие авторов с читательской аудиторией; 3) определение характера произведений, имеющих признаки и авторского текста, и перевода; 4) изучение метаязыка научного изложения, используемого в данных трактатах.

Привлечение к анализу содержательно несходных научных текстов на одном языке, созданных в одно время, но в разных научных школах, и выявление в этих текстах общих подходов к изложению материала и его языковому оформлению должно подтвердить наше предположение о том, что к XI в. формируется стиль англосаксонской научной прозы, приобретающий собственные черты и отличный от стиля латинских научных сочинений того же или более раннего периода.

Историко-культурный контекст трактатов и их источники

Говоря о культурно-историческом контексте исследуемых текстов, следует отметить, что работы Эльфрика и Бюрхтферта принадлежат эпохе, на которую одновременно приходится расцвет и оригинальной, и переводной литературы. Бенедиктинская реформа была направлена и на глубокое изучение излагаемого на латыни религиозного и светского знания, и на массовое его распространение, что требовало перевода на родной язык: «The political context ... encouraged the simultaneous development of a simple English style and an esoteric Latin style... In fact, many reformers who composed very elaborate Latin texts also wrote English texts with a more didactic or pedagogical goal. The prevalence of English-language educational works brings into focus one of the problems with the inflated Latin style preferred by the reformers, namely, it was very difficult to understand and, in some cases, required an English translation in order to make the text useful to its named audience of Benedictine monks» [Stephenson 2015, 5, 14].

В развитии двух научных стилей: оригинального, латинского, отличающегося сложной синтаксической организацией и возвышенной лексикой, и переводного, древнеанглийского, с его предельной простотой и ясностью, может усматриваться некоторое противоречие: «The Benedictine Reformers' role in the creation of vernacular literary texts accessible to a broad audience seems potentially at odds with their cultivation of an elevated Latin style» [Ibid., 29], но на самом деле распространение переводных, а затем и оригинальных научных текстов на древнеанглийском языке является естественной реакцией на усиление латыни в условиях недостаточного владения этим языком большей части населения.

Рост переводов, отмеченный на закате англосаксонской эпохи, усилил значимость английского языка, который в этот период стал восприниматься и как инструмент познания и научного описания. Мы полностью разделяем точку зрения Р. Стентона, указывающего, что «the “culture of translation” is in fact a relational concept: it regarded, confronted and participated in an established, old, prestigious, and authoritative body of religious doctrine, academic method, and literature both sacred and secular. For more than two centuries after the introduction of Latin culture into England, few if any continuous texts were written in Old English: Latin was learned by those who needed to learn it, principally monks, priests, and certain government officials. But the necessity of interpreting it spawned both an academic culture and a habit of mind: Anglo-Saxon literary culture, both before and after the introduction of English as a literary language, was characterized by a self-consciousness about language as a reflective, applied, interpretive tool» [Stanton 2002, 3-4].

В этом контексте появление научных трудов на древнеанглийском языке представляется вполне закономерным. Но даже используя родной язык в научном изложении, англосаксонские ученые продолжают сохранять зависимость от латинских авторов (включая Беду, писавшего почти исключительно на латыни) в плане содержания. Рассматриваемые в данной главе сочинения также не являются оригинальными.

Так, «Грамматика» Эльфрика [Ælfrics Grammatik und Glossar 1880] (далее – AG) восходит к фундаментальным трудам Присциана “Institutiones grammaticae” [Grammatici Latini 1855], “De Institutione de nomine et pronomine et verbo” [De Institutione... 1999] и Доната – “Ars maior” and “Ars minor” [Donati ars grammatica 1864], но непосредственным ее источником стала сокращенная анонимная грамматика “Excerptiones de Prisciano”, вобравшая в себя основные моменты грамматического учения Присциана и Доната [Excerptiones de Prisciano 2002]. «Грамматика» Эльфрика представляет собой свободный перевод латинского текста с экспликацией грамматического материала на древнеанглийском языке.

Другие два трактата, носящие естественнонаучный характер: “De temporibus anni” Эльфрика [Anglo-Saxon Manual of Astronomy 1841] (далее

– TA) и “Manual” Бюрхтферта [Byrhtferth’s Manual 1929] (далее – BM) – также восходят к более ранним латинским трудам. Трактат Эльфрика “De temporibus anni”, написанный на древнеанглийском языке, представляет собой сокращенный перевод обширного латинского сочинения Достопочтенного Беда “De natura rerum” («О природе вещей»), тесно связанного с другим его трактатом “De temporibus” («Об исчислении времен»), а также пространным сочинением “De temporum ratione” («О времяисчислении») [Bede 1843]. Эльфрик воспроизводит в своем сочинении название второго трактата Беда, но содержательно его труд восходит к “De natura rerum”. Текст Беда, в свою очередь, также не первичен. В своем изложении устройства мира, способов времяисчисления, причин природных явлений ученый ссылается на труды Отцов церкви, в первую очередь Августина и Исидора, епископа Севильского.

В отличие от текстов Эльфрика, трактат Бюрхтферта формально не является переводом, но и он опирается на труды позднелатинских авторов. Научные взгляды Бюрхтферта сформировались под влиянием Аббона Флёрийского – аббата монастыря Флэри во Франции, ученого-энциклопедиста и видного деятеля Бенедиктинской реформы, однако сам он обращается в своем сочинении не к трудам Аббона, а к вышеуказанным трактатам Беда и переводу Эльфрика. Трактат двуязычен и компилятивен: большая часть его написана на древнеанглийском языке, но отдельные фрагменты, представляющие выдержки из сочинений Августина и Исидора, приведены на латинском языке и частично глоссированы.

Общее содержание и статус трактатов как авторских vs. переводных текстов

Формальная и содержательная структура исследуемых сочинений оказывается довольно разнообразной. «Грамматика» Эльфрика в целом воспроизводит порядок глав анонимной грамматики “Excerptiones de Prisciano”. За предисловием следует изложение кратких сведений о фонетике и графике (гласные и согласные, слоги), затем идут главы, посвященные имени, глаголу, местоимению, наречию, причастию, союзу, предлогу и междометию. Особенно подробно изложены свойства имени и глагола; экспликация словоизменения сопровождается приведением многочисленных именных и глагольных парадигм с их переводом на древнеанглийский язык. К грамматическому описанию примыкает небольшая глава, посвященная основным понятиям риторики.

“De temporibus anni”, выполненный Эльфриком перевод сравнительно небольшого трактата Беда, содержит главы, посвященные частям суток, временам года, равноденствиям, исчислению времени, високосному году, метониеву циклу, звездам, погоде и осадкам. Обращают на себя внимание определенная непоследовательность изложения материала (что можно

поставить в упрек скорее автору оригинального текста, чем переводчику), смешение общего и частного, излишняя детализация, попеременное описание то земных, то космических явлений и, в целом, отсутствие единой естественнонаучной картины мира – что, впрочем, вполне простительно для научного сочинения эпохи раннего средневековья.

«Учебник», или “Enchiridion”, Бюрхтферта, датируемый приблизительно 1010-1012 гг., – одно из наиболее сложных произведений англосаксонской эпохи. Бюрхтферт приводит подробное описание вычисления даты Пасхи (computus), излагает принципы мироздания, сообщает сведения из области астрономии, астрологии, риторики, этики, рассуждает о четырех стихиях, природных явлениях, периодах человеческой жизни, символике букв и цифр и др. Логика этого сочинения, не разделенного формально на части и главы, прослеживается с большим трудом. Бюрхтферт свободно переходит от одной области знания к другой, не завершая предыдущее изложение и не предлагая каких-либо выводов. Несмотря на огромную эрудицию автора, его труд не производит впечатления энциклопедии; это скорее эклектичный текст, не формирующий у читателя целостного видения мира.

Из всех исследуемых текстов лишь “De temporibus anni” Эльфрика безусловно является переводом. Статус двух других трактатов определяется с большим трудом; «Грамматика» Эльфрика и «Учебник» Бюрхтферта балансируют «между авторским текстом и переводом» [Яковенко 2017], проявляя признаки того и другого. Необходимо отметить, что произведения такого рода – не редкость в ту эпоху. И Эльфрик, и Бюрхтферт действуют в рамках средневековой традиции, когда, следуя неписаным правилам своей профессии, переводчик считает себя вправе свободно распоряжаться исходным текстом, перекраивая его на свое усмотрение. Сокращая или же расширяя исходный текст, вводя в него комментарии, объяснения и т.п., свободно передавая его смысл и лексико-синтаксическую организацию, средневековый переводчик действует в большинстве случаев в интересах читателя, и дилемма «точность vs. доступность перевода» решается им в пользу второй. Создаваемый переводчиком новый, культурно интерпретированный текст может лишь частично совпадать с исходным в плане формы и содержания. Перевод, приобретающий самостоятельность, приравнивается по своей значимости к оригиналу.

Примером культурной интерпретации текста может служить следующий отрывок из «Грамматики» Эльфрика:

ys ēac tō witenne, þæt hī bēod oft ððres cynnes on lēden and ððres cynnes on englisc. Wē cwedað on lēdyn *hic liber* and on englisc *þēos bōc*; eft on lēden *haec mulier* and on englisc *ðis wīf*, nā ðēos; eft on lēden *hoc iudicium* and on englisc *ðes dōm*, nā ðis [AG, 18-19].³

³ Здесь и далее все приводимые в главе примеры цитируются в полном соответствии с указанными изданиями, включая такие моменты, как курсив и другие виды шрифта, а также различие на

‘It is to be known that they [nouns] are often of one gender in Latin and of another gender in English. We say in Latin *hic liber* (this book) (м.р.) and in English *þēos bōc* (ж.р.), in Latin *haec mulier* (this woman) (ж.р.) and in English *ðis wīf* (ср.р.), in Latin – *hoc iudicium* (this judgement) (ср.р.) and in English *ðes dōm* (м.р.)’ (грамматический род сопоставляемых существительных указан в вышеприведенном примере в скобках).⁴

Разумеется, аналогичный отрывок отсутствует в источнике – анонимной грамматике “*Excerptiones de Prisciano*”, предназначенной не только для англосаксонских читателей. Но всякий раз, когда метаязык перевода используется для экспликации фактов другой культуры, как, например, в следующем отрывке из “*De temporibus anni*”:

Seo niht hæfð seofan dælas fram þære sunnan settlunge oð hire up-gang: an þære dæla is *crepusculum*, þæt is æfan-gloma; oþer is *vesperum*, [þæt is æfen,] þonne se æfen-steorra betwux þære repsunge æt-eowað; þridde is *conticinium*, þonne ealle þing sweowiað on hyra reste; feorða is *intempestum*, þæt is midniht; fifta is *gallicinium*, þæt is han-cred; syxta is *matutinum vel aurora*, þæt is dæg-red; seofoda is *diluculum*, þæt is se ær-mærien betweox þam dæg-rede and sunnan up-gange [TA, 6].

‘The night has seven parts from the sun’s setting to her rising: one of these parts is *crepusculum*, that is even’s gloaming; the second is *vesperum*, that is evening, when the evening star shows itself in the interval between light and dark; the third is *conticinium*, when all things are silent in their rest; the fourth is *intempestum*, that is midnight; the fifth is *gallicinium*, that is cock-crowing; the sixth is *matutinum* or *aurora*, that is dawn; the seventh is *diluculum*, that is early morning, between dawn the sun’s rise’ [Ibid.],

– перевод является культурно интерпретированным.

Преподнося читателю латинские тексты в переработанном виде, англосаксонские ученые не только транслируют иную культуру, но и выступают в качестве критиков и интерпретаторов исходных произведений. Можно утверждать, что Эльфрик и Бюрхтферт стоят у истоков переводческой традиции, в соответствии с которой переводчик, применяя интервенционную стратегию, становится и критиком исходного, и фактическим автором нового текста. Эта традиция пронизывает все Средневековье: «Reassessing the role of translation from the invisible ‘servant’ of a text to its ambivalent, analytical transcultural vehicle calls attention to the role of medievalists as both diffusers and critics of a culture that is vulnerable to appropriation of all kinds. <...> Translations

письме долготы и краткости гласных, последовательно соблюдаемое лишь в [AG] и используемое в [TA] и [BM] лишь в отдельных случаях. В целях унификации орфографии циркумфлекс как маркер долготы гласных заменен в [AG] макроном.

⁴ Здесь и далее отрывки из трактатов Эльфрика и Бюрхтферта сопровождаются переводом на современный английский язык. Для TA и BM переводы приводятся по изданиям [TA] и [BM], для AG мы приводим собственный перевод – Е.Я.

such as these are apt to be critical and far from servile in their efforts to tame and (in Lawrence Venuti's terminology) 'domesticare' a different culture. <...> These translations function as a means of exploring, rather than cancelling, the cultural gap between the classical <...> text and the late medieval reader» [Léglu 2012, 82-83].

Прагматические особенности трактатов

Прагматические особенности исследуемых текстов определяются, во-первых, задачами, поставленными в трактатах, во-вторых, выражаемым в тексте отношением Эльфрика и Бюрхтферта к источникам своих сочинений и, в-третьих, взаимодействием авторов с читательской аудиторией. Эти аспекты тесно связаны друг с другом.

Основные задачи своих сочинений формулируются Эльфриком и Бюрхтфертом по-разному. Для большинства работ Эльфрика характерно наличие пространных предисловий, часто на двух языках. Его «Грамматика» также открывается двумя предисловиями, текст которых не совпадает ни по содержанию, ни по стилю. Латинский вариант, написанный возвышенным стилем, носит элогизированный характер, в нем воздается должное Присциану и Донату, а также Этельвольду, в школе которого произошло становление Эльфрика как богослова, педагога и переводчика. Древнеанглийский вариант, адресованный учащимся, напротив, написан простым языком. Подчеркивая важность образования, Эльфрик скромно выражает надежду на то, что его труд окажется полезным:

Ис Ælfrīc wolde þās lytlan bōc āwenden tō engliscum gereorde of ðām stæfcræfte, þe is gehāten grammatica, <...>; and ic þōhte, þæt ðeos bōc mihte fremjan jungum cildum tō anginne þæs cræftes, oððæt hī tō mārān andgyte becumon. [...] jungum mannūm gedafenað, þæt hī leornjon sumne wīsdōm and ðām ealdum gedafenað, þæt hī tæcon sum gerād heora junglingum, forðan ðe ðurh lāre byð se gelēafa gehealden. [...] ne cweðe ic nā for ðī, þæt ðeos bōc mæge micclum tō lāre fremjan, ac hēo byð swā ðēah sum angyn tō ægðrum gereorde, gif hēo hwām līcað [AG, 8-9].

'I, Ælfric, decided to write in the English language this small book about the art of letters that is called grammatica <...> And I thought that this book might be good for young children at the beginning of their studies until they acquire more understanding <...>. Young men should learn some wisdom and the old should teach wisdom to the young, for it is through learning that faith is maintained. <...> I do not claim that this book can be good for many in learning, but it may give some understanding of both languages to whom it pleases'.

В небольшом по объему трактате "De temporibus anni" предисловие отсутствует; Эльфрик ограничивается лишь краткими замечаниями относительно вторичного характера как своего перевода, так и текста Беды:

Ис wolde eac gyf dorste pluccian sum ge-hwæde andgyt of ðære bēc Beda se snotera lareow ge-sette and gaderode of manegra wisra lareowa bocum, be

ðæs geares ymbrenum fram annginne middan-eardes, ðæt nis to spelle, ac elles to rædenne ðam ðe hit licað [TA, 1].

‘I would eke if I durst pick some little information out of the book which Bede the skilful master formed and compiled out of the books of many wise masters, concerning the courses of the year from the beginning of the world, which is not for a discourse, but otherwise to be rad by those whom it pleases’ [Ibid.].

Бюрхтферт, не заботясь о последовательности изложения, сообщает о предназначении своего «Учебника» где-то в середине сочинения. Определяющим моментом для него выступает доступность знания на языке, являющемся родным для читателей:

We gesetton on þissum enchiridion (þæt ys manualis on Lyden and handbōc on Englisc) manega þing ymbe gerimcræft forþon we woldon þæt iunge men mihton þe leotlicor þæt Lyden ongitan and wið ealre preostas ymbe þas þing þe rumlicor spreca[n] [BM, 132].

‘We have set down in this enchiridion, that is manualis in Latin and manual in English, many things about the computus, because we wished that young men should be able the more easily to understand the Latin and speak with greater freedom to old priests about these things, and we wished that these words should become familiar to them, because they have been explained to mankind with great toil’ [Ibid., 133].

По причинам, указанным выше, в сочинениях Эльфрика и Бюрхтферта отсутствует четкая граница между выполненным ими переводом и его интерпретацией. В трактатах отсутствуют цитаты, но ученые нередко апеллируют к авторам, на труды которых они ссылаются, сопровождая упоминание о них восхвалением их заслуг:

Ne synd nā mā naman speljende, būton þās fiftýne, beðan ðe PRISCIANUS tæcð, sē ðe ys ealre lēdenspræce wlite gehāten [AG, 94].

‘There are no other pronouns but these fifteen, as Priscian teaches, who is called the master of Latin’.

Beda cwuð, gumena se getiddusta on Angelcynne, ðæt malīna onginð fif dagum ær ðam niwan monan, and eallswa ær ðam fullan monan [BM, 158].

‘Beda, the most learned man in England, says that the flood-tide begins five days before the new moon, and precisely the same number of days before the full moon’ [Ibid., 159].

В трактатах наблюдается неодинаковое отношение авторов к своей аудитории. Эльфрик предпочитает ровно-отстраненный тон повествования, избегая прямых обращений к читателю. Бюрхтферт, напротив, на протяжении всего трактата ведет активный диалог с читателем, то призывая его к учению, то оценивая уровень его знаний и готовность учиться:

Understand þu geonglic þæt ic wuð þe nu gerunige [BM, 70].

‘Understand, young man, what I now whisper in thy ear’ [Ibid., 71].

Ic wylle, la rædere, þæt þu ne forgyte þæt ic þe nu secge, as genum ðu mid ecum gemynde [BM, 154].

‘I want thee, O reader, not to forget what I tell thee now but to remember it with everlasting recollection’ [Ibid. 155].

Manega þing we mihton of þeodwitena gesetnyse herto geīccean; ac forþan þe we witon þæt þas þing þincað clericum and uplendisum preostum genoh mænigfealde, nu wille we ure spræce awendan to þam iungum munecum þe heora cildhad habbað abisgod on cræftigum bocum. <...> Nu þyrst heom þearle swyðe to to þissum cræfte, þæsðe we wenað. Nu we heora willan cunnon, we þenceað heom þæne burnan to ætywanne, þe hig magon halwendne tige of drincan, and eac oðrum fægere lare and lafe forlætan [BM, 132].

‘We could add many things here from the writings of men of learning; but forasmuch as we know that these things seem sufficiently complex to clerks and rustic priests, we will now direct our words to the young monks, who have occupied their childhood with scientific books. <...> Now they have, as we suppose, an exceedingly deep thirst for this science. Now that we know their desire, it is our intention to show them the brook from which they can drink a salutary draught and also leave a fair heritage of learning to others’ [Ibid., 133].

Осознавая свое превосходство над рядовыми священниками, Бюрхтферт позволяет себе саркастические выпады в их сторону:

Heræfter we wyllað þisne circul amearkian, þæt se uplendisca preost wite his nama<n> and þara twelf tacna. Him mæg beon þe glædre his heorte, þe he sum þing herof undergyte [BM, 114].

‘We will next draw this circle, in order that the rustic priest may know its name and those of the twelve signs. His heart may be the gladder because he understands something about this’ [Ibid., 115].

Ic wēne, lā uplendisca preost, þæt þu nyte hwæt beo [atomos], ac ic wyll þe þises wordes gescead gecyðan [BM, 116].

‘I expect, O rustic priest, that thou dost not know what an ‘atom’ is, but I will explain to you the meaning of this word’ [Ibid., 117].

Ничего подобного не обнаруживается ни в «Грамматике», ни в других трудах Эльфрика, снискавшего огромный авторитет своей просветительской деятельностью.

Особенности языкового оформления трактатов

К важнейшим особенностям языкового оформления исследуемых трактатов следует отнести, во-первых, кодовое переключение и, во-вторых, использование собственной терминологии.

Кодовое переключение – попеременное использование в высказывании элементов разных языков – явление, широко распространенное в древнеанглийских текстах X-XI вв. и представляющее собой закономерное следствие латинско-древнеанглийских контактов и влияние латыни как более престижного и терминологически более развитого языка, каким

была латынь, на древнеанглийский язык, лишь начинавший вырабатывать в ту эпоху терминологию различных областей. Проникновение латинских элементов в тексты различного (религиозного, юридического и др.) характера свидетельствует об интенсивности латинско-древнеанглийских языковых контактов [Shendl, Wright 2011].

Кодовое переключение наиболее широко представлено в «Грамматике» Эльфрика, представляющей, по сути дела, смешанный латинско-древнеанглийский текст. Автор использует как внешнее переключение (чередование фраз на разных языках), так и внутреннее, имеющее вид вставок в предложения отдельных латинских слов и словосочетаний с их последующей экспликацией:

Duo participia veniunt a verbo activo twegen dælas, ðe synd gecwedenne dæl nimende, cumað of ðam dædlicum worde [AG, 152].

‘*Duo participia veniunt a verbo activo* two parts, that is, two so called participles, come out of the doing verb’ (the verb in the Active Voice) (внешнее переключение).

þā ððre nigon *consonantes* synd gecwedenne *mvtae*, þæt synd dumbe [AG, 6].

‘The other nine *consonantes* are called *mvtae*, that is, mute’ (внутреннее переключение) (подробнее см. [Yakovenko 2019]).

При внутреннем переключении латинские единицы стоят в тексте в грамматической форме, требуемой контекстом и соответствующей латинской системе (как правило, это форма именительного падежа), что приводит к двойной – латинской и древнеанглийской – номинации объекта. Этот же прием Эльфрик регулярно воспроизводит и в трактате “De temporibus anni”:

Feower tida synd ge-tealde on anum geare, þæt synd, *ver*, *æstas*, *autumnus*, *hiems*. *Ver* is lencten-tid, seo hæfð emnihte; *æstas* is sumor, se hæfð sunn-stede; *autumnus* is hærfest, se hæfð oðre emnihte; *hiems* is winter, se hæfð oþerne sunn-stede [TA, 8-9].

‘Four periods are reckoned in a year, which are *ver*, *æstas*, *autumnus*, *hiems*. *Ver* is spring-tide which has an equinox; *æstas* is summer, which has a solstice; *autumnus* is autumn, which has another equinox; *hiems* is winter, which has the other solstice’ [Ibid.].

Бюрхтферт также прибегает к кодовому переключению, хотя и не так активно, как Эльфрик:

Partes a partitione circuli zodiaci uocantur: for þære todælednysse dælas synt gecwedenne, þe byð on þam circule þe ys *zodiacus* geciged, oððe *horoscopus*, oððe *sideralis*, oððe *signifer*, oððe *Mazaroth* [BM, 114].

‘*Partes a partitione circuli zodiaci uocantur*: Parts derive their name from the subdivision, which exists in the circle, which is called the zodiac, or horoscope, or sideralis or sign-bearer, or Mazaroth’ [Ibid., 115].

Anaphora ys þæt syxte hiw; þæt ys on Lyden gecweden *relatio uel repetitio*, and on Englisc gelomlicnys, þonne þæt uers onginð on forewerd eallswa þæt oðer [BM, 174].

Anaphora is the sixth figure; it is called in Latin <relatio or> *repetitio*, and in English repetition, when the (first) verse begins in exactly the same way as the second [Ibid., 175].

Следует отметить, что оба автора применяют практически одну и ту же технику введения новых понятий в переводном тексте: это воспроизведение единиц оригинала с их последующей передачей с помощью подобранного или сконструированного эквивалента, семантической или словообразовательной кальки [Яковенко 2017], что позволяет максимально приблизить иноязычный текст к читателю и тем самым осуществить культурный трансфер.

PARTES ORATIONIS SUNT OCTO eahta dǣlas synd lēdenspræce: NOMEN, PRONOMEN, VERBUM, ADVERBIUM, PARTICIPIUM, CONIUNCTIO, PRAEPOSITIO, INTERIECTIO. NOMEN is nama, mid dǣm wē nemnað synderlīce be āgenum naman [...] PRONOMEN is dæs naman speljend, sē spelað þone naman, þæt ðū ne ðurfe tuwa hine nemnan. VERBUM is word, and word getacnað weorc, oððe ðrowunge oððe gefaunge. [...] ADVERBIUM is wordes gefēra, forðan de hē næfd nāne fulfremednysse, butan hē mid dǣm worde bēo. [...] PARTICIPIUM ys dǣl nimend. hē nymð āne dǣl of naman and oðerne od worde, of naman he nymð casus, þæt is, declining, and of worde hē nymð tīde and getācninge, of him bām hē nymð getel and hiw [AG, 8-9].

‘PARTES ORATIONIS SUNT OCTO There are eight parts of speech in Latin: NOMEN, PRONOMEN, VERBUM, ADVERBIUM, PARTICIPIUM, CONIUNCTIO, PRAEPOSITIO, INTERIECTIO. NOMEN is a name, by which we denote common or proper names [...] VERBUM is a verb, and a verb denotes an action, suffering or permission. [...] ADVERBIUM is the verb’s companion, it expresses completion only when it accompanies the verb. [...] PARTICIPIUM is what takes part. It takes one part from the noun and the other from the verb. It takes from the noun case, that is, declension, and it takes from the verb tense and meaning, and it takes from them both number and form’.

Данная техника была первоначально применена епископом Этельвольдом в его «Правиле» и составила характерную особенность Винчестерской школы перевода, прославленной трудами Эльфрика. Аналогичная техника используется и Бюрхтфертом, но поскольку в его задачи не входит формирование метаязыка какой-либо отрасли знания, он ограничивается подбором эквивалентов для латинских терминов из уже существующих древнеанглийских слов:

Us þingð to langsum þæt we ealne þisne cwide on Englisc clericum geswutelion; ac we heom secgað sōð to sóðe þæt syx cynna gēr synt on gerīme. Þæt forme ys *solaris* geciged, and þæt oðer þæs monan, and þæt þridde *communis*, þæt ys gemæne gēr. Þonne beoð þi geara þreo hund daga feower and fiftig daga fram Eastertīde þæt he eft cume” [BM, 20].

‘It seems to us too tedious to explain the whole of this passage in English for clerks; but we tell them as a fact that there are six kinds of year in the computus. The first is called the solar year, the second the lunar, and the third ‘communis’, or common year. In this case there are in the year three hundred and fifty-four days from Easter Day until it returns again’ [Ibid., 21].

Сходный подход к латинскому материалу у Эльфрика и Бюрхтферта отмечает и Р. Стивенсон: «Byrhtferth and Ælfric articulate very similar ideas about the relationship between English and Latin in late Anglo-Saxon England» [Stephenson 2015, 190].

В последнюю очередь следует упомянуть используемые авторами образные средства. Наглядность изложения может быть усилена метафорой: так, Эльфрик, рассматривая происхождение приливов и отливов, говорит о «согласии» моря и луны, а Бюрхтферт, говоря о несоответствии длительности солнечного и лунного годов, объясняет его «неспешностью» Солнца и «резвостью» Луны:

Seo sǣ and se mona geþwærlæcað him betweenan æfre hi beoð geferan on wæsme, and on wanunge; swa swa se mona dæghwamlice feower prican lator arist, þonne he on ðam oðrum dæge dyde, swa eac seo sǣ symle feower prican lator flewð [TA, 15].

‘The sea and the moon agree between them, ever they are companions in increase and in waning; and as the moon daily rises four points later than he did the day before, so also the sea flows always four points later’ [Ibid.].

We cwædon ær, eall swa ðære sunnan slecnys acenð anne dæg and ane niht æfre binnan feower wintrum, swa eac þæs monan swyftnys awyrpð üt anne dæg and ane niht æfre ymbe nigontyne gear, and se dæg ys gehaten *saltus lunae*, þæt ys, þæs monan hlyp, forþan he oferlypð anne dæg [BM, 76].

‘We said before that just as the sun’s sluggishness always produces a day and a night in four years, so also the moon’s swiftness always casts out one day and one night in the course of nineteen years, and the day is called *saltus lunae*, that is the moon’s leap, because it over-leaps one day’ [Ibid., 77].

Однако в целом труды Эльфрика, выдержанные в довольно строгой манере, практически лишены образных средств; Бюрхтферт, напротив, популяризируя свое изложение, нередко прибегает к ним. Экспрессия его текстов достигается, помимо прочего, благодаря широкому использованию различных тропов и фигур: метафоры, аллегии, антитезы, морфемного и синтаксического повтора:

We æthrynon mid urum ārun þa yðan þæs deopan wælis: we gesawon eac þa muntas ymbe þære sealtan sæstrande, and we mid aenedum hrægle and gesundfullum windum þær gewicedon on þam gemærum þære fægerestan þeode. Ða yðan getacniað eac þisne deopan cræft, and þa muntas getacniað eac þa mycelnyssa þises cræftes [BM, 14].

‘We have stirred with our oars the waves of the deep pool; we have likewise beheld the mountains around the salt sea strand; and with outstretched sail and prosperous winds have succeeded in pitching our camp on the coasts of the fairest of lands. The waves symbolise this profound art, and the mountains too symbolise the magnitude of this art’ [Ibid., 15].

On þam fiftan dæge, [...] He gescop eall wrymcyynn and creopende and

fleogende and swymmende and slincgende and þa myclan hwælas and þa lytlan sprottas and eall fiscsynn on myslicum and mænigfealdum hiwum [BM, 82].

‘On the fifth day, [...] He created all sorts of creeping things, and flying things, and swimming things, and crawling things, and the great whales, and the little sprats, and all species of fish in varied and manifold forms’ [Ibid., 83].

Заключение

Подробный анализ трактатов Эльфрика и Бюрхтферта позволяет выявить существенное сходство их текстовой и языковой организации. Труды Эльфрика и Бюрхтферта, не совпадающие содержательно, но написанные на одном языке практически в одно и то же время, в рамках одной культуры, демонстрируют сходное построение текста и его языковое оформление. Различия в способе презентации знаний, обусловленные принадлежностью авторов к разным научным школам, использованием разной терминологии, неодинаковым видением ими своей роли педагога, а также отдельными личностными характеристиками, носят второстепенный характер. Отталкиваясь от латыни и идя к своему читателю с разных сторон, богослов и грамматист Эльфрик и компутист Бюрхтферт сумели выработать новый стиль научного изложения, отличающийся простотой и ясностью и противопоставленный традиционному, латинскому стилю. Приспосабливаясь к языку своей аудитории, оба ученых одновременно приспособляли этот язык для своих задач, обогащая его новыми единицами и формами.

Все это позволяет утверждать, что к концу древнего периода в английской литературе складывается стиль научной прозы, приобретающий характерные для него черты и – главное – доступный широкому читателю. Прерванный Нормандским завоеванием, он был практически утрачен английской культурой. Новый научный стиль, сложившийся несколько столетий спустя, имел уже другую языковую основу и строился на других культурных основаниях.

Литература

Яковенко Е.Б. Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском языке // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Коллективная монография. М., 2017. С. 257-264.

Léglu C. Translating Lucretia: Word, Image and ‘Ethical Non-indifference’ in Simon de Hesdin’s Translation of Valerius Maximus’s *Facta et dicta memorabilia* // Rethinking Medieval Translation. Ethics, Politics, Theory. Ed. By E. Campbell and R. Mills. Cambridge, 2012. Pp. 61-83.

Schendl H., Wright L. Code-switching in early English: Historical background and methodological and theoretical issues // Code-Switching in Early English. Ed. by H. Schendl and L. Wright. Berlin, 2011. Pp. 16-45.

- Stephenson R.* The Politics of Language: Byrhtferth, Ælfric, and the Multilingual Identity of the Benedictine Reform. Toronto; Buffalo; London, 2015.
- Stanton R.* The Culture of Translation in Anglo-Saxon England. Cambridge, 2002.
- Yakovenko Ye.* Change from Above, Language Contact, and Individual Change in Ælfric's Linguistic Terminology // *Studia Anglica Posnaniensia*. 2019. Vol. 54, Iss. s1. Special issue on Change from above in the history of English. Ed. by N. Lavidas. Pp. 337-355.

Источники и условные сокращения

- AG* – Ælfric's "Grammar". Цит. по: *Ælfrics Grammatik und Glossar*. Hrg. von J. Zupitza. Erste Abteilung: Text und Variante // *Sammlung Englischer Denkmäler in kritischen Ausgaben*. Bd. 1. Berlin, 1880.
- BM* – Byrhtferth's "Manual". *Byrhtferth's Manual*. Ed. by S. J. Crawford. London, 1929.
- TA* – Ælfric's "De temporibus anni". Цит. по: *Anglo-Saxon Manual of Astronomy (De temporibus anni)* // *Popular treatises on science written during the Middle Ages in Anglo-Saxon, Anglo-Norman, and English*. Ed. by Th. Wright. London: Taylor, 1841. Pp. 1-19.
- Bede, the Venerable.* De natura rerum. De temporibus. De temporum ratione // *The Complete Works of Venerable Bede*. Vol. 6. Ed. by J.A. Giles. London, 1843. Pp. 99-352.
- Donati ars grammatica* // *Grammatici Latini*. Hrg. von H. Keil. Vol. IV. Leipzig, 1864.
- Grammatici Latini.* Prisciani Institutionum grammaticarum libri I – XII. Hrg. von H. Keil & M. Hertz. Vol. II. Leipzig, 1855.
- Institutio de nomine et pronomine et verbo* // *Prisciani Ceasariensis opuscula*. Ed. by M. Passalacqua. Vol. II. Roma, 1999. Pp. 3-42.
- Excerptiones de Prisciano.* The Source for Ælfric's Latin-Old English Grammar. Ed. by D. Porter. Cambridge, 2002.

Глава 1.3.

Архаизмы и инновации в древнеисландском эпосе: повторы в «Старшей Эдде»

Т.В. Топорова

Институт языкознания РАН, Москва

Цель настоящей главы – внести вклад в актуальное обсуждение языка и стиля «Старшей Эдды» на примере *повторов*. Эддические данные убедительно свидетельствуют о детерминированности структуры эддического текста космогоническим мифом, проявляющемся в том, что идея *воспроизведения* сакрального прецедента, предопределила наличие *повторов* в древнеисландском эпосе. Настоящее исследование демонстрирует как наличие фольклорных элементов в изучаемом нами памятнике, так и их неразрывную связь с мифопоэтической моделью мира.

Archaic and Innovative Features in the Old Icelandic Epic: Repetitions in the “Elder Edda”

Tatiana Toporova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The aim of this chapter is to contribute to an up-to-date discussion of the language and style of the "Elder Edda" through repetitions. Eddic data convincingly testify to the determinism of the structure of the Eddic text by the cosmogonic myth, which is manifested in the fact that the idea of reproducing a sacred precedent predetermined the presence of repetitions in the Old Icelandic epic. This study demonstrates both the presence of folklore elements in the record in question and their inextricable connection with the mythopoetic model of the world.

Древнеисландский эпос – поэтическая «Старшая Эдда», бытовавшая в устной традиции в условиях неосознанного авторства, – дошла до наших дней в составе основной рукописи Codex Regius, которая датируется второй половиной XIII в. Нельзя не согласиться с мнением М.И. Стеблин-Каменского о том, что «при всей внешней безыскусственности и простоте, в мировой литературе трудно найти памятник более спорный и загадочный, чем «Старшая Эдда», – памятник, который бы чем больше изучался, в большей мере был бы предметом спора между учёными и содержал бы поэтому больше неясного» [Стеблин-Каменский 1963, 182]. Одним из дискуссионных вопросов, побуждающих исследователей к новым изысканиям, остаётся определение степени фольклорности или же литературности эддических песен. Эта глобальная проблема может быть решена в той или иной мере только на основании комплексного изучения конкретных лингвостилистических феноменов, зафиксированных в эддических песнях.

Цель настоящей главы – принять участие в этом столь актуальном обсуждении языка и стиля «Старшей Эдды» на примере *повторов* (в том числе

и тавтологий). Такой подход представляется весьма целесообразным, если учесть, что в песнях Эдды «немало традиционности выражения, характерной для фольклора, – повторяющихся формул, словесных клише и т.д.» [Стеблин-Каменский 1963, 187].

В исследовании указанных выше феноменов мы руководствуемся высказыванием Ю.М. Лотмана: «Стоит нам определить текст как художественный, чтобы вступила в строй презумпция об осмысленности всех имеющихся в нем упорядоченностей. Тогда ни один из *повторов* не будет выступать как случайный по отношению к структуре» [Лотман 1970, 33]. Исходя из этого тезиса, мы принимаем как аксиому утверждение о неокказиональности и, следовательно, системности рассматриваемых явлений и их семантической значимости.

Поскольку «Старшая Эдда» является поэтическим памятником, следует вкратце охарактеризовать этот *поэтический* язык. Об «обоюдонаправленности <...> отношения *стих* ↔ *язык*, точнее о невычлененности стиха из языка» пишет О.А. Смирницкая: «Единицы германской метрики строятся из языковых структур, не утрачивающих в них своей конкретности. Но язык присутствует в этом отношении не только как основа канонизации (то есть общий язык), но как её продукт (то есть особым образом организованный поэтический язык)» [Смирницкая 1994, 6]. Специфика аллитерационного стиха заключается «в звуковом и просодическом соотношении выделяемых слов, их уподоблении друг другу. Начинаясь с примитивных *повторов* (курсив наш – Т.Т.), аллитерационный стих развивается вместе с жанрами древнегерманской поэзии» [там же, 53]. Таким образом, «начально-корневая аллитерация выполняет функцию *мотивации*, представляя связь звучаний как прямое выражение семантической сопринадлежности слов» [там же, 68]. Исходя из этой концепции, убедительно проиллюстрированной на древнегерманском материале, можно сделать заключение о том, что феномен *повтора* весьма архаичен и его использование стимулируется наличием аллитерации, исходно объединявшей *одни и те же* лексемы. Настоящую главу можно рассматривать как одну из попыток доказать это предположение на примере эддических песен.

Прежде чем приступить к описанию эддического материала под данным углом зрения, приведём определение интересующего нас понятия.

Повтор – «повторение композиционных элементов, слов, словосочетаний и других фрагментов текста в художественном произведении, благодаря чему на них фиксируется внимание читателя (слушателя) и тем самым усиливается их роль в тексте» [Русова 2004, 159].

Тавтология – «это (греч. *tautologia* из *tauto* – то же самое + *logos* – слово):

1. Тождесловие, повторение сказанного другими словами, не вносящее ничего нового (ср.: *Авторские слова – это слова автора*).

2. Повторение в предложении однокоренных слов (ср.: *В борьбе за свои права рабочие объединились воедино. Следует отметить следующие особенности произведения. К недостаткам пособия можно отнести недостаточное количество иллюстративного материала.*

3. Неоправданная избыточность выражения (ср.: *Более лучшее положение* (в форме лучшее уже заключено значение сравнительной степени). *Самые высочайшие вершины* (в форме высочайшие уже заключено значение превосходной степени) [Розенталь, Теленкова 1985, 315]⁵.

Повторы и тавтологии подразделяются на две группы – идентичные (A=B) и неидентичные (A ≠ B) повторы, отличающиеся друг от друга детерминативами – *префиксами* и *суффиксами*. В приводимой ниже классификации повторы распределяются по *морфологическим* (принадлежности к той или иной части речи – существительным, прилагательным, глаголам и наречиям) и *словообразовательным* (с акцентом на вхождение в состав композитов) критериям.

1) A=B:

a) Subst.:

- A и B являются одной и той же формой лексемы: *Til holtz ec gecc oc til hrás víðar*; // *gambanteinn at geta*, // *gambantein ec gat* (Skm. 32) ‘В рошу я пошел и в сырой лес, // чтобы получить волшебную ветвь, // волшебную ветвь я получил’*; *Háva ráðs at fregna*, *Háva höllo í* (Háv. 109) ‘спросить у Высокого в палатах Высокого’; *Háva höllo at*, *Háva höllo í* (Háv. 111) ‘у дома Высокого, в доме Высокого’; *Nú ero Háva mál qveðin*, *Háva höllo í* (Háv. 164) Вот речи Высокого сказаны в доме Высокого’*; *öllom ásom þat scal inn koma*, // *Ægis becci á*, // *Ægis drecco at* (Grm. 45) ‘с скоро все асы собраны будут // за Эгура стол, // на Эгура пир’*; *oc fyr innan kom ása garða*; // *mætti hann Þór miðra garða* (Þrk. 9) ‘и внутрь вошёл асов жилища; встретил он Тора в середине жилища’*; *Rúnar munt þú finna ok ráðna stafi*, // *mjök stóra stafi*, // *mjök stinna stafi* (Háv. 142) ‘Руны найдешь и постигнешь знаки советующие, // сильнейшие знаки, // крепчайшие знаки’*; *allþörf ýta sonom*, // *öþörf iötina sonom* (Háv. 164) ‘[речи] нужные людей сыновьям, // ненужные великанов сыновьям’*; *Æðri dryccio fá þú aldregi*, // *mær*, *af þínom munom*, // *mær*, *at mínom munom* (Skm. 35) ‘Другого напитка ты не получишь никогда, // дева, не по воле твоей, // дева, по воле моей’*.

⁵ Ср. ещё одно определение тавтологии: «повторение одних и тех же или близких по смыслу слов: например, «яснее ясного»; «плачет, слезами заливаётся». В поэтической речи, особенно в устном народном творчестве, тавтология применяется для усиления эмоционального воздействия. Например, в былине о Соловье-разбойнике: «Под Черниговом силушки черным-черно, Черным-черно, черней ворона». Поэты часто пользуются тавтологическими рифмами, например, А. С. Пушкин: «Вот на берег вышли гости, Царь Салтан зовёт их в гости». Широко употребляются некоторые тавтологические словосочетания в разговорной речи, например, целиком и полностью, к сегодняшнему дню, день-деньской. Иногда ненужные повторы в речи свидетельствуют о бедности языка говорящего. Т. – разновидность плеоназма» (Большая Советская энциклопедия, т. 25, цит. по [http://bse.uaio.ru/BSE/2501.htm]).

Засвидетельствовано 7 лексем, образующих повторы; как правило, в повторе участвует лишь одна лексема, исключение составляет Skm. 35 с двумя элементами (*mær* <...> *munom* ‘дева <...> по воле’*); количество повторов варьирует от 6 (Háv. 109; 111; 164) до 3 (Háv. 142) и 2, отличающихся максимальной частотностью; эксплицитно выражены космологические коннотации, отсылающие к трёхчленному устройству космизированной вселенной с обитающими в ней богами, великанами и людьми (*yta sonom*, // ... *iötna sonom* (Háv. 164) ‘людей сыновьям, // ... великанов сыновьям’*; *ása garða*; // ... *miðra garða* (Brk. 9) ‘асов жилища; ... в середине жилища’*); особый разряд образует магическая лексика (*волишебная ветвь* (Skm. 32), *руны* (Háv. 142); специального внимания заслуживают имена собственные, например, (*Ægis* (Grm. 45) *Эгира*), включающие и теоним (*Háva* (Háv. 109; 111; 164) *Высокого* (то есть верховного бога скандинавского пантеона Одина); репрезентирована жанровая дифференциация, в частности, обнаружены фрагменты *заговора* в (Skm. 32; 35), а также *культовой поэзии* в (Háv. 109; 111).

- А и В являются разными падежными формами одной лексемы: *Hverr er sá sveinn sveina, er stendr fyrir sundit handan* (Hrbl. 1) ‘Что там за парень из парней стоит у пролива?’*; *Hverr er sá karl karla, er kallar um váginn?* (Hrbl. 2) ‘Что за старик из стариков кричит за проливом?’*; *Mær var ec meyia, móðir mic fæddi* (Gðr. II 1) ‘Дева я дев, мать меня родила’*; *Vaki, mær meyia, ... // nú er röcr röcra* (Hdl. 1) ‘Проснись, дева дев ...// теперь темнота темнот’*; *Fróðr þicciz, sá er flótta tecr, // gestr at gest hæðinn* (Háv. 31) ‘Умным кажется себе тот, кто удирает, // гость, над гостем насмехающийся’*; *aldar róg þat mun æ vera, // órir gestr við gest* (Háv. 32) ‘распри всегда готовы возникнуть: // гость ссорится с гостем’*; *Vin sínom skal maðr vinr vera // ok gjalda gjöf við gjöf; // hlátr við hlátri skyli höldar taca* (Háv. 42) ‘Друг должен верным быть другу, // воздавать даром за дар; // смехом на смех пристойно ответить’*; *Vin sínom skal maðr vinr vera // þeim oc þess vin* (Háv. 43) ‘Друг должен верным быть другу, // и его друзей’*; *maðr er mannz gaman* (Háv. 47) ‘человек – радость человека’*; *maðr af manni verðr at máli kuðr; // enn dælskr af dul* (Háv. 57) ‘человек от человека становится сведущим в речи, // и глупым от замкнутости’*; *Sveinn oc sveinn, hveriom ertu sveini um borinn* (Fm. 1) ‘Человек и человек, каким человеком ты рождён’*; ... *nema reisi niðr at nið* (Háv. 72) ‘... если не поставит [могильный камень] родственник родственнику’*; *hvars þú böll kant, qveððu þat bölví at* (Háv. 127) ‘если ты знаешь зло, злом и называй’*; *fótr við fæti gat ins fróða iötuns // sexhöfðadan son* (Vm. 33) ‘нога же ногой шестиглавого сына // турсу родили’*; *orð mér af orði orðz leitaði, // verc mér af verki vercs leitaði* (Háv. 141) ‘слово от слова слово рождало, // дело от дела дело рождало’.

Засвидетельствовано 14 лексем, образующих повторы; в повторе участвует лишь одна лексема, доминируют двучленные повторы, трёхчленные зафиксированы трижды (Fm. 1; Háv. 141); повторы фигурируют в маркированных контекстах – в первой строфе (ср. Hrbl. 1; Fm. 1; Hdl. 1); по

степени частотности повторов выстраивается следующая шкала: пятикратные (*sveinn* ‘парень’), четырёхкратные (*maðr* ‘человек’, *mær* ‘дева’, *gestr* ‘гость’, *vinr* ‘друг’), трёхкратные (*orð* ‘слово’, *verc* ‘дело’) и наиболее распространённые двухкратные (*karl* ‘старик’, *niðr* ‘родственник’, *fótr* ‘нога’, *röcr* ‘тьма’, *böl* ‘зло’, *gjöf* ‘дар’, *hlátr* ‘смех’); обнаруживается космологический субстрат (ср. эмфатическое дублирование обозначения хаоса (*röcr röcra* (Hdl. 1) ‘темнота темнот’), реализующийся не только в использовании терминов, служащих для номинации состояния вселенной, предшествующей космогенезу, как в Hdl. 1, но и в более масштабных представлениях, например, в идее взаимности в акте самопорождения потомства (ср. мотив зачатия ноги с ногой сына у шестиглового великана (Vm. 33)), которая транспонируется в социальную сферу в дидактических строфах Речей Высокого (*ðar* требует *protivodara*, *смех* – ответного *смеха*); возникновение повторов может быть обусловлено спецификой жанра, как это наблюдается, в частности, в культовой сцене познания Одним высшей мудрости о происхождении и устройстве вселенной после акта самопожертвования (повешения на мировом древе и прозвония себя копьём).

- А или В могут входить в состав композита:

subst.: *Þat ero bócrúnar, þat ero biargrúnar, // oc allar ölrúnar* (Sd. 19) ‘То руны письма, повивальные руны, // и все руны пива’*; *Enn Konr ungr kunnirúnar, // ævinrúnar oc aldrúnar* (Rþ. 43) ‘Конр юный ведал руны, // жизни руны и возраста руны’*; *Sigrúnar þú scalt kunna, ef þú vilt sigr hafa* (Sd. 6) ‘Победы руны ты должен знать, // если ты хочешь победу иметь’*; *önnor var Svanhvit, svanfiðrar dró* (Vkv. 2) ‘вторая – Сванхвит (букв. Лебязье-белая), носила лебедя оперень’*; *Ǫerr ertu, Loki, oc ørviti* (Ls. 21; аналогично ННв. 34; Od. 11) ‘Безумен ты, Локи, и ума лишён’*; *mikils er á mann hvern vant, er manvitz er* (Hm. 27) ‘обездолен тот человек, которому не хватает человеческого ума’*.

В конституировании повторов принимает участие 4 лексемы, максимальная частотность наблюдается у *рун* (др.-исл. *rúnar*) и *безумия* (др.-исл. *ærr*), засвидетельствованных по 6 раз; остальные повторы демонстрируют минимальную структуру, то есть воспроизводятся дважды; с точки зрения морфологических типов представлено несколько вариантов: один и тот же элемент занимает вторую позицию композита, реализуя ядерное значение (ср. 6 словоупотреблений *rúnar*); возможна и первая позиция, служащая для модификации основного значения, как в (Vkv. 2), повтор в таком случае выполняет пояснительную функцию, эксплицируя первый компонент имени; элемент композита соотносится с самостоятельной лексемой (Sd. 6; Ls. 21; ННв. 34; Od. 11; Hm. 27); лексемы, фигурирующие в качестве повторов, стилистически маркированы: репрезентирована сфера магии (*руны*), *победа* ассоциируется с высшими ценностями героической модели мира, а *безумие* может восприниматься не только буквально, но и фигурально, то есть

содержать намёк на божественный признак (ср. имя Одина (др.-исл. *Óðinn*) как одержимого (др.-исл. *óðr*)).

б) **Adj.**: ... *enn þeir með ríki fara // heilir hildar til, // heilir hildi frá, // koma þeir heilir hvaðan* (Háv. 156) '... а они с могучим приходят // *невредимые* на битву, // *невредимые* с битвы, // возвращаются они *невредимые* оттуда'*; **heill, sá er gvað, heill, sá er kann!** // ... **heilir, þeirс hlýddo!** (Háv. 164) 'Благ тот, кто сказал, благ тот, кто узнал! // ... *благ*, кто слушал!'; **Heill þú farir, heill þú aprtr komir, // heill þú á sinnom sér!** (Vm. 4) 'Благим ты езжай, благим ты возвращайся, // *благим* ты будь в пути!'; **Heill scaltu, Agnarr, allz þic heilan biðr // Veratýr vera** (Grm. 3) 'Благ будь, Агнар, - тебе пожелал Бог людей *благим* быть'*; **Heilir æsir, heilar ásynior, // oc öll ginnheilog goð!** (Ls. 11) 'Благие асы, *благие* асиньи и все священные боги!'; **Heill dagr, heilir dags synir, // heil nótt oc nipt** (Sd. 3) 'Благ день, *благ* дня сыновья, // *блага* ночь и её сестра!'; **Heilir æsir, heilar ásynior, // heil síá in fiölnýta fold** (Sd. 4) 'Благие асы, *благие* асиньи! // *благ*ой будь, многополезная земля'*; **Lítilla sanda, lítilla sæva // lítill ero geð guma** (Háv. 53) 'Малые пески, *малые* моря, // *малый* ум людей'⁶; **Reiðr er þér Óðinn, reiðr er þér ásabragr, // þic scal Freyr fiásc, // ... þú fengit hefir // gambanreiði goða** (Skm. 33) 'Гневен на тебя Один, *гневен* лучший из асов, // тебя будет ненавидеть Фрейр; // ... ты получишь // великий *гнев* богов'*; **Böl vanntu, bróðir, er þú þann belg leystir, // opt ór þeim belg böll ráð koma** (Hm. 26) 'Злое ты свершил, этот мех развязав, // часто из этого меха *злые* советы происходят'*.

Повторы образуют 4 лексемы, наибольшую продуктивность обнаруживает др.-исл. *heill* 'благой', встречающийся 19 раз, а наименьшую *böl* 'зло(е)'; промежуточная позиция отмечена у *lítill* 'маленький' и *reiðr* 'гневный' (по 3 словоупотребления); не подлежит сомнению доминирование сакральной сферы, проявляющееся, в частности в максимальной частотности др.-исл. *heill* 'благой', используемого для выражения наивысшей оценки как богов (Ls. 11; Sd. 4), так и сил природы (земли, дня и ночи); недвусмысленны ассоциации с божественным началом и у др.-исл. *reiðr* 'гневный', кодирующего особое ментальное возбуждение Одина и других представителей скандинавского пантеона; применение повторов предопределено требованиями жанра, например, в *заговоре* (Skm. 33) многократная номинация служит для отождествления слова и дела, то есть троекратное произнесение *reiðr* мгновенно уничтожает противника бога; в *пословице* (Háv. 53) основная смысловая нагрузка ложится на трижды воспроизводимое прилагательное.

- **Adj.** может входить в состав композита: *hvárз ero sótt dauðir eða ero sædauðir // eða ero vápndauðir verar* (Sd. 33) 'от хвори *умерших* или от моря *умерших*, // или от оружия *умерших* людей'*; *sumar ero áskungar, sumar álfkungar* (Fm. 13) 'некоторые *происходящие* от асов, некоторые *происходящие* от альфов'*.

⁶ «Неясное место. Другие толкуют: малы пески малых морей, мал ум людей; или на малых берегах малых морей мал (ограничен) ум людей и т. д.» [Стеблин-Каменский 1963, 220].

Лексемы засвидетельствованы в качестве трижды повторяющихся вторых компонентов композитов, обозначающих ядерное понятие; в (Fm. 13) речь идёт о сакральной сфере – происхождении от существ сверхъестественной природы – асов и альвов.

в) **Verb:** *Ek man jötna ár um borna, þá er forðum mik fædda höfðo; // nío man ek heima* (Vsp. 2) ‘Я помню великанов, рождённых рано, // которые раньше меня родились; // девять помню я миров’*; *oc í höll Hárs hána brendo; // þrysvar brendo, þrysvar borna, // opt, ósialdan, þó hon enn lifir* (Vsp. 21) ‘и в чертоге Высокого её сожгли; // трижды сожгли её, трижды рождённую, // часто, нередко, а она всё живёт’*; *Heið hana héto, hvars til húsa kom, // völo velsþá, vittu hon ganda; // seið hon, hvars hon kunni, seið hon hug leikinn* (Vsp. 22) ‘Хейд её называли, в дом приходя, –// колдуньей, хорошо провидящей, умела творить волшебство; // колдовала она, всюду где могла, околдовывала она умы’*; *Þriá vissa ec elda, þriá vissa ec arna* (Ghv. 10) ‘Три я знала огня, три я знала очага’*; *veit-a maðr hinn er vettki veit* (Háv. 18; 75) ‘не знает человек, который ничего не знает’; *veit-a maðr hinn er vettki veit* (Háv. 27) ‘не знает человек, который ничего не знает’*; *Veiztu hvé rísta skal? Veiztu hvé ráða skal? // Veiztu hvé fá skal? Veiztu hvé freista skal? // Veiztu hvé biðia skal? Veiztu hvé blóta skal? // Veiztu hvé senda skal? Veiztu hvé sóa skal?* (Háv. 144) ‘Знаешь как резать? Знаешь как разгадывать? // Знаешь как окрасить? Знаешь как спрашивать? // Знаешь как молиться и жертвы готовить? // Знаешь как раздать? Знаешь как заклясть?’*; *Lióð ec þau kann, er kannat þjóðans kona* (Háv. 146) ‘Заклинанья я знаю, не знает никто их, даже конунгов жёны’; *Deyr fé, deya frændr; // deyr siálfr it sama; // enn orðtírr deyr aldregi* (Háv. 76) ‘Умирает скот, умирают родные, // умираешь и сам ты; // но словесная слава никогда не умирает’*; *Hétomc Grímr; hétomc Gangleri* (Grm. 46) ‘Звался я Грим, звался я Ганглеры’; *Heyri iötnar; heyri hrímpursar; // ... hvé ec fyrirþýð, hvé ec fyrirbanna* (Skm. 34) ‘Слушайте, ётуны, слушайте, турсы, // ... как я запрет налагаю, заклать кладу’; *Purs ríst ec þér oc þriá stafi; // ... svá ec þat af ríst, sem ec þat á reist* (Skm. 36) ‘Руны я режу – турс и ещё три, // ... так я это режу, как я это вырезал’; *Þat kann ec íþ fimtánda, er gól Þjóðrörir; // dverg; ... // afl gól hann ásom* (Háv. 160) ‘Пятнадцатое [заклинание] нел Тьодрёрир, // карлик ..., // нел силу асам’; *ríct gól Oddrún, ramt gól Oddrún; // bitra galdra, at Borgnýio* (Od. 7) ‘громко запела, могуче запела // Оддрун для Боргну благие заклать’; *Scríðiat þat scíp, er und þér scríði; // ... renniat sá marr; er und þér renni* (Hhv. 32) ‘Пусть не плывёт корабль, на котором ты плывёшь, // ... пусть не мчится конь, на котором ты мчишься’*; *sá ec oc þagðac, sá ec oc hugðac* (Háv. 111) ‘смотрел я и молчал, смотрел я и думал’*; *kranga kosta laus; // kranga kosta vön* (Skm. 30) ‘плестись выбора лишённая, // плестись выбора не имеющая’*; *nam ec upp rúnar; ærandi nam* (Háv. 139) ‘поднял я руны, стеная их поднял’; *fiöld á ec meidta, fiöld á ec menia* (Prk. 23) ‘много имею я сокровищ, много имею я украшений’*.

15 лексем реализуют повторы; по поводу частотности можно отметить следующие факты: максимальную продуктивность обнаруживает глагол ‘знать’ (16 словоупотреблений), промежуточную группу образуют ‘петь (заклинание)’ (др.-исл. *gól*) и ‘умирать’ (др.-исл. *deyia*) — по 4 дистрибуции -, а остальные случаи исчерпываются двойным повтором; особого упоминания заслуживают два повтора в пределах одной строфы (ННv. 32); повторы занимают маркированное положение в начале строфы (ср. Háv. 76; Háv. 144; Grm. 46; Skm. 34); глаголы, фигурирующие в повторах, реализуют важнейшие эпистемиологические действия, обозначая основные способы познания в космозированной вселенной: *помнить* – *видеть* – *знать*; представлены сфера магии (*колдовать* (др.-исл. *seið*), *петь заклинание* (др.-исл. *gól*) и сакральная лексика (*воспринимать* (руны) в акте самозаклания (др.-исл. *nat*), *вырезать* (руны) (др.-исл. *ríst*); функционирование повторов наблюдается в фрагментах различных жанров — *заговора* (Háv. 160; Skm. 30; 36; Od. 7), *тулы*, предполагающей перечисление имён (Grm. 46), *культовой поэзии* (Háv. 139; Háv. 144).

- **отглагольные образования:** *Betra er lifðom oc sællifðom, // ey getr qvicr kú* (Háv. 70) ‘лучше *живым* быть и счастливо *живым*, // всегда живой получает корову’*; *viðrgefendr ok endrgefendr erost lengst vinir* (Háv. 41) ‘навстречу *дающие* и снова *дающие* // друг другу надолго друзья’*; *hvat er höldbórit, hvat er hersbórit* (Hdl. 11; аналогично 16) ‘кто *рождённый* хёльд (то есть наследственный землевладелец, полноправный бонд [Стеблин-Каменский 1963, 253]), кто *рождённый* херсир (вождь [Стеблин-Каменский 1963, 253])’*.

3 лексемы фигурируют в повторах, выступая, как правило, в качестве вторых компонентов композитов; большей частотностью отличается др.-исл. *-bórit* ‘рождённый’ (4 дистрибуции); семантика актуализирует идеи *рождения, жизни и дарения*.

г) **Adverb:** *sá hon vítt oc um vítt of veröld hveria* (Vsp. 29) ‘видела она далеко далеко каждый из миров’*; *Era svá gott, sem gott qveða* (Háv. 12) ‘Это не так *хорошо*, как говорят, что *хорошо*’*; *Fiöð ec fôr, fiöð ec freistaða, // fiöð ec reynda regin* (Vm. 3; 44; 46; 48; 50; 52; 54) ‘Много я странствовал, много я испытывал, // много я искушал богов’*; *fiöð á ec meidma, fiöð á ec menia* (Þrk. 23) ‘много имею я сокровищ, много имею я украшений’*.

4 наречия засвидетельствованы в повторах; наиболее продуктивным оказывается *fiöð* ‘много’ (24 словоупотребления), так как эта лексема функционирует в составе рефрена; наряду с двучленными зафиксированы четырёх- (*fiöð ec* ‘много я’) и шестичленные повторы (*fiöð á ec* ‘много имею я’); специального упоминания заслуживает то обстоятельство, что наречия обладают преимущественно положительной семантикой (*хорошо, много*).

2) **A ≠ B:**

а) **Subst. – subst.:**

- А и В обнаруживают этимологическое родство: *á ec undir steini stað* (Alv. 3) 'имею я под камнем жилище'⁷;

- А отличается от В префиксами: *enn óvinar síns scyli engi maðr // vinar vinr vera* (Háv. 43) 'с недругом его не должен никто // быть другом друзей'*; *allþörf ýta sonom, // óþörf iötna sonom* (Háv. 164) '[речи] нужные людей сыновьям, // ненужные великанов сыновьям'*;

- А или В входят в состав сложных слов: *allþörf ýta sonom, // óþörf iötna sonom* (Háv. 164) '[речи] нужные людей сыновьям, // ненужные великанов сыновьям'*; *oc döglingar dagsbrún síá* (НН. II 26) 'воины дня начало видят'* (ср. наличие суффикса *-ling* и разной огласовки корня); *Scý heita með mönnum, enn scúrván með goðom, // ... úrván iötinar* (Alv. 18) 'Тучей называют люди, Надеждой на дождь – боги, // ... Надеждой на сырость – великаны'*.

Лексемы, употребляемые в повторах, могут отличаться префиксами от производного слова (Háv. 43) или друг от друга (Háv. 164), входить в состав композитов, выступая в качестве первого (НН. II 26) или второго (Alv. 18) элементов, и восходить к общему индоевропейскому корню (Alv. 18).

б) **Adj. – adj.:**

- Adj. в различных формах (слабое и сильное склонение): *Atli ec heiti, atall scal ec þér vera* (ННv. 15) 'Атли (Имя собственное *Atli* представляет собой слабую форму прилагательного – др.-исл. *atall* 'ужасный') меня зовут, ужасным я тебе буду'*;

- Adj. с различной огласовкой корня: *Valgrind heitir, er stendr velli á, // heilog, fyr helgom durom* (Ггм. 22) 'Вальгринд называется, который стоит в поле, // священный, перед святыми воротами'*;

- А отличается от В префиксами: *maðr er auðigr, annarr óauðigr* (Háv. 75) '[один] человек богат, другой – небогат'*; *varan bið ec þic vera, oc eigi ofvaran; // ver þú við öl varastr oc við annars kono* (Háv. 131) 'осторожным прошу я тебя быть, но не свехосторожным; // будь осторожней всего с пивом и женой другого'*; *Ölr ek varð, varð ofrölví // at ins fróða Fjalars; // því er öldr⁸ bazt, at aprt uf heimtir // hverr sitt geð gumí* (Háv.14) 'Напившимся пивом я стал, стал слишком напившимся пивом // у мудрого Фьялара; // но лучшее в опьянении пивом, // что хмель от него исчезает бесследно'*;

- А или В входят в состав сложных слов: ... *snorts mannz hiarta verðr sialdan glatt, // efsá er alsnotr, er á* (Háv. 55) '... у умного человека сердце редко радуется, // если он есть всеумный, который имеет'*; *Meðalsnotr skyli manna hverr; // æva til snotr sé* 'Следует мужу быть среднеумным, // а не умным'*.

В повторах, объединяющих два прилагательных, принимают участие 7 лексем; по степени частотности примеры распределяются следующим образом: *snotr* (4 словоупотребления), *varr* (3), *ölr* (3), остальные (2); слова

⁷ Обе лексемы восходят к индоевропейскому корню *стоять* у [Pokorny 1959].

⁸ *Ölr* получает префикс в *ofrölví*, а в *öldr* добавляется суффикс.

в повторах могут отражать различные варианты склонения (слабую и сильную формы, как в ННв. 15), снабжаться префиксами и суффиксами, как в Háv. 131, функционировать в качестве вторых компонентов композитов; в поэтическую игру вовлекаются имена собственные, при этом дублирующийся элемент используется для прояснения внутренней формы имени (ср. *Atli* и *atall* ‘ужасный’); что касается семантического аспекта, то репрезентирована сакральная (священный (др.-исл. *heilagr*), пиво (др.-исл. *öl*) как особый напиток, приводящий в ментальное возбуждение) и эпистемиологическая лексика (умный (др.-исл. *snotr*)).

3) **Subst. + adj.:** *maðr af manni verðr at máli kuðr, // enn dælskr af dul* (Háv. 57) ‘человек от человека становится сведущим в речи, // и глупым (букв. закрытым) от закрытости’*; *oc fá fögnuð af, // fögro scaldu heita oc láta fast vera* (Háv. 130) ‘и получить радость от этого; // красивой ты должен называть и держать обещанья’*; *Hel býr undir einni, annarri hrímþursar, // þrídio mennzcir menn* (Grm. 31; аналогично Sd. 18) ‘Хель живёт под одним [корнем Иггласиля], инеистые великаны – под другим, // под третьим – людские люди’*; *Þat kann ec íþ siautiánda, at mic mun seint firraz // íþ manunga man* (Háv. 162) ‘Семнадцатым [заклинанием] я смогу позже спастись // от девичьей девицы’*;

- А и В обнаруживают этимологическое родство: *Betra er lifðom oc sællifðom, // ey getr qvicr kú* (Háv. 70) ‘лучше живым быть и счастливо живым, // всегда живой получает корову’*; *kynrícr konungr* (Od. 29) ‘родом великий конунг’ (букв. ‘(от) рода (происходящий)’)*.

Выбор тавтологии может быть обусловлен жанром, например, ср. акцентуацию на враждебном субъекте *девичьей девице* в заклинании Одина (Háv. 162), или эмфазой, свидетельствующей либо об особой значимости субъекта либо о специфическом угле зрения (в частности, антропоцентрическом), ср. *людские люди* (Grm. 31; Sd. 18); в повторах могут участвовать лексемы, восходящие к общему индоевропейскому корню (Háv. 70; Od. 29).

4) **Verb + subst.:**

- A=B (корень глагола и существительного совпадают):

subst. nomin.: *Hvat er hlym hlymia, er ec hlymia heyri nú til // ossom rönnum í?* (Skm. 14) ‘Что там за шум шумит, который я слышу теперь шумит // в наших палатах?’*; *þic morn morni* (Skm. 31) ‘пусть тебя хворь захвораем’*;

subst. accus.: *hvé þat sáð heitir, er sá alda synir // heimi hveriom í* (Alv. 31) ‘как посеv зовётся, который посеяли людей сыновья // в каждом из миров?’*; *þær lög lögðo, þær líf kuro // alda bornom, ørlög seggia* (Vsp. 20) ‘судьбы судили, жизнь выбирали // детям людей, судьбу говорят’*; *Ráð mun ec þér nú ráða: ró þú hingat bátinom, // hættom hætingi* (Hrbl. 53) ‘Совет я должен тебе теперь советовать: гребки отсюда на лодке, // прекратим спор’*; *Ráðomc þér; Lodfáfnir, at þú ráð nemir* (Háv. 112-113; 115-117; 119-122; 125-132; 134-135; 137; аналогично Fm. 20-22) ‘Советую тебе, Лоддфафнир, а ты совет принимаешь’*; *hiálp heitir eitt, enn þat þér hiálpa mun // við söcom oc sorgom* (Háv. 146) ‘помощь

– такое первому [заклинанию] имя, *помогает* // в печалих и горестях’;

- А или В входят в состав композита: **Biargrúnar scaltu kunna, ef þú biarga vilt** (Sd. 9) ‘Рождения руны ты должен знать, если хочешь помочь при рождении’*; **Ofrgiöld fá gumna synir, // þeir er Vaðgelmi vaða** (Rm. 4) ‘Тяжкая кара для тех, // кто Ваðгельмир (реку в Хель, букв. ‘в бродо шумящую’) вброд переходит’;

- А и В отличаются друг от друга огласовкой корня: **fara fífls megir með freca allir, // þeim er bróðir Býleiptz í for** (Vsp. 51; аналогично Am. 29) ‘едум с Волком (Фенриром) сыны великанов, // с ними в поездке брат Бюлейста’ (то есть Локи [Стеблин-Каменский 1963, 218])*; **Tialdi þar um þá borg tíöldom oc sciöldom** (Sg. 66) ‘Укройте палатку покрывалами и щитами’*; **Inn vari gestr, er til verðar kemr, // þunno hljóði þegir, // eyrom hlýðir, en augom skoðar** (Háv. 7) ‘Гость осторожный, к трапезе пришедший, // тонкий слух получает; // ушами слушает, а глазами смотрит’*; **lécom leic margan oc í lundi óxom** (Am. 72) ‘играли игры многие и в роще росли’*; **Tamsvendi ec þic drep, enn ec þic temia mun** (Skm. 26) ‘Укрощенья жезлом тебя я ударю, чтобы тебя укротить’*; **byrðo við á borða, þat er þeir börðuz** (Gðr. II 16) ‘вышли мы на вышивках, // как они сражались’*; **Giafar þú gæft, gæftattu ástgiafar** (Rm. 7) ‘Дары ты дарил, не дарил ты любви дары’*; **Mál er at þylia þular stóli á** (Háv. 111) ‘Пора предсказать с предсказателя престола’*; **mun sá gramr við mic ganga at mæla? // máls er þarfi maðr ókunnigr** (Grp. 2) ‘будет ли конунг со мной беседовать? // беседа нужна человеку неизвестному’*; **þat nam at mæla mál íþ efsta** (Od. 15) ‘тогда начал беседовать беседу последнюю’*; **Þá var víg vegit völsco sverði** (Od. 18) ‘Там была битва побита вальским клинком’*; **verðir sáto úti, // at varða þeim Gunnari** (Акв. 14) ‘охрана сидела снаружи, // чтобы охранять от Гуннара и его людей’*;

- А и В отличаются друг от друга детерминативами – префиксами и суффиксами – (помимо возможного различия огласовки корня): **oc hefir þú þar born borit** (Ls. 23; 33) ‘рожал там детей’; **Óauðigr maðr, er til auðigs kemr, // mæli þarft eða þegi, // ofrmælgí mikil hygg ec at at illa geti, // hveim er við kaldrifaðan kemr** (Háv. 10) ‘Небогатый человек, приходя к богатому, // должен говорить мало или молчать; // слишком большая говорливость, я думаю, будет неуместна // для того, кто приходит к хладнорёброму’*; **Ec mynda þér þá trúa, nema þú mic í trygð véltir** (Hrbl. 34) ‘Я должен был бы тебе верить, если бы ты меня в вере не обманул’*; **hvat skal hans trygðom trúa?** (Háv. 110) ‘как должно его верности клятве верить?’*; **Brandr af brandi brenn, unz brunnin er** (Háv. 57) ‘Костёр кострится от костра, пока не выкострится’*; **miclom tálom ec qved tældan þic** (Alv. 35) ‘большим обманом я обманул тебя’*; **Malit höfom, Fróði, sem munom hætta, // hafa fullstaðit fljóð at meldri** (Grt. 24) ‘Мы Фроди смололи славный помол; // вдосталь над жерновом девы стояли’; **þann kann ec galdr at gala** (Háv. 152) ‘тогда я могу заклинание заклинать’*; **Nú scaltu kíósa, allz þér kostr um boðinn** (Sd. 20) ‘Теперь выбирай, коль выбор предложен’; **Líf**

ос *Lífðrasir* ... // *þaðan af aldir alaz* (Vm. 45) 'Жизнь и Пышущий жизнью ... // от них будут выращены люди'* *sá er vitandi er vits* (Háv. 18) 'кто знает знанием'*;

- родство между А и В устанавливается не на уровне семантической мотивировки (то есть в синхронии), а на уровне этимологии (в диахронии): *svæfn þú né sefr* (Grp. 29) 'спаньём ты не спишь'*; *þars þú í steins líki stendr* (ННв. 30) 'ты в камня образе будешь стоять'*; *steinn þann inn fagra, er stendr á stöðom Danpar* (Hunn. 9) 'камень прекрасный, который стоит на стоянках Данпа'*.

Повторы служат для оживления внутренней формы имени собственного (ср.: *Vaðgelmi vaða* (Rm. 4) 'В броде шумящую (гидроним) вброд переходят'; *Tamsvendi* <...> *temia mun* (Skm. 26) 'Укрощения железом <...> укротить'*); появление повторов обусловлено жанром, например, в заговоре мультипликация смысла призвана усилить магическое воздействие на объект (ср. *galdr at gala* (Háv. 152) 'заклинанье заклинать'*; *hlym hlymia* (Skm. 14) 'шум шумит'*; *þic morn morni* (Skm. 31) 'пусть тебя хворь захворает'*); репрезентирована сакральная лексика в составе фрагмента культовой речи, произносимой Одним-жрецом после акта самозаклания (ср.: *at þylia þular stóli á* (Háv. 111) 'предсказать с предсказателя престола') и руническая магия (Sd. 9); зафиксированы релевантные космологические контексты, в частности, о положении судьбы (букв. положенного), о людях, появившихся в обновлённой после эсхатологического кризиса вселенной – Жизни и Пышущего жизнью.

5) **Verb + adj.:** *þá var grund gróin grænom lauki* (Vsp. 4) 'тогда была земля поросшей зелёным (букв. проросшим) чесноком'*; *á sér hon ausaz aurgom forsi // af veði Valföðrs* (Vsp. 27) 'река, видит она, изливается мокрым водопадом // с залога Отца павших'*; *Hugr mic hvatti, ... // oc minn inn hvassi hiörr* (Fm. 6) 'Ум меня подстрекал ... // и мой острый меч'*; *þar scorðo vit scörpom geirom // blóð ór beinom oc brand ruðom* (Gr. 15) 'там резали мы острыми (букв. 'способными резать') копьями, // кровь из ран и меч обагрjali'*; *mundo víst víta* (Grp. 25; аналогично 26) 'нужно знаемо знать'*; *því at óvíst er at víta* (Háv. 1; 38; Fm. 24) 'ибо неизвестно (букв. 'незнаемо'), как знать'*; *Hvat er þat íþ litla, er ec þat lögggra séc, // oc snapvist snapir?* (Ls. 44) 'Что там за мелочь виляет хвостом // и пресмыкаясь пресмыкается?'

Повторы могут служить для экспликации значения (*острый* > *резать*), в том числе и метафорического (*острый* > *подстрекать*), они имеют отчётливые космогонические коннотации при описании возникновения зеленеющей земли (Vsp. 4), функционируют в эпистемиологической сфере (ср. рефрены в Háv. 1; 38; Fm. 24), используются в перебранке для уязвления противника (*snapvist snapir* (Ls. 44) 'пресмыкаясь пресмыкается').

⁹ Залог Отца павших – глаз Одина, который он оставил как залог в источнике мудреца Мимира, получив от него мудрость. Мимир был брат Бестли, матери Одина [Стеблин-Каменский 1963, 217].

6) Verb + verb:

- различные формы одного глагола: *Hverr þic hvatti, því hvetiaz lézt* (Fm. 5) 'Кто тебя подстрекал, как ты позволил себя подстрекамь'*; *hittki hann veit, er hann víta þyrfti* (Háv. 22) 'он этого не знает, а должен бы знать'*; *einn víta né annarr skal, // þjóð veit, ef þrío* (Háv. 63) 'один должен знать, а не двое, // многие знают, если третий (знает)'; *einn ec veit, svá at ec víta þiccíomc, // hór oc af Hlórriða* (Ls. 54) 'одну я знаю, мне ли не знать // измену Хлорриды'; *Óðinn ec nú heiti, Yggr ec áðan hét, // hétomc Þundr fyrir þat* (Grm. 54) 'Один ныне зовусь, Игг звался прежде, // Тунд звался до этого'; *Til holtz ec gecc oc til hrás víðar, // gambanteinn at geta, // gambantein ec gat* (Skm. 32) 'В рошу я пошел и в сырой лес, // чтобы получить волшебную ветвь, // волшебную ветвь я получил';

- глагол + отглагольная форма: *Kominn væri nú, ef koma hygði* (HHv. 50) 'Приехал бы ты, еси бы собирался приехать'*; *Lengi ec svaf, lengi ec sofnuð var, // löng ero lýða læ* (Sd. 2) 'Долго спала я, долго была я спавшей, // долги людей несчастья'; *Kend var Kostbera, kundi hon scil rúna* (Am. 9) 'Знающей была Костбера, знала она руны'* (отглагольное прилагательное и глагол имеют различную огласовку корня).

При повторах различных форм одного глагола нельзя не обратить внимание на их семантику: использование настоящего и прошедшего времени (*называюсь, назывался*) гарантирует тождественность одного и того же лица – бога Одина, имевшего разные имена; в заговоре столкновение разных времён служит для скорейшей реализации желаемого (*получить* > уже *получил*, произнесся магический текст); особенно продуктивен глагол *знать*, относящийся к эпистемиологической сфере.

В зависимости от количества элементов, которые охватывает тавтология, выделяется несколько групп:

а) два элемента: *gambanteinn at geta, // gambantein ec gat* (Skm. 32) 'получить волшебную ветвь, // волшебную ветвь я получил'; *Háva höllo at, Háva höllo í* (Háv. 111) 'у дома Высокого, в доме Высокого'; *Rúnar munt þú finna ok ráðna stafi, // mjök stóra stafi, // mjök stinna stafi* (Háv. 142) 'Руны найдешь и постигнешь знаки советующие, // много сильные знаки, // много крепкие знаки'; *Æðri dryccio fá þú aldregi, // mæc, af þínom munom, // mæc, at mínom munom* (Skm. 35) 'Другого напитка ты не получишь никогда, // дева, не по воле твоей, // дева, по воле моей'; *heilir hildar til, // heilir hildi frá, // koma þeir heilir hvaðan* (Háv. 156) 'невердимые на битву, // невердимые с битвы'; *Heill þú farir, heill þú aprt komir, // heill þú á sinnom sér!* (Vm. 4) 'Благим ты езжай, благим ты возвращайся, // благим ты будь в пути!'; *Heilir æsir, heilar ásynior, // oc öll ginnheilog goð!* (Ls. 11) 'Благие асы, благие асиньи и все священные боги!'; *Heilir æsir, heilar ásynior, // heil síá in fiölnýta fold* (Sd. 4) 'Благие асы, благие асиньи! // благой будь, многополезная земля'; *Heill dagr, heilir dags synir, // heil nótt oc nipt* (Sd. 3) 'Благ день, благи дня сыновья, // блага ночь и её сестра!';

sumar ero áskungar, sumar álfkungar (Fm. 13) 'некоторые происходящие от асов, некоторые происходящие от альвов'*; *Ek man jötna ár um borna, þá er forðum mik fædda höfðo*; // *nío man ek heima* (Vsp. 2) 'Я помню великанов, рождённых рано, // которые раньше меня родились; // девять помню я миров'*; *oc í höll Hárs hána brendo*; // *þrysvar brendo, þrysvar borna*, // *opt, ósialdan, þó hon enn lifir* (Vsp. 21) 'и в чертоге Высокого её сожгли; // трижды сожгли её, трижды рождённую, // часто, нередко, а она всё живёт'*; *Heið hana héto, hvars til húsa kom*, // *völo velspá, vitt hon ganda*; // *seið hon, hvars hon kunni, seið hon hug leikinn* (Vsp. 22) 'Хейд её называли, в дом приходя, - // колдуньей, хорошо провидящей, умела'*; *kranga kosta laus*, // *kranga kosta vön* (Skm. 30) 'плестись выбора лишённая, // плестись выбора не имеющая'*; *Betra er lifðom oc sællifðom*, // *ey getr qvicr kú* (Háv. 70) 'лучше живым быть и счастливо живым, // всегда живой получает корову'*; *Fiöld ec fór, fiöld ec freistaða*, // *fiöld ec reynda regin* (Vm. 3; 44; 46; 48; 50; 52; 54) 'Много я странствовал, много я испытывал, // много я искушал богов'*; *allþörf ýta sonom*, // *öpörf iötna sonom* (Háv. 164) '[речи] нужные людей сыновьям, // ненужные великанов сыновьям'*; *varan bið ec þic vera, oc eigi ofvaran*; // *ver þú við öl varastr oc við annars kono* (Háv. 131) 'осторожным прошу я тебя быть, но не сверхосторожным; // будь осторожней всего с пивом и женой другого'*; *Ölr ek varð, varð ofrölví* // *at ins fróða Fjalars* (Háv. 14) 'Напившимся пивом я стал, стал слишком напившимся пивом // у мудрого Фьялара'*; *maðr af manni verðr at máli kuðr*; // *enn ðælskr af dul* (Háv. 57) 'человек от человека становится сведущим в речи, // и глупым (букв. закрытым) от закрытости'*; *Betra er lifðom oc sællifðom*, // *ey getr qvicr kú* (Háv. 70) 'лучше живым быть и счастливо живым, // всегда живой получает корову'*; *einn ec veit, svá at ec víta þicciome*, // *hór oc af Hlórriða* (Ls. 54) 'одну я знаю, так как я знать думаю // измену Хлорриды'*;

б) три элемента: *heill, sá er qvað, heill, sá er kann!* (Háv. 164) 'Благ тот, кто сказал, благ тот, кто узнал!'; *Þriá vissa ec elda, þriá vissa ec arna* (Ghv. 10) 'Три я знала огня, три я знала очага'; *Veiztu hvé rísta skal? Veiztu hvé ráða skal? // Veiztu hvé fá skal? Veiztu hvé freista skal? // Veiztu hvé biðia skal? Veiztu hvé blóta skal? // Veiztu hvé senda skal? Veiztu hvé sóa skal?* (Háv. 144) 'Знаешь как должно резать? Знаешь как должно разгадывать? // Знаешь как должно окрасить? Знаешь как должно спрашивать? // Знаешь как должно молиться и жертвы готовить? // Знаешь как должно раздать? Знаешь как должно заклать?'; *fiöld á ec meidma, fiöld á ec menia* (Þrk. 23) 'много имею я сокровищ, много имею я украшений'*;

в) четыре элемента: *sá ec oc þagðac, sá ec oc hugðac* (Háv. 111) 'смотрел я и молчал я, смотрел я и думал я'*.

Наиболее обширную группу образуют двойные повторы; явно окказиональный характер носит единичный четырёхчленный повтор; наибольшую ценность с точки зрения мифопоэтической модели мира несомненно имеют трёхчленные повторы, зафиксированные в культовой речи Одина, повествующего об особенностях жертвоприношения (Háv. 144).

На основании детального изучения повторов в «Старшей Эдде» можно отметить некоторые тенденции, характеризующие рассматриваемый лингвостилистический феномен.

1. Частотность повторов (то есть их количество) и их протяжённость (наличие компонентов, образующих повтор, то есть два, три или четыре элемента) в значительной мере зависит от ценности той или иной лексемы или групп лексем в *мифопоэтической модели мира*, реализующейся в «Старшей Эдде»; ср., например, «Речи Высокого» (строфа 144) с обилием трёхчленных повторов, служащих для описания технологии жертвоприношения и произносимых самим верховным богом скандинавского пантеона Одином. Максимальная частотность может быть обусловлена принадлежностью лексемы к *сакральной* сфере; ср. широкое распространение повторов с др.-исл. *heill* ‘благой’ (19 словоупотреблений).

2. Наибольшее влияние на формирование повторов оказывает *миф творения*, описывающий пространственно-временные параметры вселенной, то есть условия, в которых протекает существование человека и помещается всё, что может стать объектом мифотворчества [Мифы народов мира 1982, 6]. Как отмечалось исследователями, актуальная картина мира неминуемо и неразрывно соотносится с космологическими схемами и “историческими” преданиями, рассматриваемыми как прецедент, служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что он имел место в первоначальные времена, «в начале». Для архаического сознания мифопоэтической эпохи все, что есть, – «результат последовательных *воспроизведений* прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям “оплотняющегося” космологического бытия» [Топоров 1998, 60]. Воздействие космогонического мифа на «Старшую Эдду», рассматриваемое в интересующем нас аспекте, заключается как в использовании повторов как наиболее адекватного механизма космизации вселенной, предполагающей возвращение к первособытию – прецеденту творения, так и в отборе ключевых элементов эддической космогонии и космологии. В повторах эксплицитно выражены *космологические* коннотации. Ср., в частности, ср. эмфатическое дублирование обозначения хаоса (*röcr röcra* (Hdl. 1) ‘темнота темнот’); представления, отсылающие к трёхчленному устройству космизированной вселенной с обитающими в ней богами, великанами и людьми (Háv. 164); (Frgk. 9); мифологему о зачатии *ноги с ногой* великана (Vm. 33); о *положении* судьбы (букв. *положенного*), о людях, появившихся в обновлённой после эсхатологического кризиса вселенной – *Жизни* и Пышущего *жизнью*. Героическая модель мира со свойственными ей ценностями также нашла отражение в повторах (ср. *победа* (Sd. 6)).

3. Источником конституирования повторов является сфера *магии*, в которой дублирование смыслов приводит к скорейшему достижению цели (ср.

соответствующую терминологию: *вошебная ветвь* (Skm. 32), *руны* (Háv. 142), *колдовать* (Vsp. 22)).

4. Специального внимания заслуживают повторы, привлекающие в свою орбиту *имена собственные*: дублирование элемента призвано эксплицировать семантику пом. гр., ср.: *Atli – atall* ‘ужасный’; *Vað-gelmir vaða* ‘(В) брODE шумящую [гидроним] перейти в брод’; *Tamsvendi ... temia mun* (Skm. 26) ‘Укрощенья палкой [название жезла] ... укротить’*; *Svanhvit, svanfiáðrar dró* (Vkv. 2) ‘Сванхвит (букв. Лебязье-белая), носила лебедя оперенье’*.

5. Повторы выделены в *формальном* отношении, они фигурируют в маркированных контекстах, занимают *инициальную* позицию в первой строке строфы (ср. Háv. 76; Háv. 144; Grm. 46; Hrbl. 1; Skm. 34; Fm. 1; Hdl. 1).

6. Появление повторов в эддических песнях детерминировано потребностями того или иного *жанра*, например, дублирование элементов в *перебранке* служит для уязвления противника (*snarpvist snapir* (Ls. 44) ‘пресмыкаясь пресмыкается’), в *пословице* (Háv. 53) основная смысловая нагрузка ложится на трижды воспроизводимое прилагательное *litill* ‘маленький’; в *туле*, предполагающей перечисление имён, сопровождаемое многократным глаголом названия (Grm. 46), в *заговоре* — для номинации враждебного субъекта с целью его нейтрализации (ср. *девичью девицу* в заклинании Одина (Háv. 162)) или достижения наиболее эффективного воздействия на него (ср.: *þic morn morni* (Skm. 31) ‘пусть тебя *хворь захворает*’*), в *культовой поэзии* — для усиления феномена сакральности при манифестации ритуала жертвоприношения (Háv. 144).

7. В повторах находит выражение интенция к *идеализации*, реализации позитивной оценки, ср., в частности, частотность наречий, обладающих положительной семантикой (*хорошо* (др.-исл. *gott*), *много* (др.-исл. *fiql*)).

Подводя итоги исследования эддических повторов, можно констатировать, что *космогонический* миф, посвящённый описанию происхождения и устройства пространственно-временного континуума, и соответствующий главный ритуал, ежегодно (то есть *многократно*) отмечающий переход от старого года к новому, *воспроизводящий* своей структурой ту порубежную кризисную ситуацию, когда из хаоса возникает космос [Мифы народов мира 1982, 7], ориентирован на прецедент – первотворение; он имплицитно представляет необходимость **повторения** данной ситуации, имевшей место *illo tempore* [Элиаде 2000, Делёз 1998], для восстановления гармоничного существования космозированной вселенной. Эддические данные убедительно свидетельствуют о детерминированности структуры эддического текста космогоническим мифом, проявляющемся в том, что идея *воспроизведения* сакрального прецедента предопределила наличие *повторов* в древнеисландском эпосе. М.И. Стеблин-Каменский не соглашался с мнением о том, что песни Эдды – это не фольклор, а литература, упрекая сторонников этой концепции в недооценке специфики

древней поэзии и условий её бытования [Стеблин-Каменский 1963, 187], и настоящее исследование демонстрирует как наличие фольклорных элементов в изучаемом нами памятнике, так и их неразрывную связь с мифопоэтической моделью мира.

Литература

Делёз Ж. Различие и повторение. Спб., 1998.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.

Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994. Т.1.

Стеблин-Каменский М.И. “Старшая Эдда” // *Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях. / Пер. А.И. Корсуна. Ред., вступ. ст. и комм. М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963. С. 181-213.

Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. (Введение к курсу истории славянских литератур). М., 1998.

Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение. М., 2000.

Источники

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Пер. А.И. Корсуна. Ред., вступ. ст. и комм. М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.

Словари

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. К – Я. Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1982.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. Издание третье, исправленное и дополненное. М., 1985.

Русова Н.Ю. От Аллегии до Ямба. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М., 2004.

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. Bd. II. Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. Dritte umgearb. Aufl. des Kommentierenden glossars. Heidelberg, 1968.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959. Bd. 1.

Электронные ресурсы

Большая Советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 25. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2501.htm>

Сокращения

В названиях языков:

др.-исл. – древнеисландский язык

В названиях эддических песен:

Alv.	Alvíssmál	“Речи Альвиса”
Akv.	Atlaqviða in grœnlenzca	“Гренландская песнь об Атли”
Am.	Atlamál in grœnlenzco	“Гренландские речи Атли”
Bdr.	Baldrs draumar	“Сны Бальдра”
Fm.	Fáfnismál	“Речи Фафнира”
Ghv.	Guðrúnarhvöt	“Подстрекательство Гудрун”
Grm.	Grímnismál	“Речи Гримнира”
Grp.	Grípisspá	“Пророчество Грипира”
Grt.	Grottasöngur	“Песнь о Гротти”
Gðr. I	Guðrúnarqviða I	“Первая Песнь о Гудрун”
Gðr. II	Guðrúnarqviða önnor	“Вторая Песнь о Гудрун”
Gðr. III	Guðrúnarqviða in þriðia	“Третья Песнь о Гудрун”
Háv.	Hávamál	“Речи Высокого”
Hdl.	Hyndljóð	“Песнь о Хюндле”
НН. I	Helgaqviða Hundingsbana in fyrri	“Первая песнь о Хельги убийце Хундинга”
ННv.	Helgaqviða Hiorvarðzsonar	“Песнь о Хельги сыне Хьёрварда”
НН. II	Helgaqviða Hundingsbana önnor	“Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга”
Hlr.	Helreið Brynhildar	“Поездка Брюнхильд в Хель”
Hm.	Hamðismál	“Речи Хамдира”
Hrbl.	Hárbarðzljóð	“Песнь о Харбарде”
Hunn.	Hunnenschlachtlied	“Песнь о битве готов с гуннами”
Hym.	Hymisqviða	“Песнь о Хюмире”
Ls.	Lokasenna	“Перебранка Локи”
Od.	Oddrúnargrátr	“Плач Оддрун”
Rm.	Reginismál	“Речи Регина”
Rþ.	Rígsþula	“Песнь о Риге”
Sd.	Sigrdrífomál	“Речи Сигдривы”
Sg.	Sigurðarqviða in scamma	“Краткая песнь о Сигурде”
Skm.	For Skírnis	“Поездка Скирнира”
SnE	Edda Snorra Sturlusonar	“Младшая Эдда”

Архаизмы и инновации в древнеисландском эпосе: повторы в «Старшей Эдде»

Vkv.	Völundarqviða	“Песнь о Вёлунде”
Vm.	Vafþrúðnismál	“Речи Вафгруднира”
Vsp.	Völuspá	“Прорицание вёльвы”
Þrk.	Þrymsqviða	“Песнь о Трюме”

Глава 1.4.

Архаизмы и инновации в древнеисландском эпосе: hapax legomena как аналог имён собственных в «Старшей Эдде»

Т.В. Топорова

Институт языкознания РАН, Москва

В главе исследуется феномен уникальных языковых единиц – гапаксов (единичных словоупотреблений), которые либо являются собственными именами, либо обнаруживают с ними далеко идущее сходство. Объектом исследования является «Пророчество вёльвы», самая известная мифологическая песня древнескандинавского поэтического эпоса «Старшая Эдда». Гапаксы делятся на архаизмы и инновации. На основании эддического материала можно констатировать принципиальное различие между этими разрядами гапаксов: появление архаизмов, засвидетельствованных один раз, закономерно; оно вызвано необходимостью в номинации уникальных денотатов мифопоэтической модели мира, в то время как инновации хотя и окказиональны, но по существу могут воспроизводиться в модифицированном виде в составе идентичных словообразовательных моделей, то есть не являются подлинными гапаксами. В результате всестороннего анализа выяснилось, что гапаксы образуют целостную систему, ключом к которой является мифопоэтическая модель мира, основные символы (мировое древо), мифы (космогенез) и магические ритуалы, которые они отражают. В гапаксах проявляются черты высокого стиля («язык богов») и признаки поэтической организации.

Archaic and Innovative Features in the Old Icelandic Epic: Hapax Legomena as an Analogue of Proper Names in the “Elder Edda”

Tatiana Toporova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The paper examines the phenomenon of unique language units – hapax legomena (word occurrences recorded only once) either being proper names or revealing far-reaching similarity to the latter. The object of the study is “The Sibyl’s Prophecy”, the most famous mythological song of the Elder Edda, the Old Norse epic displaying two varieties of hapaxes – archaisms and innovations. The use of archaisms, even recorded but once, is quite natural and accounted for by the need to nominate unique referents of the mythological model of the universe, while innovations, though being occasional, are reproduced in modified form within identic word-building patterns, that is, can hardly be identified as hapaxes. As a result of a comprehensive analysis, one can state that the hapaxes form a coherent system, the key to which is the mythological model of the universe, the main symbols (the world tree), the myths (cosmogogenesis) and the magic rituals they denote. The hapaxes reveal features of high style (“the language of the gods”) and poetic organization.

Как известно, имена собственные (nomina propria, далее nom. pr.) функционируют в качестве своеобразных культурно-исторических и языковых индексов. Трактовка nom. pr. как «зеркала культуры» [Solmsen 1822], отражающего наиболее релевантные понятия, их особый статус в

мифопоэтической модели мира, свидетельствует о лингвистической ценности ономастического материала. Показательно, что необходимость выделения *nom. pr.* как особой подсистемы языка осознавалась в глубокой древности¹⁰. В соответствии с теорией «нужд» (*needs*) основателя функционализма в этнографии Б.А. Малиновского имя собственное, как и другие элементы, составляющие культуру архаичного племени, возникает как ответ на определённый вопрос, продиктованный настоятельной потребностью [Malinowski 1944]. Исходя из этой концепции, *nom. pr.* представляет собой не ярлык, а символ, сложным образом соотносимый с природой его носителя.

Основная цель настоящей главы заключается в комплексном анализе **уникальных** образований – *гапаксов легомена*, – обнаруживающих большое сходство с *именами собственными*, которое заключается в обозначении ими неповторимых феноменов и в отсутствии коннотации, «способности привносить определённые признаки» [Есперсен 1958, 70].

Приведём определение интересующего нас термина, фигурирующего в названии главы, в «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии»: «Гапакс (греч. *háραx* ‘однажды’). Слово, отмеченное в памятниках данного языка (или, реже, в данном тексте) только один раз. Нередко такие слова, в силу своей изолированности, вызывают затруднения в этимологизации» [Варбот, Журавлев, б.г.]

Возникает правомерный вопрос: какое отношение гапаксы, то есть единичные словоупотребления, имеют к именам собственным помимо приводимых выше структурных признаков? Дело в том, что специфика имени собственного в мифопоэтической модели мира² заключается в **размытости** границ между *именем собственным* и *нарицательным*, подвижности статуса *nom. pr.* Как свидетельствуют теоретические исследования *nom. pr.* А.Х. Гардинера [Gardiner 1910] и его последователей в области символической логики и семантической философии, свойство «быть именем собственным» не абсолютно, а относительно. Оно определяется сложным сочетанием лингвистических и экстралингвистических факторов. В зависимости от меры проявления «номинационности» существует градация *nom. pr.*, причём наименьшая мотивированность названия обуславливает наибольшую «номинационность». *Nom. pr.* может занимать различное место на шкале с полюсами «имя собственное» и «имя нарицательное», при этом возможны два противоположных явления – десакрализация, демифологизация *nom. pr.*, и **переход апеллятива** в разряд *nom. pr.*, и именно второй феномен мы и попытаемся исследовать на материале древнеисландского эпоса, точнее, на

¹⁰ Ср. интерпретацию *nom. pr.* как автономной части речи греческим стоиком Хрисиппом (III в. до н.э.) [Тронский 1936, 26].

¹¹ «МОДЕЛЬ МИРА (мифопоэтическая). В самом общем виде М. м. определяется как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Мифы народов мира 1982, 161].

примере наиболее выдающейся песни мифологического цикла – «Прорицания вёльвы». Для подтверждения данного тезиса о переходе гапаксов в разряд имён приведём убедительные примеры. Ср. словосочетание др.-исл. *ginnunga gap* ‘зияний зияние’, номинацию хаоса в Vsp. 3, в более позднее время превратившееся в гидроним и служащее для обозначения моря, разделяющего Гренландию и Америку [Cleasby 1957, 200], и аналогичный феномен с эддическим гапаксом *vind-heimr* ‘ветра дом’ (Vsp. 63), впоследствии зафиксированным в качестве топонима [Cleasby 1957, 708]. Эту гипотезу верифицируют не только топонимы, но и антропонимы. Ср. гапакс др.-исл. *véorr* ‘защитник’, функционирующий также как теоним (одно из имён Тора) [Kuhn 1968, 219].

Объектом исследования является первая песня древнеисландского эпоса «Старшей Эдды» – «Прорицание вёльвы». Эта эддическая песня всегда пользовалась повышенным вниманием специалистов [Dronke 1997; McKinnell 2008; Gunnell, Lassen 2013]. Для иллюстрации её значимости достаточно привести показательное высказывание М.И. Стеблина-Каменского: «Прорицание вёльвы» – самая знаменитая из песен «Старшей Эдды». По общему мнению, эта песнь – одно из величайших произведений средневековья. Она содержит грандиозную и проникнутую напряженным драматизмом картину истории мира от сотворения и золотого века (т. е. того, что вёльва «помнит» и «видела») до его трагического конца – так называемой «гибели богов» – и второго рождения, которое должно быть торжеством мира и справедливости (т. е. того, что вёльва «видит»)» [Стеблин-Каменский 1963, 214]. Перечислим наиболее релевантные аргументы в пользу исключительности этой песни, приводимые нами ранее [Топорова 2017, 183-184].

1. **Инициальная** позиция в выдающемся памятнике древнеисландского эпоса – «Старшей Эдде» – не может остаться незамеченной и требует более пристального анализа.

2. «Прорицание вёльвы» представляет собой **единственное** в своём роде изложение **мифологических** сведений древних исландцев, причём не в виде разрозненных фактов, а как целостной системы.

3. Отражение архаичной **языческой** модели мира не подлежит сомнению и позволяет во всей полноте воплотить её в данном тексте.

4. Несомненные художественные достоинства: стройность композиции с ключевыми скрепами в виде рефренов, ритмическая и стилистическая выразительность, внутренняя энергия, реализующаяся при помощи чередования разных временных форм - настоящего и прошедшего времени - оказывали на читателей эстетическое воздействие.

Необходимо сделать небольшое отступление, касающееся принципов выделения гапаксов в «Прорицании вёльвы». Перечислим возможные варианты: пометка *ǫl. læγ.* (ср., например, др.-исл. *himiniǫður* ‘неба край’, *lá* ‘румянец’) или указание на однократную встречаемость (ср. др.-исл. *eitr-dalr*

‘яда долина’). Как правило, гапаксы обладают неясным, трудно определимым значением и сопровождаются вопросительным знаком в словарных описаниях (ср. др.-исл. **hvíta-aurr** ‘белая влага’; *m.* ‘*weißes naß*’ (? - *Vsp.* 19) [Kuhn 1968, 107]; др.-исл. **víg-bönd** ‘битвы узы’; *n. pl. kampffessel* (? - *Vsp.* 34) [Kuhn 1968, 225]) или комментариями, выражающими сомнение или неуверенность составителей. Ср. многочисленные примеры: др.-исл. **ginnung** ‘зияние’ с замечанием *grundform u. bedeutung sind unklar* [Kuhn 1968, 75] «начальная форма и значение непонятны»; **íviði**, *n. a dub. word, Vsp.* 2 [Cleasby 1957, 320] «сомнительное слово»; др.-исл. **læ-giarn** ‘(к) злу охочий’; *adj. unheilgierig (Vsp.* 35, *in unklarem zusammenhang)* [Kuhn 1968, 133] «в неясном контексте»; **miqt-viðr** ‘меры дерево’; *m.* ‘*maßbaum*’, *unerklärte bezeichnung der weltesche (Vsp.* 2) [Kuhn 1968, 142] «‘меры дерево’, непонятное обозначение мирового древа (ясеня)». В отдельных случаях необходимо использовать конъектуры, чтобы интерпретировать гапакс (ср. др.-исл. **gagl-viðr** > **gálg-viðr** ‘виселицы дерево’; др.-исл. ***himin-iödur** ‘неба край’ (*Vsp.* 5 *conj.*)).

Каждая лексема описывается по стандартной схеме:

заголовочное слово;

его интерпретация в эддическом словаре Куна [Kuhn 1968];

контекст с переводом;

данные словаря Клисби-Вигфуссона [Cleasby, Vigfusson 1957] для верификации единичности употребления.

Aldr-nari ‘жизни питатель’; *m.* ‘*lebensnährer*’: *feuer (Vsp.* 57) [Kuhn 1968, 14]; *geisar eimi við aldrnara*, // *leicr hár hiti við himin síálfan* ‘пламя бушует питателя жизни [то есть огня], // жар нестерпимый до неба доходит’; **aldr-nari**, *a, m.* [A.S. *ealdornere, nutritor vitae*], *poët. name of fire, Vsp.* 57, *Edda (Gl.)* [Cleasby 1957, 12].

Biór-salr ‘пива чертог’; (*ags. beor-sele*), *m.* *biersaal, trinksaal (Vsp.* 37) [Kuhn 1968, 29]; *enn annarr stóð á Ókólni*, // **biórsalr** *iqtuns, enn sá Brimir heitir (Vsp.* 37) ‘другой же стоял на Окольнир [то есть неохлаждающийся] // *nuva чертог* великана, зовётся он Бримир’*; *m., a beer-hall (A.S. beor-sele)*, *Vsp.* 41 [Cleasby 1957, 66].

Borð-veggr ‘бревен стена’; *m.* *plankenwand (Vsp.* 24) [Kuhn 1968, 31]; *Fleygði Óðinn oc í fölc um scaut*, // *þat var enn fölcvíg fyrst í heimi*; // *brotinn var borðveggr borgar ása*, // *knátto vanir vígspá vóllo sporna (Vsp.* 24) ‘В войско метнул Один копьё, // это тоже свершилось в дни первой войны; // рухнули стены¹² крепости асов, // ваны в битве врагов побеждали’.

Eitr-dalr ‘яда долина’; *m.* *giftal (Vsp.* 36) [Kuhn 1968, 45]; *Á fellr austan um eitrdala*, // *søxom oc sverðom, Slíðr heitir sú (Vsp.* 36) ‘Река падает с востока в яда долины, // с мечами и ножами, Слид [то есть ужасная] она зовётся’*; *m. dales with rivers of poison, Vsp.* 42 [Cleasby 1957, 124].

¹² Букв. «рухнула бревен стена».

Gagl-viðr ‘виселицы дерево’; *m.* (*Vsp.* 42) *ein nicht befriedigend erklärtes wort.* Vgl. **gálg-viðr** *m.* *galgenbaum od. -holz* (*Vsp.* 42 H) [Kuhn 1968, 68-69]; **gól um hánom í gaglviði** // *fagrrauðr hani, sá er Fialarr heitir* (*Vsp.* 42) ‘пел над ним на виселицы дереве // красиво красный петух, который назывался Фьяляр’*; *m.* an ἄπ. λεγ., *Vsp.* 34; explained by the commentators, *a forest where there are wild geese*, but perhaps better as the name of a plant, *the sweet gale or bog-myrtle* [Cleasby 1957, 187].

Gap ‘зияние’; *n.* *schlund* (*Vsp.* 3) [Kuhn 1968, 71]; *Ár var alda, þat er Ymir bygði, // vara sandr né sær né svalar unnir; // ... gap var ginnunga enn gras hvergi* (*Vsp.* 3) ‘Древнее было время, когда жил Имир; // не было ни песка, ни моря, ни прохладных волн; // ... бездна была зияний и травы нигде’*¹³; *n.*, *a gap, empty place*, whence **Ginnunga-gap**, *the Chaos of the Scand. mythol.* Edda, *Vsp.* 2. metaph. *gab, gibes* [Cleasby 1957, 191].

Ginnung ‘зияние’; *f.* (?), *nur in gap g-a, bezeichnung des chaos der urzeit* (*Vsp.* 3); *grundform u. bedeutung sind unklar* [Kuhn 1968, 75]; *Ár var alda, þat er Ymir bygði, // vara sandr né sær né svalar unnir; // ... gap var ginnunga enn gras hvergi* (*Vsp.* 3) ‘Древнее было время, когда жил Имир; // не было ни песка, ни моря, ни прохладных волн; // ... бездна была зияний и травы нигде’*; **ginnungar**, *m. pl.*, seems used in the same sense as *ginnregin*, whence **Ginnunga-gap**, *n. chaos, the formless void*, in which abode the supreme powers, before the creation, Edda, *Vsp.*: later, in the 11th century, the sea between Greenland and America was called **Ginnunga-gap** [Cleasby 1957, 200].

Griót-berg ‘скалы горы’; *n.* *felsklippe* (*Vsp.* 52) [Kuhn 1968, 82]; **griótberg gnata, enn gífr rata** (*Vsp.* 52) ‘скалы горы (с шумом) сталкиваются, а великанши свергаются’*.

Heið-vanr ‘(к) ясности привыкший’; *adj.* *an klare himmelsluft gewöhnt* (*Vsp.* 27) [Kuhn 1968, 90]; *Veit hon Heimdalar hlióð um fólgt // undir heiðvönom helgom baðmi* (*Vsp.* 27) ‘Знает она, что Хеймдалля слух¹⁴ спрятан // под привыкшем к ясности священным деревом’*.

***Himin-ioðurr** ‘неба край’; *m.* *himmelsrand* (*Vsp.* 5 conj.) [Kuhn 1968, 95]; *Sól varp sunnan, sinni mána, // hendi inni hægri um himinióður; // sól þat né vissi, hvar hon sali átti* (*Vsp.* 5) ‘Солнце, друг месяца, правую руку // до края небес простирало с юга; // солнце не ведало, где его дом’; **himin-jöðurr**, *m.* *the corner; brim* (jaðarr, jöðurr) *of heaven, = himin-skaut*, *Vsp.* 5 (ἄπ. λεγ.). This, no doubt, is the correct form, not *himin-jó-dýr* (*heaven-borse-beast*) or *himin-jó-dur* (*heaven-borse-doors*) [Cleasby 1957, 262].

Hvíta-aurr ‘белая влага’; *m.* ‘*weißes naß*’ (? - *Vsp.* 19) [Kuhn 1968, 107]; *Asc veit ec standa, heitir Yggdrasil, // hár baðmr, ausinn hvítaauri* (*Vsp.* 19) ‘Ясень

¹³ Знак * обозначает дословный перевод автора главы.

¹⁴ «Слух Хеймдалля. Многие считают, что речь идёт о роге, в который Хеймдалль затрубит перед началом гибели богов (см. строфу 46). Другие считают, что Хеймдалль заложил свой слух, как Один – свой глаз» [Стеблин-Каменский 1963, 217].

знаю по имени Иггдрасиль, // дерево, омытое влагою белой¹⁵.

Iðia-grœnn ‘снова зелёный’; *adj. neu ergrünt (Vsp. 59)* [Kuhn 1968, 112]; *Sér hon upp komo qðro sinni // iqrð ór ægi, iðia-grœna (Vsp. 59)* ‘Видит она: поднимается в другой раз // земля из моря, снова зелёная’*; *adj. [Dan. idelgrön], ever-green, Vsp. 58* [Cleasby 1957, 313].

Íviðir ‘внутренние деревья’; *m. pl. ‘innenhölzer’, spanten, sparren (? - Vsp. 2); man vermutet, daß die wurzeln der weltasche gemeint sind* [Kuhn 1968, 115]; *Ec man iqrna, ár um borna, // þá er forðom micc fædda hqfðo; // nío man ec heima, nío íviði, // miqrvið mæran fyr mold neðan (Vsp. 2)* ‘Великанов я помню, рожденных до века, // породили меня они в давние годы; // помню девять миров и девять корней // и дерево предела, еще не проросшее’; **íviði**, *n. a dub. word, Vsp. 2, prob. an ogress = íviðja* [Cleasby 1957, 320].

Lá ‘румянец’; *f. lebensröte, frische farben od. lebenswärme (? - Vsp. 18)* [Kuhn 1968, 122]; *Qnd þau né áttó, óð þau né hqfðo, // lá né læti né lito góða (Vsp. 18)* ‘Они не дышали, в них не было духа, // румянца на лицах, тепла и голоса’; = *læ*, а *ἄλ. λεγ.* in *Vsp.* [Cleasby 1957, 376].

Lang-niðjar ‘длинные предки’; *m. pl. die lange reihe der vorfahren (Vsp. 16)* [Kuhn 1968, 122]; *þat mun uppi, meðan öld lifir; // langniðia tal til Lofars hafat (Vsp. 16)* ‘это должно обнаружиться, пока люди живут, // длинных предков счёт Ловара’*; **lang-niðjar**, *m. pl. a descending lineage by the father’s side, pedigree of agnates, counted downwards, Vsp. 16; opp. to landfeðgar when counted upwards in time* [Cleasby 1957, 373].

Læ-giarn ‘(к) злу охочий’; *adj. unheilgierig (Vsp. 35, in unklarem zusammenhang)* [Kuhn 1968, 133]; *Hapt sá hon liggia undir hvera lundi, // lægiarn líki, Loca áþeccian (Vsp. 35)* ‘Пленника видела под Хвералюндом [Рощей горячих источников], // обликом схожего с Локи зловецум’; *adj. guileful, Vsp. 39* [Cleasby 1957, 403].

Megin-dómar ‘силы деяния’; *m. pl. große dinge (Vsp. 60)* [Kuhn 1968, 138]; *oc minnaz þar á megin-dóma // oc á Fimbultýs fornar rúnar* ‘и вспоминают о славных событиях // и рунах древних великого бога [Одина]’; **megin-dómar**, *m. pl. the main events, world-famed events, Vsp. 59* [Cleasby 1957, 421].

Miqr-viðr ‘меры древо’; *m. ‘maßbaum’, unerklärte bezeichnung der weltasche (Vsp. 2)* [Kuhn 1968, 142]; *Ec man iqrna, ár um borna, // þá er forðom micc fædda hqfðo; // nío man ec heima, nío íviði, // miqrvið mæran fyr mold neðan (Vsp. 2)* ‘Великанов я помню, рожденных до века, // породили меня они в давние годы; // помню девять миров и девять корней // и дерево предела¹⁶, еще

¹⁵ Ср. замечание Яна де Фриза о сакральной природе этой жидкости: „Aurt scheint hier eine helle glänzende Flüssigkeit zu bedeuten, die als lebensspendender Saft auf die Erde tröpfelt“ [Vries 1970, II, 380].

¹⁶ «Дерево предела – ясен Иггдрасиль, мировое древо. Его ветви раскинуты над всем миром и кладут ему предел в пространстве. Мировое древо, вероятно, имело прообразом священный столб, культ которого засвидетельствован у германского племени саксов (Irminsul «великий столб») и многих других племён. Такие столбы считаются, в частности, средством сообщения с загробным

не проросшее'; **mjötuðr**, m., spelt **mjötviðr**, which form can only be an error of the transcriber, for both passages, verses 2 and 47 represent the same word <...>; the word itself is of heathen origin, <...> in verse Vsp. 2 níu man ek heima, níu íviðjur, mjötuð mæran fyrir mold neðan, *I mind the nine abodes, the nine giantesses (the nine mothers of Heimdal?), the worthy Dispenser beneath earth; this 'meotud beneath earth' seems here to represent the god of the nether world, the Pluto of the northern mythology* [Cleasby 1957, 434].

Mold-pinurr 'земли верёвка'; m. 'erdumspannendes tau'; *die weltsschlange* (Vsp. 60) [Kuhn 1968, 143]; *Finnaz æsir á Idavelli // oc um moldpinur, mátcán, dæma* (Vsp. 60) 'Встречаются асы на Идавёлль-поле, // о поясе мира [мировом змее] могучем беседуют'; **mold-pinurr**, m. *the earth-thong, the serpent Miðgarðsormr*, Vsp. [Cleasby 1957, 434].

Ó-qviðinn 'не боящийся'; adj. *nicht ängstlich, in niðs ó. Üble nachrede nicht fürchtend, des nachruhmes sicher (? - Vsp. 56)* [Kuhn 1968, 159]; *gengr fet nío Fiorgyniar burr // neppr frá naðri, niðs óqviðnom* (Vsp. 56) 'на десять шагов отступает сын Фьёргюн, // змеем сражённый, поношения не боящийся'*.

Röc-stóll 'судьбы сидение'; m. *richterstuhl* (Vsp. 6 usw.) [Kuhn 1968, 170]; *Þá gengo regin öll á röcstóla, // ginnheilög goð, oc um þat gættuz: // nótt oc niðiom nqfn um gáfo* (Vsp. 6; 9; 23; 25) 'Тогда пошли боги на троны могущества // и совещаться стали священные, // ночь назвали и отпрысков ночи'; **rök-stólar**, m. pl. *a judgement-seat*, Vsp. [Cleasby 1957, 507].

Scegg-öld 'топора век'; f. 'beilalter': *kriegszeit* (Vsp. 45); *zu sceggia steitaxt* [Kuhn 1968, 174]; **sceggöld**, *scálmöld, scildir ro klofnir; // vindöld, vargöld, áðr verold steypiz* (Vsp. 45) 'монопа век, меча век, треснут щиты, // ветра век, изгоя век, пока мир не свергнется'*.

Sig-tóptir 'победы развалины'; f. pl., in Hroptz s. *ruinen der siegstätte Odins (= Walhalls; Vsp. 62)* [Kuhn 1968, 184]; *búa þeir Hqðr oc Baldr Hroptz sigtóptir, // vel, valtívar – vitod ér enn, eða hvat?* (Vsp. 62) 'жить будут Хёд и Бальдр в победы развалинах Хрофта [Одина], // павших богов, – знаете ли вы об этом или нет?'; **sig-tóptir**, f. pl. *the homes of victory*, Vsp. 61 [Cleasby 1957, 528].

Sót-rauðr '(как) сажа-красный'; adj. *rußrot, rußfarben* (Vsp. 43); *zu sót f. ruß* [Kuhn 1968, 189]; *enn annarr gelr fyr iqrð neðan, // sótrauðr hani, at solum Heliar* (Vsp. 43) 'а другой поёт под землёй внизу // чёрно-красный петух в чертогах Хель'*; adj. 'soot-red', *dark-red*, Vsp. [Cleasby 1957, 580].

Spá-gandr 'предсказания жезл'; m. 'weissagungsstab', *ein gerät der seherin (? - Vsp. 29, in unklarem zusammenhang)* [Kuhn 1968, 189]; *Valði henni Herfqrðr hringa oc men, // fecc spiöll spaclig oc spáganda; // sá hon vítt oc um vítt of verold hveria* (Vsp. 29) 'Один ей дал ожерелья и кольца, // взамен получил

миром. Поэтому, вероятно, не случайно Иггдрасиль – буквально «конь Одина». Один повесился на этом древе однажды, чтобы приобрести тайные знания» [Стеблин-Каменский 1963, 216].

сведения мудрые и предсказания жезл; // видела она широко-широко каждый из миров*»; m. 'spae-charms', Vsp.; cf. **gandr**, m.: – the exact sense of this word is somewhat dubious; it is mostly used in poetry and in compds, and denotes *anything enchanted or an object used by sorcerers*, almost like *zauber* in Germ., and hence *a monster, fiend*; thus the Leviathan of northern mythology is called Jörmun-gandr, *the great 'gand'* [Cleasby 1957, 581; 188].

Stein-dyrr 'камня дверь'; f. pl. *felsentor* (Vsp. 48) [Kuhn 1968, 191]; *stynia dvergar fyrir steindurom*, // *veggberga vísir* (Vsp. 48) 'карлики стонут пред каменными дверьми // стены скал указывающие*'; *stone-doors*, Vsp. [Cleasby 1957, 591].

Tívor 'жертва'; (ags. tífer) m. *opfer* (Vsp. 31) [Kuhn 1968, 204]; *Ec sá Baldri, blóðgom tívor*, // *Óðins barni, orlög fólgin* (Vsp. 31) 'Я видела Бальдра, кровавую жертву, // Одина сына, судьбе последовавшего*'; **tívor** m. а ѓл. Лєу. Identical with the A. S. *tífr* or *tiber* = *a victim, hostage*; *Baldri, blóðgum tívor, Balder, the bloody victim*, Vsp. [Cleasby 1957, 634].

Val-dýr 'павших зверь'; n. *walstattier* (*der wolf Fenrir*: Vsp. 55) [Kuhn 1968, 213]; *Dá kemr inn micli mögr Sigföður*, // *Víðarr, vega at valdýri* (Vsp. 55) «Сын тут приходит Отца побед [Одина], // Видар, сразиться с павших зверем [волком Фенриром]»*; n, *a carrion-beast, esp. a wolf*, Vsp. 55.

Varg-öld 'изгоя век'; f. *verbrecher- od. wolfzeit* (Vsp. 45) [Kuhn 1968, 174]; *sceggöld, scálmöld, scildir ro klofnir*, // *vindöld, vargöld, áðr veröld steyiz* (Vsp. 45) 'топора век, меча век, треснут щиты, // ветра век, изгоя век, пока мир не свергнется*'; f. *an age of wolves* (i. e. *of wars and worry*), Vsp. [Cleasby 1957, 680].

Vegg-berg 'стены гора'; n. *felswand* (Vsp. 48) [Kuhn 1968, 217]; *stynia dvergar fyrir steindurom*, // *veggberga vísir* (Vsp. 48) 'карлики стонут пред каменными дверьми // стены горы указывающие*'; n., а 'wedge-rock', *boulder*, Vsp. [Cleasby 1957, 689].

Vel-glýiaðr adj. *hocherfreut* (Vsp. 35) [Kuhn 1968, 219]; *þar sitr Sigyn, þeygi um sínom // ver velglýiuð* (Vsp. 35) 'там Сигюн сидит о своём // муже не сильно радующаяся*'; **glýiaðr**, part. *gleeful*, Vsp. 39 [Cleasby 1957, 206].

Vel-spár 'хорошо предсказывающий'; adj. *gut od. richtig weissagend* (Vsp. 22) [Kuhn 1968, 219]; *Heið hana héto, hvars til húsa kom*, // *völo velspá, vitti hon ganda*; // *seið hon, hvars hon kunni, seið hon hug leikinn* (Vsp. 22) 'Хейд её называли, в домах встречая – // вельвой, хорошо предсказывающей, – творила волшбу жезлом колдовским; // колдовала она, где могла; околдовывала она умы*'; **vel-spá**, adj. f. 'guile-spaeing', Vsp. 22, where it is an epithet of a Sibyl (*völva*), referring to the ambiguous, deceptive character of her words, as of the witches in Macbeth [Cleasby 1957, 693].

Véorr 'защитник'; m., *unerklärt, nur in miðgarðz v.* (Vsp. 56), *das die midgardsschlange od. aber Thor bezeichnet* (vgl. *Véorr als dessen namen*) [Kuhn 1968, 219]; *Dá kemr inn mæri mögr Hlóðyniar*, // *gengr Óðins sonr við úlf vega*;

// *drepr hann af móði miðgarðz véor* (Vsp. 56) ‘Тут славный приходит Хлодюн потомок [то есть Тор], // со змеем идёт биться сын Одина, // в гневе разит он Мидгарда *стража* [Тора]’; only used as a name of Thor, Hým., Vsp., Edda (Gl.), meaning either *the holy, a priest* (= Goth. *weihs*), or from *vé*, referring to Thor as the defender of hearth and home [Cleasby 1957, 694].

Víg-bönd ‘битвы узы’; *n. pl. kampffessel* (? - Vsp. 34) [Kuhn 1968, 225]; *Þá kná Vála vígbönd snúa, // heldr vóro harðgor hopt, ór þormom* (Vsp. 34) ‘Сплёл тогда Вали битвы узы, // были это тяжкие узы из кишков^{17*}’; *n. pl. the gods of battle*, Vsp. [Cleasby 1957, 715].

Víg-spár ‘битву предсказывающий’; *adj. tots Schlagverkündend* (Vsp. 24) [Kuhn 1968, 226]; *Fleygði Óðinn oc í fölc um scaut, // þat var enn fölcvíg fyrst í heimi; // brotinn var borðveggr borgar ása, // knátto vanir vígspá vollo sporna* (Vsp. 24) ‘В войско метнул Один копьё, // это тоже свершилось в дни первой войны; // рухнули стены крепости асов, // ваны могли в битву предсказывающую долину ступить’*; *adj.*, in Vsp. 28 as epithet of a battle-field, prob. an error for **víg-skár** [Cleasby 1957, 715].

Vind-heimr ‘ветра дом’; *m. ‘windwelt’: himmelsraum od. himmel* (Vsp. 63) [Kuhn 1968, 228]; *oc byrir byggia bræðra tveggja // vindheim víðan* (Vsp. 63) ‘братьев обоих живут сыновья // в доме ветров [на небе]’; **vind-heimr**, *m. ‘wind-home’*, Vsp; a local name, Grett. [Cleasby 1957, 708].

Vind-öld ‘ветра век’; *f. windzeit, zeitalter der stürme* (Vsp. 45) [Kuhn 1968, 228]; *sceggöld, scálmöld, scildir ro klofnir, // vindöld, vargöld, ádr veröld steypiz* (Vsp. 45) ‘топора век, меча век, треснут щиты, // ветра век, изгоя век, пока мир не свергнется’*; *f. ‘wind-age’, time of tempests*, Vsp. [Cleasby 1957, 708].

Örlög-lauss ‘судьбы лишённый’; *adj. schicksalslos, wem noch kein schicksal verhängt ist* (Vsp. 17) [Kuhn 1968, 235]; *Unz þrir qvómo ... // ... ásir, at húsi; // fundo á landi, lítt megandi, // Asc oc Emblo, örlöglausa* (Vsp. 17) ‘И трое пришло ... // ... асов к морю, // бессильных увидели на берегу // Аска и Эмблю, судьбы не имевших¹⁸’; **örlög-lauss**, *adj. ‘weirdless’, one whose life is still a blank*, Vsp. 17 [Cleasby 1957, 767].

Гапаксы, зафиксированные в «Прорицании вёльвы», тяготеют к определённым мифам, мифологическим сюжетам или мифологемам, классификация которых приводится ниже:

Миф творения:

хаос (др.-исл. *ginnunga gap* ‘зияний зияние’);

космизированная вселенная:

демиурги (др.-исл. *roc-stóll* ‘судьбы престол’ богов)

субъекты творения:

люди (др.-исл. *lá* ‘румянец’, данный богами в акте

¹⁷ «В строфах 34 и 35 речь идёт о наказании Локи» [Стеблин-Каменский 1963, 218].

¹⁸ «Аск и Эмбля – первые люди на земле, буквально ‘ясень’ и ‘лоза’» [Стеблин-Каменский 1963, 216].

творения первочеловека; 'судьбы лишённый' (др.-исл. *ærlög-lauss*);
карлики (др.-исл. *lang-niðjar* 'длинный ряд предков';
stein-dyrr 'камня дверь'; *vegg-berg* 'стены гора', места их обитания);
объекты творения (элементы космогенеза):
небо (др.-исл. *himin-iqðurr* 'неба край'; *vind-heimr* 'ветра
дом');

горы (др.-исл. *gríót-berg* 'скалы горы');
мир иной (хель) (др.-исл. *val-dýr* 'павших зверь' (волк Фенрир,
хтоническое чудовище);
эсхатология:

'век топора' (др.-исл. *scegg-öld*), 'век ветра' (др.-исл. *vind-öld*), 'век изгнанника / волка' (др.-исл. *varg-öld*);

возрождённый после «гибели богов» мир:
'победы развалины' (др.-исл. *sig-tóptir*, наименование жилища
нового поколения богов после эсхатологического кризиса);
снова зелёная земля (др.-исл. *iðia-grænn*);
связывание зачинщика конфликта Локи (др.-исл. *víg-bönd*).

Миф о войне асов и ванов:

стены крепости асов (др.-исл. *borð-veggr* 'бревен стена');
долина ванов (др.-исл. *víg-spár* 'битву предсказывающий');

Мифологема о мировом древе:

'меры дерево' (др.-исл. *miqt-viðr*);
корни мирового древа (др.-исл. *i-viðir*);
'висельное дерево'¹⁹: др.-исл. *gálg-viðr*;
'белая жидкость' (др.-исл. *hvíta-aurr*);

Мифологема о мировом змее:

'земли верёвка' (др.-исл. *mold-pinnur*)²⁰.

На основании комплексного анализа гапаксов, репрезентированных в «Прорицании вёльвы», можно сделать следующие выводы, характеризующие их семантику:

Единичные словоупотребления не являются хаотичными вкраплениями, абсолютно не связанными между собой; напротив, они образуют стройную *систему*, в которой каждый элемент занимает соответствующее место.

Ключом этой системы является *мифологическая модель мира*, в рамках которой функционируют гапаксы, полно и последовательно реализующие как её важнейшие символы (мировое древо), так и конституирующий её содержания миф творения, столь детально представленный и охватывающий все стадии существования вселенной в соответствии с древнеисландской концепцией

¹⁹ Ср. сюжет о повешении верховного бога скандинавского пантеона на мировом древе ради познания высшей мудрости – сведений о происхождении и устройстве вселенной.

²⁰ Эта мифологема содержит аллюзию на конструктивную роль мирового змея в процессе космогенеза как держателя суши, окружающего её и образующего своим телом каркас мироздания.

космогенеза (хаос, космозированной вселенную, эсхатологическую «гибель богов» и последующее возрождение), самих демиургов и объекты творения (одушевлённые и неодушевлённые).

Гапаксы воплощают оценку на определённой шкале, выражающей точку зрения носителей соответствующей модели мира, проявляющейся в свойственной архаичному сознанию дуальной оппозиции *свой – чужой*, реализуемой в социальном (др.-исл. *varg-ǫld* ‘изгоя век’) или морально-этическом аспекте (др.-исл. *læ-giarn* ‘(к) злу охочий’; *megin-dômar* ‘великие деяния’).

Гапаксы реализуют магические ритуалы, ср. др.-исл. *spá-gandr* ‘предсказания жезл’ (наименование колдовского инструмента вэльвы), композиты *vel-spár* ‘хорошо предсказывающий’, *víg-spár* ‘битву предсказывающий’, свидетельствующие о распространённости процедуры волшбы.

Гапаксы могут подразделяться на архаизмы (их большинство) – номинации уникальных объектов или явлений мифопоэтической эддической модели мира – и инновации (ср. сложные слова, образованные по одинаковой модели: др.-исл. *sceggǫld*, *vindǫld*, *vargǫld*), зафиксированные в композитах, в которых благодаря повтору второго компонента, его семантического ядра, создаётся цепочка новых лексем, обладающих одинаковой двучленной структурой и потенциально не исключают аналогичные конструкторы с другими детерминативами в виде первых элементов. Таким образом, на основании эддического материала можно констатировать принципиальное различие между этими разрядами гапаксов: появление архаизмов, засвидетельствованных **один раз, закономерно**; оно вызвано необходимостью в номинации **уникальных** денотатов мифопоэтической модели мира, в то время как инновации хотя и **окказиональны**, но по существу могут воспроизводиться в модифицированном виде в составе идентичных словообразовательных моделей, то есть не являются подлинными гапаксами.

Среди гапаксов отчётливо выделяются фрагменты *высокого* стиля, «языка богов»; к сакральной лексике могут быть отнесены др.-исл. *tívorrr* ‘жертва’; *heið-vanr* ‘(к) ясности привыкший’, атрибут мирового древа; *hvíta-aurr* ‘белая влага’, священная жидкость, омывающая мировое древо).

Гапаксы обнаруживают черты *поэтической* организации, ср. повтор общего элемента (др.-исл. *sceggǫld*, *vindǫld*, *vargǫld* (Vsp. 45) ‘топора век, ветра век, изгоя век’ или этимологическую фигуру – др.-исл. *ginnunga gap* ‘зияний зияние’²¹; некоторые из них можно интерпретировать как реликты общегерманского поэтического языка, ср. др.-исл. *biórsalr* ‘пива чертог’, др.-англ. *beor-sele*; др.-исл. *aldr-nari* ‘жизни питатель’, др.-англ. *ealdor-nere*.

²¹ Оба элемента этого словосочетания восходят к одному и тому же корню с различными детерминативами - и.-е. *ǵhē- [IEW 419].

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что гапаксы, зафиксированные в эддическом «Прорицании вёльвы», аналогичные по своей природе именам собственным, предоставляют уникальную информацию о древнеисландской мифопоэтической модели мира как в содержательном, так и в формальном аспектах, и значение этого феномена трудно переоценить.

Литература

- Есперсен О.* Подлинное значение имен собственных // *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. С. 70-77.
- Стеблин-Каменский М.И.* «Старшая Эдда» // *Старшая Эдда.* Древнеисландские песни о богах и героях. / Пер. А.И. Корсуна. Ред., вступ. ст. и комм. М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963. С. 181-213.
- Топорова Т.В.* О субъективности жанра прорицания и языковых способах выражения субъекта в «Прорицании вёльвы» // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Выпуск V. М., 2017. С. 183-194.
- Тронский И.М.* Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. Фрейденберг О.М. (ред.). М.-Л., 1936. С. 7-30.
- Dronke U.* The Poetic Edda. Volume II. *Mythological Poems.* Oxford, 1997.
- Gardiner A.H.* The Theory of Proper Names. London, 1910.
- Malinowski B.A.* A Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, N. Carolina, 1944.
- Solmsen F.* Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg, 1922.
- Gunnell T., Lassen A.* (eds.). The Nordic Apocalypse: Approaches to Völuspá and Nordic Days of Judgement. Brepols Publishers, 2013.
- McKinnell J.* «Völuspá and the Feast of Easter,» // *Alvissmál* 2008. Bd.12. S.3-28.
- Vries J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. Die Götter – Vorstellungen über den Kosmos, der Untergang des Heidentums. Berlin, 1970.

Источники

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Пер. А.И. Корсуна. Ред., вступ. ст. и комм. М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.

Электронные ресурсы

Варбот Ж.Ж., Журавлев А.К. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М.: Институт русского языка РАН, б.г. [Электронный ресурс]. URL: – http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf

Словари

- Мифы народов мира.* Энциклопедия. Т. 2. К-Я. Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1982.
- An Anglo-Saxon dictionary* based on the manuscript collections of the late J. Bosworth. Ed. and enlarg. by T. N. Toller. London, 1954.
- Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. Second edition with a supplement by Sir W.A. Craigie. Oxford, 1957.
- Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern.* Hrsg. von Gustav Neckel. Bd. II. Kurzes Wörterbuch von *Hans Kuhn*. Dritte umgearb. Aufl. des Kommentierenden glossars. Heidelberg, 1968.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959. Bd. 1.

Сокращения

В названиях языков

др.-исл. – древнеисландский язык

др.-англ. - древнеанглийский язык

В названиях эддических песен

Vsp. – *Vǫlosprá* «Прорицание вэльвы»

Глава 1.5.

Стилевые ресурсы немецких романских текстов раннего Нового времени (XVI в.)

Н.С. Бабенко

Институт языкознания РАН, Москва

В главе с позиций исторической стилистики и современного лингвистического жанроведения рассматривается существование в постреформационной Германии особой, исторически обусловленной социокультурной ситуации, сложившейся в немецкой словесности второй половины XVI в. Ее отличительной чертой являлось освоение прежнего опыта использования немецкого языка, расширение границ его применения в книжной культуре и в дискурсивных практиках. Эти процессы нашли своеобразное преломление в развитии отдельных жанров текстов и в характере их взаимодействия. Изучению подлежит проблема формирования ранней романной прозы на немецком языке, ее истоков, стимулов и направлений развития, взаимодействия с публичными дискурсами своего времени. Также выявляется связь ранней романной литературы с массовой литературой малых форматов, и прежде всего с жанром шванков, которые имели в XVI в. рекреационное назначение и тем самым выполняли важную внеидеологическую функцию.

Stilprägende Wandlungen in deutschen Schwank-Romanen der frühen Neuzeit (das 16. Jh.)

Natalija Babenko

Institut für Sprachwissenschaft der Russischen Akademie der Wissenschaften, Moskau

Aus der Sicht der historischen Stilistik und der modernen Textsortenlinguistik wird im Beitrag die Präsenz in der Nachreformationszeit (1555-1618) einer historisch bedingten soziokulturellen Situation verifiziert, die in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts in der deutschen Sprachkunst entstand und als unikale Erscheinung in der deutschen Sprachgeschichte qualifiziert werden kann. Sie war geprägt durch die intensive Bewältigung des deutschen Sprachguts in der Schriftlichkeit, in der Buchdruckkultur und in den diskursiven Praktiken unterschiedlicher Art. Diese Prozesse haben markante Wandlungen in der Entwicklung von einzelnen Textsorten und im Charakter ihres Zusammenwirkens gefunden. Untersucht werden die Probleme in der Entwicklung der frühen deutschen Prosa-Romane, die soziokulturellen Ansätze ihrer Entstehung und Stimuli ihrer Verbreitung in der Öffentlichkeit. Vom Interesse scheint auch die Verknüpfung der frühen Prosa-Romane mit der kleinförmigen Massensliteratur und vor allem mit der Textsorte Schwank zu sein, die im 16. Jahrhundert nicht als ideologiebelastete, sondern als ausschließlich unterhaltender und therapeutischer Text favorisiert wurde.

Введение

Во многих работах В.Н. Ярцевой развивается и детализируется на исторически разнообразном языковом материале довольно очевидная идея о зависимости языковых изменений и стиливых модификаций текстов

от исторически сложившихся социальных условий функционирования книжно-письменной культуры. При этом характер этих зависимостей весьма разнообразен и вместе с тем специфичен в каждом языке: во многих случаях требуется глубокое обоснование прямых или косвенных связей между преобразованиями в языке и действием внешних стимулов и факторов, которые определяются уровнем развития общества, пользующегося данным языком [Ярцева 1976].

Вторая половина XVI в. представлена довольно хорошо развитой системой жанровых форм текстов, которые стали бурно развиваться благодаря изобретению книгопечатания, существовавшего уже более 100 лет в режиме постоянного расширения границ своего присутствия в культуре разных стран Европы. Появились авторство и массовый читатель, для которого чтение текстов стало престижным умением и необходимым занятием. Данный период истории культуры, общества и словесности все больше привлекает внимание исследователей разных гуманитарных дисциплин, поскольку он выделяется ярко выраженным переходным характером разнообразных исторических процессов, связанных с закатом эпохи Возрождения (позднего Средневековья) и движением к раннему Новому времени. Этот процесс сопровождался религиозными, социальными и идеологическими преобразованиями в обществе, которые приобретали публичный характер и находили свое выражение в текстовой деятельности нового поколения авторов, создававших тексты разной тематики и прагматики. Массовый характер литературы этого периода вовсе не означал резкого сближения с разговорным языком, хотя такое понимание развития письменной культуры в XVI в. заложено в обозначении *Volkssprache* ('народный язык'); по сути, от читателей требовались компетенции более высокого уровня, чем владение повседневной речью. В русле формирования разнообразных языковых компетенций, актуальных для массового читателя, лежала текстовая деятельность таких авторов, как Й. Викрам, М. Линденер и Й. Фишарт.

Ранняя романная проза в оценке немецкой филологической школы

Изучение немецких романских текстов XVI в., имеет множество ракурсов, что связано с теми или иными приоритетами немецкой филологической традиции в разные периоды ее развития. Так, существуют историко-культурные, лингвостилистические, литературоведческие версии и их поэтологические и риторические ответвления в изучении весьма короткой истории развития ранних романских текстов на немецком языке, относящихся ко второй половине XVI в., то есть микропериода с 1555 (Аугсбургский религиозный мир) по 1618 гг. (начало 30-летней войны).

Изучение развития немецкой словесной культуры второй половины XVI в. длительное время находилось под давлением традиции, сложившейся

еще в конце XIX в. и сводившей описание письменной культуры этого периода к исключительно негативным оценкам, лишившим ее какой-либо эстетической ценности ввиду преобладания рефлексов религиозного противостояния, которое не было преодолено несмотря на заключение Аугсбургского религиозного мира.

В немецкой историографии данный период получил название «Лютеровская пауза», поскольку в это время, по мнению историков немецкой литературы, в немецкой словесности не возникло никакого сколько-нибудь эстетически значимого явления, сравнимого с текстовой деятельностью самого М. Лютера (1483-1546). Такая негативная оценка переходного микропериода не учитывает множества процессов, которые сопутствовали переосмыслению традиционных дискурсивных практик в постреформационный период развития идеологии, культуры, социальных отношений и находились под влиянием такого мощного социокультурного фактора, как книгопечатание, получившего именно в этот период массовое распространение в разных социальных средах [Бабенко 2010] и определившего кардинальный по своему значению переход из устной медийности в печатную.

Ранняя романная проза относилась к риторической сфере использования языка, то есть тексты такого рода по своим функциям представляли собой разновидность фикционального нарратива, а не институциональные формы немецкой письменности. Их прагматическое назначение определялось множеством историко-культурных факторов, которые формировали своеобразие нарратива этого типа, соединявшего в себе разные стилевые традиции того времени – канцелярии (деловая сфера), проповеди (религиозная сфера) и трактата (научно-познавательная сфера) [Schwitalla 2000].

Немецкоязычное филологическое знание терминологически разграничивает литературоведческие и лингвотекстовые аспекты изучения риторических жанров. Литературоведческий термин *Gattung* ('жанр'), имеющий давнюю традицию использования, получил уточнение в результате появления в немецкой лингвистике текста термина *Textsorte* (русск. 'жанр текста' или 'жанр речи' в терминологии М.Бахтина), который стал основой развития такого направления, как лингвистическое жанроведение [Бабенко 2018], с его интересом к типам текстов разной функциональной направленности как представителям дискурсивных практик, развивающихся в разных социальных средах под влиянием прагматических, культурных, идеологических, экономических и других стимулов внешней среды [Adamzik 1995].

Следует отметить, что понятие «литература» появилось в истории немецкой словесности довольно поздно. По этой причине понятие *Textsorte* представляется достаточно универсальным, чтобы использовать его по отношению к текстам разных эпох, прагматических профилей и эстетических качеств. Общее понятие художественной литературы как некоторой

совокупности ее различных жанров и эстетических форм отсутствовало в сознании общества вплоть до раннего новонемецкого периода. Как это ни парадоксально, но даже в XVII столетии немецкому обществу понятие литературы еще было незнакомо. Проза и поэзия первоначально существовали в риторической теории и дискурсивной практике независимо друг от друга, тогда как объединяющее их понятие *belles lettres* появляется только во второй половине XVII в. [Семенюк 2006, 37-38].

В данном разделе предпринимается попытка дать представление о немецких романых текстах второй половины XVI в. с опорой на историю немецкого языка как историю жанров текста [Steger 1991], которая активно развивается в современной отечественной и зарубежной германистике и своей задачей ставит изучение текстов разных жанров в контексте общего развития письменной культуры как явлений коммуникативной деятельности и дискурсивных практик, свойственных языковому сообществу на определенном этапе его существования. Весьма продуктивным представляется рассмотрение романых текстов XVI в. в дискурсивном ракурсе, то есть как явлений нового, только начинавшего формироваться континуума оригинальных (немецкоязычных, а не переводных!) текстов в авторском, то есть не анонимном исполнении, предназначенных для широкой городской публики, овладевшей навыками чтения, и отличавшихся не религиозной направленностью содержания, а нарочитой приземленностью повествования и преобладанием описания быта и человеческих взаимоотношений. Изучение немецких романых текстов в рамках историко-лингвистического жанроведения, предполагающего учет прагматических аспектов текста, может дать объяснение многим явлениям в функционировании языка переходной эпохи, когда в текстовой деятельности происходило взаимодействие традиционного и новаторского, менялись содержание и назначение этой деятельности, а также ее формы [Ярцева 1976; Wolf 2000, 1]. Сходные процессы проявляли себя и в развитии театральной культуры с ее движением к публичности и адаптации под нужды времени (подробнее в: [Bloemendal, Eversmann, Strietman 2012; Лурье 2015]).

Факторы расширения дискурсивных практик в переходную эпоху

Если под дискурсом, вслед за М. Фуко [Foucault 1973, 156], понимать множество высказываний, которые принадлежат одной системе формаций (то есть тематически связанных текстовых образований), то для письменной культуры XVI в. характерным ее свойством оказывается стремительное развитие разного рода дискурсивных практик (то есть коммуникативно релевантных топосов, вокруг которых развивались дискурсы) в самых разных сферах жизни общества, сформировавшихся в процессе транзита из замкнутого на себе средневекового типа культуры в новую коммуникативную

среду, которая развивалась в условиях публичности и массового потребления продуктов книжной культуры. К наиболее значимым в данный период относятся такие дискурсивные практики, которые имеют теологическую, полемическую, информирующую, медицинскую, астрологическую, научно-познавательную, утилитарно-прагматическую и прочую направленность. Анализ реестров печатной продукции показывает, что актуальные для рассматриваемого периода названия, под которыми издавались тексты, отличались довольно высокой степенью специализации и достаточно точно обозначали жанр, форму и тематику текста [Hertel 2000].

Дискурсы второй половины XVI в. отражали сложный характер социальных и культурных процессов, которые находили преломление в текстах разных жанров. Среди них романная литература занимает особое место как площадка для развития, с одной стороны, жанрово-стилистического разнообразия книжно-письменной культуры, с другой стороны, для выравнивания грамматической формы письменного языка, а также для освоения возможностей и ресурсов самого немецкого языка в рамках оригинальной авторской прозы, которая во многом носила не только традиционный, но и поисковый, а также экспериментальный характер.

Романная проза возникла в условиях существования весьма депрессивных явлений в жизни социума, связанных с масштабной неопределенностью и противоречивостью развития во всех сферах – институциональной, религиозной, политической, идеологической, экономической, социальной [Babb 1965; Lederer 1995]. Исследователи этого периода все чаще обращают внимание на факты депрессивного состояния общественного сознания, наличие крайне тревожных, катастрофических ожиданий в ближайшем будущем. В последние годы собрано достаточно много документальных свидетельств и дискурсов на эту тематику [Rieche 2007]. Топос преодоления меланхолии вошел во второй половине XVI в. в моду и просуществовал до начала XVII в.; он мотивировал появление обширной книжной продукции развлекательного толка, которая предназначалась для разных социальных групп читателей и сопровождалась в предисловиях и титульных комплексах заверениями авторов и издателей о безусловной пользе текстов для преодоления душевных недугов.

Яркую и вполне очевидную параллель к словесным формам дискурса демонстрируют известные образцы изобразительного искусства того времени, например, картина под названием «Меланхолия» (1558) немецкого художника Маттиаса Герунга детально и красочно передает представление о кризисных, меланхолических состояниях социума XVI в. [Rieche 2007, 113].

Словесная культура XVI в., оказавшаяся под сильным влиянием кризисных факторов, развивалась в русле популяризации развлекательного дискурса. Данная тенденция проявляла себя по-разному, в том числе как уход от реальности в мир гротеска, пародии и комического, как нагромождение персонажей, деталей, стилистических приемов и т.д. для достижения эффекта

присутствия иной реальности, противопоставленной обыденному поведению человека в обстоятельствах, вызывающих страх, неуверенность и беспокойство.

Наиболее полное представление о ранней немецкой романной литературе, ее эстетических и стилистических качествах дают произведения трех авторов – Й. Викрама (ок. 1505-1562), М. Линденера (1520-1562) и Й. Фишарта (ок. 1547-1591). Данный состав авторов и комбинация литературных форм являются довольно уникальными в контексте позднего Средневековья и воплощают поиск новой эстетики, новой словесной формы, способной преодолеть сложившуюся традицию теологического и профанно-апокалиптического дискурсов, в том числе путем создания новых нарративных моделей текста и использования разнообразных приемов их языковой стилизации, обусловленных социокультурным назначением текста в дискурсивном пространстве эпохи, предшествовавшей становлению идеи о языковом единстве немецкой нации.

Формирование романной литературы на немецком языке тесно связано с проблемами авторства и адресности в условиях распространения книгопечатания [Олейник 2006]. Авторское начало проявляется еще довольно слабо, хотя имя автора называется публично; сильным оказывается воздействие на публику издателей и продавцов книг, которые побуждали публику к овладению чтением как в высшей степени престижным, социально значимым умением. При этом следует учитывать то обстоятельство, что некоторые авторы не без оснований претендовали на выражение в своих текстах яркой индивидуальности, что отражало характерное для позднего Средневековья стремление к преодолению анонимности в сфере письменности и к подчеркиванию авторства как проявления самобытности. Однако такого рода мотивация подчинялась сложившейся жанрово-стилистической традиции, для которой было характерно повествование в форме отдельных историй о событиях, ситуациях, происшествиях и т.д. Немецкое обозначение *Geschichte* ('история'), часто используемое в титульной части романов, выступает синонимом понятия *Schwank* ('шванк') как обозначения особого жанра немецкой литературы, представленной в XVI в. множеством собраний коротких «повестушек», описывающих жизненный опыт героев разных социальных слоев. Это обстоятельство определяло и характер адресности собраний текстов с поучительными историями довольно универсального содержания. Вместе с тем в этот период начинает себя проявлять и адресованность другого рода – обращенность текстов к узкой социальной прослойке читателей, способной оценить словесные эксперименты авторов романов.

Названные выше авторы являются яркими представителями ранней немецкой романной литературы: Йорк Викрам отвечал запросам благочестивого бюргерства, Михаэль Линденер смело экспериментировал с ресурсами немецкого языка, Йоганн Фишарт осуществлял переложения на немецкую почву с французского произведений Ф. Рабле. Для каждого из этих

авторов можно выделить специфические контактные связи с культурными феноменами эпохи:

Йорг Викарам (Jörg Wickram) – автор многочисленных сборников шванков и целого ряда романских текстов – создавал тексты с отчетливо назидательной тематикой. Его «романный опыт» отчетливо доказывает, что немецкий язык благодаря его использованию в крупных текстовых формах постепенно приобретал новые стилистические качества. Для Викарама характерна органическая связь с национальной немецкой культурой эпохи Возрождения, развивавшей массовые формы печатной продукции для широкого потребителя. Его текстовая деятельность была направлена на сохранение тесных контактов внутри самой немецкой культуры.

Михаэль Линденер (Michael Lindener) как автор лишь одного романа на немецком языке отличается от двух других «романистов» своими контактами с дискурсами разнообразных сфер – медициной, астрологией, теологией. Его «шванкообразный роман» представляет собой опыт конструирования поэтического мира, в котором доминирует нарочито грубое комическое начало, инициируемое множеством различных поводов. Здесь имеет место особая форма индивидуализации языковой практики, которая заключается в использовании подчеркнуто разрушительной словесной образности. Таким способом автор стремился преодолеть статичный характер прозаических текстов своего времени и сделать языковую форму более выразительной и «театрально-драматичной» для усиления контакта с читателем и вовлечения его в сферу развлекательного дискурса с помощью новых стилистических приемов. Язык романа отличается провокативным характером использования лексики, которая оказывает влияние на синтаксическую организацию текста.

Йоганн Фишарт (Johann Fischart) связан с другим направлением развития немецкой романной литературы XVI в., которое возникло в результате контактирования с литературным образцом французской культуры в лице Ф. Рабле и его романом «Гаргантюа и Пантагрюэль». В исследованиях на эту тему отмечалось, что роман Фишарта на немецком языке не является прямым переводом с французского оригинала, а представляет собой довольно вольное переложение содержания и перенесение его смеховой основы на почву немецкого языка и культуры. Автор немецкой версии текста француза Ф. Рабле демонстрирует возможности и ресурсы немецкого языка в словообразовании и стилистическом использовании языковых средств, которые ранее не находили столь яркого выражения в немецкой письменности.

О шванковой природе ранней немецкой романной литературы

Многочисленные сборники шванков XVI в. представляли собой тексты малых форм, предназначенные для массового читателя [Мелетинский 1988]. Их прототипической функцией было развлечение читающей публики,

что особенно отчетливо проявилось уже в собрании веселых историй о Тиле Уленшпигеле (1515), ставшем первым оригинальным произведением развлекательного назначения, выполненном на немецком языке.

Поскольку во второй половине XVI в. появилось множество текстов, в которых транслировались разного рода коллективные страхи, ожидание катастрофических событий (связанных, например, с появлением кометы 1557 г.), то велика была потребность и в текстах иного характера, которые должны были отвлечь читателя от мрачного восприятия действительности. Ключевыми словами пространных заголовочных комплексов и предисловий в шванковых сборниках XVI в., которые усиленно тиражировались, в том числе и по чисто коммерческим соображениям, были *Kurzweil* 'развлечение', 'увеселение' [Бабенко 2008], *Nutzen* 'полезность' и *Wahrheit* 'подлинность', 'правдивость'.

Шванкообразный нарратив, то есть повествование, состоящее из самостоятельных историй с разными, «несквозными» по всему тексту персонажами, преобразуется в романах в повествование с набором постоянных героев, вокруг которых происходит действие, по целому ряду признаков сходных с шванковыми историями. Титулы, отделяющие одну историю от другой, также указывают на связь романских текстов с шванковой прозой: для обоих типов текста существенной чертой является нарративный характер названия глав как ориентиров для читателей в их ожиданиях относительно направления и динамики развертывания повествования.

Функции романских текстов, формулируемые в пространных названиях самим автором, не поддаются строгому выделению: например, текст создавался только для радостных ощущений в темные времена (... *ein fröhlich Gemüt zu machen in schweren Zeiten*); для создания терапевтического эффекта, помогающего ослабить грусть, болезнь, злобу и зависть (... *goeder recreationen ...dass Trawrigkeit/Krankheit/ hassz vnd neid/wirdt gemildert*); или для предостережения от страшных и отвратительных действий (... *zum schrecklichen Beispiel/ abscheulichen Exempel und treuhertziger Warnung*) (цит. по: [Schwarz 2000, 158]).

Шванковые истории и романские тексты совпадают по целому ряду языковых признаков. Среди синтаксических признаков доминируют такие, как высокая частотность темпоральных предложений и наречий с темпоральной семантикой в начальной позиции; предложения с *verbum dicendi* и прямой речью в конечной позиции, линейное развертывание паратаксиста в составе цельного предложения – для поддержания хронологической линии повествования, что в романной прозе имеет особое значение как гарантия подлинности и достоверности описываемых событий. Лексические признаки и шванковой, и романной прозы связаны с отбором наречий с темпоральной семантикой и с использованием глаголов говорения, которые обеспечивали членение текста на сегменты и подчеркивали его разговорную тональность.

Опыты создания романских текстов

Von guten und bösen Nachbarn («О добрых и злых соседях») 1556 г. Й. Викара

Городской писарь, современник М. Лютера, Й. Викара считается «отцом немецкого романа» [Scherer 1877, 35]. Он «двигался» к крупным романским формам через создание образцов назидательного повествования о жизни добродетельных бюргеров. Роман «О добрых и злых соседях» посвящен описанию взаимоотношений представителей бюргерского сословия в их обыденной, повседневной жизни. Примечательно само название романа: оно выражает значимую в XVI в. идею противопоставления добра и зла, добродетелей и пороков, которая получила дискурсивное развитие в публичной сфере, в том числе и благодаря тексту романа Викара, который демонстрирует образец поведения добродетельных бюргеров в условиях чрезвычайно агрессивной окружающей среды. Повествование, состоящее из 50 глав, разворачивается как цепь событий, связанных с названными этическими понятиями.

Шванковая стилистика сохраняется прежде всего в пространных названиях глав, которые представляют собой краткое изложение содержания, своего рода вкладки, и фиксируют внимание на наиболее значимых моментах повествования в их последовательности. Этот прием получил в романе Викара завершенную синтаксическую форму на уровне как простого, так и зависимого предложений; она соответствовала общей тенденции построения предложения и места финитного глагола в каждом типе высказывания:

Wie zwen reicher kauffherren eines handels und gewerbs zûsamen auff einem schiff kumen, fründtschafft und gesellschaft zûsammen sûchen, der ein fast kranck ward, der ander sein gar trewlichen pflegen was und, als sie gehn Lisabona kumen, zû ihm in sein haus nam (W: 137).

Что касается содержания глав, то они отражают заявленную в вводке сюжетную основу, главы соразмерны друг другу на всем протяжении текста, включают прямую речь и многочисленные комментирующие авторские фрагменты, выделенные графически для поддержания контакта с читателем. В романе Викара представлена модель такого использования языка, которая была ориентирована на читателя, заинтересованного в получении информации в доступной, упорядоченной языковой форме. Обращает на себя внимание умеренное использование гипотаксиса в сочетании с немногочленным паратаксисом, что обеспечивало обзорность синтаксической структуры текста и его членимость на фрагменты с паратаксическим или гипотаксическим оформлением позиции финитного глагола:

Als sie nûm alle amen gesprochen hand/ haben sie die speis mit zûchten genossen/ Da ist yederman zimlich frölich gewesen/ allein Robertus der hatt einen

seufftzen über den anderen gelassen/ und sich gantz trawrig erzeiget/ das dann die andren seine lieben nachbaurn und freundt auch trostmutig gemacht hat. Der gelert man/ so hart neben Roberto gegessen gewesen ist/ hatt in mit gar sanfftmütigen worten angeredt/ „Lieber herr Roberte / was bekümmert euch so schwerlichen/ das ir so gar nit guter dingen sein wollen? « (W: 130).

Специфическое для немецкого языка явление порядка слов в рамках предложения получило в романной прозе Викрама свое четкое закрепление, что соответствовало общей тенденции в развитии письменного языка, но реализовалось в XVI в. весьма непоследовательно. Использование унифицированных схем порядка слов сочеталось в прозе Викрама с стилистической гомогенностью романного текста, что отвечало задачам опрощения немецкого письменного языка как языка тривиальной массовой литературы.

Katzipori («Каципори») 1558 г. М. Линденера

М. Линденер и его проза изучены по сравнению с текстами Викрама и Фишарта наименее полно, поскольку его творчество стоит несколько особняком и с трудом вписывается в литературный процесс, но для историков языка этот автор представляет большой интерес как экспериментатор в области языковой игры и гротескного использования языковых средств для создания комического эффекта, не имевшего себе равных в традиционной немецкоязычной культуре. Основания для выделения творчества Линденера в особую категорию немецкой словесности XVI в. исследователи усматривают в том, что его тексты были не только специфическим отражением дискурсивной практики в условиях повсеместно кризисной ситуации, сопряженной с состоянием меланхолии как социальным явлением и результатом эпохи «тяжелых испытаний», но и опытом оригинального риторического конструирования терапевтического назначения, то есть для сугубо медицинского воздействия на потребителя этих текстов путем создания особой словесной текстовой материи. Свой терапевтический посыл Линденер формулировал открыто, а не намеком, вскользь, как Викрам.

Языковое мастерство Линденера признается всеми исследователями его творчества, отмечается его исключительно виртуозное владение ресурсами немецкого языка и их мастерское использование в риторических конструкциях, насыщенных множеством словесных изобретений, которые создают эффект самостоятельного существования языковой формы текста, «обволакивающей» его нередко крайне непристойное содержание. Наиболее типичными приемами словесной игры в текстах Линденера выступают новообразования, длинные ряды слов одной частеречной принадлежности, смешение элементов из разных языков в одной конструкции или в развернутом высказывании, звуковая обработка слов.

Показательно для поэтики Линденера название его произведения: *Katzipori* («Каципори»). Оно не поддается однозначной расшифровке не только на платформах современного немецкого языка, но и в дискурсах XVI в. исследователи не находят для него приемлемого толкования [Rieche 2007, 292-293]. Название титульного листа книги также служит подтверждением загадочности, двусмысленности и неожиданности предлагаемого читателю текста: *Der erste Theyl KATZIPORI. Darinn neue Mugken / seltsame Grillen / unerhörte Tauben / visirliche Zotten verfaßt und begriffen seind: Durch einen leyden guten Companen / allen guten Schluckern / zu gefallen zusammengetragen* (L: Titelseite). Порывая с традицией создания титульных страниц, которые содержали указание на жанр текста (*historia, fabula, schwenck* и др.) и вводя синонимический ряд произвольно выбранных слов из мира пернатых (*mugken, grillen, tauben, zotten*), Линденер направляет внимание читателя на иную дискурсивную модель словесно-образного воплощения содержания своего текста, максимально удаленную от стандартных образцов того времени.

Характерной особенностью авторского «Я» Линденера является то, что содержательно его «шванковые» тексты по большей части оригинальны, то есть не имеют литературных параллелей и не воспроизводят предыдущий опыт шванковой культуры, что было характерно для большинства авторов малоформатных текстов, которые чаще всего являлись простой компиляцией уже существовавших сюжетов. У Линденера языковые эффекты и конструктивные изобретения доминируют над комическим изображением персонажей и их поступков (в сюжетной канве повествования *dictum* стоит над *factum*). Показательно также то, что Линденер отдает предпочтение письменной форме языка с закономерностями его употребления, а не устной разновидности, которая явно могла бы войти в противоречие с его языковым экспериментированием [Rieche 2007, 70-71]. Что касается жанра рассматриваемого текста Линденера, то это скорее квази-роман, который является таковым несмотря на повествование в шванковой манере. Шванки при этом образуют единое целое не столько благодаря количеству сюжетов (127 глав), сколько благодаря уникальным качественным характеристикам их языковой формы, которая выступает объединяющим началом всего шванкового «романа».

Языковая игра в текстах Линденера принимает разные формы: синонимизация, нанизывание слов для создания многословных комплексов, изобретение новых, не обладающих смыслом слов, нередко с использованием звуковой символики для достижения ритмико-мелодического эффекта в рамках письменной формы текста. Эти приемы могут выступать самостоятельно или в комбинации друг с другом, как, например, в пассаже, повествующем о незадачливом крестьянине, который на свой манер старается объяснить портному, какие брюки он хотел бы иметь к свадьбе, и делает это непонятным для портного образом, употребляя бессмысленные, но эффектно звучащие

слова: *Fritz mit dem finger auf das läder und deütet: Hin umb wider / und sagt / auf und nyder / hin unnd wider / kritzal kretzel / schütel schmetzel / So will ich es haben* (L: Kapitel 4).

Риторической максимой для Линденера является представление о том, что экстремально неожиданная языковая фактура текста могут оказывать аффективное воздействие на человека и проявлять целительную силу как средство против уныния и меланхолии.

Geschichtklitterung («Незатейливые истории») 1575-1590 гг. Й. Фишарта

Формально переводной, но по сути чрезвычайно оригинальный многотомный роман Фишарта с экзотическим и экстерриториальным сюжетом воспроизводит экспериментальное языковое моделирование текста по образцу шванковского романа Линденера «Каципори» [Dieckow 1996]. «Немецкая модель» французского романа оказалась самостоятельным и мало зависимым от оригинала текстом.

В предисловии к роману Фишарт говорит о том, что он сделал перевод на немецкий язык *überschrecklich lustig* ‘жутко смешным и веселым’ и *<...> habe <...> in einen Teutschen Modell vergossen* ‘облек его в немецкую форму’. Фишарт, упоминая, что Рабле был врачом, приводит пространное обоснование в пользу того, что врач для излечения больного должен применять не только лекарства, но и находить нужные слова, чтобы развеселить его; врач должен *mit alleine den bösen lufft und geruch minder einlassen, sonder auch bossierlicher zuseyn : der wird ein Krancken mutiger und geströster machen, alß ein langweiliger Langschraubiger Stirnruntzelter Fantast* (F: 16).

Роману предпослано стихотворение, в котором Фишарт обращается к читателю и называет свое произведение лекарством для душевного спокойствия (*Gemüts arzney*) и, как Линденер, ссылается на авторитет врача. Фишарт говорит о печали (*kommer*) и тяжелых мыслях (*schwäre gedanken*) как о недуге, который мучает человека и может довести его до смерти – *das Gemüt frisch halten, so wird der Leib selb naher walten*.

Текст романа Фишарта соединяется с медицинским дискурсом, который нацеливает читателя на излечение от меланхолии через чтение развлекательной литературы для переключения с мрачной, тоскливой и унылой повседневности на шутивно-комическое восприятие жизни. Потребность в этом у массовой публики была велика, и авторы, создавая свои тексты, стремились максимально выразительно, в гротескных формах воздействовать на читателя через привлечение внимания к языковому воплощению сюжетов. Для Фишарта эта тактика в той же степени типична, как и для Линденера.

Комическое, «смеховое» начало романа Фишарта обнаруживается уже на титульной странице: *Affentheuerlich Naupengeheurliche Geschichtklitterung*

Von Thaten und Rhaten der vor kurtzen langen unnd je weilen Vollwolbeschreiten Helden und Herren Grandgosschier Gorgellantua und deß Eiteldurstlichen Druchdurslechtigen Fürsten Pantagrue von Durstwelten, Königen in Utopien, Jederwelt Nullatenenten und Nienenreich- Soldan der neuen Kannarien Fäumlappen Dipsoder; Dürstling, und OudissenInseln: auch Großfürsten im Finsterstall und Nu bel NibelNebelland, Erbvögt auff Nichilburg, und Niderherren zu Nullibingen, Nullenstein und Niergendheym. Etwan von V- Frantz Rabeleis Frantzösisch entworfen: Nun aber überschrecklich lustig in einen Teutschen Model vergossen, und ungefährlich oben hin, wie man den Grindigen laufft, in unser MutterLallen über oder drunder gesetzt: Auch zu diesen Truck wider auff den Ampoß gebracht, und dermassen mit Pantadurstigen Mythologien oder Geheimnus deutungen verposselt, verschmidt und verdängelt daß nicht ohn das Eisen Nisi dran mangelt (F: Titelseite).

Авторский, индивидуальный стиль проявляется в языковой практике Фишарта с особой силой на таких уровнях языка, как лексика, словообразование, синтаксис. Чрезвычайно широко в тексте романа представлены синонимические ряды и многочленные однородные структуры в стиле *geblümte Rede* ('цветистая, пышная речь') гуманистов, но в ином прагматическом ключе: скопление слов одной частеречной принадлежности, близких по значению и по словообразовательным признакам создают комический эффект непрерывности языковой формы. Таков, например, синонимический ряд для единичного у Рабле употребления глагола *dancer*, состоящий в романе Фишарта из 31 слова и создающий впечатление танцевального ритма: *...da dantzten, schupfften, hupfften, lumpfften, sprungen, sungen, hunken, reyten, schreieten, schwangen, rangen, ploechelten: fußkloepfften: gumpeten: plumpeten: rammelten: Hammelten, voltirten, Branlirten, gambadirten, Cingpassirten, Capricollirten, gauckelten, redleten buortzleten, balleten, jauchtzeten, gigateten, armglocketen, hendruderten, armlaufeten, warmschnaufeten <...>*.

Комическое назначение имеет в романе Фишарта и конструирование слов-гигантов, типа: *schalksnarrenkurtzweil, heiligschriftenerklaerer, fronfastengeltsammler* и т.п. Примечательной особенностью романа является также то, что его текст изобилует лексическими построениями, сатирически вычурными смысловыми ассоциациями, вследствие чего содержательная структура ряда образований и целых фрагментов текста не поддается полной расшифровке и толкованию с позиций современной языковой компетенции, будучи глобальной метафорой абсурдности картины мира, свойственной общественному сознанию раннего Нового времени.

Заключение

В рамках общего историко-культурного контекста и с точки зрения особенностей социальных процессов второй половины XVI в. тексты романов Викрама, Линденера и Фишарта оказываются весьма разнородными опытами

создания оригинальных фикциональных текстов рекреационного назначения для широкой публики; ранние романы остались в истории немецкой словесной культуры единичными продуктами авторского творчества, которые не получили продолжения в последующем развитии литературно-письменной и языковой традиции, но определенным образом способствовали довольно решительному переходу от следования шаблонам развлекательного дискурса к формированию внеидеологической эстетики, культивированию самооценности языковых средств и созданию в обществе новой среды для текстовой деятельности на национальном языке, способном преодолевать господство латинской традиции в письменности.

Литература

Бабенко Н.С. Kurzweil как феномен немецкой письменной культуры XVI века // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. Ко дню рождения ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СМИРНИЦКОЙ. М., 2008. С. 66-75.

Бабенко Н.С. Раннее книгопечатание в Германии и его роль в развитии коммуникации // Язык. Закономерности развития и функционирования. Сборник к юбилею Натальи Николаевны Семенюк. М., 2010. С. 255-270.

Бабенко Н.С. Развитие жанровых форм массовой литературы в постреформационной Германии 1550-1618 // Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст. Москва, Калуга, 2014. С. 146-155.

Бабенко Н.С. Терминологическая база немецкоязычной версии лингвистического жанроведения // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова. М., 2018. С. 421-435.

Лурье З.А. Протестантский театр XVI-XVII вв. как историко-культурный феномен // Религия. Церковь. Общество. Вып. 2. СПб., 2015. С. 184-205.

Мелетинский Е.М. О структуре малых повествовательных жанров // Этнолингвистика текста. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Часть 1. М., 1988. С. 10-13.

Олейник М.А. Адресатный план и тип текста: аспекты взаимодействия // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2006. С. 146-163.

Семенюк Н.Н. Эстетический канон и некоторые языковые характеристики немецкого прозаического романа XIII-XV вв. // Языковая норма и эстетический канон. М., 2006. С. 37-53.

Ярцева В.Н. Роль традиции и инновации в типологической характеристике английского литературного языка // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 42-60.

Adamzik K. Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierende Bibliographie (Studium Sprachwissenschaft 12). Münster, 1995.

Babb L. The Elizabethan Malady. A Study of Melancholia in English Literature from 1580 to 1642. East Lansing, 1965.

Bloemendal J., Eversmann P. G. F., Strietman E. Drama, performance, debate, theatre and public opinion in the early modern period: an introduction // Drama, Performance and Debate: Theatre and Public Opinion in the Early Modern Period. Leiden, 2012. Pp. 1-18.

Dieckow P. Um jetzt der Katzenborischen art Rollwagenbücher zu gedenken – Zur Erforschung deutschsprachiger Prosaerzählensammlungen aus der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Euphorion 90. 1996. S. 76-133.

Foucault M. Archäologie des Wissens. Frankfurt am Main, 1973.

Gumbel H. Deutsche Sonderrenaissance in deutscher Prosa. Strukturanalyse deutscher Prosa im sechzehnten Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1930.

Hertel V. Textsortenbenennungen im Deutschen des 16. Jahrhunderts // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin, S. 322-329.

Lederer D.L. Reforming the Spirit: Society, Madness and Suicide in Central Europe, 1517-1809. New York University, 1995.

Rieche J. Literatur im Melancholiediskurs des 16. Jahrhunderts. Volkssprachige Medizin, Astrologie, Theologie und Michael Lindeners Katzipori (1558). (Literaturen und Künste der Vormoderne. Bd.1). Stuttgart, 2007.

Scherer W. Die Anfänge des deutschen Prosaromans. Jörk Wickram von Colmar. Straßburg-London, 1887.

Schwarz A. Die Freude am Guten und Bösen Zum Verhältnis der Textsorten Prosaroman und Schwankroman // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin, 2000. S.155-168.

Schwitalla J. Wandlungen eines Mediums. Sprachliche Merkmale öffentlicher Briefe von Laien in der Reformationszeit // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin, 2000. S. 261-279.

Steger H. Sprachgeschichte als Geschichte der Textsorten. Kommunikationsbereiche und Semantiktypen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig neubearbeitete und erweiterte Auflage, hg. von Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. 1. Teilband. Berlin; New York, 1998. S. 284-300.

Wolf N.R. Sprachgeschichte als Textsortengeschichte? Überlegungen am Beispiel von Latein und Althochdeutsch // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin, 2000. S. 1-99.

Wolf N.R. Alle Sprachwissenschaft ist Textlinguistik // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том V. Типология текстов нового времени. М., 2009. S. 223-234.

Источники

F – Fischart J. Geschichtklitterung (Gargantua). Bd. 1. Halle/ Saale, 1969.

L – Lindener M. Katzipuri / *Lindener M.* Schwankbücher: Rastbüchlein und Katzipori, hg.von Kyra Heidemann. Bd. 1: Texte. Bern, 1991.

W – Wickram J. Von guten und bösen Nachbarn. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zeno.org/nid/20005905079>

Глава 1.6.

Метадискурс как источник исторической динамики жанров англоязычной прессы

Е.Г. Беляевская

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В главе выдвигается положение о том, что диахронная динамика жанров в современных англоязычных СМИ во многом определяется модификацией метадискурса нарратива, что связано с акцентированием в тексте эмотивной реакции участников медиасобытия, а также с выдвижением на первый план мнения и оценочного отношения автора текста, берущего на себя роль очевидца произошедшего не только в газетной/журнальной аналитике, но и во всех информационных материалах.

Metadiscourse as a Factor of the Diachronic Genre Variation in the British and American Press

Elena Beliaevskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow

The section sets out to show that diachronic changes in the genre system of the modern British and American press can to a great extent be accounted for by changes in the metadiscursive conceptual structures, which are active in text construal providing more effective and otherwise better ways of information transfer in the process of communication. Genre modifications in the English language mass media stem from a change in the attitude of the writer who assumes the role of an eyewitness and foregrounds personal opinion and evaluation not only in analytical material but also in presenting news.

Систематизация текстов разных жанров и стилей является частью общей проблемы категоризации, которая большинством исследователей признается основной проблемой, решаемой когнитивной лингвистикой [КСКТ 1996]. Обычно, когда говорят о категоризации, имеют в виду изучение того, каким образом знания человека о мире и о себе репрезентируются в языке, и при этом предполагается, что объектом рассмотрения являются единицы разных уровней языковой системы. Речевые произведения классифицировать намного сложнее (если вообще возможно ввиду их практически бесконечного разнообразия), и в качестве основания классификации здесь принято выделять те функциональные сферы, к которым эти речевые произведения принадлежат, или те коммуникативные ситуации, в которых они реализуются.

Тексты по И.Р. Гальперину являются «результатом речетворческой деятельности», то есть, по сути, они должны относиться к речи, а не к языку. Однако, при категоризации текстов, лингвисты могут опираться не только на функциональные критерии, но и на конструктивные особенности текстов. Действительно, тексты формируются по определенным структурно-

семантическим моделям, и учет данных моделей формирования текстов привел исследователей к выделению текстовых жанров.

Термин «жанр» во многих случаях оставляют без определения. Так, в англоязычной лингвистической традиции считается, что представление о жанрах пришло в аргументативный и информационный виды дискурса из художественной литературы [Fowler 1994, 227]. В Кратком словаре литературоведческих терминов авторы разъясняют понятие жанра следующим образом: «так иногда называют роды литературы: эпический жанр, повествовательный жанр (роман, повесть, рассказ, очерк), лирический жанр (лирическое стихотворение, песня) <...> Иногда говорят и так: приключенческий роман, исторический роман, семейно-бытовой роман: – все это отдельные жанры, или виды, романа» [КСЛТ 1958, 46]. Таким образом, предполагается, что читатель имеет эмпирическое представление о жанре и достаточно просто привести пример, чтобы стало понятно, какое явление имеется в виду.

Интуитивное понимание того, что такое текстовый жанр, по-видимому, должно формироваться у человека в процессе образования, когда он учится правилам организации письменного текста и постигает основы логического изложения своих мыслей. Соответственно, у человека формируется и накапливается знание того, что существуют группы текстов, имеющих отчетливые структурные и стилистические параметры и соотносимых с определенными коммуникативными ситуациями. Иными словами, имеются некоторые категории текстов, сходных по форме, а также по внутренним закономерностям представления и развертывания информации, которые называют жанрами.

Интересно отметить, что жанры и типы текста, которые весьма по-разному трактуются и определяются в лингвистической литературе, выделяются как более частные разновидности дискурса независимо от того, какой классификации дискурса придерживается исследователь (художественный vs аргументативный или бытовой vs институциональный). Кроме того, деление на жанры легко осуществляется, если дискурсы классифицируются по тематике: политический дискурс, экономический дискурс, маркетинговый дискурс и др.

Описанные выше особенности жанровой дифференциации возможны только в том случае, если в языке существуют достаточно четкие модели формирования текстов каждого отдельного типа. Таким образом, проблемы выделения, а затем и проблемы исторической модификации жанров, должны изучаться на пути моделирования процессов текстоформирования.

Под текстоформированием мы понимаем конструирование и/или продуцирование текста в процессе речетворческой деятельности человека, причем в центре внимания исследователя должны находиться те когнитивные структуры, которые лежат в основе формирования текста. Обращение к когнитивным основаниям дискурсивной деятельности подразумевает

использование двухуровневой теории языковой семантики, принятой в когнитивной лингвистике (см., например, [Беляевская 2015a]). В рамках этой концепции все языковые сущности, обладающие семантикой и участвующие в процессе коммуникации (от морфем и других лексических единиц до текстов), рассматриваются как конструкции, состоящие из двух уровней. На внешнем уровне располагаются смыслы (значения), передаваемые в ходе коммуникации. Внутренний, глубинный, уровень формируется концептуальными структурами (когнитивными моделями), которые организуют семантику языковой единицы или текста. Концептуальное основание семантики отражает «когнитивную программу» формирования смыслового содержания языковой сущности; оно определенным образом структурирует это смысловое содержание, выделяя в нем более важные, «вершинные», семантические признаки, а также признаки менее важные для данного конкретного акта коммуникативного обмена.

Сложность концептуальных структур как оснований семантики языковых сущностей увеличивается по мере «укрупнения» языковых явлений. Иными словами, следует полагать, что концептуальные основания семантики слов, а также видо-временных форм и пространственных обозначений, являются более простыми структурами, чем концептуальные основания семантики словосочетаний, и далее – фразеологизмов, лексических группировок слов и т.д.

Проведенные исследования показывают, что концептуальные основания семантики языковых единиц обладают высокой степенью устойчивости и практически не меняются в процессе развития и изменения языковой системы. Так, на концептуальную внутреннюю форму как когнитивное основание семантики слова не влияет развитие семантической структуры лексемы, то есть появление у слова новых значений, поскольку все новые значения «встраиваются» в общую систему значений и основываются на общей для слова концептуальной внутренней форме [Беляевская 2011]. Это справедливо и в отношении фразеологических единиц и других устойчивых словосочетаний, а также в отношении грамматических структур, поскольку именно единство концептуальных оснований для всех носителей языка и их историческая устойчивость обеспечивают понимание при общении в процессе коммуникации.

Но можно ли экстраполировать это утверждение на тексты? С одной стороны, когнитивные модели, лежащие в основе формирования текстов должны обладать устойчивостью и не варьироваться в широких пределах, иначе могут возникнуть проблемы с пониманием при коммуникации. С другой стороны, несмотря на устойчивость, в том числе, литературных жанров, хорошо известно, что в языке периодически (и иногда достаточно быстро) появляются новые разновидности текстов. В частности, в конце XX века большое количество новых типов текста появилось в интернет коммуникации.

В этот же период стали заметны изменения в существующей жанровой системе англоязычной прессы. А.Д. Швейцер, один из ведущих отечественных

специалистов в области английской и американской прессы, постоянно общавшийся в 50-е и 60-е годы прошлого века с представителями английской и американской журналистики, отмечал, что для английского языка характерно разделение на информационные и аналитические жанры, которые строятся по достаточно четким правилам [Швейцер 2012]. Более того, предполагалось, что существует определенный кодекс поведения журналиста, который диктует ему необходимость обеспечения абсолютной беспристрастности, а также достоверности и объективности (или, по крайней мере, создания видимости достоверности и объективности) (см. [Fowler 1994]; [Швейцер 2012]). В настоящее время разработанное в 60-е годы XX века деление материалов англоязычной прессы на информационные, информационно-аналитические и аналитические уже не может служить надежным основанием категоризации газетных/журнальных жанров, которые претерпели значительные изменения за последние 30 лет. Для того, чтобы уточнить, какие изменения имеют место, и объяснить, почему это происходит, следует рассмотреть более подробно, что представляют собой когнитивные (концептуальные) основания формирования текста.

Прежде всего, ввиду сложности языкового объекта, каким является текст, можно полагать, что в основе формирования текста присутствует не одна, а несколько концептуальных структур. Здесь можно выделить две основные составляющие (или два уровня). Во-первых, необходимо учитывать **информационную составляющую**, то есть некоторое смысловое содержание, передаваемое адресату в ходе коммуникации. Любой текст создается как средство хранения и/или передачи информации, и первая группа когнитивных оснований формирования текста соответствует множеству фреймов (ситуационных и классификационных), которые отражают то знание о мире, которое автор хочет передать читателю, и то видение описываемого фрагмента действительности, которого автор при этом придерживается. Совершенно очевидно, что исчислить и описать эти фреймовые структуры можно только анализируя конкретные тексты, и каждый раз набор будет индивидуальным, репрезентируя то множество тезаурусов, из которого автор выбирает языковые единицы, соответствующие его замыслу. Структура когнитивных оснований информационной составляющей текста даже в самой формализованной своей форме всегда несет на себе отпечаток индивидуальности автора, ее практически невозможно ни спрогнозировать, ни смоделировать, ни предвидеть.

В качестве второй компоненты дискурса мы выделяем **метадискурсивную составляющую** как некоторую когнитивную структуру, которая обеспечивает внутреннюю организацию текста (см. [Вежбицка 1978]; [Рябцева 2005]; [Беляевская 2016]). Дискурс можно рассматривать как своеобразную когнитивную программу (или сложную многомерную модель) формирования речевого сообщения, и эта программа должна учитывать не только то смысловое содержание, которое автор сообщения планирует

передать в процессе коммуникации, но также способы передачи информации и конкретные условия коммуникации, то есть метадискурс. Понятие метадискурса интуитивно ясно, если обратиться к устной коммуникации, когда говорящий не только сообщает собеседнику некоторую информацию, но и выбирает максимально эффективные способы подачи этой информации, стремясь оказать воздействие на собеседника, убедить его в чем-либо, или, например, стараясь выбрать наиболее мягкую форму подачи с тем, чтобы никого не обидеть.

Метадискурс как особая когнитивная структура, участвующая в дискурсивной деятельности, конструируется в соответствии с общей когнитивной моделью семантики и включает в себя концептуальные структуры, обеспечивающие формирование метадискурса (то есть определенное когнитивное основание) и языковые средства, выполняющие в тексте метадискурсивную функцию.

Однако, когда речь идет о процессах речетворческой деятельности, которые приводят к формированию текста, двухуровневая когнитивная модель семантики языковых явлений существенным образом усложняется [Беляевская 2011]. В модели семантики языковых единиц (лексем и фразеологических единиц) оба уровня – семантический и концептуальный – **связаны между собой постоянной связью и не могут существовать друг без друга**. В отличие от языковых единиц, в когнитивной структуре семантики текстов оба уровня относительно независимы друг от друга, и существуют как отдельные, несвязанные между собой, блоки знаний до того момента, когда человек начинает формировать текст. Один блок представлен знаниями о мире, из которых человек составляет содержательную сторону формируемого текста (**информационная часть**), в то время как второй блок содержит знание о том, как строится текст и как информационно должны сочетаться между собой различные конструктивные элементы текста (**метадискурсивная часть**). При этом второй, метадискурсивный, блок включает в себя множество относительно самостоятельных концептуальных структур, которые могут быть задействованы в процессе текстоформирования по мере необходимости. Из этого следует, что общая модель формирования текста должна быть дополнена еще одним уровнем – **уровнем стратегий**, благодаря которым осуществляется выбор того или иного концептуального основания, а также того или иного языкового средства для конструирования метадискурсивной части текста.

Представление о стратегиях выбора метадискурсивных концептуальных структур является новым для современной когнитивной лингвистики и, соответственно, недостаточно изученным, однако, имеются работы по метадискурсу англоязычной художественной прозы [Федотова 2018], где эта идея появляется и рассматривается. Так, исследование, проведенное О.С. Федотовой, позволило установить, что в англоязычной художественной прозе метадискурс формируется посредством следующих стратегий:

- стратегия имитации прямой коммуникации автора с читателем, включающая стратегию воссоздания общей схемы коммуникативного взаимодействия в художественном нарративе, стратегию прямого обращения к читателю и стратегию использования оценки возможности и вероятности;
- стратегия апелляции к фоновым знаниям читателя;
- стратегия использования указаний на время в метадискурсе художественного нарратива;
- стратегия генерализации;
- стратегия использования концептуально-метафорической репрезентации.

На материале аргументативного дискурса метадискурсивные стратегии не рассматривались, поскольку исследователи, в основном, занимались систематизацией метатекстовых элементов (обычно применительно к англоязычной и русскоязычной научной прозе, см., в частности, [Губарева 2011]). Однако разработанные классификации позволяют восстановить набор используемых стратегий, которые во многом совпадают с теми стратегиями, которые реализуются в англоязычной художественной прозе. Но есть и существенные дополнения. В аргументативном дискурсе целый ряд стратегий связан с операциями с информацией, в том числе с расположением информационных блоков в логическом порядке, с расширением информации (то есть с введением новой, уточняющей и / или дополнительной информации), с распределением подаваемой информации по степени важности, а также с установлением или изменением основной линии изложения информации.

Газетные и/или журнальные тексты по определению относятся к аргументативному дискурсу, поскольку информирование читателей о событиях, которые происходят в мире, включает также рассмотрение причин и возможных последствий происходящего, описание действий, намерений и заявлений политических деятелей, прогнозы развития событий и т.д. Соответственно, к этим материалам может быть применена метадискурсивная модель аргументативного дискурса, включая те же метадискурсивные стратегии [Беляевская 2015б].

В качестве оснований выделения жанров СМИ всегда выступали два основных критерия: во-первых, информационный или аналитический характер текста, и, во-вторых, тематика текста. Отсюда такие устоявшиеся и хорошо известные газетные/журнальные жанры, как новостное сообщение, редакционная статья, аналитическая статья (feature article), колонка комментатора (opinion column), интервью, репортаж, специальный репортаж (объединение нескольких аналитических статей разных авторов по одной тематике). Подобное текстовое разнообразие представлено в разных вариантах в разных печатных изданиях, авторы статей или их псевдонимы обычно указываются в качестве подписи к текстам. В целом жанры англоязычных СМИ легко узнаются даже по внешнему виду текстов и различаются, главным

образом, по индивидуальному авторскому подходу и/или по индивидуальному авторскому стилю.

Как мы уже отмечали выше, жанры газетных/журнальных текстов качественной прессы всегда обладали большой устойчивостью. К тому же они обычно распределялись по принятым рубрикам, где каждый читатель мог найти те материалы, которыми он обычно интересуется. Однако, начиная с середины 80-х годов XX века, в англоязычных газетных/журнальных материалах начали обнаруживаться тенденции к изменению, прежде всего, по форме. В настоящее время редакционную статью и информационное сообщение практически невозможно отличить от небольшой по объему аналитической статьи, краткие информационные статьи (особенно в американских газетах) превращаются в анонс развернутого репортажа или аналитического очерка (the Wall Street Journal), меняются рубрики, которые отражали специфику той или иной газеты и журнала и традиционно поддерживались на страницах этих изданий. При этом многие газеты и журналы и в Великобритании, и в Америке перед и сразу после перехода к новому тысячелетию существенно изменили свой дизайн (см., например, The Economist), что укрепило ощущение изменения и обновления.

Таким образом, среди новых тенденций можно отметить определенное размывание границ традиционных жанров СМИ. Новостной дискурс стал больше напоминать аналитический дискурс, а редакционная статья, стилевые черты которой Р. Фаулер считал весьма важными в плане формирования идеологии печатного издания (ideology in the press) [Fowler 1994, 208-221], стала практически неотличима от колонки комментатора.

Какие же когнитивные и языковые механизмы обуславливают такие изменения?

Жанровая динамика в кратких информационных сообщениях особенно хорошо заметна. Рассмотрим следующий пример.

A state of emergency was declared in Lebanon, after a huge explosion in Beirut's port. The blast was felt in Cyprus, 240km away. It killed at least 135 people, injured 5,000 and left 300,000 homeless. The cause was a fire in a warehouse holding 2,750 tonnes of ammonium nitrate, a chemical used in fertiliser and bombs. This highly explosive stockpile had been neglected for six years. Lebanon's prime minister, Hassan Diab, vowed that those responsible would "pay the price". Lebanon was in economic and political crisis even before the blast. (Economist, 08.08.2020)

Как известно, один и тот же информационный повод (в данном случае – взрыв в порту Бейрута) может быть по-разному подан в тексте. Обращает на себя внимание то, что в приведенном примере автор текста подает информацию как очевидец или участник событий – по мере их поступления. Сначала описывается взрыв, затем говорится о том, что ударная волна ощущалась даже на Кипре, затем упоминаются жертвы и потери, далее идет указание на взорвавшийся химикат, реакцию премьер-министра и т.д. В то же время фактическая информация, которая должна составлять основу

информационного сообщения, отсутствует. Не приводится точная дата взрыва: журнал «Экономист» выходит раз в неделю и по дате публикации установить дату произошедшего невозможно. Сила взрыва оценивается как колоссальная (*huge, the blast felt 240km away*), но отсутствует обычное для таких случаев указание на тротильный эквивалент, понятный образованным читателям, на которых рассчитан данный журнал. К тому же непонятно, каким образом опасное вещество (и большое его количество) оказалось на складе и почему оно оставалось там в течение шести лет. Иными словами, неточная информация предоставляется читателю в несистематизированном виде и не основывается на необходимом для репортажа предварительном журналистском расследовании, то есть поиске и сборе информации.

При неизменном информационном поводе формирование текстов, которые будут репрезентировать диаметрально противоположные видения происходящего, возможно благодаря метадискурсу – той части процесса формирования текста, которая «отвечает» за выбор форм и последовательности подачи информационного содержания текстового сообщения. Это означает, что заметные изменения в формате различных англоязычных газетных/журнальных жанров связаны именно с изменениями метадискурса, а не с фактической информацией, которая принадлежит внеязыковой реальности и от воли журналистов не зависит²², и не с тем, что журналисты стали обращать внимание на события, которые раньше не попадали на страницы качественной прессы.

Анализ языкового материала показывает, что в настоящее время стратегии выбора метадискурсивных моделей аргументативного дискурса перестают коррелировать с такими ранее важными параметрами конструирования текста, как объем текста и газетная/журнальная рубрика. Во всех типах текста отмечается активизация стратегии указания на авторскую эмотивную оценку и стратегии введения дополнительной информации с одновременным уменьшением роли указаний на операции с информацией, в частности, указаний на логическую (смысловую) связь частей текста.

Отмечается интересное явление: в аргументативном дискурсе автор все чаще переносит фокусировку смыслового содержания текстового сообщения с фиксации последовательности событий на участников события, их эмоциональную реакцию и оценку происходящего, что в языковом плане проявляется в большом количестве эмотивных определений и цитат даже в

²² Манипуляция фактическими данными со стороны прессы обычно ограничиваются акцентированием одного события и замалчиванием другого. При этом мы оставляем в стороне «постановочные» происшествия и намеренные провокации, которые могут устроить журналисты. Говоря о том, что события в мире не зависят от воли работников прессы, мы имеем в виду то, что в своей профессиональной деятельности журналисту удобнее оттолкнуться от реальных событий, даже если он стремится «сконструировать» новость, нарушая принцип “We don’t make news, we just report it” (‘мы не придумываем новости, мы просто сообщаем о них’), который всегда декларировала пресса Великобритании и США [Fowler 1994].

минимальных по объему текстах – кратких информационных сообщениях, например: *after **intense wrangling**, the heads of governments in the European Union; a **long-delayed** report on Russian interference; in France Emmanuel Macron's party **was hammered** in the second round of local elections; he tweeted she was "**pathetic**"; arrested for such things as "**insulting**"; the country needed to "**learn the lessons**"; the first arrests under **draconian** national-security laws; jailed for life for **vaguely defined crimes**, such as "**subversion**"* (Economist, 06.2020 – 08.2020).

Помещение в фокус внимания участников происходящего, а также обращение к описанию эмоциональной реакции свидетелей происходящего, делает аргументативный дискурс более похожим на художественный нарратив, где автор-рассказчик повествует о некоторых событиях, но считает более важным для себя проанализировать то, как воспринимают события действующие лица и обосновать, почему они поступают так, а не иначе. Таким образом, журналист начинает в большей степени позиционировать себя в качестве участника событий или в качестве непосредственного наблюдателя происходящего.

В качестве катализатора тех модификаций, которые уже происходят или еще только намечаются в жанровой дифференциации англоязычной прессы, выступает интернет. Влияние интернета обусловлено тем, что электронные средства массовой коммуникации обеспечивают более быстрое распространение новостей, чем печатные издания, а также быструю возможность получить дополнительные данные и необходимые подробности, что существенно меняет прежнюю систему распространения информации. Не менее важную роль, по нашему мнению, играет и то, что интернет определенным образом меняет роль адресанта информации, делая его более индивидуальным и более анонимным. Именно эти свойства электронных СМИ, на наш взгляд, активизируют те стратегии формирования метадискурса, о которых мы говорили выше. Действительно, индивидуальный адресант в большей степени склонен представлять свою индивидуальную, субъективную и окрашенную эмоционально, точку зрения, репрезентируя себя в качестве очевидца и непосредственного участника событий.

Литература

Беляевская Е.Г. Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. 2011. С. 59-69.

Беляевская Е.Г. Когнитивная модель семантики как методологическая база лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII. 2015а. С. 184-195.

Беляевская Е.Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015б. № 3. С. 5-13.

Беляевская Е.Г. К определению понятия «метадискурс» // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 137-149.

Вежбицкая, А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402-425.

Губарева О.Н. Сопоставительный анализ способов метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике. Дис. канд. филол. наук. М., 2011.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.

Федотова О.С. Концептуальная структура метадискурса художественного нарратива // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 402-409.

Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М., 2012.

Fowler, Roger. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London & NY, 1994.

Словари

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

КСЛТ – Тимофеев Л.И., Н.Венгров. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1958.

ЧАСТЬ 2

КОРПУС: электронные ресурсы как источник новых данных для интерпретации грамматических, лексических и фразеологических явлений в германских языках

Глава 2.1.

Немецкие модальные глаголы в параллельном корпусе и задачи двуязычной лексикографии²³

Д.О. Добровольский

Институт русского языка РАН, Институт языкознания РАН, Москва

В главе рассматриваются некоторые особенности семантики немецких модальных глаголов, способы их перевода на русский язык (прежде всего те из них, которые зафиксированы в немецко-русском корпусе параллельных текстов НКРЯ), а также способы их лексикографического представления, в частности анализируются фрагменты соответствующих словарных статей находящегося в работе «Немецко-русского словаря актуальной лексики». Особое место в работе занимает описание структуры надкорпусной базы данных по немецким модальным глаголам, создаваемой в рамках проекта «Исследование семантики модальных конструкций по данным немецко-русского параллельного корпуса».

Deutsche Modalverben im Parallelkorpus und die Aufgaben der zweisprachigen Lexikographie

Dmitrij Dobrovolskij

*Institut für Russische Sprache der Russischen Akademie der Wissenschaften,
Institut für Sprachwissenschaft der Russischen Akademie der Wissenschaften,
Moskau*

Im vorliegenden Beitrag handelt es sich um semantische Besonderheiten deutscher Modalverben, ihre russischen Entsprechungen (vor allem in Kontexten aus dem deutsch-russischen Parallelkorpus des RNC) sowie um die Möglichkeiten ihrer lexikographischen Darstellung. Es werden Fragmente der betreffenden Einträge aus dem „Deutsch-russischen Wörterbuch: aktuelle Lexik“ analysiert. Ein besonderer Fokus liegt auf der Struktur der Datenbasis zu deutschen Modalverben, die im Rahmen des Projekts zur Untersuchung der Semantik modaler Konstruktionen im deutsch-russischen Parallelkorpus entwickelt wird.

Предварительные замечания

Анализ морфосинтаксических и семантических свойств немецких модальных глаголов, а также способы их словарного представления – одна из вечных и поистине неисчерпаемых тем. Литература в этой области огромна,

²³ Глава написана при частичной поддержке РФФИ, грант № 20-012-00166.

ее даже самый поверхностный и краткий обзор существенно превысил бы допустимый объем главы. Кроме того, подобный обзор не входит в наши задачи. Назовем лишь несколько известных работ: ставшую уже классической книгу Г. Дивальд [Diewald 1999], сборник под редакцией В. Абрахама и Э. Лайс [Abraham, Leiss 2013] и одну из наиболее интересных статей последних лет [Matthewson, Truckenbrodt 2018].

Материалом данного исследования являются глаголы *müssen*, *sollen*, *können*, *dürfen*, *wollen* и *mögen*. Заметим, что этот выбор не вполне самоочевиден, поскольку модальные значения есть и у ряда других глаголов, ср. *lassen*, *brauchen*, *werden*, *wissen*. С другой стороны, не все значения выбранных в качестве материала исследования глаголов являются, строго говоря, модальными. Так, из 12 значений глагола *sollen*, только четыре могут быть более или менее надежно соотнесены с идеей долженствования. Кроме того, такие относимые в традиционных описаниях к модальным глаголам, как *wollen* и *mögen*, рассматриваются в качестве таковых не всеми исследователями. Безоговорочно модальными (восходящими к Аристотелю) признаются только значения возможности и необходимости, ср. [Падучева 2016]. Хотя Ю.Д. Апресян выделяет среди системообразующих смыслов три вида модальных значений: возможность, долженствование и намерение [Апресян 2005, 19], отнесение глаголов *wollen* и *mögen* к числу модальных небесспорно, поскольку значения намерения и желания в их семантике слабо дифференцированы, а желание не относится к модальным смыслам.

Выбор данных шести глаголов мотивирован, в первую очередь, традицией: стандартные грамматики немецкого языка представляют в разделе «Модальные глаголы» именно глаголы *müssen*, *sollen*, *können*, *dürfen*, *wollen* и *mögen* (ср., например, *Kleine Enzyklopädie – deutsche Sprache* [KEdS 2001, 242-244]). Они образуют особую группу не только в силу их семантики, но и по ряду морфосинтаксических параметров.

О проекте: цели и лексикографическая релевантность

В основу предлагаемого исследования положены материалы готовящегося к печати «Немецко-русского словаря актуальной лексики» [НРС] и нашего проекта по созданию надкорпусной базы данных по немецким модальным конструкциям и их русским эквивалентам. Создаваемая база данных основана на немецко-русском подкорпусе параллельных текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и преследует ряд теоретических и практически ориентированных целей – см. подробнее [Добровольский, Зализняк 2018]. Одна из основных теоретических целей проекта видится в расширении наших представлений о возможностях русского языка передавать модальные смыслы. Анализ переводов немецких конструкций с модальными глаголами на русский язык выявляет множество единиц и конструкций

с потенциально модальным значением. Так, в [Добровольский, Зализняк 2020б] описываются среди прочего такие русские лексические единицы и конструкции, как *впору* [+ глагол в инфинитиве] (...*dass man staunen musste* – ...*что впору было удивиться*), *значит* (*er sollte sich verrechnet haben* – *да, значит он ошибся*), *никак не* [+ глагол в личной форме настоящего времени] (*ihr kann man nichts recht machen* – *ей никак не угодить*). Действительно, в основе семантики слова *впору* лежит идея, что говорящий должен был бы что-то сделать или испытать какое-то чувство. Значение слова *значит* основано на заключении говорящего, что должно иметь место соответствующее положение вещей, а *никак не* усиливает отрицание возможности. Таким образом, все эти слова оказываются потенциально модальными.

Другая теоретическая цель – уточнение семантики немецких модальных глаголов. Параллельный корпус оказывается в этом смысле мощным инструментом исследования семантики и прагматики выражений языка оригинала, поскольку в основе перевода этих выражений на другой язык лежит их содержательная интерпретация. Следовательно, перевод часто содержит элементы толкования переводимого выражения и помогает заметить некоторые не вполне очевидные компоненты смысла.

И та, и другая теоретическая цель проекта находит свое практическое выражение в двуязычной лексикографии. Так, для полного и надежного описания модальных глаголов и конструкций с ними в немецко-русском словаре требуется, с одной стороны, иметь представление о всех возможных способах перевода этих единиц на русский язык, с тем чтобы, основываясь на количественных данных, выбрать в качестве функциональных эквивалентов наиболее адекватные соответствия. С другой стороны, чем больше различных значений и режимов употребления каждого модального глагола удастся выявить с помощью анализа примеров из параллельного корпуса и их разметки в формате базы данных, тем более совершенным будет их лексикографическое описание. Особенно это касается производных (то есть, строго говоря, не собственно модальных) значений немецких модальных глаголов, таких как способность употребления этих глаголов в уступительных конструкциях, выражение пожелания и пр., плохо описанных в традиционных двуязычных словарях.

Корпусные данные и словарь: примеры взаимодействия

Приведем отдельные примеры, иллюстрирующие роль материала параллельного корпуса в словарном описании некоторых – не вполне тривиальных – значений немецких модальных глаголов. Так, известно, что глагол *mögen* в определенных контекстных условиях выражает уступку. Ср., типичные контексты (1-3).

(1) Sie haben uns nicht so behandelt, wie es unser Entgegenkommen verdient hätte, Sie haben vergessen, daß wir, *mögen* wir *auch sein was immer*, zumindest

jetzt Ihnen gegenüber freie Männer sind, das ist kein kleines Übergewicht. [Franz Kafka. Der Prozess (1914) | Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)]

Вы отнеслись к нам не так, как мы заслужили своим обращением, вы забыли, что, **кем бы вы ни были**, мы по крайней мере по сравнению с вами, люди свободные, а это немалое преимущество. [Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)]²⁴

(2) Kein Bitten Gregors half, kein Bitten wurde auch verstanden, er **mochte** den Kopf **noch so** demütig **drehen**, der Vater stampfte nur stärker mit den Füßen. [Franz Kafka. Die Verwandlung (1912) | Франц Кафка. Превращение (С. Апт, 1964)]

Никакие просьбы Грегора не помогли, да и не понимал отец никаких его просьб; **как бы** смиренно Грегор **ни мотал** головой, отец только сильнее и сильнее топал ногами. [Франц Кафка. Превращение (С. Апт, 1964)]

(3) Diese Dinge – **wie** kompliziert sie **auch sein mögen** – müssen doch geregelt werden. [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963) | Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л.Б. Черная, 1964)]

Ведь чувства, **какими бы** они **ни были** сложными, должны быть упорядочены. [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л.Б. Черная, 1964)]

В [НПС] соответствующая функция глагола *mögen* описывается в значении 5 словарной статьи этого глагола:

mögen <...> **5.** в уступительном значении что бы... ни, кто бы... ни, где бы... ни, как бы... ни; пусть...; в личных формах изъявительного наклонения часто в начальной позиции предложения с уступительно-противительным значением (часто в комбинации с *auch*) *mag er wollen oder nicht, er muss* хочет он или нет, он должен; *mag er sich auch ärgern, ich bleibe hier* как бы он ни сердился, я всё равно останусь здесь; *mag er weiter schlafen, wir gehen jetzt los* пусть спит и дальше, мы уходим; в конструкциях с вопросительными словами и частицами *auch, immer, so, noch: was ich auch tun mag, es ist ihr nicht(s) recht* что бы я ни делал, она всегда недовольна; *wo (immer) wir auch arbeiten* ~... где бы мы ни работали...; *wohin du auch gehen magst*... куда бы ты ни пошёл...; в этих конструкциях допустимы т.ж. формы *praes conj: wer auch immer dort sein mag [möge], ich werde meine Meinung nicht ändern* кто бы там ни был, я не изменю своего мнения; в контексте уступительной конструкции с глаголом *wollen: die Leute ~ reden, was sie wollen*... что бы ни говорили люди...; пусть [пускай] люди говорят, что хотят...; *es mag geschehen, was (da) will, ich bleibe dabei* что бы ни случилось, я не изменю своего мнения; *das Geld reichte nicht,*

²⁴ Здесь и далее шрифтовые выделения приводятся в соответствии с разметкой, принятой в нашей надкорпусной базе данных: полужирным курсивом выделяется выражение – носитель обсуждаемого значения, светлым курсивом – его облигаторные зависимые члены. Если же модальный (или квазимодальный) смысл выражается с помощью одного слова, это слово выделяется прямым полужирным шрифтом.

wir mochten rechnen, wie wir wollten денег не хватало, сколько бы мы их ни считали.

Этот способ лексикографического представления был разработан во многом на основе анализа материалов надкорпусной базы данных. Базовым способом передачи соответствующего смысла на русский язык оказывается, как и показывают примеры (1-3), конструкция [вопросительное слово + *бы... ни*]. Достаточно частотным является также перевод с помощью *пусть...*, что также отражено в структуре словарной статьи; ср. (4-5).

(4) O schöne – schöne Vaterstadt Nürnberg – schöne Stadt, wer dich nicht gesehen hat, **mag** er *auch* viel *gereist sein* nach London, Paris und Peterwardein, ist ihm das Herz doch nicht aufgegangen, muß er doch stets nach dir verlangen – nach dir, o Nürnberg, schöne Stadt, die schöne Häuser mit Fenstern hat. [Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Nußknacker und Mausekönig (1816) | Эрнст Теодор Амадей Гофман. Щелкунчик и Мышиный король (И. Татарина, 1937)]

О дивный, дивный Нюрнберг мой, кто не знаком еще с тобой, **пусть** *побывал* он даже в Вене, в Париже и Петервардейне, душою будет он томиться, к тебе, о Нюрнберг, стремиться – чудесный городок, где в ряд красивые дома стоят. [Эрнст Теодор Амадей Гофман. Щелкунчик и Мышиный король (И. Татарина, 1937)]

(5) **Mag** es *auch* ein Verbrechen *sein*, was wir denken, wir sollten uns nicht vor unseren Gedanken fürchten. [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1951-1952) | Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)]

Пусть наш образ мыслей *будет* преступлением, даже в этом случае мы не должны его бояться. [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)]

Данные параллельного корпуса показывают, что помимо отмеченных в [НРС] русских соответствий, глагол *mögen* в уступительном значении обнаруживает еще целый ряд нестандартных, то есть более или менее единичных функциональных эквивалентов; ср. примеры (6-8).

(6) Und Zwicker, **welche** Mängel und Gebrechen er **haben mochte**, das bin ich ihm schuldig, er war ein philosophischer Kopf und hatte ein natürliches Gefühl für historische Entwicklung... [Theodor Fontane. Effi Briest (1894-1895) | Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)]

А у Цвикаера, **при всех его недостатках и пороках**, была философская голова, в этом ему нужно отдать справедливость, и он обладал чувством исторической перспективы... [Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)]

(7) Jemand, der außen steht – jeder auf dieser Welt steht außerhalb jedes anderen – empfindet eine Sache immer als schlimmer oder besser als der, der in der Sache drin ist, **mag** die Sache Glück oder Unglück, Liebeskummer oder „künstlerischer Abstieg“ sein. [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963) | Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л.Б. Черная, 1964)]

Человек со стороны (каждый человек находится в этой позиции по отношению ко всем остальным) судит о положении другого иначе, чем тот, кого это непосредственно касается, – либо слишком мрачно, либо чересчур оптимистически, и так во всех случаях: **будь то** счастье или несчастье, любовная трагедия или творческая деградация. [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л.Б. Черная, 1964)]

(8) Ich bin, und dabei bleibt es, von diesem Augenblick an ein Gegenstand Ihrer Teilnahme (schon nicht etwas sehr Angenehmes), und jedes Wort, das Sie mich mit meiner Frau wechseln hören, unterliegt Ihrer Kontrolle, Sie **mögen wollen oder nicht**, und wenn meine Frau von Treue spricht oder, wie Frauen tun, über eine andere zu Gericht sitzt, so weiß ich nicht, wo ich mit meinen Blicken hin soll. [Theodor Fontane. Effi Briest (1894-1895) | Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)]

С этого момента – и от этого никуда не уйдешь – я как бы становлюсь объектом вашего сочувствия и участия (уже это одно пренеприятная вещь), вы **невольню** будете контролировать каждое слово, которым я перемолвлюсь с женой. И если ей случится заговорить о неверности мужу или судить о других – все женщины любят поговорить о таких вещах, – я буду сидеть, не зная, куда девать глаза. [Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)]

Заметим, что конструкции *будь то X* или *при всех его X-ах* рассматривались в специальной литературе как единицы с уступительной семантикой (ср., в частности, [В. Апресян 2015]), в то время как функциональный эквивалент **невольню** для конструкции *mögen wollen oder nicht* представляет собой индивидуальное переводческое решение. В [НПС] данная конструкция представлена в примере *mag er wollen oder nicht, er muss* и переводится более стандартным способом с помощью словосочетания с параллельной структурой *хочет он или нет, он должен*.

Структура записей в базе данных

Формат записи в базе данных предполагает, помимо номера моноэквиваленции (техническое название каждой отдельной записи) и кода произведения, из которого взят анализируемый контекст, следующие рубрики:

– минимальный фрагмент текста оригинала, объем которого мотивирован требованиями необходимости и достаточности для описания семантики и комбинаторных особенностей рассматриваемого глагола (контекст РР в оригинале)²⁵;

– аннотацию этого фрагмента (РР в оригинале и ее признаки);

– перевод данного фрагмента на русский язык, как он содержится в параллельном корпусе (контекст РР в переводе);

– аннотацию русского перевода (РР в переводе и ее признаки).

²⁵ Сокращение РР означает «речевая реализация».

Например, приведенному выше примеру (1) в базе соответствует следующая запись:

<u>№</u> <u>МЭ</u>	<u>Код</u>	Контекст PP в оригинале	PP в оригинале и ее признаки	Контекст PP в переводe	PP в переводe и ее признаки
2521	KPR	Sie haben vergessen, daß wir, mögen wir auch sein was immer , zumindest jetzt Ihnen gegenüber freie Männer sind,	mögen < mögen-05 (II) > < +Inf I > < 1pl > < Praes > <Inversion>	вы забыли, что, кем бы вы ни были , мы по крайней мере по сравнению с вами, люди свободные,	Interrog Word +бы+ни+Past

Номер значения в записи <mögen-05 (II)> отсылает к номеру значения глагола *mögen* в [НРС]: это значение 5 второго грамматического омонима этого глагола – *mögen* в качестве модального глагола. Под номером I в [НРС] приводится немодальный переходный способ употребления *mögen*:

mögen I *vt* любить, чувствовать расположение (*к кому-л., чему-л.*); die beiden ~ sich *разг.* они любят друг друга; ich mag Fisch я люблю рыбу; ich mag kein Scharfes я не люблю острого; ich mag ihn nicht он мне не нравится

Далее указывается на зависимый инфинитив <+Inf I>, выраженный в данном случае глаголом *sein* в форме инфинитива I. Признак <1pl> указывает на то, что глагол *mögen* употреблен в первом лице множественного числа, <Praes> – на форму презенса, а <Inversion> – на инвертированный порядок слов, то есть на положение *mögen* в начальной позиции клаузы.

Указание в каждой моноэквиваленции на номер значения рассматриваемого глагола в [НРС] позволяет привязать надкорпусную базу данных к словарю. Планируется, что по завершении проекта словарные статьи модальных глаголов и записи базы данных будут настроены друга на друга. Работая с базой, пользователь получит возможность раскрыть соответствующий фрагмент словарной статьи, а работая с электронной версией словаря – вызвать все записи базы данных, в которых рассматриваемый глагол употребляется в интересующем пользователя значении.

Предварительные количественные данные и семантические особенности рассматриваемых глаголов

По частоте употребления немецкие модальные глаголы (по крайней мере по их представленности в базе данных) располагаются в следующем

порядке по убыванию: *können* 5782, *wollen* 3541, *müssen* 3209, *sollen* 2041, *mögen* 937, *dürfen* 758²⁶. Интересно проследить за частотным распределением по отдельным значениям этих глаголов. По результатам анализа обработанной на сегодняшний день части корпусных данных для всех модальных глаголов самыми частотными оказываются их первые значения (то есть значения объективной модальности – деонтической, онтологической и волитивной). Приведем краткое описание этих значений по [НРС] с соответствующими количественными данными:

können <...> для выражения потенциальной возможности мочь, иметь возможность – 1763;

dürfen <...> для выражения разрешения мочь (иметь разрешение, право сделать что-л.) и под отрицанием – категорического запрета нельзя, не разрешается, запрещено – 346;

müssen <...> для выражения необходимости быть должным, быть вынужденным, не мочь не (сделать что-л. в силу морального долга, под давлением обстоятельств) – 310;

sollen <...> должен, следует; хотелось бы (что-л. делать по чьему-л. указанию, по закону, по правилам, нормам и т.п., а также по собственному желанию) – 214;

wollen <...> для выражения намерения и желания хотеть, собираться, намереваться, стремиться – 410;

mögen <...> для выражения желания хотеть, собираться, намереваться, стремиться (употр. б.ч. в форме *praet conj*) – 106.

Анализ материала базы данных показывает, что традиционное противопоставление семантически близких модальных глаголов по функции, с одной стороны, подтверждается (в том числе и на основе количественных показателей), а с другой – оказывается недостаточным для их правильного употребления. Так, глаголы *können* и *dürfen*, взятые в их первых, наиболее частотных значениях, противопоставлены – как хорошо известно из традиционных описаний – по характеру модальности: онтологической для *können* (возможность) и деонтической для *dürfen* (разрешение). Важно, однако, что в одном из своих значений (значение 5 по [НРС]) *können* имеет деонтическое значение, аналогичное первому значению *dürfen* (ср. также [KEdS 2001, 243]): можно (иметь разрешение, право сделать что-л. – б.ч. под отрицанием или в вопросе); под отрицанием нельзя, не разрешается, запрещено. Употребления *können* в этом значении оказываются достаточно частотными. Ср. соответствующие примеры:

(9) Dr. Hungertobel hat sie extra dagelassen, Sie **können** ruhig in diesem Zimmer rauchen. [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1951-1952) | Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)]

²⁶ Я благодарю Д.А. Бахматова за помощь в сборе количественных данных.

Доктор Хунгертобель оставил ее специально. Вы **можете** спокойно *курить* в этой комнате. [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)]

(10) Er überlegte unter Seitenblicken nach dem Studenten, wie er ihn möglichst schnell wegschaffen könnte, und es war ihm daher nicht unwillkommen, als der Student, offenbar gestört durch Ks Herumgehen, das schon zeitweilig zu einem Trampeln ausgeartet war, bemerkte: „Wenn Sie ungeduldig sind, **können** Sie *weggehen*.“ [Franz Kafka. Der Prozess (1914) | Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)]

Косясь на студента, он раздумывал, как бы выжить его отсюда поскорее, и даже обрадовался, когда студент, которому, очевидно, мешали шаги К, уже переходившие в нетерпеливый топот, вдруг заметил: – Если вам так не терпится, **можете** *уходить*. [Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)]

Иногда в переводе отсутствуют эквиваленты *мочь*, *можно*, ср. пример (11), где выразителем модального значения оказывается форма будущего времени.

(11) Ich **kann** mein Radio *so laut drehen*, wie ich mag. [Michael Ende. Момо (1973) | Михаэль Энде. Момо (Ю.И. Коринец, 1982)]

Я **буду слушать** свое радио, и нечего мне приказывать! [Михаэль Энде. Момо (Ю.И. Коринец, 1982)]

Особенно очевидным употребление *können* в значении, традиционно закрепленным за *dürfen*, оказывается в случаях, когда в тексте перевода употребляются слова и словосочетания типа *разрешать* (12), *вправе* (13), *иметь право* (14), *не грех* (15) – то есть единицы с деонтической семантикой разрешения. Таким образом, данные параллельного корпуса позволяют четче прояснить, в каком из значений употребляется тот или иной немецкий модальный глагол.

(12) Wenn der Dicke nur sportlich interessiert wäre, **könnte** er *die Griffe* vielleicht *haben*, schon gegen eine Wette von solch einer Lumperei wie hunderttausend Mark – aber in bockhafter Lust wird sogar der Gedanke an einen solchen Griff von Karl als schwere Beleidigung empfunden. [Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956) | Эрих Мария Ремарк. Чёрный обелиск (В. Станевич, 1961)]

Если толстяк имеет в виду чисто спортивный интерес, заявил он, может быть, ему и **разрешат** *ущипнуть* фрау Бекман, но, во всяком случае, при дополнительном пари на какие-нибудь несчастные сто тысяч марок; если же это только желание похотливого козла, то одна мысль о таких действиях является для Карла тяжким оскорблением. [Эрих Мария Ремарк. Чёрный обелиск (В. Станевич, 1961)]

(13) „Aber **kann** ich denn dazu *raten*?“ flüsterte der Konsul mit einer erregten Handbewegung nach der Stirn. [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900) | Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)]

– Но разве я **вправе** ему это *советовать*? – прошептал консул, взволнованно потирая лоб. [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)]

(14) Er **könne** den Verrechnungsscheck nur als Spende für einen bestimmten Zweck *deklarieren*, als unmittelbare Unterstützung von Schnier für Schnier, und mir den Gegenwert bar als Spende der Caritas auszahlen. [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963) | Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л.Б. Черная, 1964)]

Он **имеет право** *заприходовать* чек только в качестве пожертвования на определенную цель, например, как прямое вспомоществование господину Шниру от господина Шнира, и потом выдать мне денежный эквивалент чека как пособие из благотворительного фонда. [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л.Б. Черная, 1964)]

(15) „Nun nun“, fuhr der Bürgersmann fort, „laß es der Herr nur gut sein, so was geschieht den Besten, und am lieben Himmelfahrtstage **kann** man wohl in der Freude seines Herzens ein Schlückchen über den Durst *tun*.“ [Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Der goldne Topf (1814) | Эрнст Теодор Амадей Гофман. Золотой горшок (В. Соловьев, 1880)]

– Ну, ну, – продолжал горожанин, – невелика беда, со всяким случается, и в любезный праздник вознесения **не грех пропустить** лишнюю рюмочку. [Эрнст Теодор Амадей Гофман. Золотой горшок (В. Соловьев, 1880)]

Также и традиционное противопоставление *müssen* и *sollen* по принципу «внутренней» необходимости, то есть необходимости, осознаваемой самим субъектом, и «внешнего» долженствования оказывается далеко не бесспорным. Основное семантическое различие между этими глаголами в их основных значениях проявляется скорее в том, что *sollen* выражает «ослабленное» долженствование, см. подробнее [Добровольский, Зализняк 2020a]²⁷. Это отражено и в словарном представлении этих глаголов в [НРС] – ср. такие русские соответствия глагола *sollen* как *следует*, *хотелось бы*. В примерах из базы данных часто встречаются переводы типа *надо бы*, *лучше было бы (сделать что-л.)*.

Достаточно частотными в параллельном корпусе оказались также следующие значения глаголов *können*, *müssen*, *sollen*, *wollen* и *mögen*:

können <...> **2.** уметь; иметь способность; das Kind kann schon sprechen ребёнок уже говорит; *часто в неполных синтаксических конструкциях*: er kann gar nichts он вообще ничего не умеет <...>; *в сочетании с квалифицирующим обстоятельством часто не переводится*: er kann gut [schlecht] kochen он хорошо [плохо] готовит <...> **3.** б. ч. с глаголами восприятия и внутренних состояний – как правило, не имеет своего перевода на русский язык: wir ~ uns freuen, dass... *разг.* хорошо ещё, что... <...> **6.** *разг.* мочь, иметь силы (*о физических*

²⁷ На свойство «ослабленного долженствования», свойственного глаголу *sollen*, указывается в разных теоретических контекстах в [Öhlschläger 1989, 172; Duden-Grammatik 2005, 565; Hentschel, Weydt 2003, 80].

действиях, указывает на меру, которая исчерпана или недостаточна – под отрицанием или в вопросительных предложениях); er konnte nicht mehr rudern у него больше не было сил грести; часто в неполных синтаксических конструкциях: der Läufer konnte nicht mehr und gab auf у бегуна больше не было сил, и он сошёл с дистанции; kannst du noch? ты ещё держишься? <...> **7.** для выражения предположения, оценка степени вероятности которого может быть различной, часто с *inf II*, тж. в формах *praet conj* – соответствующие конструкции переводятся с использованием русских модальных выражений возможно, может быть, вероятно; der Arzt kann in einer Stunde hier sein 1) думаю, что врач придёт [приедет] через час 2) врач сообщил, что может прийти [приехать] через час

müssen <...> **2.** для выражения объективной необходимости быть необходимым (с неодушевлённым субъектом); das musste nun einmal so sein так уж получилось; wenn es sein muss... раз уж этому быть..., раз уж этого не миновать...; в вопросительно-восклицательных конструкциях с оттенком неуверенного предположения: also muss das dein Ernst sein?! так значит, ты говоришь это серьёзно?!; часто в неполных синтаксических конструкциях: die Briefe ~ in den Briefkasten письма нужно опустить в ящик

sollen <...> **2.** в формах *ppr conj* как указание на несостоявшееся действие следовало (бы), нужно было (бы), должно было (бы) (по мнению говорящего); du hättest es sagen ~ тебе следовало (бы) это сказать; wir hätten beizeiten daran denken ~ нам нужно было вовремя подумать об этом; в формах *praet conj* указывает на возможность некоторого состояния, которое в данный момент не имеет места: das sollte sie doch wissen это она (вообще-то) должна (бы) знать <...> **4.** в формах *praes* изъявительного наклонения выражает отнесённость действия к будущему, а также служит снятию категоричности: das [es] soll nicht wieder vorkommen это больше не повторится (заверение); so soll es sein пусть будет так; hier soll eine Brücke gebaut werden здесь планируют [запланировано] построить мост; das soll uns nicht stören (давайте) не будем обращать на это внимание; для выражения неуверенного согласия: das soll mir recht sein с этим я, пожалуй, соглашусь; тж. в вопросительных предложениях: wieviel soll es (denn) kosten? сколько (же) это будет стоить?; wann soll ich da sein? когда мне прийти?; в вопросительных предложениях без вопросительного слова понимается как запрос санкции собеседника для выполнения последующего действия: soll ich dir Tee eingießen? налить тебе чаю?; soll die Butter in den Kühlschrank? разг. положить масло в холодильник?; хочешь, я положу масло в холодильник? <...> **8.** в главных и придаточных вопросительных предложениях с вопросительными словами выражает неуверенность, растерянность; сложное сказуемое б.ч. передаётся инфинитивом русского глагола: was soll man (nur) machen? что же тут можно сделать?; ich weiß nicht, was ich tun soll я не знаю, что мне делать <...> **10.** в интерпретативных контекстах: damit soll gesagt sein... этим [тем самым] я хочу [хотел] сказать

wollen <...> 7. указание на отнесённость действия к будущему – обычно переводится с помощью гл. в форме будущего времени: wir ~ sehen, was sich machen lässt посмотрим, что можно сделать; в том числе с неодушевлённым подлежащим: es will ein schöner Tag werden день обещает быть хорошим; der Aufsatz will einen kurzen Überblick über die Geschichte des Landes geben в статье будет дан краткий обзор истории страны

mögen <...> 6. выражает допущение какой-л. возможности, неуверенное предположение: das mag recht angenehm sein должно быть, это очень приятно

Многие из этих значений оказываются нетривиальными и крайне редко учитывались в традиционных описаниях семантики и способов употребления немецких модальных глаголов. Приведем лишь один пример. Глагол *wollen* в своем 7-м значении по [НРС] не выражает идеи желания, а указывает на отнесённость соответствующего действия к будущему. Выявить данный тип употреблений и адекватно представить его в словаре помогают примеры из параллельного корпуса, ср. (16) и (17).

(16) Und damit du siehst, daß ich dir nichts vorgemacht habe, **will** ich dir nur so **eine** kleine **Probe geben**, so eine Art Register oder Personenverzeichnis. [Theodor Fontane. Effi Briest (1894-1895) | Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)]

А для того чтобы тебе не казалось, будто я ввожу тебя в заблуждение, я **перечислю** некоторых из них. Составляю нечто вроде регистра или поименной переписи. [Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)]

(17) „Hm, hm, hm“, sagte Baldini, und Grenouille fuhr fort: „Wenn Sie erlauben, Maitre, **will** ich es **verbessern**.“ [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985) | Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы (Э. Венгерова, 1992)]

– Гм, гм, гм, – сказал Бальдини, и Гренуй продолжал: – Если вы позволите, мэтр, я **сделаю** их **лучше**. [Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы (Э. Венгерова, 1992)]

Заслуживает особого упоминания тот факт, что глагол *wollen* может при этом употребляться в форме претерита (18). Это не сказывается на характере перевода, однако выражает, строго говоря, будущее в прошедшем.

(18) Nicht eher **wollte** ich **aufhören**, an ihre Tür **zu klopfen**, bis ich sie aus den Federn getrieben. [Gustav Meyrink. Der Golem (1914) | Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922)]

Я не **перестану молотить** в дверь до тех пор, пока не подыму их с постели. [Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922)]

Вместо заключения

Поскольку наш проект еще далек от завершения, подводить какие бы то ни было итоги преждевременно. Укажем лишь, что при удачном выполнении проекта пользователю будут предоставлены совершенно новые – не имеющие пока аналогов – возможности самостоятельной работы со словарными и корпусными данными.

Литература

- Апресян В.Ю.* Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М., 2015.
- Апресян Ю.Д.* О Московской семантической школе // ВЯ, 2005, № 1. С. 3-30.
- Добровольский Д.О., Зализняк Анна А.* Немецкие конструкции с модальными глаголами и их русские соответствия: проект надкорпусной базы данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог» (2018). Выпуск 17 (24). М., 2018. С. 172–184.
- Добровольский Д.О., Зализняк Анна А.* (2020a). О семантике немецкого глагола *sollen* // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плуменя / ред.: Семёнова К.П., Кибрик А.А., Урманчиева А.Ю., Сичинава Д.В., Татевосов С.Г. М., 2020. С. 459-464.
- Добровольский Д.О., Зализняк Анна А.* (2020б). Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 25. № 3. От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна. М., 2020. С. 37-50.
- Падучева Е.В.* Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
- Abraham W., Leiss E.* (Hrsg.). Funktionen von Modalität. Berlin, Boston, 2013.
- Diewald G.* Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen, 1999. VIII, 464 S.
- Hentschel E., Weydt H.* Handbuch der deutschen Grammatik. 2., völlig neu bearb. Aufl. Berlin, 2003.
- Matthewson L., Truckenbrodt H. Modal flavour / modal force interactions in German: *soll, sollte, muss* and *müsste*. In: Linguistische Berichte 255. S. 259-312.
- Öhlschläger G. Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen. Tübingen, 1989.

Источники

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/>
- Duden-Grammatik* – Duden. Die Grammatik. Unentberlich für richtiges Deutsch. 7., völlig neu erarb. Und erweiterte Aufl. Mannheim, 2005.

KEdS – Kleine Enzyklopädie – deutsche Sprache. Fleischer W., Helbig G. und Lerchner G. (Hrsg.). Frankfurt am Main, 2001.

RNC – Russian National Corpus. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

Словари

НРС – Немецко-русский словарь актуальной лексики / Под общим рук. Д.О. Добровольского. М., в печати.

Глава 2.2.

Использование корпуса параллельных текстов в исследовании эквивалентности

И.С. Парина

НГЛУ имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

В главе на материале немецко-русского и русско-немецкого подкорпуса в составе НКРЯ рассматриваются возможности и ограничения использования корпуса параллельных текстов для изучения эквивалентности, в частности, для исследования семантических различий и сходств между неполными эквивалентами среди лексем и фразеологизмов. Так, корпусный анализ позволяет определить контекстные условия, в которых лексемы, считающиеся «ложными друзьями переводчика», всё-таки могут выступать в качестве эквивалентов. С другой стороны, могут быть выявлены различия между лексемами и между идиомами двух языков, которые в словарях традиционно описываются как полные эквиваленты, но на самом деле таковыми не являются.

Parallelkorpora in der Äquivalenzforschung

Irina Parina

Staatliche Linguistische Dobroljubow-Universität Nischni Novgorod

Im Beitrag wird am Material des Deutsch-Russischen Parallelkorpus (Teil des Russian National Corpus) auf die Frage eingegangen, inwiefern Parallelkorpora, die hauptsächlich Texte klassischer Literatur und ihre Übersetzungen beinhalten, bei der Erforschung von Äquivalenz in der Übersetzung und im Sprachsystem behilflich sein können, sowie auf die Schwierigkeiten, die mit ihrer Nutzung verbunden sind. Als Beispiele werden sogenannte „Falsche Freunde“ in der Lexik und Idiomatik angeführt, sowie systemhafte Volläquivalente unter Lexemen und Phrasemen, zwischen denen Unterschiede im Gebrauch mittels Korpusanalyse festgestellt werden können.

Введение

«Эквивалентность» – базовое понятие в теории перевода, и одно из наиболее разнообразно толкуемых. Согласно утверждению Н.К. Гарбовского, «каждый переводчик-практик, освоив теоретические основы перевода, вырабатывает собственную концепцию эквивалентности, которой он и руководствуется в своей творческой деятельности» [Гарбовский 2007, 316].

В отношении фразеологизмов Д.О. Добровольский указывает на необходимость выделения по меньшей мере двух аспектов эквивалентности:

(а) эквивалентность в переводе – отношение между данным фразеологизмом одного языка и фразеологизмом, свободным словосочетанием или словом, с помощью которого он переведен на другой язык в определенном тексте;

(б) эквивалентность в системе языка – отношение между сопоставляемыми фразеологизмами двух языков на системном уровне [Добровольский 2013, 536].

Существенные различия между двумя типами эквивалентности заключаются в следующем: эквивалентность в переводе определяется контекстом, и переводчик ориентируется не на формальное и семантическое сходство отдельных лексических единиц, а на содержание текста в целом. Кроме того, она представляет собой однонаправленное отношение – если в переводе того или иного фразеологизма в качестве эквивалента может быть использовано определенное слово или словосочетание, это не означает, что справедливо обратное. Системная эквивалентность, напротив, понимается как двустороннее отношение [Добровольский 2013, там же].

Подобное разделение эквивалентности на два типа может быть применено не только к фразеологизмам, но и к лексемам и их свободным сочетаниям. Идея о двуплановом характере эквивалентности отражена и в ее определении в Толковом переводоведческом словаре Л.Л. Нелюбина: «эквивалентность знаков еще не означает эквивалентность текстов, и, наоборот, эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентность всех их сегментов» [Нелюбин 2003].

Настоящая работа посвящена исследованию эквивалентности на основе корпусов параллельных текстов. Параллельные корпуса представляют собой машиночитаемые базы данных, в которых может осуществляться поиск языковых единиц как по точной форме, так и по грамматическим и семантическим признакам, содержащие тексты в оригинале и по меньшей мере одном переводе. Результаты поиска языковой единицы в параллельном корпусе представляют собой подборку контекстов, содержащих искомую единицу, и соответствующих им фрагментов перевода. Корпус снабжен метаразметкой, которая включает в себя данные об авторе, переводчике, времени создания оригинала и перевода. Будучи источником «естественных» контекстов и их официально опубликованных переводов, параллельные корпуса зарекомендовали себя как полезный инструмент в переводоведении, сопоставительной лексикологии и лексикографии. В частности, они используются для изучения отличий узуса XIX века от современного и способов их передачи в переводе [Dobrovolskij 2005], проблем перевода специфических лексических единиц и грамматических конструкций: слов с пространственно-дейктическими элементами, выражающими идею направления движения или указывающими на пространственные отношения между участниками ситуации [Добровольский, Падучева 2008], высказываний от первого лица [Добровольский, Падучева 2010]. Изучение параллельных корпусов позволяет обнаружить существенно больше возможных переводных эквивалентов для лексической единицы, чем анализ двуязычных словарей и интроспекция [Добровольский 2012]. С помощью корпусов параллельных текстов

проводятся исследования лингвоспецифичной лексики – лексических единиц, обладающих сложной семантической конфигурацией и поэтому не имеющих точного словарного эквивалента в языке, с которым ведется сопоставление, – а также лингвоспецифичных фразеологизмов [Добровольский 2015; Зализняк 2015; Шмелев 2015; Парина 2019; Aijmer, Altenberg 2002].

Таким образом, корпуса параллельных текстов находят применение в исследованиях, в которых на основе анализа употребления лексем и фразеологизмов в речи на исходном и переводящем языке делаются выводы о свойствах этих единиц в языковой системе. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы на ряде примеров рассмотреть, каким образом можно, руководствуясь полученными с помощью параллельных корпусов сведениями о переводческой эквивалентности, сделать выводы об эквивалентности системной – даже несмотря на то, что, как замечает Д.О. Добровольский, «эквиваленты в переводе и эквиваленты в системе языка – совершенно разные категории» [Добровольский 2013, 539]. Этот вопрос важен, прежде всего, для практики составления двуязычных словарей. Кроме того, будут рассмотрены некоторые особенности параллельных корпусов, из-за которых использовать их в качестве материала для лингвистических исследований следует с осторожностью.

Немецкий подкорпус НКРЯ и результаты его анализа

Материалом для работы послужили корпуса параллельных текстов в составе Национального корпуса русского языка для пары языков немецкий-русский общим объемом 9 666 631 слов. Они включают в себя русскую прозу с 1830 г. (А.С. Пушкин, «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» в переводе М. Пфайфера, 1984 г.) по 1901 г. (Максим Горький, «Трое» в переводе А. Шольца, 1928 г.), выделенную в подкорпус «Русская классика в немецких переводах», а также несколько современных произведений («Трилогия» В.Г. Сорокина 2002-2005 гг. в переводе А. Третнера, 2005-2010 гг., «Последние свидетели» С.А. Алексиевич 1985 г., в переводе Г.-М. Браунгардт, 2016 г.). Временной охват оригиналов немецко-русского подкорпуса НКРЯ – с 1774 г. (И.В. фон Гёте, «Страдания юного Вертера» в переводе Н. Касаткиной 1954 г.) по 1985 г. (П. Зюскинд, «Парфюмер» в переводе Э. Венгеровой, 1992 г.). Кроме того, в корпус включены отдельные тексты публицистической и научно-технической сферы 2004-2012 годов публикации [Параллельный корпус].

А. Корпус в исследовании «ложных друзей переводчика»

Л. Л. Нелюбин определяет «ложного друга переводчика» как слово (или выражение), полностью или частично совпадающее по звуковой или графической форме с иноязычным словом, но имеющее другое значение

(или другие значения) при известной смысловой близости [Нелюбин 2003]. Как отмечает Д.О. Добровольский, часто такие слова восходят к общим этимологическим корням [Добровольский 2013, 290].

«Ложные друзья переводчика» могут быть условно разделены на несколько групп: полностью различающиеся по семантике, частично несовпадающие по одному или нескольким значениям, имеющие различия в стилистической окраске [Судакова 2009, 152-153]. В качестве примера слов первой группы для немецкого и русского языков в работе О.В. Судаковой приводятся лексемы *Gastronom* ‘гурман’ или ‘владелец ресторана’ и *гастроном* – ‘магазин с широким ассортиментом продовольственных товаров’ [Судакова 2009, 153]. Действительно, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой для лексемы *гастроном* дано значение ‘гастрономический магазин’. Значение ‘знаток и любитель вкусной еды, гурман’ также указано, но с пометой «устаревшее» [Ожегов, Шведова 2006].

В параллельном корпусе НКРЯ лексема *гастроном* встречается всего в трех контекстах, *Gastronom* – один раз, в переводе следующего фрагмента из произведения М.Ю. Лермонтова:

(1) Вы ошибаетесь опять: я вовсе не **гастроном**: у меня прескверный желудок. (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841))

Da sind Sie wieder im Irrthum. Ich bin gar nicht **Gastronom**. Mein Magen erlaubt mir das nicht. (Michail Lermontov. Ein Held unserer Zeit. Wilhelm Lange, 1880)

В двух других контекстах (из произведений Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание»), референтом номинации лексемы *гастроном* также является человек, в качестве соответствия в переводе использованы *Gourmand* и *Feinschmecker*.

Наличие в немецко-русском параллельном корпусе примеров использования лексемы только в устаревшем значении объяснимо, если учесть, что из общего объема корпуса (несколько менее десяти миллионов слов) более двух третей составляют произведения XVIII и XIX вв.

Однако, если обратиться к основному корпусу НКРЯ, включающему в себя существенно больше современной литературы на русском языке, то в нем можно найти контексты, датированные двухтысячным и более поздними годами, где *гастроном* употребляется для обозначения человека: 12 из 330 случаев использования слова. В большинстве из них референтом номинации оказывается иностранец:

(2) В контексте эпохи спонтанный спич в исполнении инородца **гастронома** куда знаменательнее посмертных восторгов «прозревших» Эльдара Рязанова и Григория Чухрая. (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002))

Таким образом, корпус параллельных текстов, в случае с лексемами *Gastronom* и *гастроном*, пусть и не предоставляет информации о современном

состоянии языковой системы, но заставляет поставить под вопрос сведения, данные в словарях. Контексты из одноязычного корпуса позволяют убедиться, что лексемы *gastromom* и *Gastronom* частично совпадают по семантике.

В качестве примера «ложных друзей переводчика» для пары языков русский-немецкий в учебных пособиях по переводу и тематических публикациях нередко приводятся лексемы *Akademiker* и *академик* [Латышев 2005, 185-186; Павлова, Светозарова 2012, 294]. Немецкое *Akademiker* обозначает человека, имеющего высшее образование, а русское *академик* – ‘ученый, художник, скульптор, избранный членом соответствующей академии; действительный член академии’ [Судакова 2009, 152]. Эти лексемы существенно различаются по значению, и достаточно трудно вообразить контекстные условия, где они могли бы выступать в качестве соответствий в переводе. Но в параллельном корпусе из 12 найденных фрагментов оригинала и перевода с лексемой *Akademiker* и 12 – с лексемой *академик* – они используются как эквиваленты в семи контекстах.

Один из примеров относится к XIX веку:

(3) Я думала, он такой ученый, **академик**, а он вдруг так горячо-горячо, откровенно и молодо, неопытно и молодо, и так это всё прекрасно, прекрасно, точно вы... И этот стишок немецкий сказал, ну точно как вы! (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1878))

Ich hatte immer gedacht, er wäre so ein Gelehrter, so ein **Akademiker** – und nun auf einmal dieses Feuer, diese offenerzige, diese unerfahrene Jugentlichkeit, wie schön das alles war, genau wie bei Ihnen! Und dieser deutsche Vers – als ob man Sie hörte! (Die Brüder Karamasow. Fjodor Dostojewski. Hermann Röhl, 1924)

Проверка по корпусу показала, что это единственный случай использования лексемы *академик* в произведении Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». По-видимому, слово *академик* здесь употреблено в значении, данном в толковом словаре Д.Н. Ушакова с пометой «разговорное дореволюционное»: ‘окончивший курс или учащийся в высшем учебном заведении, носящем название академии: военной, духовной и др.’ [Ушаков 1935-1940/1994]. Таким образом, выбор лексемы *Akademiker* в качестве соответствия в переводе представляется обоснованным.

Прочие шесть примеров использования *Akademiker* и *академик* в качестве эквивалентов имеют общий источник – один и тот же выпуск Вестника Германской епархии РПЦЗ. На наш взгляд, в данном случае речь идет о переводческой ошибке. В.Г. Васильевский в действительности был выбран ординарным академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук [Большая российская энциклопедия], так что *Akademiemitglied*, а не *Akademiker* было бы корректным соответствием в посвященных ему фрагментах.

(4) **Академик** В.Г. Васильевский сопоставил имеющиеся в текстах топографические и этнографические данные.... (Вестник Германской епархии РПЦЗ, № 5-6, 2007)

Der Akademiker V.G. Vasiljevskij verglich die in den Texten enthaltenen topographischen und ethnographischen Angaben (Der Bote, No. 5-6, 2007)

Примечательно, что и в прочих контекстах с русской лексемой предлагаемый двуязычными словарями эквивалент *Akademiemitglied* (ср. [Цвиллинг 2005]) не используется, а применяются различные переводческие приемы – транскрипция (лексема употреблена в названии улицы), и приближенный перевод (также достаточно спорное решение).

(5) Поехали по улице **Академика** Виноградова. (В.Г. Сорокин. 23000 (2005))

Jetzt waren sie auf der **Akademik** Winogradow. (Vladimir Sorokin. 23000. Andreas Tretner, 2010)

(6) На этот раз нам помогли **академик** Вернадский и лично товарищ Бухарин. [В.Г. Сорокин. Путь Бро (2004)]

Diesmal dank der Unterstützung von **Professor** Wernadski und Genossen Bucharin persönlich. (Vladimir Sorokin. Bro. Andreas Tretner, 2007)

Значение лексемы *Akademiker* передается в переводах из параллельного корпуса с помощью приема конкретизации:

(7) Es waren meist jüngere **Akademiker**, viele Deutsche darunter, von allen Fakultäten, außerdem ein paar Maler, einige Musiker sowie ein paar Bürgersleute mit ihren Frauen und Mädchen. (Hermann Hesse. Peter Camenzind (1904))

Это были в основном молодые **студенты** всех факультетов, в том числе много немцев, кроме того, два-три художника, несколько музыкантов и с полдюжины бюргеров со своими женами и подружками. (Герман Гессе. Петер Каменцинд. Р. Эйвадис, 1995)

Таким образом, на основании количественных данных из параллельного корпуса применительно к рассмотренным лексемам не могут быть сделаны достоверные выводы о наличии или отсутствии системной эквивалентности между лексемами. В то же время, подробный анализ каждого контекста позволяет, во-первых, отследить хронологическое развитие семантики «ложных друзей переводчика», а, во-вторых, обратить внимание на распространенность лексических трансформаций в переводе. Изучение подобных случаев может быть полезным упражнением для будущих переводчиков.

Корпус параллельных текстов может использоваться и для исследования «ложных друзей переводчика» среди фразеологизмов, то есть идиом, сходных по образной основе и лексическому составу, но обнаруживающих существенные различия на уровне семантики [Piirainen 2004, 159]. В качестве примера «ложных друзей переводчика» Д.О. Добровольский приводит идиомы *jmdm. Sand in die Augen streuen* и *пускать пыль в глаза* [Добровольский 2013, 558]. Во внутренней форме обеих идиом заложен образ бросания пыли в глаза противнику как боевого приема, однако значение *jmdm. Sand in die Augen streuen* шире: ‘вводить кого-либо в заблуждение, скрывать истинное положение вещей’ [Redensarten-Index]. *Пускать пыль в глаза* имеет более конкретное значение:

‘создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, пытаясь представить себя, своё положение значительно лучше, чем оно есть в действительности, на самом деле’ [Федоров 2008].

В корпусе параллельных текстов зарегистрировано 7 вхождений для идиомы *jmdm. Sand in die Augen streuen*, девять – для *пускать пыль в глаза*. Четырежды они выступают в качестве эквивалентов: в трех случаях – при переводе с русского на немецкий, в одном – при переводе с немецкого на русский. При этом речь не идет о переводческой ошибке: различия в «системных» значениях идиом либо компенсируются контекстным окружением (8), либо оказываются несущественными с точки зрения смысла всего высказывания (9):

(8) **Durch eine Menge fauler Veröffentlichungen in Fachblättern hatte sich Dr. Wassory in den Ruf eines hervorragenden Spezialisten zu setzen verstanden** und sogar seinen Kollegen, die viel zu arglos und anständig waren, um ihn zu durchschauen, **Sand in die Augen zu streuen** gewußt. (Gustav Meyrink. Der Golem (1914))

Путем целого ряда лживых сообщений в специальных журналах доктор Вассори мог создать себе славу выдающегося специалиста. Он знал, как **пускать пыль в глаза** даже своим коллегам, которые были слишком простодушны и благородны, чтобы распознать его. (Густав Майринк. Голем. Д. Выгодский, 1922)

(9) А вот наш Семен Семеныч так неисправим, – сказал Судьбинский, – только мастер **пыль в глаза пускать**. (И.А. Гончаров. Обломов (1859))

«Unser Sjemjon Sjemjonitsch ist dagegen unverbesserlich», sagte Sudjbinskij,» er versteht nur, **Sand in die Augen zu streuen**. (Ivan Gončarov. Oblomow. Clara Brauner, 1960)

Оба фразеологизма встречаются в корпусе чаще в переводах, чем в текстах оригинала, и «стимулы» перевода, то есть слова или словосочетания, в качестве реакции на которое появляется искомая единица в обратном переводе [Зализняк 2015], для них различаются оттенками значения. Так, для *jmdm. Sand in die Augen streuen* стимулами являются словосочетания *морочить глаза, отводить глаза [дуракам]*, для *пускать пыль в глаза* – *Angeberei ‘хвастовство’*, *jmdm. seinen blauen Dunst vormachen ‘морочить голову кому-либо’*.

Основной результат использования корпуса параллельных текстов в исследовании «ложных друзей переводчика» заключается, таким образом, в том, что он позволяет убедиться в относительности утверждений об отсутствии эквивалентности между единицами двух языков. В ходе анализа примеров из корпуса могут быть выявлены периферийные компоненты семантики лексем и фразеологизмов, благодаря наличию которых, при определенных контекстных условиях, возможны отношения переводческой эквивалентности между единицами, не являющимися «системными» эквивалентами.

Б. Параллельный корпус в сравнении словарных эквивалентов

Корпус параллельных текстов может быть полезен и для поиска различий между словарными эквивалентами.

Так, Д.О. Добровольский и соавторы [Добровольский, Кретов, Шаров 2005] на основании анализа англо-русского параллельного корпуса указывают на различия в употреблении лексем *абсолютно* и *absolutely* и предлагают русскоязычные эквиваленты английской лексеме для тех случаев, когда *абсолютно* не соответствует ей по сочетаемости: *absolutely vital – жизненно необходимо, understand absolutely – прекрасно понимать*.

В качестве эквивалентов для идиомы *auf der Lauer liegen (sein/sitzen/stehen)* в двуязычных словарях традиционно предлагается словосочетание *быть начеку* [БНРС 2004]. Оно соответствует немецкой идиоме по семантике и может выступать в качестве соответствия в переводе, о чем свидетельствуют и контексты из параллельного корпуса:

(10) Wenn sie versuchen, in ihre möblierten Zimmer zu schleichen, **liegt** die Wirtin **auf der Lauer**, um sie im Namen der Moral und des Neides wie ein Engel mit dem Schwert auszutreiben – in öffentlichen Anlagen und Gärten werden sie von Polizisten angebrüllt und festgenommen – für Hotelzimmer haben sie kein Geld – wohin sollen sie also gehen? (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956))

Если они пытаются проскользнуть в свои меблированные комнаты, хозяйка уже **начеку** и от имени морали и зависти, словно ангел с мечом, немедленно их изгоняет; в общественных парках и скверах на них рывкает полиция и задерживает их; на комнату в гостинице у них нет денег, – так куда же им деться? (Эрих Мария Ремарк. Чёрный обелиск. В. Станевич, 1961)

Вместе с тем, в одном из девяти примеров использования фразеологизма в корпусе параллельных текстов обнаруживается его отличие от эквивалента в русском языке: наличие факультативной валентности объекта, которая вводится с помощью предложной группы *nach Dativ*:

(11) Sie sprachen geläufig und mit erkünstelter Selbstverständlichkeit von musikalischen Linien, Farbenakkorden und ähnlichem und **waren** überall **auf der Lauer nach der „persönlichen Note“**, welche meist in irgendeiner kleinen, harmlosen Selbsttäuschung oder Verrücktheit bestand. (Hermann Hesse. Peter Camenzind (1904))

Они небрежно, с нарочитой безапелляционностью говорили о музыкальных линиях, о цветовых аккордах и тому подобном и неустанно **охотились за так называемой «личной нотой»**, заключавшейся чаще всего в каком-нибудь мелком, безобидном самообмане или сумасбродстве. (Герман Гессе. Петер Каменцинд. Р. Эйвадис, 1995)

Дополнительная проверка с помощью корпуса DeReKo Института немецкого языка в г. Мангейм – крупнейшего корпуса немецкого языка, содержащего 46,9 миллиардов словоформ, – подтвердила наличие у идиомы

этой валентности [DeReKo], которая может заполняться как абстрактными, так и конкретными существительными.

(12) Denn auch Reporter **sind nicht ständig auf der Lauer nach** Schandflecken und Skandalen. Auch sie können ihren Blick aufs Schöne richten und hin und wieder darüber berichten. (Nordkurier, 20.03.2015)

Ведь и репортеры не всё время **охотятся за** одними только скандалами и пикантными историями. Порой они обращают свой взор к прекрасному и даже иногда что-нибудь об этом пишут (*перевод мой* – И.П.)

(13) Reiher stehen im Wasser, stoisch **auf der Lauer nach** Beute. (Berliner Morgenpost, 17.09.2017)

Цапли стоят в воде, стоически **подстерегая** добычу (*перевод мой* – И.П.)

В двуязычном словаре, ориентированном на максимально полное описание языковых единиц, необходимо фиксировать подобные особенности. Целесообразно было бы предложить для идиомы *auf der Lauer liegen (sein/sitzen/stehe)n nach D* словарное соответствие, также обладающее объектной валентностью, в качестве функционального эквивалента, то есть максимально близкой по актуальному значению и – в идеальном случае – по внутренней форме единицы, которая может использоваться в аналогичных типах ситуаций без информационных потерь, но не обязательно является фразеологизмом [Добровольский 2013, 665] – например, *охотиться за кем-либо/чем-либо*.

Заключение

Итак, корпус параллельных текстов представляется многообещающим ресурсом в исследовании эквивалентности: через обращение к речи в сопоставительном аспекте в ряде случаев получается обнаружить некоторые особенности на системном уровне.

Вместе с тем, при его использовании необходимо учитывать ряд особенностей корпуса как материала. Одна из них уже была упомянута выше – это преобладание в корпусе классической литературы XVIII-XIX веков. В корпусе нередко устаревшие с точки зрения современного словоупотребления слова и обороты, авторские неологизмы и намеренные нарушения языковой нормы. При этом отличить проявления индивидуального авторского стиля от малоизвестных исследователю, но узализированных словоупотреблений бывает непросто. Так, фразеологизм *die Schultern zucken* ‘пожимать плечами’ встречается в параллельном корпусе в качестве соответствий для следующих словосочетаний: *трястись плечами* (В.Г. Сорокин «Лед», в других источниках параллельного и основного корпуса не обнаружено), *вскинуть плечами* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», встречается в основном корпусе 20 раз в источниках XIX века – произведениях Ф.М. Достоевского, М.Н. Волконского, – а также по одному разу в источниках XX века – у А.Т. Аверченко и А.А. Фадеева), *вздрагивать плечами* (Н.В. Гоголь «Вечера

на хуторе близ Диканьки», в основном корпусе встречается в 10 контекстах 1831-1969 гг.). Едва ли эти соответствия могут быть включены в двуязычный словарь, однако они заслуживают дальнейшего изучения.

Ограничения в использовании корпуса связаны с активным применением переводчиками трансформаций. Помимо упомянутого ранее приближенного перевода нами были выявлены случаи добавления (14), опущения (15), модуляции (16):

(14) Erna mißt mich eisig. (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956))

Эрна меряет меня **с головы до ног** ледяным взглядом. (Эрих Мария Ремарк. Чёрный обелиск. В. Станевич, 1961)

(15) Мужчина хмуро-напряженно смотрел на **облитого с головы до ног** и сочащегося молоком Мэрог. (В. Г. Сорокин. 23000 (2005))

Der Mann stand immer noch reglos, starrte düster und angespannt auf sein milchtriefendes Gegenüber. (Vladimir Sorokin. 23000. Andreas Tretner, 2010)

(16) Анна ничего не могла придумать, **но сердце ее прямо отзывалось на каждое слово**, на каждое выражение лица невестки. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1873-1877))

Einen Rettungsweg vermochte auch Anna nicht zu ersinnen; **aber jedes Wort, jede Miene ihrer Schwägerin griff ihr ans Herz**. (Lew Tolstoi. Anna Karenina. Hermann Röhl, 1913)

Подобные примеры, с одной стороны, подтверждают различия между эквивалентностью в системе и в переводе. С другой стороны, некоторые трансформации – например, опущение языковой единицы при переводе – могут указывать на ее системные свойства – в частности, лингвоспецифичность относительно переводящего языка.

В целом использование параллельных корпусов в лингвистических штудиях помогает избавиться от излишне категоричных утверждений о свойствах языковой системы. В корпусе проявляется свобода языкового употребления и разнообразие, которое вряд ли можно описать посредством интроспекции.

Литература

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М., 2007.

Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М., 2013.

Добровольский Д.О. Использование корпусов текстов в двуязычной лексикографии // Среди нехоженых путей. Сборник научных статей к юбилею А.А. Кретьова. Воронеж, 2012. С. 14-25.

Добровольский Д.О. Лингвоспецифичная лексика в корпусах параллельных текстов // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов международной конференции «11-е Шмелевские чтения (23-25 февраля 2015)». М., 2015. С. 47-49.

Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М., 2005. С. 263-296.

Добровольский Д.О., Падучева Е.В. Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Арутюнова Н.Д. (отв. ред). М. 2010. С. 104-121.

Добровольский Д.О., Падучева Е.В. Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 140-146.

Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27-30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2015. С. 683-695.

Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб., 2012.

Парина И.С. Корпусный анализ и лексикографическое описание лингвоспецифичных идиом немецкого языка // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 16: Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания. Н. Новгород, 2019. С. 301-311.

Судакова О.В. Ложные друзья переводчика // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 152-154.

Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27-30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2015. С. 584-595.

Aijmer K., Altenberg B. Zero translations and cross-linguistic equivalence: Evidence from the English-Swedish Parallel Corpus // From the COLT's mouth ... and others'. Language corpora studies in honour of Anna-Brita Stenström. / Breivik L.E.; Hasselgren A. (eds.). Amsterdam – New York, 2002. P. 19-41.

Dobrovolskij D. Paralleles Textcorpus bei der Untersuchung lexikalischer Semantik // Lenz, F., Schierholz S.J. (Hrsg.) Korpuslinguistik in Lexik und Grammatik. Tübingen, 2005. S. 153-186.

Piirainen E. False Friends in Conventional Figurative Units // Phraseologismen als Gegenstand sprach- und kulturwissenschaftlicher Forschung. Akten der Europäischen Gesellschaft Phraseologie (EUROPHRAS) und des Westfälischen Arbeitskreises „Phraseologie/Päromiologie“ (Loccum 2002) / Földes C., Wirrer J. (Hrsg.) Baltmannsweiler, 2004. S. 157-168.

Источники

- Основной корпус* // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
- Параллельный корпус (немецкий)* // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/search-para-de.html>
- DeReKo* – Das Deutsche Referenzkorpus. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

Словари

- БНРС* – Большой немецко-русский словарь по общей лексике: в 3 т. Под общ. рук. Москальской О.И. М., 2004.
- Большая российская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1901724
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М., 2003.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2006.
- Ушаков* – Толковый словарь русского языка: в 4 т. Под ред. Ушакова Д.Н. М., 1935-1940/1994.
- Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М, 2008.
- Цвиллинг М.Я.* Русско-немецкий словарь по общей лексике. 8-е изд., стереотип. М., 2005.
- Redensarten-Index*. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php>

Глава 2.3.

Немецкие идиомы в корпусе (акционально-временные формы)²⁸

Е.Б. Кротова

Институт языкознания РАН, Москва

В данной главе рассматривается употребление идиом немецкого языка в различных временных формах. Приводятся данные о частотности использования немецких идиом в презенсе, претерите и перфекте, полученные в ходе обработки большого массива корпусных данных. Отдельно рассматриваются идиомы, выделяющиеся из общей выборки за счет слишком редкого или частого употребления в определенных временных формах. Предпринимается попытка объяснения сходства синтаксического поведения таких идиом на основе их принадлежности к различным классам по фундаментальной классификации предикатов.

Deutsche Idiome im Korpus (Aktionsart und temporale Formen)

Elena Krotova

Institut für Sprachwissenschaft der Russischen Akademie der Wissenschaften, Moskau

Dieser Beitrag untersucht die Verwendung von deutschen Idiomen in unterschiedlichen Zeitformen anhand von Daten zur Gebrauchsfrequenz im Präsens, Präteritum und Perfekt aus einer groß angelegten Korpusstudie. Im Fokus stehen Idiome, die sich durch eine besonders hohe oder besonders niedrige Gebrauchsfrequenz in bestimmten Zeitformen auszeichnen. Es wird versucht, die Ähnlichkeit im syntaktischen Verhalten solcher Idiome durch die Zugehörigkeit zu verschiedenen Klassen der fundamentalen Klassifikation von Prädikaten zu erklären.

Появление крупных электронных текстовых корпусов сделало возможным изучение синтаксического поведения идиом²⁹ на новом техническом уровне. С помощью корпусов можно проследить, каким модификациям подвергаются идиомы, насколько частотны такие модификации, встречаются ли случаи, когда идиомы нарушают синтаксические нормы и стандарты, существующие вне сферы идиоматики (см. [Июдин 2003, 217]). Также появилась возможность проанализировать, с какой частотностью употребляются идиомы в различных временных формах. Последнему вопросу уделяется не так много внимания, в том числе при написании статей во фразеологических словарях. Исключения представляют собой случаи, когда идиома употребляется только в одной форме (например, *abwarten und*

²⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00335А «Ориентационные метафоры во фразеологии: особенности употребления и лексико-грамматических изменений фразеологизмов в славянских, германских и кельтских языках».

²⁹ В данной главе под идиомами понимаются «сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости». Подробнее в [Баранов, Добровольский 2008, 57].

Tee trinken ‘поживём – увидим’). В случае если идиома может употребляться в различных временах, данные о том, как распределяются эти частотности, отсутствуют.

Рассмотрим на примере идиомы *bergauf gehen* ‘пойти [идти] в гору’, почему такая информация может быть важна. По данным DeReKo, *bergauf gehen* употребляется в презенсе (Präsens) в 55% контекстов, в претерите (Präteritum) в 33%, в перфекте (Perfekt) в 2,3%, в футуре (Futur I) в 2,3%. Сравним с русской идиомой *пойти [идти] в гору*. По данным НКРЯ, она употребляется в прошедшем времени в 74% случаев, в настоящем времени – в 18%, в будущем времени – в 8% (подробнее о данном эксперименте в [Krotova 2020]). Получается, что русская идиома в основном встречается в прошедшем времени, в то время как немецкая идиома в основном употребляется в презенсе. Если в словарной статье не указать, в каких временных формах встречается *bergauf gehen*, то пользователь словаря с русским языком в качестве родного с большой вероятностью допустит ошибку при употреблении данной немецкой идиомы. При изучении немецкого языка большее внимание уделяется перфекту, чем претериту, так как претерит считается книжной формой, а перфект – разговорной, поэтому носитель русского языка, изучающий немецкий, скорее всего, употребит идиому в перфекте, хотя в этом времени немецкая идиома встречается лишь в 2,3 % случаев.

В данном разделе речь пойдет о временных формах, в которых употребляются немецкие идиомы. Особое внимание уделяется идиомам, чье синтаксическое поведение выделяется из общей выборки (например, идиомам, заметно чаще других встречающимся в перфекте).

В ходе эксперимента было проанализировано 96 употребительных идиом немецкого языка. Текстовый материал для исследования был получен из архива корпусов DeReKo Института немецкого языка в г. Мангейм (W – Archiv der geschriebenen Sprache). На основе архива был создан виртуальный корпус, содержащий только немецкие источники. Тексты, опубликованные ранее 1990 г., а также австрийские и швейцарские источники были исключены из рассмотрения. Корпус состоит в основном из публицистики (процент художественной литературы в DeReKo крайне мал). На каждую из 96 анализируемых идиом скачивалось до 10 000 контекстов из корпуса.

Тексты в корпусе по большей части не являются синтаксически аннотированными. Они дополнительно аннотировались с помощью программы GATE (General Architecture for Text Engineering) – системы обработки естественного языка [GATE]. Для каждой идиомы анализировалось, в каких временах формах она встретилась в корпусе и каким синтаксическим модификациям она подвергается (например, употребление в страдательном залоге, в сослагательном наклонении, с модальными глаголами). Подробнее техническая сторона эксперимента описана в статье [Кротова 2020].

Полученная статистическая информация была проанализирована с помощью программы [Weka]. Данная программа позволяет, в том числе, посмотреть распределение частотностей по различным параметрам (модификациям и временным формам), а также кластеризовать идиомы по сходству их синтаксического поведения. Результаты описаны в [Krotova 2020].

В среднем проанализированные идиомы употребляются в презенсе в 50% случаев, в претерите – в 20%, в перфекте или партиципе II³⁰ – в 15,5%. Таким образом, по крайней мере, по данным корпуса DeReKo, рассмотренные идиомы чаще встречаются в претерите, чем в перфекте, что может показаться неожиданным: идиомы считаются характерными скорее для разговорной речи, а претерит считается скорее книжной формой. Впрочем, как упоминалось ранее, корпус является публицистическим. Возможно, частотности на корпусе устной речи будут другими.

Посмотрим на полученные данные по употреблению идиом в трех временах – презенсе, претерите, перфекте и партиципе II:

Употребление в перфекте и партиципе II

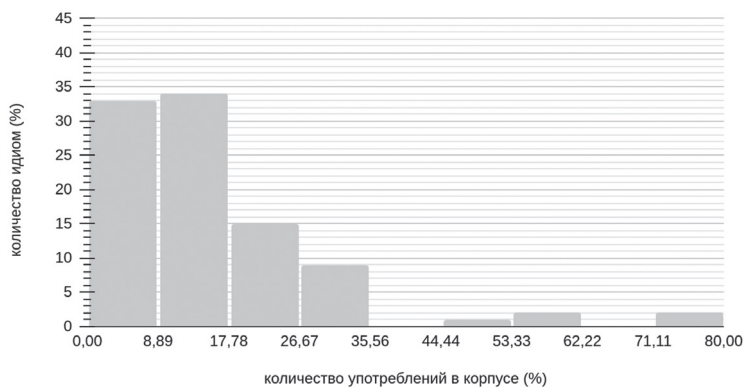

Табл. 1

Как можно видеть, большинство идиом употребляется в перфекте реже, чем в 35% контекстов, причем треть идиом используется в перфекте реже, чем в 9% случаев, но есть 5 идиом, которые встречаются в перфекте очень часто (более, чем в 44% контекстов).

³⁰ В категорию «перфект» попадали случаи, когда глагольный компонент идиомы употреблен в форме партиципа II и вблизи него имеется вспомогательный глагол *haben* или *sein*. В основном в данной категории представлен перфект, но есть и контексты с плюсквамперфектом (Plusquamperfekt), и контексты с пассивом состояния (Zustandspassiv). Если вблизи не обнаруживалось вспомогательного глагола или глагола *werden*, то идиома попадала в категорию «партицип II».

Употребление в презенсе

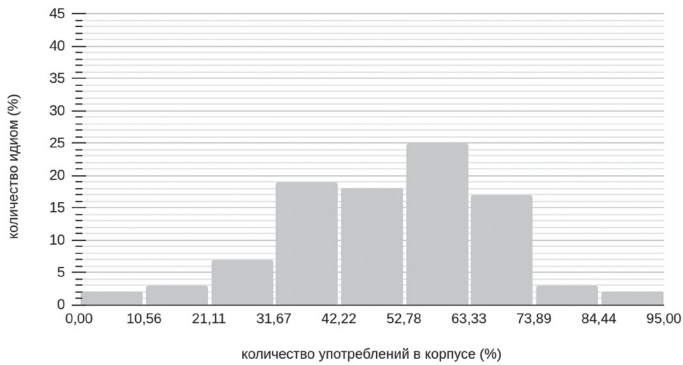

Табл. 2

Распределение частотностей в презенсе больше похоже на нормальное распределение. Есть 5 идиом, редко встречающихся в презенсе (менее 21% контекстов), и 5 идиом, часто употребляющихся в презенсе (более 74% случаев).

Употребление в претерите

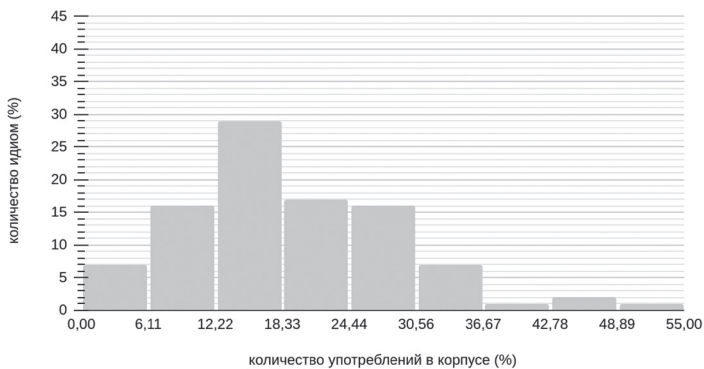

Табл. 3

Большая часть идиом употребляется в претерите реже, чем в 36% случаев, но есть 4 идиомы, которые встречаются в претерите в 40-55% контекстов.

Рассмотрим идиомы, которые значительно чаще или реже средних значений употребляются в презенсе, претерите, перфекте или в форме партиципа

II, и постараемся применить к ним фундаментальную классификацию предикатов [Апресян 2009, 37-57] (далее ФКП).

По ФКП анализируемые идиомы, выделяющиеся из общей выборки (иначе говоря, *outlier* – выбросы), относятся к четырем категориям: действие, воздействие, состояние, интерпретация. Кратко рассмотрим признаки этих категорий:

1. Действие – предикат, в вершине ассертивной части толкования которого обнаруживается семантический примитив ‘делать’. Время существования ситуации, называемой данным глаголом, укладывается в один раунд наблюдения. Первым актантом является агенс, целенаправленно изменяющий мир. Действия являются главным и самым многочисленным классом предикатов. Они могут быть физическими, физиологическими, ментальными, волевыми, эмоциональными, речевыми и социальными. Действия – самые многоактантные предикаты (подробнее см. [Апресян 2009, 38, 40, 55]).

2. Воздействие – предикат, первым актантом которого является не агенс, а какая-то неодушевленная сила, изменяющая мир. Она является непосредственной причиной какого-то действия, процесса, положения вещей или состояния. Прототипические воздействия имеют не менее двух актантов. Это число может возрасти до трех в тех случаях, когда результатом воздействия является новое действие или состояние (подробнее см. [Апресян 2009, 42, 56]).

3. Состояние – предикат, в значении которого обнаруживается семантический кварк стативности. Состояния преимущественно двухактантны (подробнее см. [Апресян 2009, 56]).

4. Интерпретация – предикат, который сами по себе не обозначает никакого конкретного действия, а служит лишь для оценочной интерпретации другого, вполне конкретного действия (подробнее см. [Апресян 2009, 503]).

В перечисленных классах выделяются также подклассы инцептивных, финитивных, каузативных и ликвидативных глаголов (подробнее см. [Апресян 2009, 38]).

Употребление идиом в перфекте или с формой партиципа II

Из табл. 1 видно, что частое употребление в перфекте в целом для идиом не характерно. Лишь некоторые из проанализированных идиом (5% от выборки) употребляются в перфекте чаще, чем в 45% случаев. В среднем рассмотренные идиомы употребляются в перфекте лишь в 15,5% контекстов. Рассмотрим часто встречающиеся в перфекте или в форме партиципа II идиомы:

1. *aus der Luft gegriffen sein* ‘быть взятым с потолка; быть беспочвенным [необоснованным]’

В основном данная идиома употребляется в форме *etw. ist aus der Luft gegriffen*, то есть в форме пассива состояния (Zustandspassiv). Подобные употребления составляют 57% контекстов:

(1) Die Vorwürfe der Grünen bezeichnet Weber als *aus der Luft gegriffen*. (Berliner Zeitung, 30.08.2001)

В общей сложности идиома употребляется в форме перфекта или партиципа II в 78% случаев. Из них в 21% случаев отсутствует финитная часть *ist* перфектной глагольной формы:

(2) Der Brandenburger Regierungssprecher Thomas Braune wies den Bericht am Samstagmorgen als „*aus der Luft gegriffen*“ zurück. (Spiegel-Online, 12.01.2013)

В 13,5% идиома употреблена в конъюнктиве I (по полученным данным в среднем проанализированные 96 идиом употребляются в конъюнктиве в 1% случаев). В них идиома также употреблена в форме прошедшего времени:

(3) Parteisprecher Wulf Oehme ließ verlauten, die Geschichte sei “barere Unfug” und *völlig aus der Luft gegriffen*. (Spiegel-Online, 17.09.2011)

В 4,5% контекстов компоненты идиомы встретились в презенсе, однако в этих контекстах отсутствует сама идиома (например, *aus der Luft angreifen* ‘напасть с воздуха’). В 2,2% идиома употреблена в претерите в страдательном залоге:

(4) Der neue Name des Gebäudes *wurde* nicht einfach *aus der Luft gegriffen*, inoffiziell war er im Dorf schon länger in Gebrauch. (Rhein-Zeitung, 04.11.2019)

Таким образом, глагольный компонент идиомы практически всегда употребляется в форме партиципа II, в основном в атрибутивной функции в значении ‘беспочвенный, необоснованный’.

Данная идиома также часто встречается с отрицанием *nicht* (в 35% контекстов). В среднем идиомы употребляются с отрицанием *nicht* в 8,5% случаев. Получается, что рассматриваемая идиома является нейтральной по отношению к отрицанию, так как может одинаково легко употребляться и с отрицанием, и без него.

По ФКП идиому можно считать интерпретацией (‘кто-л. считает что-л. беспочвенным’). Употребление глагола в форме партиципа II объясняется тем, что в основном идиома выступает в роли атрибута. Она часто встречается в конъюнктиве, так как используется для передачи чужого мнения, оценки.

2. *die Hände binden (jmdm.)* ‘лишать свободы действий (кого-л.), мешать (кому-л.), связать по рукам (и ногам) (кого-л.)’

Глагольный компонент данной идиомы часто употребляется в форме перфекта или партиципа II (73%). В основном, как и в предыдущем случае, речь идёт о пассиве состояния:

(5) Laut Schulleiter Keller *sind* ihm in solchen Fällen *die Hände gebunden*. (Rhein-Zeitung, 17.02.2000)

Идиома также часто употребляется в конъюнктиве – 14,7% контекстов. В основном встречается форма прошедшего времени, хотя есть и контексты конъюнктива I настоящего времени:

(6) Durch den Gesetzesentwurf *seien* Staatsanwaltschaft und Polizei *die Hände gebunden*. (Nürnberger Zeitung, 08.03.2007)

(7) Fischer will zustimmen, weil ihm, wie er sagt, das Außenwirtschaftsgesetz *die Hände binde*. (Nürnberger Zeitung, 05.12.2003)

Компоненты идиомы могут встречаться в презенсе (6,5%). Среди них есть случаи неидиоматического употребления, но есть и контексты, где идиома употреблена в презенсе, например, в контексте снятой утвердительности³¹:

(8) “Das Beamtenrecht ist so starr, dass wir uns damit zu sehr *die Hände binden*”, so der CSU-Abgeordnete. (Nürnberger Zeitung, 26.04.2004)

В претерите идиома встречается крайне редко (по полученным данным – в 2% случаев, но в основном речь идёт о неидиоматическом употреблении):

(9) Hoeneß’ maßlose Personalpolitik *band* Nachfolger Michael Preetz *die Hände*. (Rhein-Zeitung, 30.11.2009)

Идиома в основном употребляется без отрицания (с отрицанием *nicht* в 3% контекстов).

По ФПК идиому можно считать также интерпретацией (‘кто-л. считает, что что-л. мешает ему’). Идиома также часто употребляется в функции атрибута.

3. *den Faden verlieren*: (*jmd.*) *verliert den Faden* ‘1. (кто-л.) теряет нить (разговора, рассуждений); 2. (в спортивных контекстах) игра расклеилась (у кого-л.); (кто-л.) упустил инициативу’

Данная идиома употребляется в перфекте в 61,5% случаев. В конъюнктиве она встречается редко:

(10) Hans Jürgen Noss erklärt, warum er ganz kurz *den Faden* in seiner Rede *verloren hat*. (Rhein-Zeitung, 31.01.2012)

Данная идиома встречается и в презенсе (17%), и в претерите (13%). В основном при употреблении в презенсе и претерите речь идёт о контекстах снятой утвердительности:

(11) Besser, ich schreibe mir ein paar Fragen auf. Nicht, dass er mich so verwirrt, dass ich *den Faden verliere*. (Hamburger Morgenpost, 13.06.2008)

Также в 8% встречаются употребления в инфинитивных конструкциях с *zu*, что также является контекстом снятой утвердительности:

(12) Ohne *den Faden zu verlieren*, setzte Clinton dann seine Rede fort. (Hamburger Morgenpost, 16.11.2012)

³¹ У Е.В. Падучевой [Падучева 2005] дается следующее объяснение данного термина: «Соединение предиката с субъектом требует от предиката (например, глагола) предикативной формы, а предикативная – финитная – форма во многих языках (в частности, в русском) выражает, по умолчанию, изъявительное наклонение, то есть утвердительную модальность. Нужны специальные средства, чтобы эту модальность снять. По У. Вейнрейху, это показатели «снятой утвердительности». Подробнее также в [Падучева 2018].

По ФКП данную идиому можно классифицировать как состояние. Частое употребление в перфекте возможно объясняется тем, что идиома представляет собой инцептив, начало состояния.

Идиома практически не употребляется в конъюнктиве. Возможные причины заключаются в том, что она часто употребляется для описания собственного состояния или для описания восприятия окружающими этого состояния.

4. *sein Herz verlieren (an jmdn., etw. A): (jmd.) verliert sein Herz (an jmdn., etw. A)* '(кто-л.) влюбился (в кого-л.), (кто-л.) не может (жить) (без кого-л., чего-л.)'

Идиома часто встречается в перфекте (57,5%):

(13) Sie kamen im März 1990 zum ersten Mal nach Mecklenburg und *haben ihr Herz an dieses Land verloren*. (Mannheimer Morgen, 25.04.2003)

Возможно употребление идиомы как в презенсе (21%), так и в претерите (16,5%). Причем в отличие от идиомы (3) контексты в презенсе и претерите не обязательно являются контекстами снятой утвердительности. Возможная причина отличия в том, что состояние, описываемое идиомой (3) является нежелательным, в то время как состояние, на которое указывает идиома (4), подобным образом не маркировано:

(14) Leicht *verliert* man *sein Herz* an die liebenswerte britische Hauptstadt, die pracht- und prunkvolle Sehenswürdigkeiten mit futuristischer Architektur verbindet und deren Puls einen Tick mondäner und schneller schlägt als anderswo. (Mannheimer Morgen, 10.11.2004)

(15) An die kanadische Tänzerin Shawna Sloan *verlor* der TV-Star *sein Herz*. (Hamburger Morgenpost, 26.04.2011)

Данная идиома, как и предыдущая, по ФКП может рассматриваться как инцептив состояния. Этим может объясняться частое употребление в перфекте.

5. *auf den Hund bringen (jmdn., etw. A)* '(по)губить (кого-л, что-л.); довести до нищеты (кого-л, что-л.)'

Идиома употребляется в перфекте в 49% контекстов:

(16) Er *hat* das früher blühende Land, ehemals das reichste weit und breit, *auf den Hund gebracht*. (Nürnberger Nachrichten, 11.12.2007)

Также идиома встречается в презенсе (31%) и редко в претерите (9,5%). В основном в контекстах снятой утвердительности:

(17) Das ist die soziale Kälte dieses Ministerpräsidenten. Das ist eine Politik, die die Kommunen *auf den Hund bringt*. (Protokoll der Sitzung des Parlaments Landtag Niedersachsen am 18.10.2010)

Идиома может употребляться в составе инфинитивных конструкций с *zu* (7,5%):

(18) Michael Ney, stellvertretender Landrat und Kreisvorstandsmitglied,

hielt Fink vor, den CDU-Landesverband Brandenburg als Vorsitzender *auf den Hund gebracht zu haben* <...>. (Berliner Morgenpost, 01.11.1999)

Идиома встречается в пассиве в 7,5% контекстов (среднее значение для всех проанализированных идиом – 3,7%):

(19) Die Holzapfel-Stiftung wird tatenlos nicht länger zusehen, wie dieses neben Bayreuth einst ehrwürdigste Theater Deutschlands dermaßen *auf den Hund gebracht wird*. (Süddeutsche Zeitung, 05.03.1997)

По ФКП идиому также можно классифицировать как состояние, но в отличие от предыдущих не как инцептив, а как ликвидатив.

Описанные выше 5 идиом объединяет то, что в прототипическом контексте они употребляются для описания состояния, которое начинается или заканчивается ('потерять нить (разговора)', 'влюбиться', 'быть доведенным до нищеты'), или, как в случае с первыми двумя идиомами, в качестве атрибута ('быть беспочвенным', 'быть связанным по рукам и ногам'). Для всех них характерно частое употребление в перфекте или в форме партиципа II.

Употребление идиом в презенсе

Из табл. 2 видно, что частотность употреблений в презенсе напоминает нормальное распределение³² (в отличие от перфекта и претерита). Есть 4 идиомы, редко встречающиеся в презенсе (менее 21% контекстов), и 5 идиом, часто употребляющихся в презенсе (более 74% случаев).

Рассмотрим 5 идиом, которые часто встречаются в презенсе:

1. *abwarten und Tee trinken* 'поживём – увидим'

Данная идиома употребляется в инфинитивной форме в 94% случаев:

(20) Doch ohne das Einverständnis Rußlands läuft in New York gar nichts – die Sternstunden der Einigkeit im Sicherheitsrat sind längst Geschichte. Also *abwarten und Tee trinken?* (Mannheimer Morgen, 16.06.1998)

Иные формы, которые можно было бы отнести к презенсу, практически не встречаются.

В сочетании с модальными глаголами в претерите идиома употребляется в 2% контекстов:

(21) Ohne diese hätte Churchill viel eher um Frieden ersuchen müssen. So *konnte er abwarten und Tee trinken*. (Wikipedia, 2011)

В форме партиципа II встречается в 0,2%:

(22) Um die damals offensichtlich bestehenden Meinungsverschiedenheiten im alliierten Kommando zu vertuschen, wurde der australischen Luftaufklärung später vorgeworfen, '*abgewartet und Tee getrunken*' zu haben, statt die angreifenden japanischen Schiffe sofort zu melden. (Süddeutsche Zeitung, 08.08.1992)

³² Распределение вероятностей, которое в одномерном случае задаётся функцией плотности вероятности, совпадающей с функцией Гаусса.

Употребление с модальными глаголами отмечено в 7,3% контекстов, в футуре – в 1,4%:

(23) „Wir müssen so weit wie möglich handlungsfähig bleiben und nicht *abwarten und Tee trinken*“, betonte Ratsherr Norbert Lem. (Braunschweiger Zeitung, 17.11.2009)

Из приведенного материала можно видеть, что хотя изредка идиома встречается в иных формах, в основном она употребляется не в презенсе, а в инфинитиве.

По ФКП идиому можно рассматривать как состояние.

2. (*etw.*) *schlägt dem Fass den Boden aus* ‘(что-л.) неслышанно; (что-л.) переходит все границы’

Данная идиома употребляется в презенсе в 90% случаев, причем в отличие от предыдущей идиомы речь идёт именно об употреблении в презенсе, а не в инфинитивной форме:

(24) Kritik kam auch von der Linken. “Das Eingeständnis, in dieser Legislaturperiode die Renten Ost an West nicht angleichen zu wollen, *schlägt dem Fass den Boden aus*”, meinte Helmut Holter, Fraktionsvorsitzender der Linken im Schweriner Landtag. (Nordkurier, 27.09.2012)

В претерите идиома встречается крайне редко, в 3,5% контекстов:

(25) Der Wahlausschuss hatte sich aus diesem Grund auch dazu entschlossen, nachzuzählen. Das im ”Südhessen Morgen” veröffentlichte Zitat von Herrn Schmitt, Anhänger der Freien Wähler hätten durch ein überstarkes Interesse die Arbeit des Wahlvorstandes behindert, *schlug dem Fass den Boden aus*, da es von der Realität weit entfernt war. (Mannheimer Morgen, 24.03.2001)

В перфекте идиома встречается в 5% случаев:

(26) Was dann geschah, *habe „dem Fass den Boden ausgeschlagen“*: „Wir stiegen gerade aus, um auf den anderen Bahnsteig zu laufen, da fuhr die Regionalbahn Richtung Bad Kreuznach einfach ab.“ (Rhein-Zeitung, 05.09.2012)

Встречается также употребление в конъюнктиве в 1,5% контекстов:

(27) Als “folgenschweren Schritt gegen den Lehrerberuf” stufte Karl-Heinz Wurster, der Landeschef des Philologenverbandes, die geforderte Gehaltsabsenkung ein. *Das schlage dem Fass den Boden aus*. (Mannheimer Morgen, 16.01.2007)

По ФКП данную идиому можно классифицировать как интерпретацию (‘кто-л. считает, что что-л. неслышанно’).

3. *auf der Stelle treten* ‘стоять [топаться] на месте, не двигаться с места’

Данная идиома употребляется в презенсе в 83% случаев:

(28) Da Bundestag und Bundesrat sich mit konträren Mehrheiten wechselseitig lähmen und – wenn überhaupt – nur zu lauwarmen Kompromissen in der Lage sind, *tritt Deutschland auf der Stelle*. (Mannheimer Morgen, 14.12.2004)

В претерите она встречается в 8,5% контекстов:

(29) Der deutsche Leitindex *trat* am Dienstag mehr oder weniger *auf der Stelle*. (Nürnberger Nachrichten, 20.02.2019)

Идиома также может употребляться в перфекте (в 2% контекстов):

(30) Neben dem Baustoffgeschäft, das zuletzt konjunkturbedingt nur *auf der Stelle getreten ist*, sieht der Vorstand lediglich in der Binnenschifffahrt kein Wachstumspotential. (Süddeutsche Zeitung, 03.11.1995)

Как и предыдущую идиому, ее можно рассматривать как интерпретацию ('кто-л. считает, что что-л. не двигается с места').

4. *auf den Keks gehen (jmdm.)* 'действовать на нервы (кому-л.); доставать (кого-л.)'

Данная идиома употребляется в презенсе в 79,5 % случаев:

(31) "Ich mag James Bond oder ‚Mr. & Mrs. Smith‘ – das ist pures Entertainment, bei dem jeder weiß, dass es nichts mit der Wirklichkeit zu tun hat";, sagt er. "Aber es *geht* mir *auf den Keks*, wenn Filme wie ‚München‘ fälschlicherweise vorgeben, ein Abbild der Realität zu sein <...>". (Hamburger Morgenpost, 23.02.2006)

Она также встречается в претерите (в 12,5% контекстов):

(32) Aber ich *schielte* natürlich immer weiter zur Musik. Und da *ging* ich dann auch wieder hin, weil mir die Malerei auch langsam *auf den Keks ging*. (die tageszeitung, 03.09.2008)

В перфекте встречается редко, в 4% случаев:

(33) „Alle kamen zu mir und sagten, du musst jetzt eine Medaille gewinnen, du gewinnst sowieso eine Medaille. Ich muss sagen, das *ist* mir gewaltig *auf den Keks gegangen*." (Süddeutsche Zeitung, 22.09.2000)

В качестве первого актанта может выступать агентс ('кто-л. действует кому-л. на нервы'), но в основном в качестве первого актанта выступает не агентс, а некая ситуация, поэтому по ФКП данную идиому можно рассматривать как эмоциональное воздействие.

5. *auf den Geist gehen (jmdm.)* 'действовать на нервы (кому-л.)'

Данная идиома является синонимом предыдущей и синтаксически ведет себя сходным образом. Она употребляется в презенсе в 76,5% случаев:

(34) Ebenso wie sie morgendliches Türkallen nicht mag, *geht* ihr Unordnung "*auf den Geist*". (Rhein-Zeitung, 26.11.2005)

В претерите встречается в 13% контекстов:

(35) 1993 verkaufte er sein Fotostudio, weil er genug hatte vom Zeitdruck, vom Stress und dem immer größer werdenden technischen Aufwand in der Werbebranche. „Da bist du im Würgegriff von Terminen, Technik und Kontrollwahn, das *ging* mir irgendwann völlig *auf den Geist*“, sagt Günter Derleth. (Nürnberger Nachrichten, 13.12.2014)

В перфекте встречается в 5%:

(36) „Immer und überall waren Polizisten um mich herum. Die *sind* mir wirklich *auf den Geist gegangen*.“ (Braunschweiger Zeitung, 15.04.2009)

Данную идиому также можно рассматривать как эмоциональное воздействие.

Идиомы, часто встречающиеся в презенсе, по ФКП попали в три категории: интерпретации, состояния и воздействия.

Идиомы, редко употребляющиеся в презенсе, были описаны в разделе 1 как идиомы, часто встречающиеся в перфекте: *sein Herz verlieren (an jmdn., etw. A)*, *den Ausschlag geben (für etw. A)*, *den Faden verlieren*, *die Hände binden (jmdm.)*, *aus der Luft gegriffen sein*. Среди них представлены интерпретации и состояния.

По ФКП среди глагольных форм в основном встречаются действия, и среди всех проанализированных 96 идиом они были широко представлены. Отсутствие действий среди идиом, имеющих сильные предпочтения по употреблению в перфекте или презенсе, может говорить о том, что идиомы-действия ведут себя более стандартно, в отличие от идиом, которые можно отнести к интерпретациям или состояниям. Похоже, что состояния и интерпретации среди немецких идиом более ригидны в выборе времени.

Употребление идиом в претерите

Из табл. 3 видно, что большая часть идиом употребляется в претерите реже, чем в 36% случаев, но есть 4 идиомы, которые встречаются в претерите в 40-55% контекстов. В среднем идиомы употребляются в претерите в 19% случаев.

К этой группе относятся следующие идиомы:

1. *sich (D) ein Herz fassen [nehmen]* ‘отважиться, собраться с духом; набраться мужества’

Данная идиома употребляется в претерите в 51% случаев:

(37) Sofort rief sie ihren Mann Konrad, bis zur vergangenen Wahl Ortsbürgermeister in Welschenbach. Und der *fasste sich ein Herz*, zog einen Arbeitshandschuh über und fing die Schlange, die dann erst einmal in einem Eimer untergebracht wurde. (Rhein-Zeitung, 19.07.2001)

Идиома также часто встречается в презенсе (36% контекстов):

(38) Nach schlaflosen Nächten *fasst er sich ein Herz* und beschließt, in die andere Welt hinüberzusteigen. (Hannoversche Allgemeine, 05.01.2019)

Идиома употребляется в перфекте в 9,5% случаев:

(39) Auch in unserem Landkreis *haben sich* in den letzten Monaten arbeitslose Mitbürger *ein Herz gefasst* und selbständig gemacht. (Rhein-Zeitung, 27.10.2001)

По ФКП идиому можно классифицировать как волевое действие.

2. *den Ausschlag geben (für etw. A)* ‘иметь решающее значение, сыграть решающую роль; решать (спор, исход боя)’

Данная идиома употребляется в претерите в 43,5% случаев:

(40) *Den Ausschlag für den Rücktritt gaben* in erster Linie die anhaltenden körperlichen Beschwerden Tottis. (Süddeutsche Zeitung, 21.07.2007)

В презенсе она встречается в 20,5% контекстов:

(41) Kleinigkeiten sind es, die oft beim Vergleich starker Kontrahenten *den Ausschlag geben*. (Rhein-Zeitung, 10.12.2010)

В перфекте идиома употребляется в 23,5% контекстов:

(42) Für meine ersten TV-Jobs *hat* sicherlich mein Aussehen *den Ausschlag gegeben*. (Stern, 18.04.2002)

Также идиома встречается в конъюнктиве в 8,5% контекстов (среднее значение для проанализированных идиом ниже – 3,5%):

(43) Die TV-Duelle mit Unionskandidat Edmund Stoiber (CSU) *könnten* nach seiner Meinung *den Ausschlag geben*. (Nürnberger Nachrichten, 12.08.2002)

По ФКП данную идиому можно классифицировать как воздействие.

3. *auf eine Karte setzen* ‘поставить всё на карту’

Данная идиома употребляется в претерите в 43,5% случаев:

(44) Da sie keine großen Hoffnungen auf eine neue berufliche Perspektive im Angestelltenverhältnis hegte, *setzte* sie alles *auf eine Karte* und entschied sich für die Selbstständigkeit <...>. (Rhein-Zeitung, 06.10.2016)

В презенсе она встречается в 32,5% контекстов:

(45) Trotz der aktuellen Anlagetrends darf ein Investor allerdings nie vergessen: Entscheidend für den Erfolg ist die Streuung. Denn „wer alles *auf eine Karte setzt*, geht hohe Risiken ein“, betont Schickentanz. (Nürnberger Nachrichten, 09.03.2011)

В перфекте данная идиома встречается в 13,5%:

(46) Nach ihrem Realschulabschluss *hat* sie alles *auf eine Karte gesetzt* und sich ausschließlich bei Autohäusern beworben. (Nürnberger Nachrichten, 18.09.1999)

По ФКП ее можно классифицировать как волевое действие.

4. *das Weite suchen* ‘броситься бежать, спастись бегством; скрываться (о преступниках)’

Данная идиома употребляется в претерите в 42% случаев:

(47) Wie die Polizei gestern mitteilte, versuchten Unbekannte in der Nacht auf Donnerstag, die Eingangstür aufzuhebeln. Als das misslang, *suchten* die Täter *das Weite*. (Mannheimer Morgen, 24.02.2018)

В презенсе она встречается в 29% контекстов:

(48) Bernd Feiermann, Erster Polizeihauptkommissar im Schutzbereich Prenzlau, weiß, dass bei uns inzwischen jeder sechste Unfallverursacher *das Weite sucht*. (Nordkurier, 04.02.2000)

В перфекте идиома встречается в 19,5%:

(49) Der Fahrer, der den Bus absichtlich in diese Lage manövrierte, *hat das Weite gesucht*. (die tageszeitung, 13.08.2015)

По ФКП данную идиому можно классифицировать как действие.

Подведем итоги. Идиомы, часто употребляющиеся в претерите, отличаются по своей семантике от идиом, часто употребляющихся в презенсе или перфекте. Последние в основном представляют собой состояния и интерпретации. Идиомы, для которых характерен претерит, в основном являются действиями. Синтаксически они также отличаются: частое употребление в претерите не накладывает ограничение на возможность использования в презенсе или перфекте. Возможно, причины, по которым эти идиомы чаще других встречаются в претерите, заключаются скорее в их стилистических особенностях, в близости книжному стилю.

Данные показывают, что идиомы не так часто встречаются в перфекте. В среднем идиомы употребляются в перфекте в 15% контекстов, для трети идиом это значение еще ниже (менее 10% контекстов). Имеются редкие исключения (около 5%): идиомы, в основном встречающиеся в форме партиципа II с вспомогательными глаголами *sein* или *haben* (перфект, плюсквамперфект или пассив состояния) или без них (в случае атрибутивного или адвербиального употребления). В основном к этой категории относятся состояния и интерпретации по ФКП.

В презенсе идиомы в среднем употребляются в половине контекстов. Однако имеются идиомы, встречающиеся в основном в презенсе (около 5% от выборки). К ним также относятся в основном интерпретации и состояния.

Среди идиом, имеющих сильные предпочтения по употреблению в перфекте или презенсе, отсутствуют идиомы-действия, хотя действия являются самой многочисленной категорией предикатов, и в выборке из 96 идиом были широко представлены. На основании этих данных можно выдвинуть предположение о том, что идиомы-действия в основном ведут себя более стандартно и реже имеют ограничения на употребление в различных временных формах в отличие от идиом-интерпретаций и идиом-состояний, у которых подобные ограничения встречаются чаще.

Литература

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., 2009.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Иомдин Л.Л. Большие проблемы малого синтаксиса // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог'2003. Протвино, 2003. С. 216-222.

Кротова Е.Б. Синтаксическое поведение идиом и неидиоматических

выражений: корпусное исследование (на материале немецкого языка) // «Лингвистика и методика преподавания иностранных языков». №2 (13), 2020. Стр. 70-86.

Падучева Е.В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 17-42.

Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидикативность. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.). Вып. 17 (24), 2018. С. 533-546. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/4323/paduchevaev.pdf>

Krotova E. Syntaktische Modifikationen der Phraseme im Deutschen // Carmen Mellado/Herbert Holzinger/Nely Iglesias/Ana Mansilla (eds.): Muster in der Phraseologie. Reihe Studia Phraseologica et Paroemiologica, Band 4. Hamburg, 2020. S. 241-258.

Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/new/>

DeReKo – Deutsches Referenzkorpus. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

GATE – General Architecture for Text Engineering. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gate.ac.uk/>

Weka – Waikato Environment for Knowledge Analysis. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cs.waikato.ac.nz/~ml/weka/>

Сокращения

ФКП – Фундаментальная классификация предикатов

Глава 2.4.

Комбинаторно-derivационный способ словотворчества в немецкоязычной сетевой коммуникации

Р.К. Потанова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В.В. Потанов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Глава посвящена анализу способов словообразования лексических единиц молодежного сетевого словотворчества (неологизмов) на основе правил немецкого языка. Анализируемые примеры соответствуют наиболее частотным лексемам, функционирующим в немецкоязычном сегменте Интернета Германии, Австрии, Швейцарии. Абсолютное большинство неологизмов в периоде конца 10-х гг. XXI в. является подтверждением влияния английского языка и его американского варианта, что свидетельствует о глобализации сетевого мышления в молодежной среде. Вместе с тем словообразующее реформатирование лексем по правилам немецкого языка свидетельствует об устойчивости структурных правил словообразования немецкого языка в сознании носителей этого языка на ментальном уровне.

Combinatorial-derivational Method of Word creation in German-language Network Communication

Rodmonga Potapova

Moscow State Linguistic University, Moscow

Vsevolod Potapov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The chapter concentrates on the analyzed methods of word formation regarding lexical units of network word creation (neologisms) by young people based on the rules of the German language. The analyzed examples correspond to the most frequent lexemes used in the German-speaking segment of the Internet in Germany, Austria and Switzerland. The vast majority of neologisms in the period of the late 10s of the 21st century confirm the influence of the English language and its American variant, which indicates the globalization of network thinking among young people. At the same time, word-forming reformatting of lexemes according to the rules of the German language testifies to the stability of the structural rules for word-formation in the German language in the minds of native German speakers at the mental level.

Настоящее исследование направлено на получение новых знаний о продуктивных словообразовательных моделях современного немецкого языка, функционирующего в сетевой коммуникации, с учетом коннотативного эмотивно-модального потенциала применительно к процессу словотворчества. Данная проблема связана с разработкой теории типичных и атипичных средств словотворчества в Интернете, включающих как деривационные,

так и комбинаторные подходы. Анализ зарубежных источников по данному вопросу показал, что основное внимание в них направлено на изучение символики при передаче информации (например, [Lasswell, Lerner et al. 1952]). Языку медийных сообщений посвящена также работа [Manovich 2001]. На материале русского языка в имеющихся на сегодняшний день источниках основное внимание уделяется, как правило, словарному аспекту данной проблемы. Сетевой подязык русского языка (медиалект) рассматривается как разновидность национального литературного языка, для которого характерны те или иные признаки лингвистического оформления сетевых текстов. Для последних это прежде всего компьютерный жаргон, позволяющий идентифицировать отдельных индивидов и целые сообщества пользователей (например, [Кронгауз 2013; Хайдарова 2012]). Некоторые сведения об интернет-языке содержатся в таких словарях, как [Толковый словарь русского языка начала XXI в. 2006; Никитина 2007; Баранова 2010; Словарь языка Интернета.ru 2016]. Все словари подобного рода содержат словарные единицы и их толкования, соотносящиеся, главным образом, с современным временным срезом использования интернет-коммуникации с опорой на молодежный сленг и англо-американский лексический «праузу». В ряду вышеперечисленных источников следует упомянуть и сборник: [Современный русский язык в Интернете 2010], где особо выделен эрратив – понятие, соотносящееся с искаженным представлением слова и словосочетания, возникшее в качестве жаргонизмов какой-либо субкультуры и ставшее объектом моды. Некоторые элементы обращения к проблеме словообразования можно найти в связи с темой «компьютерный жаргон». В качестве способов словообразования упоминаются, например, гибридизация, универбация, усечение, аббревиация. Примеры деривационного анализа интернет-словформ русского языка проанализированы в работе: [Потапов, Маслова 2020].

Исследуя молодежное интернет-словотворчество, необходимо с самого начала учитывать наличие двух разделов в области морфологических процессов: флективного и деривационного, которые охватывают изучение способов образования неологизмов (префиксацию, суффиксацию, конверсию, словосложение, редупликацию, акронимизацию, кламмеризацию [Crystal 1995]).

Словообразовательный потенциал немецкого языка характеризуется большим разнообразием и чрезвычайно высокой самобытностью словотворчества. Основой для развития современного словообразовательного потенциала служат в первую очередь классические каноны формирования немецких лексических структур, а именно: словосложения, деривации, конверсии, контаминации, редупликации, эллиптирования (удаления части лексемы), акронимизации (сокращения), кламмеризации (сокращения части начала лексемы в комбинации с полной структурой следующей части той же лексемы).

Для немецкого языка следует особо выделить исторически сложившийся способ словосложения, который стал активно развиваться с XV – XVI вв. Из исторических источников известно, что еще Мартин Лютер вошел в историю развития немецкого языка как автор многочисленных разнообразных языковых инноваций, в том числе ряда сложных слов, например, *Gotteslohn*, *Blutstränen*, *Bocksblut*, *Todesnot*, *Schafskleider* и т.д., которые обычно на письме передавались как отдельные составляющие единого целого: *Gottes lohn*, *Bluts tränen* и т.д. Основой этих сложных слов являлись конструкции с использованием родительного падежа, то есть Genitiv-формы (см., например, [Schmid 2010, 119]). Эта тенденция в словообразовании была продолжена авторами произведений эпохи барокко и, в частности, представителем языкового пуризма в немецком языке Филиппом фон Цезеном (1619-1689), который активно боролся против иностранных языковых заимствований, для которых был предложен ряд альтернативных исконно немецких сложных слов, например, *Kloster – Jungfernzwinger*, *Fenster – Tageleuchter*, *Altar – Räuchertisch* и др. Вследствие активного влияния пуризма в немецком языке начинают развиваться соответствующие немецкие эквиваленты – языковые конструкции, доходящие в ряде случаев до огромных размеров, например, *die Donaudampfschiffahrtskapitänswitwe*, *die Sonnenobservatoriumsgebäude-reinigung* и др. Сложные слова (composita) обычно включают конститuenty, то есть непосредственно составляющие, которые являются результатом последовательной пошаговой сегментации всей конструкции от максимальных по валентности структур к минимальным сегментам лексико-морфологической цепочки.

Наряду с широко распространенным в немецком языке способом словосложения в дальнейшем получил развитие способ деривационного словообразования, что характерно для лексем, находящихся на «нижнем этаже» цепочки, образующей более сложные лексические структуры. В данном случае принцип сегментации сведен к деривационному составу лексемy. Как правило, речь идет не о самостоятельных сегментах лексемy, а словообразующих конститuentax: префиксах, суффиксах, инфиксах, постфиксах и т.д. Предваряя непосредственное рассмотрение немецкого молодежного сленга, функционирующего в наши дни в мировой сети, следует подчеркнуть особую роль данного способа словообразования, а точнее словотворчества. Не меньшую роль играют также два других способа словообразования: конверсия и контаминация.

Способ конверсии предполагает полное «невмешательство» каких-либо конститuentox. Примером могут служить различные формы субстантивации глаголов, например, *leben – das Leben*, *streben – das Streben*, а также использования корневых морфем глаголов без окончания, например, *kaufen – der Kauf*, *schreien – der Schrei* или корневых морфем имен прилагательных, например, *rot – das Rot*, *grün – das Grün*. К способу конверсии относятся также некоторые формы глаголов, например, *schießen – der Schuss*, *wachsen – der Wuchs*, *treiben – der Trieb*.

По нашим наблюдениям, в современном немецком языке Интернета частотно использование способа контаминации, позволяющего создать «Mischung» из лексем, например: *Leebesakt* – реклама джинсов марки Lee, «*Zölibazi*», включающее два лексических компонента *Zölibat* и *Bazi*, что обозначает принятое в Баварии суждение о люмпене, то есть социально опустившемся субъекте и т.д. Все вышеперечисленные способы словообразования активно используются в дискурсивно-сетевом языке молодежи Германии, Австрии и Швейцарии (в немецкоговорящем кантоне).

Современное словотворчество молодежного контингента пользователей Интернета, функционирующее в немецкоговорящих странах, характеризуется, прежде всего, влиянием английского языка и его американского варианта. Менее частотно словообразование, связанное с влиянием турецкого и русского языков (применительно, как правило, к обсценной лексике). Неологизмы оформляются по всем классическим правилам немецкого словообразования, о которых речь шла выше. При этом комбинаторика способов словообразования в принципе бесконечна, в частности, в сфере разговорно-сниженной лексики, где в основе довольно частотного элемента словообразования выступает русскоязычная «феня» в сочетании с деривационными морфемами немецкого языка. Если учитывать функционирование цифровой среды во всех областях науки и повседневной жизни, то наблюдается большое влияние внедрения в молодежный язык Интернета морфем и лексем, образующих целое направление в лингвистике, которое входит в состав новой области исследования, называемой «цифровые методы в гуманитарных науках» (*Digital Humanities*).

Далее следует привести некоторые примеры молодежного интернет-словотворчества, зафиксированные в немецкоязычном интернет-ареале на базе молодежной сетевой коммуникации (например, Twitter, www.facebook.com/jugendwort и др.) за период с 2015 г. по настоящее время. Особое внимание уделяется не только деривационным, но и нестандартным способам словотворчества в немецкоязычной сетевой коммуникации не только Германии, но также Австрии и Швейцарии.

Рассмотрение инновационных продуктивных словообразовательных моделей включает также эмотивно-модальную функцию, соотносящуюся с коннотативным потенциалом неологемы. Особое значение приобретает проблема установления роли средств деривации немецкого языка, а также нестандартных словообразовательных средств передачи коннотативных эмотивно-модальных нюансов. Сетевой молодежный подъязык предлагается рассматривать как социально-сетевой медиалект, разновидность национального литературного языка, для которого характерно, с одной стороны, использование стандартных классических средств словообразования, с другой стороны, создание нестандартных словообразующих средств, искажающих исконный смысловой образ слова, а также придающих сетевой неологеме уникальную эмотивно-модальную коннотацию. Использование нестандартных средств

деривации немецкого языка в сетевой коммуникации является следствием глубинной межъязыковой и межкультурной интерференции на контактном языковом пространстве немецкоязычного сегмента Интернета, являющегося частью мировой цифровой информационно-коммуникационной среды. Особое значение приобретает проблема получения новых знаний о способах словообразования и словотворчества в сетевой немецкоязычной коммуникации с учетом коннотативного и эмотивно-модального потенциала различных словообразующих моделей, ставших продуктивными. Проводимое исследование направлено на получение новых знаний не только о современном состоянии словообразовательных средств медийного немецкого языка, но и о динамике речемыслительной деятельности молодежного контингента, использующего социальную среду Интернета с установкой на возрастное отмежевание с ориентацией на сугубо свой способ моно- и поливербальной коммуникации. Далее представлены результаты анализа немецких сетевых неологем, парадигмы эмотивно-модальных функций, соотносящихся со средствами словообразования модели современных неологем, образующих лексико-стилистический макрофрейм единиц эмотивно-модального типа.

Следует привести некоторые примеры молодежного словотворчества с учетом всех вышеперечисленных правил словообразования немецкого языка.

1. Согласно правилам деривации:

abfätzen – быстро покинуть неприятную ситуацию;
abrippen – выиграть в компьютерной игре;
ahnbar – хорошо, приятно;
anschorlen – перебрать (об алкоголе);
anzipfen – прийти в волнение, возбудиться;
adden – включить кого-либо в социальную сеть;
googlesieren – установить что-либо с привлечением Google;
maild(en) – сообщать что-либо по электронной почте;
benicen – кого-либо с чем-либо поздравить;
bosshaft – об экстраординарном поведении кого-либо;
einlitern – выпить много пива;
dönieren – есть и прежде всего «ужинать»;
Flexitarier – флекситарианец;
fooden – есть;
fickbar – привлекательно;
gefresht – не испытывать жажды;
Googleaner – сотрудник фирмы Google.
hashtaggen – переписываться с указанием хэштега;
hobbylos – бессмысленно;
instagrammen – отправить почту на инстаграмм-адрес;
merkeln – не принимать никаких решений;

Movinger – пешая прогулка;
Niceigkeit – что-то прекрасное, супер;
pranken – проделки в Интернете;

2. Словосложение:

Googleschreiber – пользователь интернет-адреса Google;
Bambusleitung – медленно работающий Интернет;
bildungsresistent – глупый (о пользователе Интернета);
Brotgehirn – глупый человек, идиот;
chassen – (chatten und essen) одновременно общаться в чате и есть что-либо;

Cloudphobie – страх перед возможностью лишиться своих данных в результате их кражи;

Cyberprinter – пользователь, распечатывающий непосредственно из Интернета;

Dönerwetter – время еды;

Dummfall – несчастье, случившееся по глупости;

Hackivist – хакер, ориентированный исключительно на политику;

Kartoffelinternet – медленно работающий Интернет;

Schneeengelschablonenleger – человек, который слишком глуп даже для самых простых видов деятельности;

Textmarkeraugenbrauen – персона с ярким макияжем (имеются в виду брови); пример сложного слова со значением принадлежности какого-либо качества, признака относительно личности, то есть Бахуврихи (санскрит bahuvrihi).

3. Конверсия:

(das) Bulimielernen – ироническое замечание по поводу человека, страдающего чувством голода и не в состоянии отделаться от этого чувства;

(das) Copypasten – списывание, копирование;

(das) Dönieren – питание турецкой едой (Dönerkebab);

(das) Ghosting – игнорирование и блокирование партнера в социальных сетях;

4. Комбинированные способы: аббревиация, контаминация, акронимизация:

Askla? – alles klar (?/.) – все понятно: вопрос или утверждение;

Gege – «Good Game» хорошая игра (из компьютерного жаргона);

Holz-PC – медленно работающий компьютер;

HAM – ich hasse alle Menschen (я ненавижу всех людей);

semi-rofl – halblustig;

Smombie – человек, не расстающийся со смартфоном.

Анализ вышеприведенных примеров базировался на материале как наших собственных наблюдений, так и баз данных, формировавшихся в последние годы в рамках проекта «Jugendsprache» под руководством Верены Фогт и отраженных как в специальных изданиях типа «100% Jugendsprache» (D1 Langenscheidt Verlag), так и в Интернете (www.langenscheidt.com и www.facebook.com/jugendwort). Формируемая база данных молодежного языка, функционирующего в сетевой коммуникации, интересна еще и тем, что организаторы данного проекта обращаются к информантам-пользователям Интернета с вопросом относительно наиболее употребляемых и «любимых» лексем в определенный период их использования. Каждая словарная статья включает саму лексему, ее перевод на немецкий язык и языковые источники происхождения данной лексемы. Указываются языки: английский, американский вариант английского языка, которые составляют 99,9%. Таким образом, можно сделать вывод, что англо-американская лексика с учетом ее сегментации на корневые морфемы активно используется в немецкоязычных неологизмах, обрастая морфологическими, деривационными и прочими сегментами, используемыми при словообразовании в немецком языке. Можно предположить, что лексический пласт Интернета подвижен и находится в прямой зависимости от социального контингента пользователей. Эту подвижность обеспечивает богатый лексикообразующий механизм немецкого языка в соответствии с его словообразовательными моделями. Представляется перспективным дальнейшее исследование не только наиболее частотных языковых средств словообразования, но и анализ социально-оценочного фактора молодежного словотворчества в целом. При этом особый интерес вызывает комбинаторно-деривационный способ словотворчества с отрицательной коннотацией.

Большинство неологизмов, функционирующих в настоящее время в немецкоязычном Интернете, является подтверждением влияния англо-американской культуры и естественно английского языка и его американского варианта (хотя за последние десятилетия все громче звучат голоса в пользу самостоятельного статуса американского языка). Данный факт свидетельствует о *глобализации сетевого мышления представителей молодежной среды*. Но вместе с тем словообразующее переформатирование неологем по правилам немецкого языка свидетельствует об устойчивости структурных моделей словообразования в немецком языке применительно к сознанию носителей языка на ментальном уровне.

Исследование проблемы словотворчества в Интернете применительно к русскоязычному и немецкоязычному сегментам Интернета носит принципиально различающийся характер. Если в исследованиях на материале

русского языка основное внимание уделяется словарю и его составляющим, то на основе немецкого языка исследования подобного рода не проводятся. Основное внимание уделяется формированию корпусов словоформ с указанием на другие языки и сопутствующие социально-исторические и/или социально-политические факторы. При этом формирование корпуса подобных словарных единиц предстает как общенациональный проект, переходящий ежегодно на новый виток опроса молодежи с установлением наиболее частотных и привлекательных для молодежи лексических единиц, аббревиатур и модных клише, что ежегодно отражается в соответствующих публикациях в рубрике «Jugendsprache». При этом подробного и тонкого анализа способов словотворчества, как правило, не проводится. Однако данная работа по отслеживанию языка сетевой коммуникации в рамках государства уже является показателем того, что эта разновидность языка не является для государства чем-то маргинальным, а наличие соответствующего корпуса данных может быть успешно использовано в научных целях анализа и различного рода обобщений.

Литература

- Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М., 2013.
- Потанов В.В., Маслова Н.Е.* О структурном моделировании провокационно-эвокационных словоформ русскоязычного сегмента Интернета // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. М., 2020 (в печати).
- Современный русский язык в Интернете* / Под ред. Е.В. Рахилиной и Я.Э. Ахапкиной. М., 2010.
- Crystal D.* Die Cambridge Enzyklopädie der Sprache. Frankfurt/M; New York, 1995.
- Lasswell H.D., Lerner D. et al.* The comparative study of symbols. Stanford, C.A., 1952.
- Manovich L.* The language of New Media. Cambridge, 2001.
- Schmid H.-U.* Die 101 wichtigsten Fragen deutscher Sprache. München, 2010.

Словари

- Баранова Л.А.* Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. М., 2010.
- Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: толковый словарь. М., 2007.
- Словарь языка Интернета.ru* / Кронгауз М.А. и др. М., 2016.
- Толковый словарь русского языка начала XXI в.* Актуальная лексика / Под ред. Складаревской Г.Н. М., 2006.
- Хайдарова В.Ф.* Краткий словарь интернет-языка. М., 2012.
- 100% Jugendsprache.* München; Wien, 2018.
- «100% Jugendsprache» (D1 Langenscheidt Verlag). [Электронный ресурс]. – URL: www.langenscheidt.com и www.facebook.com/jugendwort.

Глава 2.5.

(Не)политкорректная лексика в немецко-русском словаре: принципы отбора и лексикографического описания

Е.А. Кондакова, Е.В. Морозова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

В главе рассматривается семантическая структура (не)политкорректных лексических единиц в немецком языке, выявляется специфика прагматического компонента их значения по сравнению с другими идеологическими семами и предлагается способ его словарной фиксации. Прагматический потенциал языковых средств реализации политической корректности является лексикографически существенным для двуязычных словарей, поскольку опирается на социальные установки особого рода. Фиксацию системного созначения неполиткорректных лексических единиц предлагается осуществлять с помощью новой словарной пометы. Ключевыми параметрами отбора лексических единиц, требующих такого способа семантизации, являются различия в семантической структуре лексикографируемого слова и его переводческого эквивалента. При выборе методов лексикографирования важно четко различать стилистическую маркированность лексической единицы и присутствие в ее семантической структуре (не)политкорректного прагматического компонента значения.

Politisch (in)korrekte Bezeichnungen in einem deutsch-russischen Wörterbuch: Auswahl der Lemmata und Grundlagen der lexikographischen Darstellung

Elena Kondakova, Elena Morozova
Nationale Forschungsuniversität Hochschule für Wirtschaft,
Moskau, Russland

Der vorliegende Beitrag ist ein Diskussionsbeitrag zum Problemkomplex der Beschreibung nicht-denotativer Informationen von Lexemen in Wörterbüchern. Das Anliegen dieses Aufsatzes besteht darin, die semantische Struktur politisch (in)korrekter Lexeme zu analysieren und adäquate Instrumente zu deren lexikographischer Behandlung zu finden. Das konnotative Potential eines politisch (in)korrekten Lexems beruht auf sozial determinierten Einstellungen besonderer Art und führt dementsprechend zu spezifischen Gebrauchsrestriktionen, die mit Hilfe einer neuen kommunikativ-pragmatischen Markierung fixiert werden können. Bei der Wahl der Lemmata, die durch die neue Markierung gekennzeichnet sein sollten, gilt es die semantische Struktur des Lemmas und die seiner Übersetzung auf pragmatische Äquivalenz zu überprüfen. Das neue Markierungsprädikat sollte man auch von den Wörterbucheinträgen zu Stilschicht und Stilsfärbung unterscheiden.

Введение

Политкорректность навязывает общелитературному языку новые наименования с целью исправления существующих морально-этических

установок. Многогранность данного явления делает политкорректность интересным объектом исследования для самых разных гуманитарных наук. В российской и зарубежной лингвистике было осуществлено немало попыток дать определение политической корректности как феномена языковой практики. Дефиниции феномена политической корректности являются настолько показательными с точки зрения динамики научного восприятия данного феномена, что они уже сами по себе могут рассматриваться как объект отдельного исследования. Согласно словарю иностранных слов Н.Г. Комлева, политкорректность – это «понятие-лозунг», которое «имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода» [Комлев]. Л.П. Лобанова определяет политкорректность как стилевое течение [Лобанова 2004, 82], опираясь на трактовку стилевых течений Ю.В. Рождественским [Рождественский 2003, 33-49]. Еще одна попытка филологической интерпретации политической корректности представлена В.В. Паниным, который определяет это явление как синкретическую культурно-поведенческую и языковую категорию [Панин 2004, 12-13].

Зарубежные исследователи интересующего нас явления подчеркивают его двойственный – дискурсивный и метадискурсивный – характер. Под политической корректностью часто подразумевается не столько языковая реализация определенных идеологических установок, сколько дискуссия об этом явлении как таковом. Часто обозначение «политкорректность» отсылает к рефлексии общества над дискурсом о дискриминации и стигматизации, то есть к метадискурсу [Weis 2017, 39]. У политической корректности две истории – история критического отношения к языку и история критики этого критического отношения [Eugster 2019, 394].

Приведенные дефиниции являются лишь небольшой иллюстрацией многогранности самого явления и разнообразия подходов к его изучению.

Задачи и предмет исследования

В задачи данной главы не входит оценка статуса данного явления с философской, исторической, культурологической и общелингвистической точек зрения. Предметом исследования данной главы является отражение данного явления в лексикографических изданиях, в частности, в двуязычных немецко-русских словарях. Это предполагает поиск ответов на следующие вопросы:

1. Являются ли языковые средства реализации политкорректности настолько реальными в немецком языке, что они должны быть лексикографически зафиксированы?
2. Как может быть осуществлена лексикографическая фиксация данного языкового феномена с учетом существенных различий роли политкорректности в немецкой и российской общественной жизни?

3. Может ли словарная фиксация такой лексики ограничиться традиционными способами лексикографического описания или для этой фиксации необходим новый лексикографический инструмент, например, новая словарная помета?

(Не)политкорректность в семантической структуре слова

Под языковым проявлением политической корректности мы будем понимать рекомендуемую, а подчас и навязываемую представителями определенных политических взглядов замену одних наименований определенных групп лиц другими. Эта замена выступает как языковой инструмент идеологии, то есть инструмент формирования новых морально-этических оценок явлений, релевантных для общественной жизни. Профессор Свободного университета Берлина А. Стефанович, вступая в полемику с противниками политкорректности в языке, объявляет использование политкорректных наименований вопросом морали [Stefanowitsch 2018]. Общество избегает и осуждает использование табуированных слов. Однако именно их табуированность делает их присутствие в словарном составе наиболее реальным и осязаемым [Knobloch 2018, 450]. Будучи идеологическими инструментами, находящимися под пристальным вниманием общества, средства языковой реализации политической корректности требуют особого подхода при лексикографическом описании.

Вопросы, связанные с методами лексикографической фиксации прагматических элементов содержания языковой единицы, традиционно находятся в центре внимания лексикографов [Апресян 1988]. Лексикографирование прагматического компонента значения предполагает словарную фиксацию информации самого разного рода. «Прагматические семы представляют собой разнородный массив: идеологический, национально-культурный, гендерный, возрастной, статусный и др. микрокомпоненты» [Трипольская 2015, 29]. «Политкорректный» микрокомпонент значения является идеологическим по своей природе, то есть несет в себе лексикографически существенную прагматическую информацию. Однако (не) политкорректная составляющая содержательной стороны языковой единицы должна рассматриваться как особый идеологический компонент прагматики, поскольку она обладает специфическим идеологическим содержанием.

Рассмотрим «классический» идеологический компонент лексического значения. Очевидно, что он имеет оценочный характер: его оценочность навязывается общественному сознанию определенными политическими субъектами. По определению Г.Н. Склярёвской, идеологический компонент значения основан «не на всеобщих и вечных представлениях о мире, а на искаженных и смешанных – на знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в конкретном социуме» [Склярёвская 1995, 68]. Слово,

значение которого обладает идеологическим компонентом, несет в себе принятую большинством носителей данного языкового коллектива оценку предмета или явления. Содержание идеологического компонента значения является понятным и однозначным для большей части данного языкового коллектива. Так, например, идеологическое содержание слова *Zigeuner* в нацистской Германии вполне очевидно: это представитель асоциальной расы, представляющий угрозу для чистоты арийской крови. И сторонники, и противники гитлеровского режима хорошо представляли, какой именно стереотип является узуально закрепленным идеологической пропагандой.

Содержание, которое политическая корректность привносит в лексическое значение слова, существенно отличается от вышеописанного «классического» идеологического компонента. Чтобы понять, в чем его специфика по сравнению с другими идеологическими составляющими значения, нужно обратиться к восприятию таких слов немецким общественным сознанием.

На протяжении трех десятилетий дискуссии на тему политической корректности в Германии преобладающей тональностью являются тотальная критика, сарказм, насмешки и моделирование образа врага [Maier 2002, 182]. Реализация принципов политической корректности в языке ассоциируется преимущественно с неуклюжей эвфемизацией, а сами принципы политической корректности отождествляются с политикой догматизма и диктатурой [Bolz; Graaf; Oehmke; Röhl; Staas]. Несмотря на такое, казалось бы, категорическое общественное неприятие, политическая корректность парадоксальным образом побуждает к тщательному отбору наименований в общественной коммуникации. Принципы этого отбора преподаются в школах, обсуждаются в прессе и регламентируются специальной рекомендательной литературой [Glossar...]. Специфика семы (не)политкорректности заключается именно в этой амбивалентности общественного восприятия: любая лексическая единица, значение которой осложнено семой (не)политкорректности, тянет за собой шлейф общественной дискуссии. Именно в этом состоит прагматическая особенность их семантики, а вовсе не в наличии или отсутствии дискриминирующего компонента значения.

Основные аспекты проблемы лексикографирования (не)политкорректной лексики

Словарная фиксация языковых средств политической корректности в переводном двуязычном словаре не может ограничиться традиционными словарными пометами и требует комплексного подхода. Наиболее важные аспекты этой проблемы можно представить следующим образом:

1. Какое именно содержание должна раскрывать используемая при семантизации новая словарная помета с учетом специфики привносимой коннотации?

2. Как должны взаимодействовать средства семантизации этой коннотации в рамках словарной статьи?
3. Как должен осуществляться отбор лексических единиц, претендующих на такую семантизацию в переводном немецко-русском словаре?
4. В каком объеме должны быть отражены в словарях средства реализации политкорректности, выходящие за рамки отдельных лексических единиц?
5. Какие языковые явления не следует рассматривать как реализацию политической (не)корректности и фиксировать при помощи предлагаемого лексикографического инструментария?

Новая словарная помета

Рассматривая первый из перечисленных аспектов данной проблемы, хотелось бы подчеркнуть, что интересующий нас идеологический компонент значения не является отражением субъективного отношения определенной идеологии к обозначаемому понятию, как это свойственно другим идеологическим компонентам. Он осложняет денотацию особым значением. Это сознание не может быть сведено к наличию семы, актуализирующей пренебрежительную оценочную семантику. Особенность идеологического сознания таких слов заключается в его неоднозначности, запутанности и потенциальной конфликтности. Слова с таким компонентом значения часто являются триггерными точками коммуникации независимо от интенции говорящего: они маркируют зоны дискурса, наиболее уязвимые с идеологической точки зрения, и могут вызвать бурную негативную реакцию общества.

В качестве примера триггерной роли неполиткорректных наименований можно привести нашумевший скандал, разразившийся вокруг высказывания министра внутренних дел Баварии Йоахима Херманна в сентябре 2015 года. В телеэфире политического ток-шоу «Hart aber fair» Херманн упоминает популярного немецкого чернокожего певца Роберто Бланко: «Роберто Бланко всегда был чудесным негром, который очень нравился большинству немцев» [Salmen, перевод автора – Е.К., Е.М.]. Несмотря на очевидную положительную оценочность высказывания, слово *Neger* сыграло роль своеобразного спускового крючка, вызвавшего шквал общественного негодования: «Тот, кто пользуется расистскими формулировками, недостоин занимать политическую должность» [Plassberg..., перевод автора – Е.К., Е.М.]. О том, что значение слова содержит совершенно особенный коннотационный компонент, свидетельствуют три характерные черты такой коннотации: отсутствие негативной оценочной интенции со стороны говорящего, отсутствие негативного восприятия высказывания со стороны названного лица (ср. Роберто Бланко: «Я не ощущаю себя задетым... Вокруг слова *negr* подняли такую шумиху» [там же, перевод автора – Е.К., Е.М.]) и, несмотря на это, наличие негативной, подчас гипертрофированной, метадискурсивной реакции.

Эти соображения еще раз доказывают необходимость особой лексикографической фиксации этого компонента значения. Из всего арсенала лексикографических инструментов наиболее подходящим для маркирования семы (не)политкорректности является введение новой пометы *нпк*. (неполиткорректное). Она могла бы информировать пользователя об особом конфликтном потенциале лексической единицы с учетом существенных различий в восприятии средств языковой реализации политкорректности в немецком и российском обществе. Так, например, в современном русском языке слово *негр* продолжает оставаться основным названием представителей негроидной расы и не является табуированным. Без соответствующей пометы семантизация немецкого слова *Neger* в переводном немецко-русском словаре была бы неполной. Содержание и функции предлагаемой пометы должны раскрываться в предисловии к словарному изданию.

Использование комплексного подхода при семантизации неполиткорректной лексики

Предлагаемая помета не только констатирует неполиткорректность лексикографируемой единицы, но и указывает на наличие политкорректных наименований. Пользователь переводного словаря непременно задастся вопросом о возможных синонимах, лишенных такой «конфликтной» коннотации. Следовательно, в двуязычном словаре переводной эквивалент при слове, снабженном пометой *нпк*., должен сопровождаться скобочными комментариями или перекрестными ссылками, содержащими указание на нейтральный синоним. Так, например, интересующие нас зоны словарных статей *Neger* и *Zigeuner* в немецко-русском словаре могут выглядеть следующим образом:

N^{eger} *m -s*, = **1. нпк.** негр; *см. т.ж.* *Farbiger ...*

N^{eger} *m -s*, = **1. нпк.** негр (*ср. нейтральное* *Farbiger*)...

Zigeuner *m -s*, = **1. нпк.** цыган; *см. т.ж.* *Rom ...*

Zigeuner *m -s*, = **1. нпк.** цыган (*ср. нейтральное* *Rom*)...

Предлагаемые инструменты семантизации должны применяться дифференцировано: их функциональность должна оцениваться применительно к каждой конкретной лексической единице. Очевидно, что перекрестная ссылка (*см.*) не может быть использована в случае, когда нейтральное наименование является не лексемой, а словосочетанием:

Invalide *m -n, -n* *редко* нетрудоспособный; инвалид (*б.ч. о пострадавших на войне*); *нпк.* инвалид (*ср. нейтральное* *Person mit einer Behinderung*)...

Данный пример иллюстрирует также более сложную лексикографическую задачу. Дело в том, что многие слова актуализируют сему неполиткорректности далеко не во всех контекстах, поэтому помета *нпк.*, сопровождаемая указанием на нейтральный синоним, должна использоваться избирательно при нужном

переводческом эквиваленте. Такой способ лексикографического описания позволит зафиксировать как коннотированный, так и неконнотированный узус.

Семантизация лексических единиц, актуализирующих сему неpolitкорректности лишь в некоторых контекстах, может осуществляться и с привлечением другого лексикографического инструмента – иллюстративных примеров. Иллюстративный материал может продемонстрировать нейтральное использование лексической единицы, в то время как помета *нпк*. и скобочный комментарий при соответствующем переводческом эквиваленте позволят пользователю составить себе представление о контекстах, в которых слово может актуализировать свою «конфликтную» коннотацию:

Invalid *m* -n, -n *редко* нетрудоспособный; инвалид (*б.ч. о пострадавших на войне*); *der Krieg machte ihn zum ~n* с войны он вернулся инвалидом; *нпк*. инвалид (*ср. нейтральное Person mit einer Behinderung*)...

Приведенные примеры показывают, что лексикографическая фиксация информации о неpolitкорректности лексической единицы возможна только с использованием комплексного подхода. Семантизация таких слов требует от лексикографа продуманного сочетания соответствующей пометы, скобочных комментариев, перекрестных ссылок и иллюстративных примеров. Большинство лексических средств реализации политкорректности имеют очень сложный коммуникативный статус: их употребление может быть вполне «безопасным» в одних контекстах и произвести эффект разорвавшейся бомбы в других (*Asylant, Ausländerkriminalität, Behinderter* и т.д.). При лексикографировании таких слов особое внимание следует уделить иллюстративным примерам, которые помогут пользователю составить представление о контекстной зависимости возможного коммуникативного эффекта, в том числе и независимо от интенции говорящего.

Принципы отбора (не)politкорректных лексических единиц

В процессе отбора интересующих нас лексических единиц нужно в первую очередь ориентироваться на современные толковые словари, в которых неpolitкорректные наименования, как правило, сопровождаются пространными комментариями с соответствующими лексическими рекомендациями. Так, например, в электронной версии словаря Duden комментарии к коннотированному значению леммы *Neger* содержат 67 слов, а леммы *Zigeuner* – 105 слов [Duden [http](http://)]. Предлагаемый нами способ лексикографирования является равноценной заменой подобных комментариев и не содержит избыточной информации.

Типичный пользователь немецко-русского словаря, однако, как правило, не может полагаться на свое языковое чутье в оценке прагматического потенциала немецкого слова. Поэтому список лексических единиц, подлежащих описанной выше семантизации, в переводном словаре должен

быть расширен по сравнению с толковыми словарями. Так, например, слово *Putzfrau* не сопровождается в словаре Duden комментариями рекомендательного характера. Однако употребление этого слова во многих контекстах публичного дискурса считается нежелательным. Конечно, замена наименования *Putzfrau* наименованием *Raumpflegerin* осуществляется отнюдь не во всех контекстах, поэтому помета *нпк.* должна не предшествовать переводческому эквиваленту, а сопровождать его в скобочных комментариях:

Putzfrau *f* =, -en уборщица (*мж. нпк.* – *ср. нейтральное Raumpflegerin*)

Подобный метод лексикографического описания представляется более уместным, чем попытка некоторых переводных словарей по-своему отразить сложившуюся коммуникативную тенденцию. Так, например, в электронной версии Универсального немецко-русского словаря лемма *Putzfrau* сопровождается пометой *устар.* (устаревшее) [Универсальный... [http](#)], однако электронный словарь немецкого языка DWDS не фиксирует снижение частотности употребления этого слова [DWDS [http](#)].

Ключевым параметром отбора лексических единиц, требующих предлагаемого способа семантизации, являются различия в семантической структуре лексикографируемого слова и его переводческого эквивалента. Если значение русского эквивалента не осложнено соответствующим прагматическим компонентом, присутствующим в значении немецкого наименования, то эта лакуна должна быть восполнена в интересах пользователя. Если же переводческий эквивалент отражает все прагматические компоненты значения, то дополнительных средств семантизации не требуется. Так, например, леммы *Irrenhaus*, *Krüppel*, *Wahnsinnige(r)* с переводческими эквивалентами соответственно ‘сумасшедший дом’, ‘калека’, ‘сумасшедший’ не требуют никаких дополнительных инструментов лексикографического описания, поскольку русские соответствия имеют тот же коммуникативный статус, что и лексикографируемые наименования немецкого языка. Носитель современного русского языка не будет использовать данные слова в публичном дискурсе, не отдавая себе отчета в их конфликтном потенциале. В качестве примеров лексических единиц, русские эквиваленты которых не осложнены столь очевидной неполиткорректной коннотацией, можно привести лексемы *tongoloid* (*ср. нейтральное Person mit Down-Syndrom*), *Wasserkopf* (*ср. нейтральное Person mit Hydrocephalus*), *schwachsinnig* (*ср. нейтральное kognitiv beeinträchtigt*), *Asylant* (*ср. нейтральное Asylsuchender*), *Sonderschule* (*ср. нейтральное Förderschule*).

Лексикографическое описание некоторых наименований требует от авторов двуязычного словаря особенной внимательности. Так, например, слово *Student* носитель немецкого языка вряд ли сможет заподозрить в неполиткорректности. Однако в публичном дискурсе форма множественного числа этого имени существительного *Studenten* часто воспринимается как дискриминирующая по гендерному признаку и регулярно заменяется

субстантивированным причастием *Studierende*. Как донести эту коммуникативно значимую информацию до пользователя немецко-русского словаря? В словарной статье это можно отразить следующим образом:

Student *m* -en, -en студент; ~ *der Medizin* студент-медик; ~ *an der Universität* студент университета (*pl тж. ннк. – ср. нейтральное Studierende*)

Немаловажным моментом отбора словарного материала является идентификация таких слов, которые в настоящий момент только начинают свою «карьеру» в качестве неполиткорректных обозначений. Языковая биография слов, которые на современном этапе уже обладают разной степенью табуированности, свидетельствует о том, что политическая и идеологическая воля общества является одним из факторов, влияющих на языковую динамику [Jung 1996, 20]. Список неполиткорректных слов, которые системно актуализируют свою идеологическую коннотацию, безусловно, будет расширяться. Так, например, в 2015 году в немецкой прессе и Интернет-пространстве обострилась возникшая несколькими годами ранее дискуссия о необходимости замены слова *Flüchtling* словом *Geflüchtete(r)*. Противники и сторонники такой замены приводят аргументы политического, историко-культурного и лингвистического характера. В пользу замены свидетельствует, прежде всего, возможное наличие негативной оценочной коннотации в значении слова *Flüchtling*. Оценочная сема привносится в семантическую структуру слова суффиксом *-ling*, благодаря которому лексема *Flüchtling* выстраивает парадигматические отношения с такими отрицательно коннотированными словами, как *Sträfling* или *Eindringling*, и ассоциируется с ними. Во-вторых, подвергаемое критике слово является примером гендерной языковой асимметрии. Наименование *Geflüchtete(r)* демонстрирует растущую употребительность, особенно во множественном числе. Сайты все большего количества немецких университетов и, что особенно показательно, информационный портал *studieren.de*, публикует информацию о программах для беженцев под заголовком „*Studienangebote für Geflüchtete*“. Такая коммуникативная тенденция, сопровождающаяся к тому же бурной публичной дискуссией, заставляет рассматривать слово *Flüchtling* как реального претендента на получение лексикографической пометы *ннк.* в немецко-русском словаре, несмотря на отсутствие соответствующего комментария в толковом словаре Duden.

Последним, но далеко не второстепенным вопросом, связанным с отбором словарного материала, является выбор нейтрального синонима для перекрестной ссылки. Во-первых, следует крайне внимательно относиться к результатам коллективного словотворчества, которые были в шутку растиражированы критически настроенными средствами массовой информации как реальные образцы корректных наименований (например, *chemisch unpässlich* как замена якобы неполиткорректного *betrunken* и *vertikal herausgefordert* как замена *kleinwüchsig*). Очевидно, что подобные

псевдообозначения не представляют никакого интереса с лексикографической точки зрения.

Однако выбор нейтрального синонима ставит перед авторами двуязычного словаря и более сложные задачи. Рекомендуемые политкорректные обозначения находятся под пристальным вниманием общества. Это не просто рядовые единицы словарного состава немецкого языка, а его болевые точки, являющиеся магнитом для языковой рефлексии носителей. Поэтому многие понятия, попадающие в такой метадискурсивный фокус, получают все новые, более «корректные», синонимы. В результате выстраиваются целые синонимические ряды: *Behinderte(r) – behinderter Mensch – Person mit einer Behinderung – Person mit einer Beeinträchtigung; Ausländer – ausländischer Mitbürger – Bürger mit Migrationshintergrund – Bürger mit Zuwanderungsgeschichte*. Выбор нейтрального синонима должен осуществляться с учетом реальной частотности наименований. Наиболее адекватным в этой связи представляется выбор в пользу предпоследнего члена синонимического ряда (*Person mit einer Behinderung, Bürger mit Migrationshintergrund*). Именно он является реальным языковым фактом, уже прошедшим через горнило языковой рефлексии общества.

Другие способы словарного отражения идеологической прагматики

Представляется целесообразным включать в качестве иллюстративного материала в словарные статьи нейтральных лексем узуально закрепленные и новые описательные политкорректные наименования. Так, например, словарная статья леммы *Beeinträchtigung* может быть расширена за счет включения иллюстративного примера *Person mit einer Beeinträchtigung*, статья леммы *Behinderung* – за счет включения примера *Person mit einer Behinderung*, статья леммы *Mitbürger* – за счет включения примера *Mitbürger türkischer Herkunft* и т.д.

Лексикографическое отражение принципов толерантности не может обойтись и без расширения словника за счет включения идеологем, ставших актуальными в ходе дискуссии о проблемах дискриминации, то есть имеющих метадискурсивное происхождение. Включение в немецко-русский переводной словарь лексем *Hasskriminalität, Zuwanderungsgesellschaft, Herkunftsideutsche(r), Aufnahmegesellschaft, mehrheimisch, Gutmensch, Neusprech* и др. поможет пользователю лучше сориентироваться в современном публичном дискурсе.

Немаловажным моментом лексикографической фиксации интересующего нас явления является и грамотная организация собственно переводческой зоны словарной статьи. Если в русском языке начинается свое узуальное закрепление нейтральный переводческий эквивалент немецкого наименования, то этот эквивалент должен быть зафиксирован в словаре наряду с традиционно используемым. Так, словарная статья леммы *Homosexuelle(r)*

должна включать два варианта перевода – ‘гомосексуалист’ и ‘гомосексуал’.

При выборе методов лексикографирования чрезвычайно важно не смешивать стилистическую маркированность лексической единицы и присутствие в ее семантической структуре особой (не)политкорректной идеологической коннотации. Разная функционально-стилистическая принадлежность некоторых синонимов, которую немецко-русские переводные словари давно и успешно фиксируют традиционными стилистическими пометами, не должна трактоваться как языковая реализация идеологических ментальных установок. Так, например, в отечественных публикациях на интересующую нас тему можно встретить примеры синонимических пар, трактуемых авторами с точки зрения их (не)политкорректности: *Verbrecher – Straftäter, Gefängnis – Vollzugsanstalt* [Лукичева 2015, 153]. Нетрудно заметить, что приведенные пары являются примерами функционально-стилистической стратификации словарного состава немецкого языка: их семантическая структура не содержит (не)политкорректной прагматической информации, существенной с точки зрения лексикографического описания.

Выводы

Переводной немецко-русский словарь не может оставить без внимания языковые факты, получившие свою узкую значимость в ходе общественного стремления усовершенствовать язык согласно принципам толерантности. Однако словарное издание не может и не должно брать на себя функции политического манифеста и дидактического пособия по культуре речи. Оно не может убедить пользователя в истинности определенной идеологии и раскрыть ему все нормативные, коммуникативные и этические нюансы применения лексических средств. Предложенный способ адаптации двуязычного немецко-русского словаря к современному идеологическому контексту, в целом, и представленный комплексный метод семантизации отдельных лексических единиц, в частности, не должны применяться фронтально. Их использование требует особо взвешенного, мудрого и деликатного подхода со стороны лексикографа.

Литература

- Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 7-44.
- Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая корректность. М., 2004.
- Лукичева М.В. Политкорректность по-немецки // Педагогическое образование в России. 2015, № 10. С.151-156.
- Панин В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория. Дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2004.

Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. Под редакцией В.И. Аннушкина. М., 2003.

Скляревская Г.Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 63-71.

Трипольская Т.А., Булыгина Е.Ю. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2015, № 2 (24). С. 28-40.

Bolz N. Politische Korrektheit führt zur geistigen Knechtschaft. In: Tagesspiegel. Erschienen am 04.01.2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://causa.tagesspiegel.de/politik/haben-wir-es-mit-der-politischen-korrektheit-uebertrieben/politische-korrektheit-fuehrt-zur-geistigen-knechtschaft.html>

Eugster D. „Political correctness“ in der Schweiz. Geschichte eines semantischen Schweizer Taschenmessers. // Linguistische Kulturanalyse / Schröter J., Tienken S., Ilg Y., Scharloth J., Bubenhofer N. (eds.). Berlin, Boston, 2019. S. 393-412.

Graaf V. Schöne neue Wörter. In: Zeit. Erschienen am 12.06.1992. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zeit.de/1992/25/schoene-neue-woerter>

Jung M. Von der politischen Sprachkritik zur Political Correctness – deutsche Besonderheiten und internationale Perspektiven // Sprache und Literatur. Paderborn, 1996. S. 18-36.

Knobloch C. Gesagt, getan? Von den Tücken moralisierter öffentlicher Rede // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 46 (3), 2018. S. 447-458.

Kothen A. Sagt man jetzt Flüchtlinge oder Geflüchtete. In: Pro Asyl. Erschienen am 01.06.2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proasyl.de/hintergrund/sagt-man-jetzt-fluechtlinge-oder-gefluechtete/>

Mayer C. Öffentlicher Sprachgebrauch und political correctness: Eine Analyse sprachreflexiver Argumente im politischen Wortstreit. Hamburg, 2002.

Oehmke P. ‘Political Correctness‘. Das Monsterwort. In: Der Spiegel. Erschienen am 05.12.2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/political-correctness-verbiegen-wir-unsere-demokratie-zu-tode-a-1124459.html>

Plassberg-Talkshow. Roberto Blanco nicht verärgert über Hermanns „Neger“-Äußerung. In: BZ-Berlin. Erschienen am 01.09.2015. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bz-berlin.de/deutschland/roberto-blanco-nicht-veraergert-ueber-herrmanns-neger-aeusserung>

Röhl B. Die selbstzerstörerische Heuchelei der politischen Parteien. In: Wirtschaftswoche. Erschienen am 04.06.2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wiwo.de/politik/deutschland/bettina-roehl-direkt-die-selbstzerstoererische-heuchelei-der-parteien-/8295250-all.html>

Salmen I. „Roberto Blanco war immer schon ein wunderbarer Neger“. In: Tagesspiegel. Erschienen am 01.09.2015. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/medien/joachim-herrmann-bei-hart-aber-fair-roberto-blanco-war-immer-schon-ein-wunderbarer-neger/12260178.html>

Staas C. Political Correctness. In: Zeit. Erschienen am 01.02.2017. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zeit.de/2017/04/political-correctness-populismus-afd-zensur>

Stefanowitsch A., Kunkel-Razum K. Eine Frage der Moral: Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. Berlin, 2018.

Weis K., Eckkrammer E.M. „Just language“ has become big business: Kulturtransfer auf sprachlicher Ebene am Beispiel von Political Correctness. Mannheim, 2017.

Словари

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений]. М., 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-207.htm#zag-1753>

Универсальный немецко-русский словарь. [Электронный ресурс]. – URL: https://universal_de_ru.academic.ru

DWDS. (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dwds.de/>

Duden online. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.duden.de/>

Glossar und Checkliste zum Leitfaden für einen rassismuskritischen Sprachgebrauch. Sprache schafft Wirklichkeit. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.uni-hamburg.de/gleichstellung/download>

Глава 2.6.

Прецедентное имя *Goldilocks* как метафорический ресурс в англоязычном газетном тексте

А.В. Нагорная, М.А. Цейтлин
НИУ Высшая школа экономики, Москва

В главе анализируются особенности функционирования прецедентного имени *Goldilocks* в современной англоязычной прессе. Изучаются процессы метафоризации прецедентного имени, выявляется метафтонимическая природа порождаемых номинаций, описывается сетка метафорических проекций и устанавливается степень вариативности метафорических употреблений имени в газетных текстах.

The Proper Name *Goldilocks* as a Metaphorical Resource in the English Newspaper Text

Alexandra Nagornaya, Mikhail Tseytlin
National Research University Higher School of Economics, Moscow

The paper analyses the functioning of the proper name *Goldilocks* in the contemporary English-medium press. It looks into the metaphorization of the proper name, reveals the metaphonymic nature of the new coinages, describes the main metaphorical mappings and identifies variations in the metaphorical uses of the name in the newspaper texts.

Метафорология является одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной лингвистики. Этот динамизм обеспечивается сложным взаимодействием двух основных тенденций. Первую из них можно условно назвать центробежной. Она связана с появлением новых подходов, теорий и исследовательских инструментов, с одной стороны, и постоянным расширением и обновлением набора метафор в отдельных лингвокультурах, с другой стороны. Вторая, центростремительная, тенденция связана с поиском путей «примирения» существующих подходов, стягивания их в единые концепции интегративного типа, оформлением метафорологии в целостное проблемное поле.

Весьма перспективным объектом исследования, позволяющим проследить действие описанных выше тенденций, является метафорическое употребление прецедентных имен в современных лингвокультурах.

Термин «прецедентное имя», (пока) не имеющий точных аналогов в зарубежной лингвистике, прочно утвердился в отечественной языковедческой традиции. Он используется для обозначения индивидуального имени, которое связано с широко известным текстом или ситуацией и вызывает устойчивые культурно санкционированные ассоциации (см.: [Язык, сознание, коммуникация 1997, 82]). Текст здесь следует понимать широко: это собственно

текст в привычном нам смысле слова (роман, повесть, рассказ, сказка, миф, стихотворение, басня и т.д.), краткие текстовые формы типа пословиц, поговорок, загадок и анекдотов, кинематографические и музыкальные произведения, а также множество других дискурсивных форматов.

Среди текстовых форм, служащих источником прецедентных имен, одно из центральных мест принадлежит сказкам. Их особый лингвокультурный статус обеспечивается сложной совокупностью факторов.

Во-первых, сказки являются тем типом художественного нарратива, который предъясняется человеку в раннем детстве, на начальных этапах формирования его концептуального и вербального репертуара. Одна и та же сказка постоянно циркулирует в дискурсивном пространстве ребенка на протяжении нескольких лет, реализуясь в разных форматах. Сказки не только читаются / рассказываются ребенку или самим ребенком; они часто экранизируются, служат основой для компьютерных игр и обучающих онлайн программ, используются для театрализованных представлений в детских садах и школах, что обеспечивает прочную фиксацию их сюжета в памяти человека.

Во-вторых, сказки, как и произведения классической литературы, принадлежат сфере культурной традиции. Это нарративы с длительной историей, не теряющие культурной ценности и дискурсивной актуальности на протяжении десятилетий, а порой и столетий. Для них не характерна та жесткая поколенческая привязка, которая типична для кинематографических или музыкальных произведений, а также медийных текстов-однодневок. Не свойственна им и гендерно-возрастная ориентированность (ср.: любовный роман для женщин среднего возраста). Сказочное прецедентное имя универсально и обладает свойством эвокативности для всех представителей определенного социума. Заметим при этом, что спектр ассоциаций, как правило, проговорен предельно конкретно, поскольку сказка является одним из основных средств формирования аксиосферы культуры, задавая ценностные ориентиры поведения (см., например: [Карасик, Инин 2018]).

В-третьих, значительное число сказок бытует в более или менее сходных формах в разных культурах (ср.: сюжеты о спящей красавице, о красавице и чудовище, о злой мачехе и несчастной падчерице и множество других). Авторские сказки переводятся на другие языки, часто пересказываются и реинтерпретируются с целью доместикации, сохраняя при этом легко узнаваемую нарративную канву. Благодаря подобным трансферам, сказки становятся частью общемирового культурного фонда, обретая ту дискурсивную универсальность, которая делает их идеальным источником прецедентных имен в условиях межкультурной коммуникации.

Чрезвычайно интересной в исследовательской перспективе представляется англоязычная сказка *Goldilocks and the Three Bears*, которая относится к числу наиболее популярных детских произведений не только в родной для нее культуре, но и далеко за ее пределами.

Сюжет сказки общеизвестен: гуляя по лесу, маленькая девочка находит дом, который принадлежит трем медведям, забирается в него в их отсутствие, бесцеремонно ест их еду, опробует их мебель и, наконец, засыпает в одной из кроватей, а когда возвращаются законные владельцы, спасается бегством через окно.

Сюжет сказки, окончательно сложившийся лишь к началу XX в., на протяжении последнего столетия служил источником вдохновения для многочисленных литературных и кинематографических экспериментаторов, предложивших разнообразные его переосмысления: от анти-этноцентристских афроамериканских адаптаций с Дредлокс в главной роли [The Fairy Tale World ... 2019] до «фильмов для взрослых». Сказка многократно оказывалась и в фокусе внимания научного сообщества, подвергаясь деконструкции и реинтерпретации. В ней видели символически представленный конфликт между природным и культурным [Hammel 1972], между эго и супер-эго [Becker 2002, 20] и даже между местными жителями и иммигрантами [American Cinema ... 2009, 185].

Ближе к концу XX в. экспериментаторская активность переместилась с макроуровня целого сюжета на микроуровень отдельных сюжетных линий и персонажей. В центре внимания при этом оказалась главная героиня сказки – *Goldilocks*, имя которой стало активно использоваться в разнообразных коллокациях для метафорического обозначения весьма широкого круга явлений: *Goldilocks moment / principle / galaxy / test / theology / economy / syndrome / burger / zone / voters / weather / criterion / condition / approach / bubbles / benchmark / award* и т.д.

Заметим, что популярность подобного рода словоупотреблений в дискурсах самых разных типов стремительно растет, что подтверждается многочисленными корпусными данными. Так, цифровая база данных полнотекстовых научных журналов и книг JSTOR по различным дисциплинам содержит 536 работ, в которых используется имя *Goldilocks*. 424 (79,1%) из них опубликованы за последние 20 лет, 84 (15,7%) – за последние пять [JSTOR]. База научной периодики Science Direct содержит 1202 интересующие нас работы, опубликованные с 1996 г. Наибольшее количество (150, или 12,5%) наблюдается в 2019 г. [Science Direct]. В базе Национального центра биотехнологической информации США содержится 1249 работ, опубликованных с 1970 г., в которых используется имя *Goldilocks*. 808 (64,7%) из этих работ вышли в свет за последние пять лет, 198 (15,9%) – за последний год [NCBI]. В базе Springer Books содержится 1400 работ с именем *Goldilocks*, опубликованных с 1970 по 2020 гг. (из поиска исключены произведения художественной литературы). 990 (70,7%) из них опубликованы за последние десять лет, 645 (46,1%) – за последние пять, 198 (14,1%) – за последний год [Springer Link]. В базе данных Edward Elgar, включающей книги по экономике, бизнесу, социологии и праву, обнаруживается 121 книга, содержащая имя *Goldilocks*, выпущенная с 1991

г. 78 (64,5%) из них – за последние пять лет, 18 (14,9%) – за последний год [Elgaronline].

Наиболее заметен, однако, этот дискурсивный тренд в прессе, которая по определению ориентирована на массовую аудиторию. С одной стороны, газетные тексты активно популяризуют терминологические новшества из разных отраслей науки. Именно благодаря им, например, в общий дискурсивный обиход вошло словосочетание *Goldilocks zone*, которым в астрономии обозначается так называемая «зона обитаемости» с условиями, напоминающими земные и максимально приспособленными для жизни. Так, корпус News on the Web показывает 708 вхождений для этого словосочетания только в 2020 г. [NOW Corpus]. С другой стороны, газетные тексты сами являются площадкой для разнообразных экспериментов с метафорическим потенциалом прецедентного имени *Goldilocks*, предлагая порой весьма неожиданные его прочтения. Упомянутый выше NOW Corpus содержит 4815 вхождений для *Goldilocks*, из которых 2258 – это коллокации с выраженным метафорическим значением, при этом 362 единицы – это уникальные формы [NOW Corpus]. Реальность же бытования прецедентного имени *Goldilocks* в современной англоязычной прессе оказывается еще более разнообразной, поскольку корпус не фиксирует целый ряд интереснейших трендовых употреблений (*Goldilocks burglar*, например).

Будучи ярким и устойчивым дискурсивным трендом, метафорическое употребление прецедентного имени *Goldilocks* представляется нам интересным и перспективным объектом лингвистического исследования. К задачам такого исследования в рамках настоящей главы относится описание лингвокогнитивного статуса имени *Goldilocks* в газетных текстах, выявление механизма образования метафорического значения, выявление сетки метафорических проекций, используемых для обозначения ситуаций разных типов, и описание семантического варьирования в рамках этих проекций.

Обращаясь к вопросу о лингвокогнитивном статусе имени *Goldilocks*, заметим, что новаторство номинативной практики, выраженный игровой характер используемых в прессе коллокаций, очевидное следование дискурсивной моде позволяют говорить о высокой степени сознательности и целенаправленности в их конструировании и квалифицировать продукты этой лингвокогнитивной деятельности как преднамеренные метафоры.

Термин «преднамеренная метафора» (*deliberate metaphor*) был введен в научный обиход Х. Стейном для описания тех случаев, когда «метафора сознательно используется в качестве метафоры» [Steen 2015, 67]. В определенной степени теорию преднамеренной метафоры можно рассматривать как конструкт, позволяющий «примирить» два сложившихся в лингвистике подхода к определению и анализу метафоры – традиционный стилистический и концептуальный. В рамках этой теории метафора рассматривается как механизм осмысления действительности, но это когнитивное измерение

метафоры изучается в совокупности с ее коммуникативными свойствами, способностью оказывать на реципиента определенный риторический, в том числе и эстетический, эффект. Создатель преднамеренной метафоры добивается от реципиента необходимого ему концептуального видения предмета, побуждая его сфокусироваться на области источника [Ibid., 68]. При использовании привычных, конвенциональных метафор такая фокусировка не происходит, и их обработка не требует дополнительных когнитивных усилий. Одновременно с этим реципиент обращает внимание и на непривычную форму высказывания и способен комментировать ее («Почему вы применили эту метафору?», «Какая удачная метафора!», «Неприличная метафора» и т.п.) [Ibid., 67].

По утверждению Л. Кэмерон, преднамеренная метафора создается и используется «с определенной целью и по определенному случаю» [Cameron 2003, 101], ей в целом не свойственна та универсальность, которая присуща значительному числу традиционных концептуальных метафор. Мы же полагаем, что, обладая свойством эмерджентности, преднамеренная метафора, тем не менее, способна служить образцом для новых метафорических проекций, задавая определенную концептуальную рамку и обеспечивая некоторый вполне предсказуемый коммуникативный эффект. Иными словами, она может формировать определенный метафорический тренд, способствуя появлению и закреплению в языке новых групп номинаций.

«Концептуальная механика», обеспечивающая появление единиц интересующего нас типа, наиболее адекватно описывается термином «метафтонимия». Концепция метафтонимического переноса была предложена Л. Гуссенсом в попытке представить холистическое видение механизмов, задействованных в понимании и вербализации действительности [Goossens 1990]. Признавая наличие двух качественно разных концептуальных процессов (метонимии и метафоры), Гуссенс рассматривает их как части единого когнитивного континуума, в пределах которого они способны образовывать различные комбинации с варьирующимся соотношением между смежностью и сходством. Он описывает три варианта такого соотношения: метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры и метафора внутри метонимии.

В нашем случае, очевидно, наблюдается комбинация первого типа: метафорическое значение прецедентного имени надстраивается над метонимией. Имя *Goldilocks* метонимически отсылает нас к соответствующей сказке, «вытягивая» из памяти хорошо знакомый сюжет, формируя когнитивную готовность к восприятию метафоры. Метафора же формирует дополнительную концептуальную перспективу, выстраивая ассоциацию между осмысляемой в данный момент ситуацией и определенным аспектом сюжета, частью которого является *Goldilocks*.

Заметим, что при стабильности метонимического базиса, метафорическое значение прецедентного имени *Goldilocks* обнаруживает значительную гибкость, используя для обозначения ситуаций нескольких

типов. Примечательно, что ни один из этих типов не соотносится в полной мере с исходной моралью сказки, как этого следовало бы ожидать.

С точки зрения морали, сказку можно назвать архетипически английской, поскольку она формируется вокруг ключевой для англоязычной культуры ценности – безусловной неприкосновенности частной собственности.

Как отмечают некоторые исследователи, эта идея представлена в сказке с двух разных ракурсов. Первый выстраивается вокруг семейства медведей, которые недостаточно трепетно относятся к сохранности своей собственности и излишне полагаются на порядочность окружающих. Именно этот ракурс обыгрывается в стихотворении Н. Геймана “Locks”, название которого представляет собой игру слов и может переводиться как «локоны» (переключка с именем главной героини) и «замки» (необходимое приспособление для охраны жилища). Приведем два наиболее релевантных отрывка: (1) *The bears go upstairs hesitantly, / their house now feels desecrated. They realize /what locks are for.* (2) *These days my sympathy's with Father Bear. / Before I leave my house I lock the door, / and check each bed and chair on my return.*

Второй ракурс выстраивается вокруг самой *Goldilocks*. Сказка порицает бесцеремонность, формирует представление о недопустимости вторжения в чужое жилище и посягательства на чужое имущество (см.: [Watts 2007, 382]). *Goldilocks* становится олицетворением беспардонности, избалованности и безосновательной требовательности.

Парадоксально, но эта очевидная метафорическая перспектива оказывается практически нереализованной в современных экспериментах с именем *Goldilocks*. Идея вторжения в чужое жилище обыгрывается в англоязычной прессе куда более остроумно и куда менее морализаторски. Слово сочетание *Goldilocks burglar* используется для описания весьма своеобразного типа преступника, который проникает в дом в отсутствие хозяев, какое-то время находится там, угощаясь их едой и пользуясь их вещами, и оказывается спящим, когда законные владельцы возвращаются домой. Ниже приведены заголовки и подзаголовки газетных статей, которые можно считать типичными для освещения подобного рода правового казуса:

Police hunt Goldilocks burglar who breaks into homes, eats food then has a nap. Police believe they are close to catching a burglar nicknamed Goldilocks who breaks into homes, eats the owners' food and then takes a nap in their beds (The Telegraph, 27.05.2011);

'Goldilocks' burglar found asleep in elderly couple's bed. Retired couple return from holiday to find a burglar asleep in their bed, having tidied away their things, cooked himself dinner and had a bath (The Telegraph, 13.10.2014).

Куда более востребованным оказалось другое метафорическое прочтение сказки, которое никак не связано с ее моралью. Напомним, что главная героиня постоянно оказывается в ситуации, когда ей приходится выбирать наиболее

подходящий ей вариант из трех наличествующих возможностей. Имя *Goldilocks* стало метафорическим обозначением ситуации выбора, причем оно способно представлять эту ситуацию двояко.

С одной стороны, в фокус внимания может помещаться сам непростой процесс перебора вариантов. В наиболее «концентрированном» виде такое значение представлено в словосочетании *Goldilocks syndrome*. Впервые оно было предложено в начале 1992 г. [The compositionality ... 2005, 221] и на данный момент показывает 10 вхождений в NOW Corpus. Словосочетание используется для описания человека, склонного к чрезмерной придирчивости. Такой человек никак не может остановиться на одном, вполне подходящем ему, варианте, поскольку ему всегда кажется, что обязательно найдется нечто получше, причем богатство выбора, как правило, оказывается сильно преувеличенным. Наглядной иллюстрацией здесь может служить ситуация выбора потенциального партнера, описанная в статье “Dating: Do you have the Goldilocks Syndrome?” (Elephant Journal, November 2017):

I was starting to wonder if I was trying too hard or if I was a victim of “The Goldilocks Syndrome.” This woman was older than me, this one was bigger than me, this one lived too far away, this one takes five hours to text me back... on and on and on.

«Синдром Голдилокс» наблюдается и при принятии куда менее важных решений, например, при выборе места в кинотеатре или типа кассового аппарата в магазине:

The Goldilocks syndrome persists for choosing movie seats. Too close! Too far back! Middle? No way, aisle. When it comes to where you plant yourself in a movie theater, you’re either a seat-specific Goldilocks or you’re with one (The Lima News, 20.07.2012);

Goldilocks Syndrome? 3 Types of Cash Registers to Choose (Shopkeep, 15.05.2019).

С другой стороны, фокусировка может производиться на конечной фазе ситуации выбора, когда у человека появляется ощущение, что он нашел то, что надо – *just right*. Хорошим примером здесь может послужить статья о покупке подарка для отца, в которой, в числе прочего, даются рекомендации по выбору фотоаппарата из линейки Nikon:

Our overall winner for the best camera this year was the Nikon D500, which is likely a familiar name for photographers. We called it the “goldilocks” of Nikon’s lineup for its quality, features and durability (The USA Today, 06.12.2017).

Заметим, что при кажущейся терминологичности некоторых словосочетаний, они могут оказаться семантически подвижными. Например, нетривиальное прочтение *Goldilocks syndrome* предложено в статье ““Goldilocks

syndrome”? Parents often in denial about overweight kids” (Today, 11.05.2015). Речь в ней идет о том, что родители часто отрицают факт наличия лишнего веса у своих детей, считая его абсолютно нормальным – *just right*. Таким образом, значение выбора оказывается полностью нейтрализованным, и *Goldilocks syndrome* начинает описывать состояние полной удовлетворенности. Правда, слово *syndrome* заставляет нас усомниться в том, что человек адекватно оценивает ситуацию, поскольку его «семантическая вотчина» – это некоторое нездоровое, патологическое состояние.

Такое концептуальное балансирование между ситуацией выбора и оценкой ситуации как оптимальной наблюдается и у словосочетания *Goldilocks moment* (48 вхождений в корпусе NOW Corpus). С одной стороны, оно служит средством осмысления ситуаций, когда нужно принять непростое решение при одинаково валидных и привлекательных возможностях. Так, в приведенном ниже контексте автор статьи пытается выбрать оптимальный размер меню в ресторане и не желает уподобиться слишком придирчивой Голдилокс:

I don't mean to set up a Catch-22, casting long menus as inevitably suspicious and short menus as probable letdowns. I'm not having a Goldilocks moment (The New York Times, 16.10.2007).

Чаще, однако, *Goldilocks moment* описывает состояние полной гармонии, когда появляется ощущение, что все сложилось «как надо» – *just right*. Ср.:

Have we arrived at one of those rare Goldilocks moments in real estate, where the market works well for sellers and buyers, strongly favoring neither? (The Washington Post, 09.04.2019).

Именно это значение правильности, удобства, удачной сбалансированности происходящего, оптимальности наличествующих условий является самым частотным метафорическим прочтением прецедентного имени *Goldilocks*.

Наиболее показательным примером можно считать словосочетание *Goldilocks economy*, введенное в обиход в 1992 г. Д. Шульманом. Словосочетание используется для обозначения такого состояния экономики, при котором наблюдается устойчивый, но не избыточный, рост, обеспечивающий полную занятость населения и низкую инфляцию. Возникнув в экономическом дискурсе, словосочетание быстро вошло в общий обиход благодаря его активной популяризации в прессе (111 вхождений в NOW Corpus). Ср.:

The UK has been hailed as new “Goldilocks economy” because it is enjoying the combination of robust growth and low price pressures (The Telegraph, 15.04.2014);

Fed's Goldilocks Economy Just Right for Stock Investors. Two decades ago the notion of a Goldilocks economy was very much in vogue. It was a snappy way of saying that the economy was growing at a nice, steady pace — fast enough to

create jobs but not so rapidly that it would lead to runaway inflation (The New York Times, 03.08.2014).

Метонимический базис этой номинации создает благоприятные условия для разнообразных дискурсивных игр, позволяя творчески обыгрывать оригинальный сюжет и задавать дополнительные метафорические проекции. Так, в приведенных ниже примерах медведи – антагонисты Goldilocks – метафорически выступают в роли факторов, угрожающих экономической стабильности:

Three bears that ate Goldilocks economy (The Guardian, 24.09.2007);

Goldilocks' economy is too cold, and the bears are prowling Davos (The Guardian, 01.02.2009).

Одновременно с этим привычность номинации позволяет вводить ее в контекст в усеченном виде, не рискуя быть непонятым:

The US economy seems to be transitioning into a stagnation phase after a brief period of goldilocks on a sugar high of fiscal stimulus (The Telegraph, 29.03.2019);
Goldilocks Is Back in the House (The Star, 31.03.2019).

Идея гармоничного, сбалансированного состояния реализуется в англоязычной прессе во множестве словосочетаний, порой весьма неожиданных. Ср.: *Goldilocks housing density* (The Guardian, 16.04.2014); *a Goldilocks alternative* (The New Zealand Herald, 21.09.2018), *the Goldilocks murder* (The Telegraph, 03.08.2019), *“Goldilocks” level of complexity in a melody* (The New Zealand Herald, 07.11.2016); *the Goldilocks way to travel* (The USA Today, 18.06.2017), *a Goldilocks distance* (The Denver Post, 20.01.2018), *a Goldilocks doctrine* (The Guardian, 29.03.2011); *the Goldilocks situation* (The USA Today, 27.05.2014), *Labour's Goldilocks immigration policy* (The New Zealand Herald, 13.06.2017); *Apple's Goldilocks tablet* (The Telegraph, 20.06.2017), *Goldilocks zone for pooing* (The New Zealand Herald, 06.09.2018) и т.п.

Параметры достигнутого идеального состояния могут эксплицироваться в контексте во избежание неправильных интерпретаций. Их общей характеристикой является принадлежность «золотой середине», содержательное определение которой зависит от ситуации:

the Goldilocks solution to Brexit: neither soft nor hard but the one that serves the country best (The Telegraph, 03.10.2016);

a Goldilocks candidate — not too old, not too young — would be just right (The USA Today, 16.04.2019);

The forecast is very much in the “Goldilocks” zone (not too windy, not too light) for Emirates Team NZ (The New Zealand Herald, 24.06.2017);

“It was a Goldilocks report. <...> Weak enough to convince investors the Fed can slow their tightening, but strong enough not to get people more worried about a

recession.” (Daily Herald, 07.12.2018).

Пожалуй, наиболее конъюнктурным из них является словосочетание *Goldilocks virus*, описывающее особенности нового коронавируса, который вызвал текущую пандемию:

This is a Goldilocks virus: not too lethal to bring down vast numbers of carriers (think Ebola), but lethal enough to kill (ten times more than the common flu) (Asia Times, 30.03.2020).

Заметим, что это словосочетание нашло фиксацию в новом специализированном корпусе The Coronavirus Corpus, созданном в 2020 г.

Частотность атрибутивных словосочетаний с *Goldilocks*, все бóльшая их привычность создают условия, при которых это прецедентное имя может использоваться в типичных для прилагательного сравнительных конструкциях, образуя характерные для слов с такой морфемной структурой аналитические формы сравнения. Ср.:

By the end of the day the market saw the report as being more “Goldilocks” than anything else (BBY, 08.09.2014);

If things improve even marginally after this weekend’s depression I think we are on our way to the most goldilocks summer since 2005 (The Weather Outlook, 23.07.2014).

Любопытны и случаи адекативного употребления имени *Goldilocks* с наречием-модификатором *enough*:

Russia sanctions Goldilocks enough?: Our view (The USA Today, 29.12.2016).

Подобные примеры свидетельствуют об укоренении метафорического значения имени *Goldilocks* в коллективном когнитивном пространстве и о его превращении в часть коммуникативного репертуара типичного представителя англоязычного социума. Подчеркнем, что атрибутивные словосочетания с прецедентным именем *Goldilocks* встречаются в прессе всех англоязычных стран, включая Индию, и не обнаруживают выраженного тяготения к определенному ареалу бытования английского языка.

Наряду с классическими атрибутивными словосочетаниями *Goldilocks* + *N*, в англоязычной прессе можно встретить и конструкции типа *the Goldilocks of N*. Между ними есть, по крайней мере, два существенных отличия. Первое лежит на поверхности и заключается в том, что *Goldilocks* + *N* представляет один из возможных в данной ситуации вариантов, в то время как *the Goldilocks of N* репрезентирует этот вариант как единственно верный. Ср.: Ср. *a Goldilocks solution* (одно из решений, которые можно считать разумными в данной ситуации) vs *the Goldilocks of solutions* (то единственное решение, которое

можно считать подлинно оптимальным). С некоторыми оговорками можно сказать, что *Goldilocks + N* – это скорее «срединный», «компромиссный» вариант, а *the Goldilocks of N* – идеальный. Второе отличие мы видим в том, что конструкция *the Goldilocks of N* в гораздо меньшей степени нейтрализует контекст ситуации выбора, подчеркивая наличие неопределенно большого числа других вариантов. Она отчасти схожа с английским суперлативом, «выбирающим» из множества объектов тот, который в наибольшей степени обладает необходимым качеством. Ср.: *the Goldilocks of solutions vs the most optimal of solutions*.

Приведем ряд наиболее типичных примеров:

Too big? Too small? Pfizer is the Goldilocks of pharma (The Telegraph, 27.09.2016);

The 670 nm wavelength is the ‘goldilocks’ of pigment lasers. It’s not too strong or too weak and appropriate for most skin types (The Herald Tribune, 25.02.2019);

The Goldilocks of fall colors is warm sunny days followed by cool nights (The USA Today, 21.09.2018).

Есть, однако, контексты, в которых эта конструкция служит средством оценки не предмета, в связанных с ним собственных субъективных ощущений:

Then Suits came along, “the Goldilocks of my acting career – where finally I was just right,” says Markle, who plays the whip-smart legal mind Rachel Zane on the USA series (The USA Today, 12.12.2016).

Выбивается из общей концептуальной канвы и пример, приведенный ниже:

eye contact is the “Goldilocks” of nonverbal communication. “Too much eye contact is instinctively felt to be rude, hostile and condescending; and in a business context, it may also be perceived as a deliberate intent to dominate, intimidate, belittle, or make the other feel at a disadvantage. <...> But too little eye contact <...> can make you appear uneasy, unprepared, and insincere.” (The USA Today, 07.06.2015).

The “Goldilocks” of nonverbal communication – это не идеальная форма невербального общения, а труднодостижимый баланс, и акцент здесь делается не на фиксированном состоянии, а на процессе его обретения.

Приведенные в статье примеры наглядно демонстрируют множественность метафорических прочтений сказки *Goldilocks and the Three Bears* и семантическую подвижность прецедентного имени *Goldilocks*. Эта подвижность порождает определенные сложности и заставляет внимательно относиться к контексту употребления имени, быть готовым к самым неожиданным концептуальным экспериментам. Так, словосочетание

Goldilocks syndrome, рассмотренное нами выше, единично употребляется для обозначения человека, заснувшего в странном месте, которое отнюдь не является чужой собственностью:

The Mangawhai community has experienced an outbreak of “Goldilocks Syndrome” this week. Tired revellers from the Northern Bass Festival, halfway between Kaiwaka and Mangawhai, have fallen asleep in random locations (The New Zealand Herald, 02.01.2018).

Нестабильно и значение словосочетания *Goldilocks voters*, которое в разных контекстах может обозначать избирателя, придерживающегося умеренных, центристских взглядов, и человека, неспособного определиться со своими политическими предпочтениями либо слишком критически настроенного и вечно недовольного. Ср.:

If the median American voter is like Goldilocks — in search of something not too left, not too right, but just right — Biden is well positioned to be her choice (The Washington Post, 25.04.2019);

President Barack Obama may be facing Goldilocks voters in Tuesday’s congressional election who feel that he’s done too much, or too little, in two years in office (Reuters, 02.11.2010).

Помимо семантической вариативности, наблюдается и разноречивость в графическом оформлении многих словосочетаний. Имя *Goldilocks* встречается как в кавычках, так и без них; закавычиваться может и все словосочетание. Ср.: *Goldilocks building* (The Telegraph, 03.11.2017); “*Goldilocks*” *economy* (The Telegraph, 03.04.2014); ‘*Goldilocks burglar*’ (The West Australian, 08.02.2017).

Разумеется, отсутствие единства в оформлении объясняется, главным образом, новизной предлагаемых номинаций. Однако кавычки в данном случае можно рассматривать как особый маркер, с помощью которого производится фокусировка внимания читателя на способе осмысления ситуации и на креативном характере новой номинации. Они, по сути, выполняют ту же функцию, что и более привычные эксплицитные лексические маркеры: *A Melbourne teen dubbed the “Goldilocks” burglar* (The Age, 06.01.2017); *Police hunt blond burglar nicknamed ‘Goldilocks’* (The Seattle Times, 27.05.2011); *President Obama needed a Goldilocks-like approach — not too little, not too much* (The USA Today, 29.12.2016). Заметим, что маркированность (лексическими или иными средствами) является одним из типичных и ярких признаков преднамеренной метафоры (см. [Steen 2015]).

Подводя итог, отметим, что прецедентное имя *Goldilocks* можно отнести к разряду наиболее востребованных метафорических ресурсов в современной англоязычной прессе. С одной стороны, эта востребованность объясняется популярностью сказки, частью которой является *Goldilocks*. Прочная метонимическая привязка к известному сюжету формирует тот концептуальный

базис, который обеспечивает, по крайней мере, приблизительное, интуитивное понимание предлагаемых метафорических проекций, даже при высокой степени их новизны. С другой стороны, востребованность имени можно объяснить и устойчивостью самого дискурсивного тренда, желанием следовать дискурсивной моде, что особенно актуально в журналистской практике. На настоящий момент наиболее устоявшимся метафорическим значением прецедентного имени *Goldilocks* является «гармоничное, сбалансированное состояние некоторой системы». В рамках этой метафорической проекции наблюдаются, по крайней мере, две семантические вариации – «оптимальное состояние» и «компромиссное решение». *Goldilocks* может метафорически реферироваться и к ситуации выбора, помещая в фокус внимания как сам процесс, так и его результат. Эти наиболее популярные метафорические прочтения имени дают множество разнообразных коллокаций, количество которых в англоязычных дискурсивных практиках неуклонно растет. Существуют и более «точечные» метафорические прочтения, представленные единичными терминоподобными словосочетаниями (*goldilocks burglar*, например). Будучи продуктом лингвоконцептуального экспериментирования и обладая всеми признаками преднамеренной метафоры, эти словосочетания могут иметь разное синтаксическое и графическое оформление. Выявление подобных словосочетаний на основе корпусных данных, их систематизация и анализ их вариативности представляют не только теоретический, но и практический интерес, обладая релевантностью в лексикографической и переводческой перспективе.

Литература

- Карасик В.И., Инин Л.* Аксиологическая специфика китайских сказок // Сибирский филологический журнал. 2018. 3. С. 27-35.
- Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1.
- American Cinema 1890-1909: Themes and variations* / Ed. By A. Gaudreault. New Brunswick: Rutgers University Press, 2009.
- Becker K.L.* Unlikely companions: C.G. Jung on the spiritual exercises of Ignatius of Loyola. Leominster: Gracewing Publishing, 2002.
- Cameron L.* Metaphor in educational discourse. London / New York: Continuum, 2003.
- Goossens L.* Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*, 1990. No. I (3). P. 323-340.
- Hammel E.A.* The myth of structural analysis: Levi Strauss and the Three Bears. California: Menlo Park: Cummings Publishing, 1972.
- Steen G.J.* Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory // *J. of pragmatics*. Amsterdam: Elsevier, 2015. Vol. 90. P. 67-72.
- The compositionality of meaning and content*. Vol. II / Ed. by M. Werning et al.

Berlin: De Gruyter, 2005.

The fairy tale world / Ed. by A. Teverson. New York: Routledge, 2019.

Watts L.C. Encyclopedia of American folklore. New York: Facts on File, 2007.

Список электронных ресурсов

Edward Elgar Publishing. [Электронный ресурс]. – <https://www.elgaronline.com/>

JSTOR. [Электронный ресурс]. – <https://https://www.jstor.org/>

National Center for Biotechnology Information. [Электронный ресурс]. – <https://https://www.ncbi.nlm.nih.gov/>

NOW Corpus (News on the Web). [Электронный ресурс]. – <https://www.english-corpora.org/now/>

ScienceDirect. [Электронный ресурс]. – <https://www.sciencedirect.com/>

Springer Books. [Электронный ресурс]. – <https://link.springer.com/>

The Coronavirus Corpus. [Электронный ресурс]. – <https://www.english-corpora.org/corona/>

ЧАСТЬ 3³³

ПЕРЕВОД: источники новых лингвистических данных и интерпретаций в антропоцентрическом, системоцентрическом, контрастивном и лексикографическом аспектах

Глава 3.1.

Выражение неопределенного лица в шведском и русском языках: сопоставительный анализ и перевод

Е.М. Чекалина

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

В главе проводится сопоставительный анализ способов выражения неопределенно-личного субъекта действия, обусловленных типологическими различиями грамматического строя, – шведских двусоставных высказываний с местоимением *man* и русских односоставных предложений с предикатами 3 лица множественного числа и 2 лица единственного числа. В процессе анализа на материале художественных текстов рассматриваются различные стратегии их перевода с одного языка на другой. Контекстуальный анализ лексико-синтаксических и стилистических аспектов выбора переводных эквивалентов выявляет также более периферийные средства выражения неопределенного лица.

Ways of Expressing the Indefinite-personal Agent in Swedish and Russian: Comparative Description and Translation

Elena Chekalina

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The chapter presents a comparative description of the ways of expressing the indefinite-personal agent in Swedish and Russian, conditioned by the typological differences between their grammatical systems, – binominal sentences with the indefinite-personal pronoun *man* in Swedish and mononuclear sentences with 3rd person plural and 2nd person singular predicate forms in Russian. The description is based on the analysis of different strategies of their translation in literary fiction texts. A contextual analysis of lexical-syntactic and stylistic aspects of choosing translation equivalents exposes still other, more peripheral ways of expressing indefinite person.

Особенности выражения неопределенно-личного агенса в шведском и русском языках, обусловленные типологическими различиями грамматического строя, представляют значительный интерес для сопоставительного анализа. В русском языке при «умолчании о субъекте» [Виноградов 1938, 367] используется функционально-семантический потенциал согласовательных категорий лица

³³ Часть 3 выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00146.

и числа глагола в структуре односоставных предложений. Согласовательная категория в этих случаях «с а м а обозначает лицо» [Пешковский 2001, 111]. Неопределенно-личные предложения с формами 3 лица множественного числа настоящего, прошедшего и будущего времени предполагают исключение говорящего из числа возможных референтов нулевого подлежащего и его «отчужденность, дистанцированность» [Падучева 2012, 33], «отстраненность» [Шелякин 1991, 68] от подразумеваемого субъекта. В обобщенно-личных предложениях с формами 2 лица единственного числа настоящего/будущего времени говорящий может быть включен в неопределенное множество референтов нулевого подлежащего; ср.: *Неприятно, когда тебя обманывают.* – *Неприятно, когда обманываешь того, кто верит каждому твоему слову* [Булыгина, Шмелев 1991, 60]; *С начальством не спорят.* – *С тобой не поспоришь* [Плунгян 2011, 294]. Оба типа бессубъектных предложений представляют собой «две особые разновидности категории лица в русском языке и две особые формы мышления говорящего по-русски человека» [Пешковский 2001, 342].

В германских и романских языках, ориентированных на двусоставность предложения, употребляются неопределенно-личные местоимения: франц. *on*, англ. *one, somebody*, нид. *men*, нем. *man*, которое было заимствовано в скандинавские языки [Зеленецкий 2004, 172-173; Лунд 2016, 215]. Таким образом, в этих языках значение «неопределенно представляемого субъекта» [Булыгина, Шмелев 1991, 45] выражается в предложениях активного залога лексически – особым типом грамматического субъекта, а в русском языке грамматически – особой формой предиката.

Шведское местоимение *man* не требует обязательного указания на отнесенность субъекта речи к неопределенному множеству референтов грамматического субъекта высказывания, но и не исключает этого. В зависимости от контекста, оно может употребляться как в неопределенно-личных высказываниях общего характера, так и в высказываниях с конкретной пространственно-временной локализацией. Функционально-семантический потенциал шведских высказываний с неопределенно-личным местоимением предполагает различные стратегии перевода на русский язык с использованием различных лексико-синтаксических средств.

1. Существительные *человек* и *люди* при выражении обобщенной референции при указании на неопределенное множество лиц, представленное как открытый класс:

När man älskar och är mottagen i sin kärlek känner sig kroppen lätt ‘Когда **человек** любит, и чувство это взаимно, во всем теле чувствуется легкость’ [Andersson 2016, 11/16]³⁴; *Kanske borde han lägga ner hela skiten. Inse att man*

³⁴ Поскольку оригинал и перевод опубликованы в одной книге, указание на номера страниц приводится в одном месте.

aldrig blir lycklig ‘Ему, наверное, пора бросить всю эту муть. Осознать, что **человеку** никогда не стать счастливым’ [Lindström 2011, 109/105].

Выражение обобщенной референции во втором примере усиливается в русском переводе использованием бессубъектной синтаксической модели с дательным лица и инфинитивом, в которой содержится оттенок «объективной необходимости» [Пешковский 2001, 347].

На выбор лексических эквивалентов *человек* или *люди* в приводимом ниже переводе влияет морфологический фактор – употребление форм единственного или множественного числа именных частей речи в контексте оригинала:

Jaha, man blir inte lyckligare av att äta mer glass, dricka mer rödvin, eller bo i större hus med fler gästtoaletter – vad blir man då lycklig av? ‘Оказывается, **люди** не становятся счастливее, если едят больше мороженого, пьют больше красного вина или **живут в более просторных домах с большим числом гостевых туалетов** – так что же делает **человека счастливым?**’ [Lindström 2011, 109/105].

При употреблении формы единственного числа прилагательного в именной части предиката *lycklig* ‘счастливый’ в качестве эквивалента неопределенно-личного местоимения используется лексема *человек*, в то время как в случае неизменяемого предикатива в сравнительной степени при контекстуальном указании на количественное множество формами существительных выбирается лексема *люди*.

2. Местоимение *мы* при выражении отнесенности субъекта речи к неопределенному множеству референтов грамматического субъекта:

Man planerar och planerar och planerar, och under tiden går livet ifrån en ‘**Мы** планируем, планируем и планируем, а жизнь тем временем ускользает от **нас**’ [Lindström 2011, 109/105].

Включенность субъекта речи в неопределенное множество референтов *man* маркируется здесь употреблением местоимения *en* в качестве супплетивной объектной формы [Hultman 2008, 121]. В русском переводе для этого используется прагматическая функция местоимения ‘мы’, которое говорящий употребляет, «заявляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива» [Виноградов 1938, 365]. Ср. пример аналогичного перевода из другой новеллы:

Jag tror nu, så här i efterhand, att man så gärna vill tro att man förstår, att man låter bli att förstå. Ja, att saker och ting liksom blir mer begripliga genom att vi inte förstår dem ‘Сейчас, когда все позади, мне кажется, **нам** настолько хочется думать, будто **мы** все понимаем, что **мы** даже и не пытаемся понять. Да, словно вещи и явления становятся более доступными, когда **мы** их не понимаем’ [Askestad 2011, 22/19].

Выбор *мы* в качестве эквивалента шведскому *man* обусловлен здесь и употреблением *vi* в последующем высказывании, которое как бы подводит

итог авторскому рассуждению в завершающей части сверхфразового единства. Важно, однако, что в обоих случаях субъект речи представлен не как индивидуально-конкретное лицо, а как член неопределенного множества референтов.

3. Бессубъектные синтаксические конструкции при переводе высказываний с модальными предикатами, в лексическом значении которых содержится имплицитное указание на лицо:

возвратным глаголом *хотеться* при выражении волеизъявления:

Om sommaren vill man vara ungdomlig, nonchalant och nästan lite farlig ‘Летом **хочется быть** молодым, беззаботным и чуть-чуть рисковым’ [Lindström 2011, 110/106];

модальными предикатами состояния *можно, невозможно, надо* с инфинитивом:

Och så kan man rota fram gamla vinylplattor och halskedjor och örhängen som man aldrig skulle se åt när hösten kommer ‘А еще **можно достать** старые виниловые пластинки, подвески и серьги, которые осенью уму не постижимы’ [Lindström 2011, 110/106]; *Man kan inte sitta på krogen ett helt liv och se varandra i ögonen och samtala. Någon gång måste man se på tv tillsammans också* ‘**Невозможно** всю жизнь **сидеть** в баре и **разговаривать**, *глядя друг другу в глаза*. Когда-нибудь **надо** и телевизор вместе **посмотреть**’ [Andersson 2016, 12/18].

4. Бессубъектные высказывания с предикатом в форме 2 лица единственного числа:

Det viktigaste när man gör en syltmacka är att inte snåla med sylten ‘Когда **делаешь** бутерброд с вареньем, самое важное – не жадничать’ [Karlsson 2016, 121/129-130]; *Tricken när man ska låtsas sova är att inte göra för mycket* ‘Когда **притворяешься** спящим, главное – не перестараться’ [Karlsson 2016, 124/133]; *På våren och sommaren blir man oerhört ungdomlig, för att inte säga barnslig*. ‘Весной и летом **начинаешь** жутко **молодиться**, если не сказать **впадать** в детство’ [Lindström 2011, 110/106]; *Men ni vet hur det är, man inbillar sig saker, får för sig att man anade någonting som man inte kunde ha någon aning om* ‘Знаете, как иногда бывает: **навыдумываешь себе**, и взбредет в голову, что возникает понимание чего-то, о чем и **представления никакого не имеешь**’ [Askestad 2011, 22/19]; *Ni vet nog hur man känner på sig att någon stirrar* ‘Знаете, как бывает, когда **чувствуешь** на себе чей-то взгляд’ [Askestad 2011, 22/19].

Иногда в качестве синтаксического варианта бессубъектной конструкции встречается эксплицитное употребление местоимения ‘ты’:

Helt plötsligt slutar man fantisera om museibesök och middagar och vuxenliv i alla former, och bara tanken på att gå omkring i en mörkbrun kostym känns helt absurd ‘**Ты** вдруг **перестаешь мечтать** о посещении музеев, званых ужинах и взрослой жизни во всех ее проявлениях, и даже мысль о том, чтобы ходить в темно-коричневом костюме, кажется абсурдной’ [Lindström 2011, 110/106].

5. Субъектная номинализация при лексико-синтаксической трансформации в обобщенно-личные высказывания афористического характера:

Men man försöker ju i alla fall ‘Но попытка – не попытка’ [Lindström 2011, 110/106]; *Är det så att man aldrig blir lycklig?* ‘Неужели счастье и правда недостижимо?’ [Lindström 2011, 109/105].

Смысловое содержание предиката в таких случаях «переносится» при переводе в грамматический субъект.

Перевод предложений с *man* высказываниями с формой 3 лица множественного числа встречается достаточно редко, главным образом, в тех случаях, когда в контексте содержится указание на дистанционность неопределенно-личного субъекта от субъекта речи [Падучева 2012, 33]:

Jag tror knappt ens att han skulle kunna erinra sig händelsen om man frågade honom ‘Думаю, он и не вспомнил бы этот маленький эпизод, если бы его спросили’ [Lindström 2016, 207/213]; *Några månader senare fann man henne nere vid järnvägsbron* [BLM 65] ‘Через два-три месяца её нашли у железнодорожного моста’ [БЛМ 51].

В то же время односоставные высказывания с формами 3 лица множественного числа нередко выступают переводными эквивалентами шведских предложений с пассивной диатезой при устраненном агенсе. Необходимым условием их употребления является конкретная пространственно-временная локализация события, а также акциональное лексическое значение глагола, предполагающее контролируемое целенаправленное действие одушевленного субъекта действия. В шведском оригинале залоговая семантика предиката может быть выражена как синтетическими формами пассива на *-s*, так и аналитической конструкцией с глаголом становления *bli* и причастием 2. При этом, в отличие от высказываний с неопределенно-личным местоимением *man*, семантика пассивных конструкций исключает интерпретацию субъекта речи как потенциального агенса:

Han fördes till sjukhus efter föreställningen (BLM 58) ‘После представления его увезли в больницу’ (БЛМ 45);

Carl flyttades till Stockholm (BLM 38) ‘Карла перевезли в Стокгольм’ (БЛМ 30);

Dag efter dag släpades eller bars jag vrålande av ångest in i klassrummet (BLM 9) ‘День за днем меня, орущего от страха, втаскивали или вносили в класс’ (БЛМ 8);

Min penna hittades i andra ändan av salen [Askestad 2011, 24/21] ‘Мою ручку нашли в другом конце зала’;

Barn talar inte vid bordet. De svarar om de blir tilltalade (BLM 162) ‘Дети за столом не разговаривают и отвечают лишь в том случае, если к ним обращаются’ (БЛМ 123).

Efter två år av vilt fläktande blev jag kallad till Göteborg (BLM 175) ‘Через два года неистовой борьбы меня пригласили в Гетеборг’ (БЛМ 134).

Вместе с тем при сопоставлении неопределенно-личных высказываний с формами 3 лица множественного числа в русском оригинале и их переводов на шведский язык картина контекстуальных соответствий выглядит более сложно. Так, сопоставительный анализ текстов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Булгаков 1988] и его шведского перевода [Bulgakov 2006] показывает, что пассивная конструкция используется при их передаче, наряду с другими трансформациями:

‘Его вывели, поместили в отдельной комнате <...>’ (БММ 585). *Han fördes bort och placerades i ensamcell <...>* (БММ 193);

‘После этого Ивана повели по пустому коридору и привели в кабинет <...>’ (БММ 526). *Sedan fördes Ivan längs en tom korridor till ett stort rum <...>* (БММ 107);

‘Из коридора выехала на резиновых колесиках кушетка, на нее переложили затихшего Ивана’ (БММ 514). *En sjukhussäng på gummihjul rullades in från korridoren. Den avdomnade Ivan lades upp på den* (БММ 90).

Использование высказываний с пассивным залогом встречается в тех случаях, когда в фокусе внимания находятся контролируемые неопределенно-личным агенсом процессы, которые происходят независимо от воли пациента и, как правило, не осознаются им. В таких случаях сообщается о том, что происходило с пациентом в конкретной ситуации.

В то же время обращает на себя внимание частое использование трансформаций русских неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа в двусоставные синтаксические структуры с неопределенно-личным местоимением *man*. Так, в шведском переводе 27 главы романа «Конец квартиры № 50» это местоимение встречается 60 раз, из них 36 раз, то есть более чем в половине употреблений оно используется при переводе именно таких предложений. Высказывания с *man* часто встречаются при переводе контекстов, где в фокусе внимания находится динамика изменения ситуации, когда сообщается о том, что произошло, происходит или может произойти:

‘Ивана подержали еще несколько секунд и потом опустили на диван <...>. Лишь только его отпустили, он опять было вскочил <...>’ (БММ 514). *Man höll fast Ivan några sekunder och släppte honom sedan ner på soffan <...>. Så fort man släppte honom ville han hoppa upp igen <...>* (БММ 89).

‘<...> засадили здорового человека в лечебницу, да еще делают вид, что это так и нужно!’ (БММ 525). <...> *man hade ju spärrat in en frisk människa på sjukhus och till på köpet gjort min av att det skulle vara nödvändigt!* (БММ 106).

‘А между тем меня силою задержали здесь, тычут в глаза лампой, в ванне купают. Про дядю Федю чего-то спрашивают!’ (БММ 529). *Här håller man mig kvar med våld, lyser med en lampa i ögonen på mig, badar mig och frågar mig om farbror Fjodor* (БММ 111-112).

‘Это их ввели на помост’ (БММ 489). *Nu har man lett upp dem på plattformen* (БММ 53).

‘Вижу, что меня хотят убить’ (БММ 483). *Jag förstår att man vill döda mig* (БММ 44).

При таком выборе переводного эквивалента направленное на одушевленный объект действие осознается его референтом как насильственное и противоположное его воле.

Перевод неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа высказываниями с местоимением *man* встречается особенно часто в контекстах, содержащих указание на множественность действий и/или их актантов:

‘<...> с семи часов утра четверга к Босому начали звонить по телефону <...>’ (БММ 532). <...> *från klockan sju på torsdagsmorgonen började man ringa till Bosoj* <...> (БММ 116).

‘В квартире № 50 побывали, и не раз, и не только осматривали её чрезвычайно тщательно, но и выстукивали стены в ней, осматривали каминные дымоходы. Искали тайников’ (БММ 720). *Man besökte mer än en gång lägenheten nr 50, man undersökte den ytterst noggrant, man knackade i väggarna, kontrollerade rökgångarna och letade efter hemliga gömställen* (БММ 396-397).

‘А между тем всякий раз как в неё направлялись, решительно никого в ней не оказывалось. А были там уже не раз, и в разное время суток. И мало этого, по квартире проходили с сетью, проверяя все углы’ (БММ 724). *Men varje gång man tog sig in där var lägenheten fullkomligt tom. Man hade redan varit där vid olika tider på dygnet. Man hade finkammat varje hörn av lägenheten* (БММ 402).

Показательно, что в большинстве контекстов *man* употребляется не один раз с несколькими предикатами и выражает действия, представленные неопределенным множеством различных субъектов.

При переводе русских односоставных высказываний с формами 3 лица множественного числа используются и другие местоименные лексемы с семантикой неопределенности:

1. Неопределенное местоимение *någon* ‘некто, кто-то’, когда выраженный в предикате процесс предполагает единичность агенса:

‘Наобум позвонили в комиссию изящной словесности и, конечно, никого там не нашли’ (БММ 504). *Någon ringde på måfå till Kommissionen för skönlitteratur, men fick förstås inget svar* (БММ 75).

2. Неопределенно-количественное местоимение *flera* ‘некоторые’, когда выраженный в предикате процесс, напротив, предполагает ограниченную множественность агенса:

‘Тут догадались броситься на Ивана – и бросились <...>’ (БММ 509). *Flera drog samma slutsats samtidigt och kastade sig över Ivan* <...> (БММ 81).

3. Личное местоимение *de* 'они' при контекстуальном указании на то, что субъект речи не входит в неопределенное множество референтов:

'Увидели меня, подумал Пилат' (БММ 489). *De har sett mig, tänkte prokuratorn* (БММ 52).

4. Существительное *folk* 'люди' с обобщенным значением, когда в контексте содержится указание на то, что неопределенное множество референтов ограничено определенным пространством:

'В стареньком особнячке знали, конечно, видели, что приходит ко мне какая-то женщина <...>' (БММ 569). *I det där gamla gudsförgätna huset visste folk förstås om det, de hade sett att jag fick besök av en kvinna <...>* (БММ 171).

'На Садовую, конечно, съездили и в квартире № 50 побывали. Но никакого Коровьева там не нашли <...>' (БММ 585). *Folk skickades förstås iväg til Sadovaja och besökte lögenheten nummer 50. Men där fanns ingen Korovjev <...>* (БММ 193).

При переводе предиката *съездили* в первом предложении осуществляется лексико-синтаксическая трансформация, которая предполагает использование формы пассива на *-s skickades* (букв. *были посланы*); трансформация имеет место и при переводе формы *нашли* глаголом с возвратным показателем (букв. *не нашелся*).

Показательно, что *man* часто встречается в шведском переводе романа М.А. Булгакова при передаче и других способов выражения неопределенно-личного агенса в русском языке, которые, как было показано выше, используются в качестве переводных эквивалентов шведских предложений с этим местоимением.

1. Бессубъектные высказывания с модальными предикатами:

'Кто-то суетился, кричал, что необходимо сейчас же, тут же, не сходя с места, составить какую-то коллективную телеграмму и немедленно послать её' (БММ 506). *En beskäftig person krävde att man omedelbart, här och nu och utan dröjsmål, måste författa och avsända ett kollektivt telegram* (БММ 78).

'И уж по глазам Китайцева можно было видеть и смело сказать, что он чист как хрусталь' (БММ 721). *Redan på hans ögon kunde man se att Kitajtsev var oskyldig som ett lamm* (БММ 397).

'<...> ни в один из приездов в квартиру в ней никого обнаружить не удалось <...>' (БММ 720). <...> *man upptäckte ingenting under besöken i våningen <...>* (БММ 397).

'Тем временем пришлось возиться с происшествиями и в других местах Москвы <...>. Пришлось разьяснять необыкновенный случай с поющими служащими' <...>' (БММ 722). *Samtidigt var man tvungen att ta itu med händelser på andra håll i Moskva <...>. Man måste åstadkomma en förklaring till den egendomliga händelsen med kontorspersonalen <...>* (БММ 399).

'Теперь уж легко было установить, что эти двое стали жертвами одной и той же шайки, возглавляемой этим таинственным магом' (БММ 722). *Man*

kunde lätt fastställa att de hade råkat ut för den hemlighetsfulle magikern och hans kumpaner (БММ 399).

2. Предложения с личным местоимением *мы* в качестве грамматического субъекта:

‘Но какую телеграмму? спросим мы’ (БММ 506). *Men vad då för ett telegram? frågar man sig* (БММ 78).

3. Предложения с существительным *люди* в качестве грамматического субъекта:

‘По всем комнатам мгновенно рассыпались люди и нигде никого не нашли, но зато в столовой обнаружили остатки только что, по-видимому, покинутого завтрака’ (БММ 728). *På ett ögonblick hade man spritt ut sig över hela lägenheten, men ingenstans kunde man hitta en levande själ. Däremot upptäckte man på matsalsbordet resterna av en tydligen nyss avslutad frukost* (БММ 407).

Интересно, что и здесь в контексте содержится указание на множественность референтов и/или совершаемых ими действий.

Встречаются и более кардинальные лексико-синтаксические трансформации русских предложений с нарицательными существительными в функции грамматического субъекта, вызывающие необходимость употребления *man* в шведском переводе.

1. Метонимическое употребление нарицательного существительного при выражении соотнесенности с неопределенным множеством лиц в лексическом значении предиката:

‘Но в это время, то есть на рассвете субботы, не спал целый этаж в одном в одном из московских учреждений <...>’ (БММ 719). *Men vid samma tid denna tidiga lördagsmorgon fanns det ett ställe där man inte sov alls <...>* (БММ 394).

‘Тут приехавшая большая группа разделилась на две маленьких <...>’ (БММ). *Man delade upp sig i två mindre grupper <...>* (БММ 406).

2. Употребление в функции грамматического субъекта отглагольных существительных с процессуальной семантикой, содержащих указание на неопределенно-личный агенс:

‘Сопоставление <...> с показаниями других <...> сразу установило то место, где надлежит искать виновника всех этих приключений’ (БММ 720). *När man alltså jämförde alla dessa upplysningar, kunde man snabbt bestämma var den skyldige bakom alla dessa äventyr skulle sökas* (БММ 396).

3. Употребление фразеологически связанных высказываний, в которых имплицитное указание на личный агенс содержится в лексическом значении грамматического субъекта и/или предиката:

‘На этот раз <...> все же какая-то удача была налицо’ (БММ 727-728). *Den här gången <...> såg det ut som om man åtminstone skulle få någon lön för mödan* (БММ 407).

‘Тут прибавились новые и очень интересные данные’ (БММ 724). *Då fick man nya och mycket intressanta upplysningar* (БММ 402).

Контекстуальный анализ лексико-синтаксических и стилистических аспектов выбора переводных эквивалентов выявляет как основные, так и более периферийные средства выражения неопределенного лица при сохранении принципиального структурно-синтаксического различия между русским и шведским языками. Двустороннее сопоставление текстов оригинала и перевода позволяет более ярко и выпукло увидеть специфику каждого языка сквозь призму другого и заметить в каждом из них семантические тонкости и нюансы, остающиеся в тени при системно-типологическом подходе.

Литература

- Булгыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург, 1991. С. 41-62.
- Виноградов В.В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Выпуск 2. М., 1938.
- Зеленецкий А.Л.* Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004.
- Лунд К. Х.* Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в английском и датском языках // Синхрония, диахрония, текстология. Сборник научных статей и переводов. К юбилею Е.М. Чекалиной. М., 2016. С. 214-223.
- Падучева Е.В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27-41.
- Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Издание восьмое. М., 2001.
- Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Шелякин М.А.* О семантике неопределенно-личных предложений. // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург, 1991. С. 62-72.
- Hultman T.G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2008.

Источники

- Бергман И.* Латерна магика // Исповедальные беседы. Перевод А.А. Афиногеновой. М., 2000. С. 5-252.
- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Михаил Булгаков. Романы. Кишинев, 1988. С. 463-768.
- Andersson L.* Ur Egenmäktigt förfarande – en roman om kärlek. Отрывок из романа «Неправомерное завладение – роман о любви». Перевод Ю. Томилиной // Бутерброд с вареньем. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. Санкт-Петербург, 2016. С. 10-21.

Askestad E. Ett två tre. Раз, два, три. Перевод Ю. Григорьевой // Вдоль и поперек. Шведская проза. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. Санкт-Петербург, 2011. С. 19-24.

Bergman I. Laterna magica. Stockholm, 1987.

Bulgakov Michail. Mästaren och Margarita. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm, 2006.

Karlsson J. Syltmaska. Бутерброд с вареньем. Перевод П. Смирновой. // Бутерброд с вареньем. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. Санкт-Петербург, 2016. С. 120-145.

Lindström F. Köpenhamn. Швед в Копенгагене. Перевод Ю. Колесовой. // Бутерброд с вареньем. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. Санкт-Петербург, 2016. С. 202-213.

Lindström F. Ny stil till hösten. Новый стиль к осени. Перевод А. Шаболтас // Вдоль и поперек. Шведская проза. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. Санкт-Петербург, 2011. С. 104-111.

Сокращения

БЛМ – Бергман И. Латерна магика.

БММ – Булгаков М.А. Мастер и Маргарита.

ВЛМ – Bergman I. Laterna magica.

ВММ – Bulgakov M. Mästaren och Margarita.

Глава 3.2.

Средства выражения эвиденциальных значений в датском и русском языках и проблема их перевода³⁵

Э.Б. Крылова

МГУ имени М.В. Ломоносова

В главе дается краткое описание эвиденциальных значений и средств их выражения в русском и датском языках, приводится характеристика маркеров чужой речи в обоих языках, анализируются особенности их функционирования в языке датских и российских СМИ, выявляются различия в способах выражения значений пересказываемости в информационных текстах схожей тематики, рассматривается проблема выражения средствами датского языка значений, для которых в русском языке есть специальные маркеры.

Means of Expressing Evidential Meanings in Danish and Russian and Their Translation

Elvira Krylova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The chapter describes evidential meanings and means of their expression in Russian and Danish languages, characterizes foreign speech markers in both languages, analyzes their functioning in Danish and Russian media, reveals differences in the ways of expressing retelling in similar informational texts, considers how the Danish language transmits meanings for which Russian has special markers, while Danish does not.

Под эвиденциальностью понимается указание на информационный источник, на основании которого делается то или иное утверждение говорящего. В современной лингвистической литературе проблеме эвиденциальности в различных языках посвящены работы таких исследователей, как Ф. Р. Палмер [Palmer 1986], Т. Виллет [Willet 1988], Р. Ницолова [2007], К. Бойе [Boye 2001], П. Дурст-Андерсен [Durst-Andersen 2011], П. Дурст-Андерсен и Е. Лорентцен [Durst-Andersen, Lorentzen 2015] и др. Среди отечественных лингвистов эвиденциальность и средства ее выражения становятся объектом исследования в работах Р. О. Якобсона [1972], Н. Д. Арутюновой [1992, 2000], Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [1992], Е. С. Кубряковой [1993, 2012], Г. А. Золотовой [1973, 1998], Н. А. Козинцевой [1994, 2000, 2007], Е. В. Падучевой [2013], В. А. Плунгяна [2008, 2011], Е. В. Рахилиной [1996], А. Н. Баранова [1994], В. С. Храковского [2007] и др.

На материале датского языка проблемы эвиденциальных значений анализируются в работах К. Бойе [Boye 2001, 2010], Л. Хельгофта [Heltoft 2005,

³⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

2011], П. Дурста-Андерсена [2008], Я. Мортенсена [Mortensen 2008], Е. Скафте-Йенсен [Skafte-Jensen 2002], Э. Б. Крыловой [2007, 2011, 2012, 2016].

В зависимости от источника информации, на который указывает говорящий, выделяются три основных вида эвиденциальных значений:

- прямое свидетельство, или сенсорная эвиденциальность;
- косвенное свидетельство, или пересказывательность;
- косвенное свидетельство, или инференция [Willett 1988: 57-97].

Проблема соотношения эвиденциальности и эпистемической модальности, под которой мы понимаем отношение говорящего к своему высказыванию с точки зрения его достоверности и меры своей ответственности за нее перед слушающим, решается исследователями по-разному (подробнее об эпистемической модальности и ее видах см. в [Крылова 2012]). В своих работах мы идем вслед за Ф. Р. Палмером, Т. Уиллетом и другими исследователями, убедительно доказавшими принадлежность эвиденциальных значений к особому типу эпистемической модальности [Palmer 1986, Willet 1988].

В случае неуверенности говорящего в надежности источника воспринимаемой или передаваемой информации, он не может принять на себя в полной мере эпистемического ручательства за нее, о чем и сигнализирует адресату специальными средствами [Булыгина, Шмелев 1992: 135]. Возможная недостоверность, ненадежность, с точки зрения говорящего, такого источника может быть обусловлена или проблемой перцептивного восприятия говорящего, или ненадежностью источника передаваемой им речи. Таким образом, перцептивное восприятие и чужая речь являются основными эвиденциальными источниками.

На анализе некоторых языковых средств передачи чужой речи в русском и датском языках мы остановимся подробнее в данной главе. Языковым материалом для проведенного анализа стали примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], Корпуса датского языка [CorpusDK] и Интернета.

Чужая речь может быть передана как прямая, или цитация, как косвенная, то есть пересказывательность, или ренарратив, а также как несобственно-прямая речь, совмещающая признаки и той, и другой [Арутюнова 1992: 43]. Здесь может быть выделена диалогическая цитация, к которой Н. Д. Арутюнова относит «случаи использования реплик собеседника (или их фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) целях» [Арутюнова 1992: 65].

Анализ материала выявляет стратегии говорящего при выборе тех или иных маркеров чужой речи, так как каждый из них является своего рода индикатором коммуникативных интенций говорящего: сигнализирует адресату о степени сохранности информации, о субъективном отношении говорящего к ней, о мере его ответственности за достоверность пересказываемого. К косвенным эвиденциалам могут относиться и средства, вводящие в высказывание не столько сами чужие слова, сколько их смысл. Маркеры

чужой речи, или ксенопоказатели [Арутюнова 2000], не гарантируют подлинности передачи первичного высказывания, а говорящий при этом может дистанцироваться от пересказываемой информации, сомневаться в ее достоверности или верить в ее правдивость [Отин 1966].

К средствам пересказывательности в русском языке, помимо вводящих предикатов речи и мнения, традиционно относятся:

– лексические средства, указывающие на источник информации и имеющие значение «авторизации»: *по сообщению ...*, *как стало известно из ...* и т.д.;

– связочные конструкции с квазипассивными глаголами *как говорится*, *как сообщается*, *как предполагается*, *как известно*, *(как) считается* и др.;

– частицы *мол*, *де*, *декать*, *будто (бы)*, *якобы*;

– квазиассертивы *кажется*, *говорят*.

Однако, как отмечает в своих работах И. Б. Левонтина, «арсенал средств, служащих в русском языке для оформления цитирования и пересказа, гораздо богаче, и представлены они на разных уровнях» [2010: 284]. Исследователь вносит в данный арсенал такие ксенопоказатели, как слова *ах* и *вот*, а также особое просодическое оформление чужой речи [Левонтина 2010, 284-288].

Общая характеристика маркеров чужой речи в датском языке дается в работах К. Бойе, посвященных проблемам категорий модальности, эвиденциальности и эпистемичности [Boye 2001, 2010]. В них исследователь относит к пересказывательным эвиденциалам адвербиалы *åbenbart* ‘явно’, *angiveligt* ‘будто, якобы’. Авторы академической Грамматики датского языка среди показателей, отсылающих к внешнему источнику знания говорящего, называют *åbenbart* ‘явно’, *angiveligt* ‘будто, якобы’, *efter sigende* ‘как говорят’, *ifølge nogen* ‘по сообщению ...’, *skulle + Inf. I,II* [Hansen, Heltoft 2011, II: 1045].

Проведенный нами анализ позволил отнести к маркерам пересказывательности в датском языке, помимо вводящих предикатов речи, следующие показатели:

– лексические средства авторизации: *ifølge* ‘согласно ... , по сообщениям’, *efter...*, *som ... siger* ‘по словам...’;

– модальные слова *åbenbart* ‘вроде’, *angiveligt* ‘будто (бы), якобы’, *efter sigende* ‘говорят, по словам, со слов’;

– грамматизованное устойчивое сочетание форм модального глагола *skulle + Inf. I/II* ‘говорят, вроде, будто (бы)’;

– квазипассивные конструкции с перформативными глаголами: *menes + at-infinitiv* ‘считают, считается, что ...’; *siges + at-infinitiv* ‘говорят, говорится, что...’; *formodes + at-infinitiv* ‘предполагается, что ...’ *ventes + at-infinitiv* ‘ожидается, что ...’ и др.

– частицу *vist* ‘кажется, вроде’ [Крылова 2007, 2011, 2016].

Исследования Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, посвященные показателям неуверенности в русском языке, свидетельствуют о некотором

сходстве их функциональной семантики со средствами выражения круга эвиденциальных значений в других языках [Булыгина, Шмелев 1992: 135]. Например, характерная для русских маркеров *кажется, вроде* способность выражать как сенсорную, так и пересказывательную эвиденциальность [Булыгина, Шмелев 1992:135] обнаруживается и у датской частицы *vist* ‘кажется, вроде’ [Крылова 2007, 2012, 2016]:

Кажется, они уехали до революции.

А третью (серию) я, вроде, пыталась посмотреть, но осилила минут 10-15, кажется.

Лекциями-то запасусь... мне, вроде, завтра принесут. [НКРЯ]

Der er vist noget, der skal rettes. ‘Здесь, вроде, что-то надо исправить’.

Han har vist haft én sangtime engang. ‘У него, кажется, было всего одно занятие по вокалу’.

Инвариантным значением частицы *vist* как пересказывательного эвиденциала является выражение неуверенного припоминания говорящим того, что он сам когда-то слышал и передает слушающему, имплицитно отсылая его к часто неидентифицируемому внешнему источнику.

Основной коммуникативной функцией конструкций с квазипассивными глаголами *считают, считается / говорят, говорится / предполагают, предполагается / представляется / расценивается / ожидают, ожидается* и др. в русском языке, как и аналогичных конструкций с глаголами *menes / siges / formodes / ventes* и др. + *at-infinitiv* в датском является передача чужих слов, чужого мнения, чужой эпистемической оценки как общего или коллективного знания, мнения, предположения. Для данных конструкций часто характерна невозможность агенса перформативного глагола [Золотова 1998: 286, Козинцева 2007: 88; Ницолова, 2007: 115; Кубрякова 2012: 92]. Коллективное знание, мнение часто имплицитно является источником пересказываемой им информации, к которому, однако, невозможно отослать слушающего:

Считается, что эти пирамиды были построены древними майя.

Jordens alder menes at være 4500 millioner år. ‘Возраст Земли, как полагают, составляет 4500 миллионов лет’.

Указанные особенности данных ксенопоказателей объясняют их активное использование в сообщениях средств массовой информации. В отличие от модальной частицы *vist*, выражающей неуверенность говорящего в точности припоминаемого, данные маркеры чужой речи вводят информацию, истинность которой сам говорящий не может ни подтвердить, ни опровергнуть, но предлагает слушающему для принятия как исходную, в связи с чем они часто встречаются в каузальных структурах логического обоснования:

Politiet har iværksat undersøgelse af en tidligere ansat på kraftværket i Mol, der siges at have medvirket ved modtagelsen af den giftige affald. ‘Полиция начала проверку одного из бывших сотрудников электростанции в Моле, который, как считается, способствовал принятию ядовитых отходов’.

Это подтверждается и невозможностью опровергнуть вводимую данными маркерами информацию или отреагировать на нее верификативным вопросом: **Siges det, at ...? *Говорят, что ...?*

Обращает на себя внимание тот факт, что для российских СМИ, в отличие от датских, в таких случаях бывает достаточно указать внешний источник, который должен нести ответственность за достоверность передаваемой информации, ср. информацию об одном и том же фильме в датских и российских СМИ:

I en dokumentar, som <...> er blevet vist af den tyske tv-kanal ARD, beskyldes Roberto Carlos for at være involveret i en dopingsag. 'В документальном фильме, показанном <...> немецким телеканалом ARD, Роберто Карлос **обвиняется** в употреблении допинга' [<https://sport.tv2.dk/fodbold/2017-06-11-roberto-carlos-anklaget-for-doping>]

Немецкий телеканал ARD представил фильм <...> в котором обвиняет <...> Роберто Карлоса в употреблении допинга. Об этом сообщает Sportschau. [gazeta.ru 11.06.17]

Ксенопоказатели *мол, де, дескать* неоднократно становились объектом как отечественных, так и зарубежных исследований [Арутюнова 1992, 2000; Баранов 1994; Апресян, Баранов 2017; Падучева 2011; Плунгян 2008; Рахилина 1996; Durst-Andersen, Lorentzen 2015 и др.]. Интерес к ним объясняется неоднородностью данных средств и их функционально-семантической неоднозначностью. Сопоставительный анализ *мол, де, дескать* в русском языке проводится исследователями с точки зрения выражаемых ими значений, степени соответствия пересказываемой информации исходным высказываниям, а также важной для нашего исследования проблемы выявления говорящим меры своей ответственности за нее. Данные ксенопоказатели характеризуются в одних работах как синонимы, различающиеся стилистически, в других дается их семантическая дифференциация и ставится вопрос о правомерности отнесения значений данных показателей к эвиденциальным. Так, Н. Д. Арутюнова, А. Д. Шмелев, В. Р. Апресян и А. Н. Баранов считают, что частица *мол* вводит слова говорящего, которые могут передавать не только содержание речи другого человека, но и скрытый смысл его вербального или невербального поведения. В связи с этим, говорящий несет ответственность за правильность своей интерпретации [Арутюнова 1992, 2000; А. Д. Шмелев 2016: 96-97; Апресян, Баранов 2017]. В. А. Плунгян в статье «О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие» анализирует разную степень цитируемости информации, передаваемой при помощи различных ксенопоказателей, и делает заключение о том, что *мол* не может вводить цитату, что опровергают в своей статье В. Р. Апресян и А. Н. Баранов [2017]. Частица *дескать*, по мнению В. А. Плунгяна, вводит интерпретацию первоначального текста или исходной ситуации, а *де* является единственной частицей, выражающей отношение говорящего к сообщаемому: иронию, недоверие к

содержанию сказанного [2008]. Е. В. Падучева, анализируя показатели чужой речи *мол* и *дескать*, делает заключение о том, что данные частицы не являются показателями эвиденциальности, или эпистемической модальности, а вводят цитирование, поэтому говорящий перекаладывает всю ответственность за содержание сказанного на цитируемое лицо [2011].

Интересным представляется исследование датских лингвистов П. Дурста-Андерсена и Е. Лорентцен «Russian sentence adverbials: classification, orientation and representation», в котором дается системное описание различных русских «сентенциальных адвербиалов», в том числе маркеров чужой речи *мол*, *(-)де*, *дескать* и *якобы*, которые авторы относят к средствам воспроизведения речи и мысли [Durst-Andersen, Lorentzen 2015, 33-62]. В работе проводится анализ особенностей функционирования данных показателей и определяется доля «их непосредственного участия в формировании значения всего высказывания» [там же 2015, 33]. Авторы статьи приходят к выводу о том, что говорящий, используя эти частицы, отстраняется от ответственности за содержание сказанного, благодаря чему «погашается» истинностный компонент его значения. Частица *мол*, с точки зрения исследователей, указывает на передачу формы выражения воспроизводимой речи или мысли, а частица *дескать* указывает на передачу содержания воспроизводимой речи или мысли, таким образом, эти две частицы функционально соотносятся как локутивный и иллокутивный акты. В работе также дается анализ случаев употребления в одном высказывании обоих маркеров:

«<...> и многие тогда говорили за спиной и в глаза, что я, *мол*, *дескать*, *подмазываюсь в друзья*» (пример из [Durst-Andersen, Lorentzen 2015: 37-38]).

П. Дурст-Андерсен и Е. Лорентцен приходят к выводу, что отношение говорящего к пересказываемой им информации выражают частицы *де* и *якобы*, при этом *(-)де* указывает на скептическое отношение, недоверие говорящего к субъекту воспроизводимой речи или мысли, а *якобы* – на несогласие говорящего с содержанием воспроизводимой речи или мысли [2015: 38]. Проведенный таким образом авторами исследования анализ позволил им объяснить и случаи употребления в речи сразу трех маркеров чужой речи:

«<...> А Волохову, *мол*, *дескать*, *якобы*, дали это посмотреть по большому благу <...>» [Durst-Andersen, Lorentzen 2015: 38]

В докладе «Еще раз о частицах *мол*, *дескать*, *(-)де*, *якобы* в русском языке», сделанном на 20-ой конференции славистов северных стран в 2016 г. Е. Лорентцен характеризует *будто бы* как показатель «ирреальности, которая в контексте ссылки на чужую речь означает незасвидетельствованность». Исследователь делает вывод об отнесении данного показателя к средствам пересказывательности, которое не может передавать воспроизводимую речь и мысль или выражать значение сомнения в ее достоверности [Lorentzen 2016].

Особый интерес для исследователей представляет русская частица *якобы*, которая, по мнению Е. А. Рахилиной и В. А. Плуногьяна, связана с

интерпретацией фактов, а не текста, и является единственной частицей, выражающей эпистемическую оценку говорящего, который не считает вводимые ею сведения истинными [Rakhilina 1996, Плулунян 2008]. П. Дурст-Андерсен и Е. Лорентцен приходят к выводу, что *якобы* указывает на несогласие говорящего с содержанием воспроизводимой речи или мысли [2015: 38]. В статье В. Ю. Апресяна и А. Н. Баранова обращается внимание на возможность использования *якобы* при характеристике «невербального поведения, поскольку эта частица указывает на видимость того, что пытается выразить субъект, несоответствие этого действительности и намеренность обмана» [2015:11].

Проблема достоверности сообщения и ответственности за нее становится особенно актуальной в ситуации активного использования электронных средств массовой информации и социальных сетей. Основными требованиями, предъявляемыми к современной журналистике, являются сильный новостной компонент, повышенная оперативность, а также сжатость текста сообщения. В связи с этим, особую роль в оформлении неverified информации приобретают соответствующие языковые маркеры. В своих предыдущих работах мы обращали внимание на то, что ведущие новостные каналы страны стали использовать частицу *якобы* для введения информации, достоверность которой на момент ее передачи была не подтверждена [Крылова 2012, 2016]:

Птицу нашли в Камеруне. Она якобы попала в сеть. [«К 175-летию Русского географического общества», 1 канал ТВ, 13.07.20]

Кроме того, есть проект строительства стекольного завода, якобы высокорентабельного. [НКРЯ]

В своей статье, посвященной сентенциальным адвербиалам, П. Дурст-Андерсен и Е. Лорентцен также обращают внимание на семантический сдвиг данной частицы [Durst-Andersen, Lorentzen 2015]. Об использовании *якобы* «в рамках стратегии безопасности» говорят в своем исследовании В. Р. Апресян и А. Н. Баранов, подчеркивая, что, судя по всему, «в русском языке имеется потребность в нейтральном грамматикализованном показателе эвиденциальности, функцию которого и начинает выполнять *якобы*» [2017].

Датский язык, как было отмечено выше, располагает такими маркерами чужой речи, как ксенопоказатели *angiveligt* ‘будто бы, якобы’ и *skulle + Inf. I, II* ‘говорят’, которые могут употребляться как в отдельных, так и в общем контексте:

Han skal være blevet bestukket til at deltage i den ulovlige transport. I alt skal der have været betalt ca. 20 mio. D-mark. ‘Говорят, что он получал взятки за участие в афере с незаконным транспортом. Всего, говорят, было потрачено на это около 20 миллионов немецких марок’.

*Om eftermiddagen ringede teatret til abonnerterne, at aftenens forestilling var aflyst. Årsagen var **angiveligt** sygdom, men hvem der var blevet syg, ville teatret ikke oplyse.* ‘Вечером из театра позвонили держателям абонементов и сказали,

что представление отменяется. Причиной, будто бы была болезнь, но говорить, кто заболел, не захотели’.

Der skulle angiveligt være foregået adskillige mislykkede forsøg først. ‘Сначала якобы произошло несколько неудачных попыток’.

Модальный глагол *skulle* может образовывать устойчивые грамматизованные сочетания с инфинитивом I, II смыслового глагола, прагматическая семантика которых не может быть выведена из лексических значений их составляющих. Функционально-семантической особенностью данной конструкции является дистанцирование говорящего от пересказываемой информации, ответственность за достоверность которой говорящий перекладывает на третье лицо [Hansen, Heltoft 2011. II, 772; Крылова 2007, 2011, 2016]:

Slangeskindshatten stammer fra en gammel dame, som ifølge auktionsfolkene skal have været meget excentrisk. ‘Шляпка из змеиной кожи принадлежала пожилой даме, которая, по словам аукционистов, была очень эксцентрична’.

При наличии в датском предложении указания на источник пересказываемой информации допускается их перевод на русский язык без использования других ксенопоказателей. В случае же отсутствия средств авторизации, перевод должен включать соответствующий маркер чужой речи: (как) говорят, (как) считают и др.

Доказательством значения дистанцирования говорящего является возможность опровержения данной информации как недостоверной. Данный ксенопоказатель встречается также в вопросе-реакции говорящего на предшествующую реплику собеседника. Такой вопрос является частью диалогического единства, это «синтаксически несамостоятельная вторая реплика, имеющая в качестве своей основы элементы словесного состава первой реплики и подчиняющаяся ее форме» [Шведова 1960, 283]. Автор датской полифонической теории в языке Х. Нельке, называет такую разновидность цитации, диафонией [Nølke 1989, 26]. Показатель чужой речи *skulle + Inf. I, II*, употребленный в вопросе-реакции, выражает значение сомнения говорящего в достоверности предшествующего высказывания собеседника, а также адмиративное значение удивления от неожиданности услышанного:

Ham dræbte hun for resten, da hun så, at byen ville falde. "Umuligt! <...>" udbød jeg. Det kan jeg ikke tro. Skulle Helena have dræbt en mand. Nej, du må tage en fejl. ‘Его она убила, когда поняла, что город падет. «Это невозможно! <...> воскликнул я. Не могу в это поверить. Чтобы Елена убила человека? Нет, ты, должно быть, ошибаешься’.

Обращает на себя внимание тот факт, что после вводящих предикатов, выраженных глаголами говорения / мнения, типа *at påstå* ‘утверждать (бездоказательно)’, *at sige* ‘сказать’, *at afvise* ‘отвергнуть, опровергнуть’, *at bebrejde* ‘упрекать’, *at nægte* ‘отрицать, отказать’ и др., предикат придаточного предложения может быть оформлен как при помощи ксенопоказателя *skulle +*

Inf. I, II смыслового глагола, так и просто одной из его финитных форм, ср.:

*Den tiltalte betjent har været suspenderet siden 1. juli. I går gav han sin version af forløbet, og han **afviste**, at han på noget tidspunkt **var voldelig**.<...> Han **benægtede** også, at han **havde oprådt voldeligt** på stationen.* ‘Обвиняемый полицейский был отстранен от дел с 1 июля. Вчера он представил свою версию происходившего и заявил (букв. отклонил / опровергнул / отказался), что никогда не применяет насилие. <...> Он также отрицал применение силы на станции’.

*Den tjetjenske oprørsleder Sjamil Basajev **afviste** i går, at han **skulle have mistet** et ben, da hans bil ramte en landmine. Men han **indrømmede** dog at være blevet såret.* ‘Глава чеченских повстанцев Шамиль Басаев опроверг (информацию) о том, что он будто бы лишился одной ноги, когда его машина наехала на мину. Но все-таки признался, что был ранен’.

Используя данный имплицитный ксенопоказатель в составе предиката придаточного предложения, субъект главного предложения сигнализирует, что то, что говорят – ложь.

Трудность определения эвиденциального значения ксенопоказателя *angiveligt* хорошо иллюстрирует словарная статья в датско-русском словаре, определяющая его значение как ‘будто бы, якобы’ [DRO 2005, 65]. Обращает на себя внимание то, что *angiveligt* обычно используется в письменной речи. Его прототипической функцией является передача чужой речи [Mortensen 2008, 152]. Ксенопоказатель часто используется при установлении причинно-следственных связей, где следствие является фактом, а его причина передается как чужая информация, достоверность которой говорящий не может подтвердить, но верит в нее:

*Kammeraten siger imidlertid, at den anklagede var borte i over en time. **Angiveligt**, fordi han ville hjem og skifte tøj.* ‘Его товарищ, однако, говорит, что обвиняемого не было больше часа. Будто бы потому, что он хотел пойти домой переодеться’.

*Tre voksne sætter hinanden stævne i mormors hus. **Angiveligt** for at hjælpe til med at plukke æbler og lufte ud i kælder og på kvist.* ‘Трое взрослых назначают друг другу встречу в доме бабушки. Будто бы для того, чтобы помочь ей собрать яблоки и проветрить подвал с чердаком’.

Это подтверждается и употреблением *angiveligt* в контексте каузальных конструкций *på grund af* ‘по причине’, *fordi* ‘потому что’, *da* ‘так как’.

Датский исследователь Л. Бринк в результате анализа ксенопоказателя *angiveligt* приходит к выводу, что разница в мере эпистемического ручательства говорящего за достоверность косвенного высказывания при использовании маркеров чужой речи *angiveligt* ‘будто бы, якобы’ и *ifølge X* ‘по сообщениям, согласно’ заключается в том, что в первом случае говорящий верит в достоверность вводящей *angiveligt(t)* пропозиции, но не берет на себя ответственность за нее, тогда как, отсылая партнера при помощи *ifølge X* к

конкретному источнику передаваемой информации, он «støtter sig til kilden» ‘заручается поддержкой’ последнего [Brink 2008: 111].

Отсутствие в датском языке специального показателя для выражения сомнения говорящего в достоверности передаваемой информации компенсируется, как представляется, употреблением сразу двух указанных ксенопоказателей в контексте, где предложения, как в следующем примере, связаны пошагово причинно-следственными отношениями, однако завершает цепочку предложение с противительным союзом *men*, которое содержит информацию, оспаривающую каузальную цепь логического обоснования следствия:

<...> *en 23-årig mand blev skudt tre gange af politiet. Politiet mørklagde i går sagen. Bankrøveren skulle angiveligt have truet politifolkene med en pistol, men ifølge Jullands-Postens oplysninger skød den 23-årige dog ikke selv mod politiet.* ‘<...> в 23-летнего мужчину полицейские выстрелили три раза. Полиция вчера засекретила это дело. Грабитель якобы угрожал полицейским пистолетом, однако по сообщению газеты «Jullands-Posten», сам 23-летний мужчина не стрелял в полицейских’.

Таким образом, анализ функционирования различных ксенопоказателей в датском и русском языках позволил нам выявить некоторые особенности их употребления. Так, наиболее характерными для русского языка СМИ являются средства авторизации, тогда как в датском языке их наличие не исключает употребления других ксенопоказателей. При этом отсутствие эксплицитно представленных источников чужой речи делает необходимым употребление ее маркеров, в том числе включенных в предикат, как конструкция *skulle + Inf. I, II*.

Основной коммуникативной функцией конструкций с квазипассивными глаголами в датском языке является выражение коллективного знания, мнения, предположения, которые часто имплицитно являются источником пересказываемой им информации в расчете на принятие ее слушающим.

Дистанцирование говорящего от передаваемой информации и отсылка к некоему внешнему источнику, с чьих слов она пересказывается, является функционально-семантической особенностью ксенопоказателя *skulle + Inf. I, II*. Наблюдаемый в последние годы семантический сдвиг русской частицы *якобы*, по-видимому, свидетельствует о появлении такого нейтрального показателя эвиденциальности и в русском языке.

В отличие от русских частиц *мол*, *дескать*, *якобы*, способных интерпретировать не только вербальное, но и невербальное поведение внешнего источника информации, проанализированные нами датские средства не имеют такой функции. Из всех датских маркеров чужой речи только *skulle + Inf. I, II* может вводить частичное цитирование.

Эпистемическое значение сомнения выражается в датском языке исключительно в структуре вопроса [Крылова 2012]. В связи с отсутствием в

языке специальных ксенопоказателей, передающих, подобно русской частице *якобы*, сомнение говорящего в истинности пересказываемого, формирование такого значения происходит при употреблении ксенопоказателя *skulle + Inf. I, II* в структуре вопроса, а также в определенных контекстах при участии таких маркеров чужой речи, как *skulle + Inf. I, II* и *angiveligt*.

Характеристика частицы *vist* как показателя неуверенного припоминания чужой речи делает невозможным ее активное использование в языке СМИ.

Литература

- Апресян В. Р., Баранов А. Н.* «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское *якобы* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017». [Электронный ресурс]. – <http://www.dialog21.ru/media/3897/apresjanvjushmelevad.pdf>
- Арутюнова Н. Д.* Диалогическая цитация // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Арутюнова Н. Д.* Показатели чужой речи де, дескать, мол. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Н. Д. Арутюнова (ред.) Язык о языке. М., 2000. С. 437- 452.
- Баранов А. Н.* Заметки о дескать и мол. Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114-124.
- Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова Г. А., Н. К. Осипенко, М. Ю. Сидорова* Коммуникативная грамматика русского языка. М. 1998.
- Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С.
- Козинцева Н. А.* К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке. Косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 226-240.
- Козинцева Н. А.* Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007. С. 85-103.
- Крылова Э. Б.* Датские модальные глаголы и эпистемическая модальность // Скандинавская филология – Scandinavica. Вып. IX. СПб., 2007. С. 100-111.
- Крылова Э. Б.* Пересказывательность и средства ее выражения в датском языке // Скандинавская филология – Scandinavica. № XI. 2011. С. 72-83.
- Крылова Э.Б.* Система и функции модальных частиц в датском языке. Дисс... док. филол. наук. М., 2012.
- Крылова Э. Б.* Порядок и способы косвенной передачи информации в датском языке // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2016. С. 210-220.

- Кубрякова Е. С.* Проблема представления знаний в языке // Структура представления знаний в языке. Сб. научн. трудов. М., 1993. С. 5-31.
- Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования М., 2012.
- Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке. / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2010». 2010. Вып. 9 (16). С. 284-288.
- Ницолова Р.* Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007. С. 107-196.
- Отин Е. С.* О субъективных формах передачи чужой речи // Русский язык в школе 1966. №1. С. 51-58.
- Падучева Е. В.* Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. № 3. Том 70.
- Падучева Е. В.* Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // Русский язык в научном освещении. 2013. №2. С. 9-29.
- Плунгян В. А.* О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол*, *дескать*, *якобы* и другие // В. Wiemer & V.A. Plungjan Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München, 2008. S. 285-311.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Храковский В. С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Храковский В. С. (отв. ред.) Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007. С. 600-632.
- Шведова Н. Д.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи // РАН Институт русского языка. М., 2003 (1960). С. 283.
- Шведова Н. Ю.* Построения с модальными частицами // Русская грамматика. Т. II. М., 1980. С. 224-226.
- Шмелев А. Д.* «Невысказанные мысли» в историко-культурной перспективе // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2016. С. 92-106.
- Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Успенский Б. А. (ред.) Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Aikhenvald A.* Evidentiality. Oxford. 2004.
- Rakhilina E.V.* *Jakoby* comme un moyen de médiatisation en russe // Z. Guentchéva (ed.) L'énonciation médiatisée. Paris. 1996. 299-304.
- Boye K.* Evidence for Evidentiality in Danish // Müller, Høeg H. Reflektions on Modality. Copenhagen Studies in Language, 2001, 26. S. 81-127.
- Boye K.* Evidence for what? Evidentiality and scope. Language typology and universals. V. 63. Issue 4. 2010. P. 290–307.

- Brink L.* 2009. Angiveligt - en ansvarsflugt // Inger Schoonderbeek Hansen, Peter Widell (red.), Møde om Udforskningen af Dansk Sprog 12. S. 107-114. 2009.
- Durst-Andersen P.* Linguistic supertypes. A cognitive-semiotic theory of human communication (Semiotics, Communication and Cognition. Berlin, New York. 2011.
- Durst-Andersen P., Lorentzen E.* Russian Sentence Adverbials: Classification, Orientation and Representation. Русские сентенциальные адverbials: классификация, ориентация, репрезентация // Russian Linguistics. Januar 2015.
- Hansen E. og Heltoft L.* Grammatik over det Danske Sprog. Kbh., 2011.
- Lorentzen E.* Еще раз о частицах *мол, дескать, (-)де, якобы* в русском языке // Konferenceabstract fra 19. nordiske slavistmøde. Bergen. Norge. 07.08.2013.
- Mortensen J.* Epistemiske og evidentielle sætningsadverbialer i dansk // Ny forskning i Grammatik 15. 2008. S. 133-156.
- Nølke H.* Polyfoni. En sprogteoretisk indføring. 1989. ARK, 48.
- Palmer F.R.* Mood and Modality. Cambridge. 1986.
- Willet Th.* A Cross-linguistic survey of evidentiality // Studies in Language. 1988. Vol. 12. № 1.

Источники

- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru>
- KorpusDK* – <https://ordnet.dk/korpusdk>

Словари

- DRO* – Dansk-Russisk Ordbog af Jørgen Harrit, Elena Krasnova, 2015. Gyldendal

Глава 3.3.

Особенности грамматической ориентации во времени через призму датско-русского перевода³⁶

Д.Б. Никуличева

Институт языкознания РАН, МГЛУ, Москва

Предлагаемый раздел посвящен проблеме экспликации культурно значимых смыслов, воплощенных в грамматических категориях языка оригинала, средствами языка перевода. Исследование проводится на материале переводов датской художественной литературы на русский язык. Объектом сопоставления служат грамматические показатели темпоральных смыслов в датском тексте и его русском переводе. Методика исследования заключается в последовательном контрастивном сопоставлении темпоральных маркеров датского оригинала и соответствующего ему русского текста. Цель сопоставления состоит в том, чтобы выявить точки несовпадений, где происходит опущение или приращение темпоральных смыслов по сравнению с текстом оригинала. Это позволяет осмыслить эпизодообразующий потенциал отсутствующих в русском языке датских темпоральных категорий и проследить, как изменяется темпоральное осмысление соответствующих фрагментов текста на языке оригинала и перевода.

Grammatical Orientation in Time in Danish-Russian Translations

Dina Nikulicheva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University, Moscow*

This section analyses culturally significant meanings embodied in the grammatical categories of the original language by means of the target language. The research is conducted on the basis of translations of Danish fiction into Russian. Compared are the grammatical indicators of temporal meanings in the Danish text and its Russian translation. The research is structured as a consistent comparison of contrasting temporal markers of the Danish original and the corresponding Russian text. The purpose of the comparison is to identify points of non-coincidence, where there is an omission or an increase in temporal meanings compared to the original text. This allows us to comprehend the episode-forming potential of the Danish temporal categories and to trace changes in the temporal comprehension of the corresponding fragments of the text in the original and translated languages.

Как справедливо отмечал Ю.С. Степанов, «ни одна лингвистическая теория в настоящее время не может обойти вопроса о психической реальности своих объектов» [Степанов 1981, 34]. Сопоставление текстов оригиналов и переводов является эффективным методом, позволяющим эксплицировать различия в «психической реальности» одинаковых денотативных ситуаций, по-разному категоризируемых грамматическими средствами соответствующих языков.

³⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

В плане временной ориентации в датском языке обращает на себя внимание обязательность перспективизации ситуаций денотативного прошлого относительно момента повествования. Понятие «перспектива» широко используется датскими лингвистами не только применительно к датскому языку, но и при описании грамматических систем других языков. Так, Н. Бьервиг при описании видо-временной системы датского языка заменял признак «время» признаком «перспектива» [Bjervig 1975], включая при этом в парадигму не только презенс, претерит, перфект и плюсквамперфект, но и четыре футуральные формы. Х.К. Сёренсен использовал дистинкцию «ближняя» и «дальняя перспектива» (*nærperspektiv* vs. *fjerperspektiv*) применительно к описанию категории времени в русском языке [Sørensen 1973]. Авторы новейшей датской академической грамматики Э. Хансен и Л. Хельгофт предлагают называть темпоральную систему, сложившуюся в современном датском языке, «системой отдаления» (*afstandssystemet*), подчеркивая, что категория отдаленности является ключевой, объединяя формы реализиса и ирреализиса в датском языке [Hansen, Heltoft 2011].

Впервые с наибольшей полнотой систему датского индикатива представил К.М. Миккельсен. Еще в конце XIX в. он выделил восемь форм индикатива в датском языке. Показательно, что те композитные датские термины, которые он предложил для обозначения форм глагольной парадигмы (и которые прочно закрепились в нормативных грамматиках), по лексической семантике их компонентов последовательно отражают пространственную локализацию события в ментальном пространстве говорящего: *nutid* досл. ‘сейчас-время’ (*præsens*), *datid* досл. ‘тогда-время’ (*imperfektum*), *førnutid* досл. ‘перед-сейчас-время’ (*perfektum*), *førdatid* досл. ‘перед-тогда-время’ (*plusquamperfektum*), *fremtid* досл. ‘вперед-время’ (*futurum*), *fortidsfremtid* досл. ‘вперед-время-(из)-прошлого’ (*fututum in præterito*), *førfremtid* досл. ‘перед-вперед-время’ (*fututum exactum*), *fortidsførfremtid* досл. ‘перед-вперед-время-(из)-прошлого’ (*fututum exactum in præterito*). [Mikkelsen 1894]. Аналитическое соединение смыслов, характерное для композитного словообразования, соответствует набору грамматических маркеров, формирующих семантику той или иной темпоральной формы. Например, в наиболее структурно сложной форме *fortidsførfremtid* объединены признаки претеритальности, перфектности и футуральности.

Общая классификация финитных форм связывается датскими грамматистами с выражением «степени реальности» действия (*realitetsgraden*). Л.М. Локштанова подчеркивает, что «признаком «afstand» датские лингвисты пытаются объединить реальный и ирреальный варианты претерита» [Локштанова 1986, 112]. На основе родового понятия «*realitetsgraden*» презенс, претерит, императив и оптатив противопоставляются ими соответственно как «*realitetsform*», «*afstandsform*», «*påbudsform*», «*ønskeform*» [Wiwel 1901, 140-146; Diderichsen 1976, 125-127; Rehling 1951, 79-81; Hansen 1967, 24; Hansen, Heltoft 2011, 648-649].

Исследуя категориальные формы датского глагола, Л.М.Локштанова приходит к выводу о том, что основным противопоставлением в темпоральной системе датского глагола является противопоставление презентных форм претеритальным: «Благодаря ориентации всех презентных форм на параметры непосредственной коммуникативной ситуации создается картина пространственно-временной непрерывности действительности в отношении «одновременности», «до» и «после» речевого акта. Претеритальные формы обозначают события, ориентированные на параметры воспроизводимые, разобщенные с актом коммуникации и располагающиеся на самостоятельной пространственно-временной оси» [Локштанова 1986, 117]. Несмотря на декларируемую полемику со взглядами датских лингвистов, в предлагаемом Л.М. Локштановой противопоставлении семантического признака «разобщенность/неразобщенность события и коммуникативной ситуации» в скрытом виде все равно находит отражение отстаиваемый датскими грамматистами признак «дистанцирования» (*afstand*) или «близости» (*nærhed*) события по отношению к говорящему, то есть та же перспективизация события относительно субъекта коммуникативной ситуации.

На примере сопоставления отрывков из датских оригиналов и русских переводов в настоящей главе мы покажем, что хотя, согласно Р. Якобсону, введему понятие *таксис* для обозначения категории временной отнесенности, таксис – это не-шифтерная категория, безотносительная к факту сообщения [Бондарко 1990], таксисные отношения в датском языке всегда участвуют в расширении временной перспективы говорящего. За первичную точку отсчета берется именно позиция «здесь и теперь» говорящего. План претеритального повествования – это всегда вторичная точка отсчета. Позиция «тогда» *дистанцируется* грамматическими средствами именно как *разобщенная с континуумом реальности говорящего*, что создает еще большую отстраненность в случае использования форм временной отнесенности. Нарушение этой отстраненности вторично, что выражается грамматически за счет нарушения согласования времени и – возникающего как следствие этого – эффекта субъективного приближения позиции «тогда».

Обратимся к эпизоду из книги африканских воспоминаний Карен Бликсен «Den afrikanske farm» и к его переводу на русский язык:

Denys, **tænkte jeg, havde iagttaget og fulgt** hele de afrikanske højlandes liv og ferden, og bedre end nogen anden hvid mand **havde han kendt** deres jordbund og årstider, plantevækst og dyreliv, vinde og dufte.

Денис — **пошел** всеми тропами африканских нагорий и лучше любого другого белого **знал** здешние почвы, смену времен года, растительность, диких зверей, ветры и запахи.

Han **havde holdt øje med** vejrforandringerne, og med folkene i højlandene, med skyerne, og med stjernerne om natten. Her i højene **havde** jeg for ganske nylig **set** ham stå barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han **tog** sin kikkert **op**, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han **havde tilegnet sig** Afrika, og i hans øjne og hans sind **var** det **blevet forandret, stemplet** af hans egen personlighed og **gjort** til en del af ham selv. Nu **tog** Afrika imod ham og **tilegnede** sig ham. Det **ville forandre** ham og **gøre** ham til eet med sin egen natur. (Karen Blixen. Den afrikanske Farm. Graven i Højene).

Он **наблюдал** здесь все перемены погоды, людей, облака, звезды в ночи. Здесь, на высоте, я совсем недавно **наблюдала** за ним, когда он **стоял** с непокрытой головой на полуденном солнце, внимательно **рассматривая** в бинокль лежащие внизу земли. Он **вобрал** эту страну в себя, и в его глазах, в его душе она **получила** особое преломление, отмеченное его индивидуальностью, **стала** его неотъемлемой частью. Теперь сама Африка **приняла** его в себя и **изготовилась** преобразить его, превратить в единое целое с собой. (Карен Бликсен. «Из Африки», глава «Могила в горах», рус. пер. А.Ю. Кабалкина).

Речь идет об эпизоде похорон возлюбленного Карен Бликсен, летчика Дениса. Карен стоит перед его свежей могилой и вспоминает любимого. В этот момент прошлого героя думает, какой был Денис, вспоминая предшествующие события из его жизни. Эти события закономерно располагаются в более отдаленной временной перспективе, выраженной формами плюсквамперфекта (**havde iagttaget** og **fulgt, havde kendt, havde holdt øje med**). Синхронные же моменту похорон события (эта синхронность лексически маркируется наречием настоящего времени *nu*) передаются претеритом: *nu tog Afrika imod ham og tilegnede sig ham*, а прогнозируемые в тот момент изменения – формой будущего в прошедшем: *det ville forandre ham og gøre ham til eet med sin natur*.

На фоне общей таксисной перспективы обращает на себя внимание использование предложения с «рассогласованными» предикатами, выбивающимися из плана повествования о событиях, предшествующих похоронам Дениса: ...Her i højene **havde jeg** for ganske nylig **set** ham stå barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han **tog** sin kikkert **op**, for at finde ud af alt, hvad der **foregik**. Han **havde tilegnet sig** Afrika... Денотативно выраженное формой претерита действие *han tog sin kikkert op* ‘он вынул бинокль’ происходит синхронно действиям, выраженным формами плюсквамперфекта: в той «предпрошлой» ситуации Карен наблюдала, как Денис стоял с непокрытой головой и смотрел в бинокль на происходящее на равнине. Для обозначения действий, синхронных предикату в плюсквамперфекте, нормативно используется сложное дополнение Obj+Inf, что и имеет место в

предшествующем предложении: *jeg havde set ham stå og stirre ud...* Но далее Карен Бликсен переходит на использование форм претерита: *han tog sin kikkert op, for at finde ud af alt, hvad der foregik*.

Относительно плюсквамперфекта формы претерита создают такой же эффект субъективного приближения ситуации, какой создает замена повествования в претерите на повествование в историческом презенсе. В результате грамматически синхронизированными оказываются денотативно одновременные предикаты *jeg tænkte* и *han tog sin kikkert op*. Это создает эффект нарушения временной дистанции и живого присутствия Дениса в мыслях Карен. В русском же переводе это приближение к наблюдателю естественным образом выражается формами несовершенного вида, создающего эффект «совместного наблюдателя», когда «автор ставит читателя в позицию участника и вместе с тем свидетеля того, что происходит» [Бондарко 2004, 278]: *‘Здесь, на высоте, я совсем недавно наблюдала за ним, когда он стоял с непокрытой головой на полуденном солнце, внимательно рассматривая в бинокль лежащие внизу земли’*. То есть эффект субъективного приближения событий прошлого к перцептору легко и естественно передается в русском переводе за счет грамматической семантики несовершенного вида. А вот эффект последовательного дистанцирования события во времени, встроенный в систему грамматических категорий датского глагола, неизбежно оказывается ослабленным. В результате в отличие от анализируемого датского отрывка, где противопоставление разной удаленности событий во времени является эпизоодообразующим, в русском переводе этот отрывок звучит точно так же, как звучала бы прямая речь героини.

Русский переводчик – сознательно или неосознанно – убирает ментальный предикат *jeg tænkte* ‘я думала’, использование которого создавало бы нарочитый эффект отстраненности, излишней в восприятии описываемой ситуации русским читателем. Приведенный выше текст перевода вполне можно было бы взять в кавычки и представить в виде прямой речи. В результате в восприятии читателя оживает голос героини в момент прощания, что усиливает эмпатию.

Для того, чтобы эксплицировать разницу в перспективизации события грамматическими средствами русского и датского языков, двум датским информантам было предложено написать, как по-датски звучало бы прощальное слово Карен, если бы она выражала свои мысли как прямую речь в момент непосредственного выступления перед собравшимися.

A: “Denys **ia**gttog og **fulgte** hele de afrikanske Højlandes Liv og Færden, og bedre end nogen anden hvid Mand **kendte** han deres Jordbund og Aarstider, Plantevækst og Dyreliv, Vinde og Dufte. Han **holdt** Øje med Vejrforandringerne, og med Folkene i Højlandene, med Skyerne, og med Stjernerne om Natten. Her i Højene **så** jeg ham for ganske nylig staa barhovedet i Eftermiddagssolen og stirre ud over Landet, han **tog** sin Kikkert op, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han

tilegnede sig Afrika, og i hans Øjne og Sind **blev** det **forandret**, **stemplet** af hans egen Personlighed og **gjort** til en del af ham selv. Nu **tager** Afrika imod ham og **tilegner** sig ham. Det **vil forandre** ham og **gøre** ham til eet med sin egen Natur”.

B. ”Denys **iagttog og fulgte** hele (*alle?*) de afrikanske højlandes liv og ferden og bedre end nogen anden hvid mand **kendte** han deres jordbund og årstider, plantevækst og dyreliv, vinde og dufte. Han **holdt** øje med vejrforandringerne, og med folkene i højlandene, med skyerne, og med stjernerne om natten. Her i højene **så** jeg ham for ganske nylig stå barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han **tog** sin kikkert op, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han **havde tilegnet sig** Afrika, og i hans øjne og hans sind **var det blevet forandret**, stemplet af hans egen personlighed og gjort til en del af ham selv. Nu **tager** Afrika imod ham og **tilegner** sig ham. Det **vil** forandre ham og **gøre** ham til eet med sin egen natur.”

Общая закономерность заключалась в том, что повествование, о прошлых событиях переводилось в форму претерита, повествование о синхронных моменту речи событиях – в форму презенса, а о прогнозируемых – в форму футурума. Частичное сохранение плюсквамперфекта информантом **B.** (han **havde tilegnet sig** Afrika, og i hans øjne og hans sind **var det blevet forandret**) было связано с трактовкой событий, обозначенных этой формой, как предшествующих эпизоду, обозначенному претеритом в предыдущем предложении (jeg **så** ham).

На вопрос, могли бы в этой ситуации быть использованы формы перфекта, оба информанта ответили отрицательно, объяснив это тем, что использование перфекта в прощальной речи создавало бы странный эффект, что на похоронах говорят о живом человеке. Здесь уместно вспомнить определение общей семантики претеритальных форм Л.М.Локштановой как обозначающих «пространственно-временную разобшенность события и коммуникативной ситуации» или образное обозначение Пером Дурст-Андерсеном семантики датского претерита по сравнению с перфектом как «завершенной главы» (afsluttet kapitel) повествования [Durst-Andersen 200, 155].

На просьбу преобразовать данный отрывок таким образом, чтобы использование перфекта было грамматически оправданно, датские информанты предложили весьма схожие варианты:

A: «Denys skal modtage Den store Afrikanske Fortjenstmedalje, Denys er tilstede, og nu begrunder komiteformanden, hvorfor netop Denys skal have denne pris» (Денис должен получить медаль «За заслуги перед Африкой». Денис присутствует на обсуждении, а председатель комиссии по награждениям обосновывает его кандидатуру).

“Denys **har iagttaget og fulgt** hele de afrikanske Højlandes Liv og Færden, og bedre end nogen anden hvid Mand **har** han **sat sig ind i** (*nødvendig ændring-*

'kendt' kan ikke bruges her!) deres Jordbund og Aarstider, Plantevækst og Dyreliv, Vinde og Dufte. Han **har holdt** Øje med Vejrforandringerne, og med Folkene i Højlandene, med Skyerne, og med Stjernerne om Natten. Her i Højene **har** jeg for ganske nylig **set** ham staa barhovedet i Eftermiddagssolen og stirre ud over Landet, han **tog** sin Kikkert op, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han **har tilegnet** sig Afrika, og i hans Øjne og Sind **er** det **blevet forandret, stemplet** af hans egen Personlighed og **gjort** til en del af ham selv”.

В: «Denis er i live. Karen begrunder at han har gjort sig fortjent til at modtage en af Afrikas fornemste hædersbevisninger» (Денис жив. Карен произносит речь, доказывая, что он заслуживает признания со стороны Африки).

“Denys **har iagtaget og fulgt** hele de afrikanske højlandes liv og ferden , og bedre end nogen anden hvid mand **kender** han deres jordbund og årstider, plantevækst og dyreliv, vinde og dufte. Han **holder øje** med vejrforandringerne, og med folkene i højlandene, med skyerne, og med stjernerne om natten. Her i højene **så jeg ham for ganske nylig stå (evt. perfektum ”har jeg for ganske nylig set ham stå”)** barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han **tog** sin kikkert **op**, for at finde ud af alt, hvad der **foregik**. Han **har tilegnet** sig Afrika, og i hans øjne og hans sind **er** det **blevet** forandret, stemplet af hans egen personlighed og gjort til en del af ham selv. Derfor **har** han **gjort sig fortjent** til at modtage en af Afrikas fornemste hædersbevisninger...”.

Информант А. переводит все повествование в перфект – так называемый «эксперинциальный перфект» [Leech 1973], или «перфект характеристики» [Durst-Andersen 2000], грамматическая семантика которого состоит в характеристике субъекта по тем результатам (предельные глаголы), или по тому опыту (непредельные глаголы), которые субъект имеет к моменту речи. Информант В. поступает, в целом, так же, используя презенс лишь дважды – в случае непредельных глаголов ментальной деятельности ‘знать’ (han **kender** deres jordbund...) и ‘наблюдать’ (han **holder øje** med...). Отметим, что информант А. в первом случае предпочел использовать иной, близкий по значению, но непредельный глагол, чтобы сохранить везде перфект характеристики: (han **har sat sig ind i** deres jordbund...), а во втором использует форму перфекта характеристики от непредельного глагола (han **har holdt** øje med vejrforandringerne).

Единственное предложение в претерите, заимствованное из оригинала, которое сохранили оба информанта (han **tog** sin kikkert op for at finde ud af alt, hvad der **foregik**), связано с визуальным воспоминанием говорящего, когда тот не характеризует Дениса, а вспоминает его в одной конкретной прошлой ситуации. С точки зрения перспективизации ситуации, перфектные формы в обсуждаемом контексте приближают ситуацию к моменту речи, характеризуя присутствующего в ситуации номинанта, а форма претерита дистанцирует ситуацию, отодвигая ее от момента речи в область воспоминаний.

Возвращаясь к приведенному выше русскому переводу отрывка из Карен Бликсен, представим себе ситуацию, аналогичную той, которую предложили датские информанты – что Денис сейчас номинируется на получение премии «за заслуги перед Африкой». Посмотрим, что изменилось бы в прямой речи, произносимой в подобном контексте на русском языке:

«Денис **прошел** всеми тропами африканских нагорий и лучше любого другого белого **знает** здешние почвы, смену времен года, растительность, диких зверей, ветры и запахи. Он **наблюдал** здесь все перемены погоды, людей, облака, звезды в ночи. Я совсем недавно **наблюдала** за ним, когда он **стоял** с непокрытой головой на полуденном солнце, внимательно **рассматривая** в бинокль лежащие внизу земли. Он **вобрал** эту страну в себя, и в его глазах, в его душе она **получила** особое преломление, отмеченное его индивидуальностью, **стала** его неотъемлемой частью».

Единственное необходимое изменение связано с заменой формы прошедшего времени неопределенного глагола ментальной деятельности ‘**знал**’ на форму настоящего времени ‘**знает**’. Все остальные предикаты остались бы без изменений.

Таким образом, сопоставление русского перевода с датским оригиналом и с ситуативными модификациями исходного датского текста позволяет эксплицировать соответствие единого когнитивного пространства «прошедшего времени» для носителей русского языка, трем разноудаленным когнитивным пространствам денотативного прошлого для носителей датского языка.

Будучи грамматически дифференцированными, эти когнитивные пространства организуют «психическую реальность» временной ориентации: неразобценное с коммуникативной ситуацией темпоральное пространство актуального преднастоящего, удаленное от коммуникативной ситуации темпоральное пространство прошлого и, наконец, темпоральное пространство предпрошлого, еще более дистанцированное от коммуникативной ситуации.

Противопоставление этих разноудаленных когнитивных пространств способно приобретать в датской литературе эпизодообразующий характер. Это происходит, когда один и тот же эпизод описывается разными персонажами с использованием разных темпоральных форм. В результате создаются *разные версии восприятия одной и той же денотативной ситуации*.

Весьма показателен в этом плане кульминационный эпизод из классической комедии Людвиг Хольберга «Йеппе с горы». В одной из заключительных сцен последнего акта пьянчужка Йеппе рассказывает в трактире о приключившихся с ним удивительных событиях (сцена 4), а сразу за этим появляется новый посетитель, Магнус, который сообщает о только что услышанной им новости – что барон со слугами разыграли какого-то

нерадивого крестьянина, убедив его, что тот стал бароном, а затем вернули его на навозную кучу (сцена 5).

Этот заимствованный Хольбергом у Кальдерона сюжет интересен для нас тем, что одна и та же денотативная ситуация излагается по-датски с использованием разных глагольных форм: в первом случае – форм претерита, а во втором – в форм перфекта, что отражает разный взгляд персонажей на одну и ту же ситуацию.

Акт 5, сцена 4 (Йеппе, Якоб):

JEPPE: Nu skal jeg fortælle dig, hvad mig *er vederfare*: **Da** jeg *gik* fra dig, *faldt* jeg i søvn. **Da** jeg *vågnede op* igen, *var* jeg baron og *drak mig drukken* på ny af carnali-sæk. **Da** jeg *blev drukken* af carnali-sæk, *vågnede* jeg på en mødding igen. **Da** jeg *vågnede* på en mødding, *lagde* jeg mig at sove på ny i forhåbning at sove mig et baronskab til igen; men jeg *mærkede* at det **går** ikke altid an, thi min hustru *vækkede* mig op med mester Erich *optrækkede* mig ind efter håret uden at have ringeste respekt for sådan mand, som jeg **havde været**. **Da** jeg *kom* ind i stuen, *blev* jeg *stødt ud* igen på mit hoved og *så* mig omringet af en hoben gripomenuser, som *dømte* mig fra livet og *dræbte* mig med forgift. **Da** jeg *var død*, *blev jeg hængt*, og **da** jeg *var hængt*, *blev jeg levende* igen, og **da** jeg *var bleven levende* igen, *fik* jeg fire rigsdaler, således *er* historien, men hvordan sådant **kunne hænde**, vil jeg give dig at betænke.

JAKOB: Ha, ha,ha! Det **var** bare en drøm, Jeppe. (Akt5, scene 4, Jeppe, Jakob)

ЙЕППЕ: Теперь я тебе расскажу, все что со мной *сталось*. **Когда** я *ушел* от тебя, я *заснул*. А *проснулся* я бароном и вволю *нахлебался* канальской шипучки; *упившись* канальской шипучкой, я *проснулся* снова на навозной куче, **Проснувшись** на навозной куче, я *решил* опять маленько соснуть, в надежде, что мне привидится мое баронство. Но так не всегда выходит. Жена меня *разбудила* местером Эриком и за волосы *втащила* в дом, без всякого уважения к такой знатной особе. **Как только** я *оказался* в комнате, как снова меня *вытолкнули* на двор и *окружили* полицейские птицы грипоменусы; тут меня *присудили* к смерти и *отравили*. **Когда** я *помер*, меня *повесили*, а **когда** меня *повесили*, я опять *ожил* и *получил* четыре ригсдалера на водку. Вот и вся история. Можешь ты растолковать, что все это значит?

ЯКОБ: Ха-ха-ха! Да тебе все это приснилось, Йеппе. (пер. А.А. Гозенпуда).

Акт 5, сцена 5 (Йеппе, Якоб, Магнус):

MAGNUS: Ha, ha! Jeg skal fortælle jer en forbandet historie, som *er vederfare*t en mand, der hedder Jeppe på bjerget, som man *har funden drukken* og *sovende* på marken, *iført* ham andre klæder og *lagt* ham i den bedste seng på herregården, *bildet ham ind*, at han *var* herren, *da* han *vognede* op, *druknet* ham fuld på ny igen og *lagt* ham i sine skidne klæder på en mødding igen, *hvor da* han *vognede* op, *bildte* han sig ind at *have været* i paradis. Jeg havde nær let mig ihjel, da jeg *hørte* den historie af ridefogedens folk. Jeg ville mari give en daler, til at jeg kunne få den nar at se, ha, ha, ha!

Akt5, scene 5, Jeppe, Jakob, Magnus

МАГНУС: Ха-ха-ха! Я расскажу вам удивительную историю, которая *приключилась* с Йеппе с горы. Его *нашли* пьяным и спящим в поле, *надели* на него богатое платье, *уложили* в лучшую постель в господском замке и *уговорили*, что он барон. *Затем* его *напоили* опять, *натянули* на него его старые лохмотья и *бросили* на кучу навоза, *проснувшись*, он *вообразил*, что *побывал* в раю. Я чуть живот не надорвал, слушая, как мне об этом рассказывали слуги управляющего. Я бы охотно дал далер, чтобы только увидеть этого простофилю. Ха-ха-ха!

(пер. А.А. Гозенпуда).

Сопоставление датской пьесы с её русским переводом дает возможность проследить то, как неизбежно – под влиянием языковой специфики грамматической категоризации – меняется перспективизация события в русском переводе относительно датского оригинала.

Перед переводчиком стояла непростая задача – отразить существенные для оригинала различия в языковой форме изложения ситуации разными персонажами. И они использовали имеющиеся в его распоряжении грамматические средства языка перевода. За основу он взял противопоставление изложения событий от первого и от третьего лица. В результате изложение случившегося самим Йеппе в русском переводе оказалось – что вполне естественно воспринимается русскоязычным читателем – более нюансированным в плане темпорального представления событий, нежели сторонний пересказ событий Магнусом, в истории не участвовавшим.

Так, в русском переводе – и в речи Йеппе, и в пересказе Магнуса – используются глаголы совершенного вида прошедшего времени (Йеппе: *сталось* – *ушел* – *заснул* – *проснулся* – *нахлебался* – *решил* – *разбудила* – *втащила* – *оказался* – *вытолкнули* – *окурили* – *присудили* – *отравили* – *помер* – *повесили* – *ожил* – *получил*; Магнус: *приключилось* – *нашли* – *надели* – *уложили* – *уговорили* – *напоили* – *натянули* – *бросили* – *вообразил* – *побывал*). Однако за счет варьирования лексических и синтаксических темпоральных маркеров (наречия времени, разнообразные временные союзы, деепричастные обороты)

временная последовательность в изложении Йеппе отчетливо дробится на отдельные интервалы: **Когда я ушел от тебя, я заснул.... упившись** канальской шипукой, я проснулся снова на нанавозной куче, **проснувшись** на навозной куче, я решил **опять** маленько соснуть, ...**Как только я оказался** в комнате, как снова меня вытолкнули на двор ... **тут** меня присудили к смерти и отравили. **Когда я помер, меня повесили, а когда меня повесили, я опять ожил...** Тем самым повествование замедляется, а каждый из микроэпизодов приобретает самостоятельную значимость. Русский читатель понимает: Йеппе сам это пережил, поэтому вспоминает события «крупным планом».

Иначе русский перевод произошедшего выглядит в пересказе Магнуса. Большая часть его рассказа выстроена как простое перечисления однородных сказуемых: *Его **нашли** пьяным и спящим в поле, **надели** на него богатое платье, **уложили** в лучшую постель в господском замке и **уговорили**, что он барон. Затем его **напоили** опять, **натянули** на него его старые лохмотья и **бросили** на кучу навоза.* Нанизывание глаголов совершенного вида прошедшего времени создает эффект проговаривания скороговоркой – подобно тому, как герой фильма «Бриллиантовая рука» повторяет предложенную ему оперативниками «легенду»: «*Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гинс!*»). Существительное «гинс», завершающее в последнем примере цепочку однородных глагольных сказуемых, создает стилистический эффект «торможения» динамики перечисления. Точно также в рассказе Магнуса перечисление событий замедляется только в самом конце – за счет введения деепричастной клаузы: «**проснувшись, он вообразил, что побывал в раю**». В целом изложение истории Магнусом воспринимается русскоязычным читателем как более отстраненное, что выглядит вполне естественно для изложения истории человеком, в ней не участвовавшим.

Укрупнение плана повествования происходит в рассказе Магнуса только тогда, когда он вспоминает свои собственные ощущения, когда слуги барона рассказывали ему про то, как разыграли Йеппе. Магнус переходит на повествование в несовершенном виде, мысленно возвращаясь в тот веселый момент, когда слушал рассказ про розыгрыш: «*Я чуть живот не надорвал, слушая, как мне об этом рассказывали слуги управляющего*».

То есть в русском переводе повествование Йеппе выглядит более замедленным и более приближенным к рассказчику, нежели более отстраненный пересказ Магнуса.

Если сравнить эти наблюдения над русским переводом с датским оригиналом, то окажется, что в датском тексте смысловый эффект, достигаемый использованием разных темпоральных форм, принципиально иной. В отличие от ее перевода, речь Йеппе в датском оригинале построена на нарочитом синтаксическом единообразии. При всем потенциально возможном варьировании датских темпоральных союзов (*da, idet, netop som, så snart som, knap... før*), в ней повторяется только союз **da** 'когда', а вводимые этим союзом

предикаты выражены формой претерита: **Da jeg gik** ..., **faldt jeg i søvn**.... **Da jeg vågnede op igen, var jeg baron og drak mig drukken**.... **Da jeg blev drukken** ..., **vågnede jeg**... **Da jeg vågnede**..., **lagde jeg mig** **Da jeg kom ind**..., **blev jeg stødt ud** ... Создается стилистический эффект разобщенности с коммуникативной ситуацией, производный от категориального значения датского претерита. Йеппе способен только перечислить последовательность произошедших с ним событий, не имеющих ничего общего с коммуникативной реальностью – моментом разговора с трактирщиком. Механическое нанизывание логически не связанных событий, выраженных формой претерита, призвано показать, что Йеппе ничего не может ни понять, ни изменить в пережитых им событиях. Это прошлое, дистанцированное от реальности настоящего.

В конце рассказа Йеппе делает слабую попытку разобраться в произошедшем. Об этом свидетельствует появление форм временной отнесенности, замедляющих повествование: **Da jeg var død, blev jeg hængt**, og **da jeg var hængt, blev jeg levende igen**, og **da jeg var bleven levende igen, fik jeg fire rigsdaler**. Чередование форм статива (плюсквамперфекта) и претерита создает эффект темпоральной прогрессии: событие, вводимое формой претерита, осмысливается в следующем предложении как результирующее состояние, предшествующее следующему событию. Однако отсутствие логической взаимосвязи между событиями лишь усиливает эффект абсурдности и разобщенности повествования с коммуникативной ситуацией.

Наиболее интересен для исследования особенностей темпоральной перспективизации в датском языке рассказ Магнуса. Именно эта сцена (акт 5, сцена 5) представляет собой кульминацию пьесы. На первый взгляд, кажется парадоксальным, что Магнус, не будучи участником событий, излагает историю в перфекте – форме актуализации денотативного прошлого. Он только что услышал историю от слуг барона и спешит поделиться «горячими новостями» с посетителями харчевни. Магнусу не важно, кто конкретно разыграл Йеппе, поэтому в качестве субъекта предложения выступает неопределенно-личное местоимение *man*. Ему важно живо представить перед слушателями все этапы розыгрыша, чтобы слушатели буквально увидели их результаты «своими глазами» и сделали закономерный вывод: «Ну и простофиля тот, с кем это приключилось!». Датский перфект идеально подходит для реализации этой коммуникативной задачи, приближая повествование к адресату: «...*man har funden* <ham> *drukken og sovende på marken, iført ham andre klæder og lagt ham i den bedste seng på herregården, bildet ham ind, at han var herren, drukket ham fuld på ny igen og lagt ham i sine skidne klæder på en mødding igen!*» Особую «пикантность» ситуации придает то, что Магнус не подозревает, что Йеппе – и есть один из его слушателей. А зрители понимают, что в этот момент тот вывод, к которому подводит слушателей рассказ Магнуса, доходит до Йеппе. Именно поэтому эта сцена становится кульминацией абсолютного унижения

главного персонажа пьесы. Датский перфект, как видим, выполняет здесь эпизодообразующую функцию.

И именно эпизодообразующая функция грамматических форм оказывается наиболее сложной для передачи в переводе. Точно также, как сложным для перевода будет датский анекдот о стоматологе и пациенте, упоминавшийся Георгом Вивелем [1901, 179], целиком построенный на противопоставлении грамматической семантики форм перфекта и претерита:

Tandlægen: – *Det har da været en slem tand!*

Patienten: – *Ja, det var en slem tand...*

Подразумеваемая ситуация состоит в том, что зубной врач, смотрит на зуб, который только что удалил клиенту и, оценивая результат своих усилий, замечает: «**Плохой** был зуб!». «**Да, зуб был плохой...**», – соглашается лишившийся зуба пациент. Для создания юмористического эффекта в русском переводе нам пришлось заменить идентичный порядок слов датских реплик на порядок, варьирующий тема-рематическое членение. В первой реплике в фокусе высказывания оказывается характеристика зуба, а во второй в фокус высказывания попадает весь предикат в форме прошедшего времени. В датском же анекдоте юмористическое приращение смыслов «запрограммировано» самой категориальной семантикой противопоставленных глагольных форм. Для врача зуб, который он держит в руках, естественным образом входит в коммуникативную ситуацию приема данного пациента. Для пациента, у которого зуб удалили, этот зуб превратился в факт невозвратного прошлого. Именно поэтому Л.М.Локштанова приводила этот пример Вивеля как удачную иллюстрацию противопоставления неразобщенности/разобщенности презентных и претеритальных форм с коммуникативной ситуацией.

Проведенное сопоставление с русскими переводами фрагментов датских художественных текстов, построенных на преимущественном использовании одной из категориальных форм датского глагола, употребляемых для обозначения денотативного прошедшего времени (плюсквамперфекта, претерита и перфекта), позволило выявить точки несовпадений, где в переводе закономерно происходит опущение или приращение темпоральных смыслов по сравнению с текстом оригинала.

Был проанализирован эпизодообразующий потенциал указанных датских темпоральных категорий и прослежено, как эпизоды, построенные на грамматических различиях в перспективизации событий, неизбежно – под влиянием языковой специфики грамматической категоризации – претерпевают смысловое изменение при их переводе на русский язык.

Литература

Бондарко А.В. Таксис //Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 503-504.

- Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности. // Сокровенные смыслы. М., 2004. С. 276-282.
- Локитанова Л.М. О категориальных значениях форм индикатива в датском языке. // Вопросы языкознания, 1986, №1. С. 111-121.
- Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.
- Bjervig N. Tempus og aspekt. København, 1975.
- Diderichsen P. Elementær dansk grammatik. København, 1976.
- Durst-Andersen P. En kognitiv analyse af perfektum og imperfektum i dansk // Nydanske studier og almen kommunikationsteori. № 26-27. S. 131-164.
- Hansen Aa. Moderne dansk. Bd.3. København, 1967.
- Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det danske sprog. Bd. 1 – 3, Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense, 2011.
- Leech G.N. Meaning and the English verb. London, 1971.
- Mikkelsen K. M. Dansk sproglære med sproghistoriske tillæg. Haandbog for lærere og viderekomne. København, 1894.
- Rehling E. Det danske sprog. København, 1951.
- Sørensen H. Chr. Strukturen i russisk. Bd. 1-2. København, 1973.
- Wiwel H.G. Synspunkter for dansk sproglære. København, 1901.

Источники

- Karen Blixen. Den afrikanske farm. Kbh.: Gyldendal, 1976, 329 s.
- Ludvig Holberg. Jeppe paa Bjerget eller Den Forvandlede Bonde. // Holberg. Komedier 1. (Moderne dansk retskrivning). Aarhus Universitetsforlag, 2016. S. 273-334.
- К. Бликсен. Из Африки. М.: AST Publishers, 2018. (пер. с датского А.Ю. Кабалкина).
- Л. Хольберг. Пелле с горы, или Превращенный крестьянин // Лудвиг Хольберг. Комедии. Л.-М. Искусство, 1957. С. 99-140. (Пер. с датского А.А. Гозенпуда).

Глава 3.4.

Выделительная конструкция *det är ... som* в шведском языке: коммуникативное содержание и особенности его передачи при переводе на русский язык

Е.Л. Жильцова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Синтаксическая конструкция *det är ... som*, формально представляющая собой сложноподчиненное предложение с придаточным относительным, играет большую роль в коммуникативной структуре шведского высказывания. С ее помощью выделяется информация, важная для адресата сообщения. Поскольку в русском языке подобной конструкции нет, присущее ей коммуникативное содержание передается при переводе другими лексическими и синтаксическими средствами. Исследование материала произведений шведской художественной литературы и их переводов на русский язык показало, что основным синтаксическим средством является изменение порядка слов, при котором в переводе выделяемый член помещается ближе к концу предложения, чем в оригинале. В качестве лексических средств используются усилительные частицы *это, вот, то*. Выбор того или иного средства обусловлен различными языковыми факторами.

The Cleft Construction *det är... som* in Swedish: Its Communicative Functions and Translation into Russian

Elena Zhiltsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The syntactic construction *det är ... som*, which is formally a complex sentence with a relative clause, plays a large role in the communicative structure of a Swedish utterance. It is used to place emphasis on the information which is important for the addressee of the message. Since there is no similar construction in the Russian language, its communicative contents are rendered into Russian with different lexical and syntactic means. The research of Swedish literary works and their translations into Russian has shown that the main syntactic means used is changing the word order in the translation, resulting in the emphasised constituent being moved closer to the end of the sentence than in the original text. The lexical means used are the intensifying particles *это, вот, то*. The choice of the appropriate means is caused by different linguistic factors.

В современном шведском языке широко распространена выделительная синтаксическая конструкция *det är ... som*. С формальной точки зрения она представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным относительным, вводимым местоимением *som*. В главной части таких предложений употребляется указательное местоимение *det* в функции формального подлежащего и глагол *vara* ‘быть’, реже *bli* ‘становиться’ в роли связки [SAG 2000, 515], а затем – выделяемое слово или словосочетание.

Посредством данной конструкции могут выделяться члены предложения, имеющие различные синтаксические функции [SAG 2000, 514].

Подлежащее: – *Det är jag som kör, nickar lufsen upprymt* (Backman, 22) ‘– Это я вел машину, – беззаботно улыбается увалень’.

Дополнение: – *Men det var faktiskt en helt annan sak jag tänkte på* (Larsson, 386) ‘– Но вообще-то мне сейчас подумалось о другом’.

Обстоятельство времени, которое может быть выражено как словосочетанием, так и целым придаточным предложением: – *Det var i sista momangen du hoppade opp!* (Backman, 152) ‘– В последний момент выскочил!’; *Det var då han stod ensam på trappan till rådhuset som han höjde blicken och såg William Borg kliva ur sin bil* (Larsson, 17) ‘Все еще стоя на ступенях ратуши, он поднял взгляд и увидел Уильяма Борга, выходявшего из машины’.

Обстоятельство места: ... *han förklarade att det var på Millenium och ingen annanstans som han ville jobba* (Larsson, 334) ‘... он заявил, что хочет работать только в «Миллениуме»’.

Обстоятельство образа действия: *Varje människa behöver veta vad hon slåss för. Det var så de sa* (Backman, 212) ‘Каждому человеку нужно знать, за что он сражается. Так они говорили’.

Обстоятельство причины: – *Jag vet. Det är därför jag tror att Torsson ändå är den med mest rent mjöl i påsen* (Larsson, 380) ‘– Я знаю. Поэтому-то и думаю, что Турссон особо не виноват’.

Как видно из приведенных примеров, при выделении второстепенных членов предложения *som* нередко опускается.

Выделительная конструкция используется не только в простом повествовательном предложении, но и в вопросах, а также в составе придаточных предложений: – *Är det du som har rostet bröd?* (Backman, 291) ‘– Так это ты жарил хлеб?’; – ... *jag tror helt enkelt inte att det är han som vid snart nittiofem springer omkring med ett gevär i Fröskogen* (Larsson, 414) ‘– ... я просто не могу поверить в то, что он в свои почти 95 бегаёт по лесу с ружьем’.

Основная роль конструкции *det är ... som* в коммуникативной структуре высказывания в шведском языке – это выделение той его части, которая, по мнению говорящего, особенно важна для адресата сообщения и к которой он хочет привлечь внимание последнего. Таким образом, рассматриваемая конструкция является эмфатической [Thorell 1973, 268], поскольку именно выделение наиболее важной в смысловом отношении информации в высказывании исследователи считают основной функцией эмфазы [ЛЭС 1990, 592; Ekerot 1995, 103].

В русском языке не существует аналога шведской выделительной конструкции *det är ... som*. Поэтому при переводе высказываний с данной конструкцией на русский язык для передачи свойственного им коммуникативного содержания используются различные лексические и синтаксические средства, характерные для русского языка.

Анализ материала двух романов современных шведских авторов показал, что чаще всего посредством эмфатической конструкции *det är ... som* выделяется подлежащее, которое может быть выражено существительным как с предметной семантикой, так и со значением лица, либо заменяющим его личным местоимением. В русском переводе такое подлежащее помещается, как правило, в конец предложения: *Ove kunde förstås inte bevisa att det var lögner och konspiration som låg bakom årsmötets beslut att godkänna Runes nya titel* (Backman, 249) ‘Уве тогда, разумеется, не смог представить доказательств того, что решение собрания о назначении Руны на место заведующего – результат поклепа и козней конкурента’; *Det var Mikael som bröt tystnaden* (Larsson, 124) ‘Молчание нарушил Микаэль’; – *Det var naturligtvis hon som skickade blommorna* (Larsson, 488) ‘– Цветы, разумеется, посылала она’.

Подобное изменение порядка слов в переводе по сравнению с оригиналом объясняется тем, что в русском языке новую, самую важную для адресата сообщения информацию обычно содержит вторая часть высказывания, являющаяся его ремой и, следовательно, коммуникативным центром [Ковтунова 2002, 7]. Таким образом, то значение, которое передается в шведском языке посредством выделительной конструкции, в русском передается с помощью порядка слов.

Практически всегда в конце предложения при переводе помещается подлежащее, при котором имеется отрицание. В этом случае субъект высказывания, выраженный подлежащим, противопоставляется другим субъектам: – ... *jag är glad att det inte är jag som måste fatta beslut i den frågan* (Larsson, 497) ‘Я рад, что принимать решение по этому вопросу придется не мне’. В отдельных случаях такое противопоставление выражается эксплицитно: *Det var de och inte konkurrerande företag eller staten som var mina värsta fiender* (Larsson, 90) ‘Моими злейшими врагами были не конкуренты или государство, а они’.

Стоящее в конце предложения подлежащее может быть в переводе дополнительно выделено лексически посредством усилительной частицы ‘именно’ и ограничительной ‘только’: *Han hade inte berättat för vare sig Henrik eller Dirch Frode om sina misstankar om att det var hon som hade öppnat fönstret i Harriets rum* (Larsson, 347) ‘Ни Хенрику, ни Дирку Фруде он не рассказывал о том, что окно в комнате Харриет открыла именно она’; – *Det är den där jävla fittan som är den svaga länken* (Larsson, 433) ‘– Слабым звеном является только эта чертова сучка’.

Такое употребление частиц при подлежащем, несущем важную, новую информацию в высказывании, вполне объяснимо, поскольку частицы в русском языке часто играют роль рематизаторов [ЛЭС 1990, 580; Николаева 1985, 14]. Поэтому в тех случаях, когда подлежащее в переводе располагается не в конце высказывания, а в его начале, как в шведском оригинале, оно практически всегда выделяется с помощью местоимения *sam* или усилительно-

выделительных частиц ‘именно’, ‘это’: *Det var han som byggde om köket efter olyckan* (Backman, 169) ‘После аварии он сам приспособил кухню’; *Det var dessutom Rune som iscensatte statskuppen som fick Ove avsatt som ordförande i styrelsen* (Backman, 58) ‘К тому же именно Руне спланировал тот самый путч, когда Уве погнали из председателей правления’; *Det var Palmgren som hade hyrt ut hennes mors bostadsrätt i andra hand* (Larsson, 167) ‘Именно Пальмгрен сдавал квартиру, принадлежащую ее матери’; *Hon påminde sig om att det var hon som visste allt om honom – inte tvärtom* (Larsson, 326) ‘Ведь это она знает о нем всё, а не наоборот, вспомнила она’.

Помещение выделяемого подлежащего в переводе в начало предложения зачастую обусловлено его тесной связью с предшествующим контекстом. В таких предложениях подлежащее обычно выражено личным местоимением, замещающим существительное, находящееся в предыдущем высказывании, а в функции выделяющего компонента выступает частица *это*: – *Du beundrar din pappa. – Det var han som lärde mig* (Larsson, 438) ‘– Ты восхищаешься отцом. – Это он меня научил’. Подобное выделение связанного с предыдущим контекстом подлежащего характерно и для общих вопросов: – *Du har alltså pratat med Dragan; är det han som har skickat hit dig?* ‘– Значит, ты говорил с Драганом. Это он послал тебя сюда?’

В приведенных выше примерах перевод наиболее близок шведскому оригиналу и в отношении порядка слов и еще потому, что в выделительной функции в них употребляется частица ‘это’, имеющая семантический оттенок указательности и соответствующая шведскому местоимению *det*. Кардинальное же различие шведских предложений и их русских переводов заключается в том, что русские предложения, в отличие от шведских, по своей структуре являются не сложноподчиненными, а простыми.

Имеются, однако, случаи, когда выделение подлежащего в шведском языке, никак не отражается в русском переводе. Это происходит главным образом в предложениях с подлежащим, выраженным отрицательным местоимением *ingen* ‘никто’: – *När vi började gå skallgång dagen därpå var det ingen som tänkte sig att ett brott begåtts* (Larsson, 114) ‘– Когда мы на следующий день начали поиски, никто не думал, что совершено преступление’. Отсутствие специального выделения в русском переводе вполне объяснимо, поскольку, по правилам русского языка, при местоимении *никто* усилительно-выделительные частицы не употребляются, а помещение местоимения ближе к концу высказывания вызвало бы сильную эмфазу, которая отсутствует в шведском оригинале. Невозможно выделить данное местоимение и в русском вопросительном предложении: ”*Är det ingen som är redo att slåss för sina principer längre?*” (Backman, 89) ‘– Неужто нынче никто за принципы свои бороться не хочет?’

Дополнение, как предложное, так и беспредложное, выраженное субстантивным словосочетанием, в русских переводах может, аналогично

подлежащему, помещаться в конец предложения: – *Det rör mig för att den här gången är det den där jävla gubben längst ner på gatan som de sätter på ett hem* (Backman, 154) ‘А такое: сейчас они увезут в богадельню маразматика из крайнего дома’; – *Dirch Frode är nog inte den mest alerta personen i Hedestad. – Nej, men det är honom och Henrik Vanger som jag jobbar åt* (Larsson, 384) ‘– Дирк Фруде, наверное, не самый наблюдательный человек в Хедестаде. – Да, но я работаю на него и Хенрика Вангера’. В конце русского предложения всегда стоит и дополнение с отрицанием, независимо от того, какой частью речи оно выражено: *Och det var förstås inte bara centralvärmesystemet det handlade om* (Backman, 88) ‘Разумеется, дело было не только в отоплении’; – *Men det var inte det hon hotade att berätta för Henrik* (Larsson, 464) ‘– Но она грозилась рассказать Хенрику не об этом’. Однако, в целом выделение дополнения посредством порядка слов встречается значительно реже, чем выделение подлежащего.

Выделяемое с помощью конструкции *det är som* дополнение помещается главным образом в начало русского предложения; в этом случае при нем практически всегда имеются усилительно-выделительные частицы, правда, несколько иные, чем те, которые используются при выделении подлежащего. Помимо ‘именно’, это также частицы ‘то’ и ‘вот’, в то время как частица ‘это’ не употребляется:– *Du var Harriets närmaste vän i familjen. Det var dig hon vände sig till med sin fasansfulla berättelse* (Larsson, 468) ‘– Из всей семьи вы были ближайшей подругой Харриет. Именно вам она рассказывала обо всех тех ужасах’; – *Det kommer att se ut som om du ger dig av med svansen mellan benen. – Det är ju det jag gör* (Larsson, 123) ‘– Это будет выглядеть так, как будто ты сбегаешь, поджав хвост. – Именно это я и делаю’; *Ingen som kunde byta däck. Installera en dimmer. Allt det där var bara kunskaper som hade förlorat sin relevans nu. Det var sådant som Ove hade brukat prata med Rune om* (Backman, 90-91) ‘Никто не способен сам поменять шины. Смонтировать светорегулятор. Все это лишние умения, утратившие свою актуальность. Вот о чем Уве толковал с Руне’; – *Det måste ha tagits många bilder som aldrig publicerats. Det är de bilderna jag vill titta på* (Larsson, 298) ‘– Наверняка было сделано много снимков, которые никогда не публиковались. На них-то я и хочу посмотреть’.

Как показывает материал, в русском переводе в начало высказывания помещаются дополнения, выраженные местоимениями. Даже в последнем примере, где в шведском оригинале выделено субстантивное сочетание *de bilderna* ‘эти снимки’, в переводе оно заменено местоимением. Это объясняется тем, что в оригинале местоимения в функции дополнения указывают на предшествующий контекст и эмфатически выделяются для того, чтобы подчеркнуть связь с этим контекстом и привлечь к нему внимание адресата сообщения. Поэтому вполне логично поместить местоимение в начало предложения и в переводе, чтобы осуществить эту связь.

В отдельных случаях местоимение в русском переводе никак не выделяется лексически и осуществляет смысловую связь с предшествующим высказыванием только в силу своей инициальной позиции: – *Jag vill avslöja den fähund som mördade min brors sondotter. Och det är det jag vill anlita dig för* (Larsson, 115) ‘– Мне надо узнать, какая скотина убила мою внучатую племянницу. И для этого я хочу использовать вас’.

Разного рода обстоятельства, выраженные субстантивным словосочетанием или придаточным предложением, также могут выделяться в переводе путем помещения в конечную позицию: – *Han sa att det förmodligen var på grund av Wennerström som du tog jobbet häruppe* (Larsson, 158) ‘– Он сказал, что вы, вероятно, согласились на эту работу из-за Веннерстрема’ (обстоятельство причины); *Genom åren hade Mikael och William Borg stött ihop med jämna mellanrum, men det var först i slutet av 1990-talet som de hade blivit riktiga ovänner* (Larsson, 18) ‘На протяжении нескольких лет Микаэль периодически сталкивался с Уильямом Боргом, но по-настоящему врагами они стали только в конце 90-х годов’ (обстоятельство времени); – *Det var när jag gick igenom de här gamla bilderna som jag upptäckte dig* (Larsson, 361) ‘– Вас я обнаружил, когда просматривал эти старые снимки’ (обстоятельство времени); *Lisbeth Salander granskade eftertänksamt blomman, som om det var första gången hon såg den* (Larsson, 119) ‘Лисбет Саландер внимательно осмотрела цветок, словно увидела его впервые’ (обстоятельство времени).

Следует отметить, что обстоятельства времени чаще других выделяются в предложении посредством конструкции *det är... som*. Прежде всего это касается обстоятельства *första gången* ‘впервые’, которое выделяется практически всегда. В переводе его аналог стоит обычно в начале предложения, на первом или на втором месте, приведенный же выше пример является исключением: *Det var första gången någon uttryckt en önskan om att bli Oves vän* (Backman, 99) ‘Впервые кто-то изъявил желание подружиться с Уве’; *Det var första gången han medvetet hade formulerat antagandet att Harriet hade blivit mördad* (Larsson, 296) ‘Он впервые осознанно сформулировал предположение, что Харриет убили’.

Русские аналоги других обстоятельств времени также тяготеют к начальной позиции в переводе, даже если они выражены субстантивным словосочетанием: – *Brottet är fortfarande olöst och det är först på senare tid som nya fakta kommit upp i ljuset* (Larsson, 354) ‘– Но преступление не раскрыто, и только в последнее время появились новые факты’. Нередко в этом случае при обстоятельстве употребляется временное наречие *först* ‘только, не раньше чем’, имеющее также семантический оттенок ограничительности. В контекстах оно всегда переводится на русский язык ограничительной частицей ‘только’, служащей для выделения ремы [Ковтунова 2002, 12].

Особенно часто *först* употребляется при обстоятельстве, выраженном местоименным наречием *då* ‘тогда, тут’: *Och det var först då Ove insåg att det inte var hans hus som brann* (Backman, 106) ‘Тут только Уве понял, что горит

не он'. Данное наречие очень частотно в выделительной конструкции, может употребляться самостоятельно без *först* и в русском переводе всегда стоит в начале высказывания, соотнося его с предшествующим контекстом: *Och det var då Parvaneh började härja om att hon gärna kunde betala* (Backman, 124) 'И тут Парване влезла, мол, давайте я заплачу'; – *Så stötte jag ihop med Anita, som bodde i en liten gästbod på gården hos Gerda och Alrxander. Det var då jag bestämde mig och bad henne hjälpa mig* (Larsson, 478) '– Потом я столкнулась с Анитой, жившей в маленьком домике во дворе у Герды и Александра. Вот тут-то я и решила и попросила ее мне помочь'. В последнем примере семантика русского аналога наречия *då* акцентируется частицами *то* и *вот*.

Выделяемые посредством конструкции *det är... som* обстоятельства места в абсолютном большинстве проанализированных примеров выражены местоименными наречиями *här* 'здесь', *där* 'там', *hit* 'сюда', *dit* 'туда' и, указывая на предыдущий контекст, привлекают внимание адресата к информации, содержащейся в предшествующем высказывании: *I slutet av spiraltrappan fanns två fönster ut mot gatan. Det var där fotografen hade stått* (Larsson, 295) 'На верхней площадке винтовой лестницы имелись два окна, выходившие на улицу. Здесь-то и стоял в тот день фотограф'; – *Hon fick ett rum häruppe och bodde här de sista två åren. Det var alltså hit hon kom den där dagen* (Larsson, 100) '– Харриет выделили комнату наверху, где она и прожила последние два года. Следовательно, сюда она и пришла в тот день'. В переводах аналоги данных наречий всегда стоят в начале предложения и на них акцентируется внимание с помощью частиц 'то' и 'и'.

Из выделяемых обстоятельств образа действия в исследованном материале встречается только обстоятельство, выраженное местоименным наречием *så* 'так, таким образом', анафорически отсылающим к предыдущему контексту: – *Det bara slank ur honom och det var så jag fick veta att du gjort en personundersökning på mig* (Larsson, 329) '– Он просто проговорился, и так я узнал о том, что ты изучала мои личные обстоятельства'.

Очень часто с помощью конструкции *det är... som* выделяется обстоятельство причины, выраженное наречием *därför* 'поэтому'. На нем акцентируется внимание, поскольку оно связывает содержание предложения с предшествующим контекстом, в котором говорится о причине возникновения ситуации, описанной в предложении: – *Du är den roligaste hon vet. Det är därför hon alltid målar dig i färg* (Backman, 219) '– Для нее ты самый прикольный на свете. Поэтому тебя она всегда рисует яркими цветами'; – *Så det är därför Henrik Vanger alltid tycks veta precis var han har mig* (Larsson, 319) '– Значит, вот почему мне всегда казалось, что Хенрик Вангер видит меня насквозь'; – *Lisbeth, du har fotografiskt minne. Det är därför du läser sidorna i utredningen på tio sekunder* (Larsson, 415) '– Лисбет, у тебя фотографическая память! Поэтому-то ты и читаешь страницы расследования за десять секунд'. В русском переводе эквиваленты шведского наречия зачастую выделяются частицами 'вот' и 'то'.

Проведенный анализ показал, что способ перевода предложений с выделительной конструкцией *det är... som* на русский язык во многом зависит от коммуникативного статуса члена предложения, выделяемого этой конструкцией в шведском языке. Коммуникативный же статус определяется тем, какой частью речи выражен выделяемый член. Когда выделяются полнозначные слова и замещающие их личные местоимения либо сочетания с ними, то именно они несут ту важную информацию, на которой акцентируется внимание адресата сообщения. Поэтому при переводе их русские эквиваленты в большинстве случаев помещаются в конец предложения, так как именно эта позиция наиболее характерна для ремы высказывания в русском языке [Ковтунова 2002, 15]. Тем самым порядок слов в русском предложении кардинально меняется по сравнению с оригиналом, и таким образом, выделение важной информации в нем осуществляется синтаксическими средствами. Когда же эквивалент выделяемого слова или словосочетания в переводе располагается в начале высказывания, что происходит гораздо реже, то на нем обычно делается акцент посредством частиц.

Иная ситуация складывается, когда выделяемый посредством конструкции *det är... som* член предложения выражен местоимением *det* или местоименными наречиями *då, här, hit, så, därför* и рядом других. Данные слова сами по себе не несут никакой важной информации, а указывают на предыдущий контекст, в котором эта информация содержится, привлекая к ней внимание адресата сообщения, и служат связующим звеном между двумя высказываниями. Поэтому вполне естественно, что они помещаются в инициальную позицию как в шведском предложении, так и в его переводе на русский язык. Смысловая акцентуация русских эквивалентов данных местоимений и наречий осуществляется лексически, исключительно посредством усилительно-выделительных частиц, а не с помощью порядка слов.

Литература

- Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 2002.
- Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Ekerot L.-J. Ordföljd, tempus, bestämdhet. Stockholm, 1995.
- Svenska Akademiens grammatik. Del 4. Uddevalla, 2000.
- Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm, 1973.

Источники

- Бакман Ф. Вторая жизнь Уве. Пер. со швед. Р. Косынкина. М., 2016.
- Ларссон С. Девушка с татуировкой дракона. Пер. со швед. А. Савицкой. М., 2009.

*Выделительная конструкция **det är ... som** в шведском языке...*

Backman F. En man som heter Ove. Stockholm, 2016.

Larsson S. Män som hatar kvinnor. Stockholm, 2005.

Словари

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Сокращения

SAG – Svenska Akademiens grammatik

Глава 3.5.

Особенности датского речевого этикета в зеркале перевода³⁷

Е.А. Гурова

СПбГУ, Санкт-Петербург

Глава посвящена контрастивному анализу формул вежливости в переводах художественных текстов с датского на русский язык. На примере этикетных формул приветствия/прощания, благодарности, а также средств выражения вежливости в побудительных речевых актах выявляются общие для обеих лингвокультур, а также культурно-специфичные элементы коммуникативного поведения датчан и русских, влияющие на выбор переводческой стратегии и значимые для стилистического единства текста. Коммуникативная ситуация обуславливает выбор переводческого эквивалента даже при наличии прямого соответствия на ПЯ и обнаруживает различия в стиле коммуникации датчан и русских.

Peculiarities of the Danish Speaking Etiquette in Russian Translations

Elena Gurova

St Petersburg State University, St Petersburg

The chapter offers a contrastive analysis of politeness formulas as they occur in translations of fiction from Danish into Russian. By analyzing the etiquette formulas of greetings/partings, gratitude, and politeness in directive speech acts, the author identifies formulas common to both linguistic cultures as well as the culture-specific elements of communicative behavior of Danes and Russians. These formulas are important for a stylistic unity of the text and influence the choice of the translation strategy. The communicative situation determines the choice of the pragmatic equivalent even in case of one-to-one correspondence in both languages, thereby revealing the difference in the style of Danish and Russian communication.

При переводе художественного текста важно учитывать национально-культурные особенности поведения представителей той или иной языковой общности, обусловленные типом культуры, системой ценностей и социокультурной организацией общества. При сравнении датского и русского стиля коммуникации обнаруживается много точек соприкосновения: в обеих культурах в иерархии ценностей высокое положение занимают прямота и естественность. Однако если манера общения датчан многим европейцам кажется слишком прямолинейной и неформальной [Palmgren 2008, 10], то русский язык датчане воспринимают как еще более прямолинейный и категоричный.

Эти различия связаны с исторически сложившимся типом социальных отношений – вертикальной и горизонтальной дистанцией. Для российской

³⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

культуры характерна значительная дистанция власти, при которой большие коммуникативные права у тех, кто обладает более высоким статусом [Ларина 2009, 147], а в датской культуре он предельно низкий, так как в системе ценностей огромную роль играет равенство и равноправие, о чем свидетельствует общение на «ты» не только с хорошо знакомыми людьми, но и с незнакомцами, учителями, начальниками и людьми старшими по возрасту.

В отношении горизонтальной (социальной) дистанции также наблюдаются различия. Русские коммуниканты исторически не разделены большой социальной дистанцией. «В процессе общения русский человек ощущает себя частью коллектива, он уверен в том, что его интересы, проблемы, желания, советы и мнения интересуют собеседников и найдут в них отклик» [Ларина 2009, 426]. Для датского общества также характерна общинность и коллективизм, но несколько другого рода. Многие исследователи определяют датскую социальную общность как трайбализм, характеризующийся, с одной стороны, заботой о членах своей группы, а с другой стороны, одержимостью делать все «по-датски» и сложностью внедрения в группу, что превращает ее для неучастников в эксклюзивное сообщество [подробнее см. об этом Levisen, Waters 2015, 258]. К. Левисен и С. Уотерс несколько переосмыслиют понятие «трайбализм» по отношению к датской лингвокультуре, указывая, что для датской лингвистической картины мира характерно поведение, сглаживающее неравенство между коммуникантами и одновременно отдающее предпочтение обезличенному стилю общения при коммуникации с незнакомыми людьми, которые принадлежат к одной (воображаемой) социальной группе [Levisen, Waters 2015, 258]. Кроме этого датский коллективизм в определенной мере связан с негласным Законом Янте, который характерен для скандинавской культуры в целом: датчане, как правило, неодобрительно относятся к тем, кто выделяется на общем фоне [Бут 2017, 118].

Языковое воплощение этих социально-культурных параметров имеет ряд важных специфических проявлений, в том числе в области речевого этикета, которые необходимо учитывать при переводе с одного языка на другой. Анализ переводов помогает выявить общие и культурно-специфичные элементы коммуникативного поведения датчан и русских и тем самым охарактеризовать датский и русский стили коммуникации соответственно. В качестве материала исследования был использован детективный роман С. Свейструпа «Каштановый человечек» (S. Svejstrup «Kastanjemanden») и его перевод на русский язык, выполненный А.Н. Чеканским. Выбор романа обусловлен его новизной (сам роман вышел в 2018 г., а перевод в 2019 г.) и обилием диалогов, иллюстрирующих разные коммуникативные ситуации (КС), а также разные уровни общения – социально-ролевой (кратковременное общение), деловой и интимно-личностный. Большинство КС относились к бытовому общению при симметричных отношениях (супруг-супруга, коллега-коллега) и к деловому общению при отношениях «сверху-вниз» и «снизу-

вверх» (родитель ↔ ребенок, начальник ↔ подчиненный, полицейский ↔ свидетели/подозреваемые).

Разный уровень дистанции власти в датском и русском языках определяет выбор средств для обращения, выражения вежливости в побудительных речевых актах, при приветствии/прощании и благодарности. Свойственная датской языковой культуре неформальность в общении – достаточно новое явление. Повсеместный переход на «ты» в конце 60-х годов XX века стал одним из важнейших событий в языковой и культурной истории Дании. По мнению некоторых исследователей, перестройка системы местоимений и формирование так называемой ты-культуры (*du-kulturen*) имели крайне негативные последствия, в конечном итоге изменившие датский национальный характер [Andersen 2014, 407]. Со сменой формы обращения в Дании начала меняться манера поведения и стиль жизни в целом, а также стиль официального общения. В датской лингвокультуре степень знакомства коммуникантов не играет большой роли при выборе обращения. «Du» употребляется по отношению к знакомым, малознакомым и незнакомым людям, что совсем неприемлемо для русского стиля коммуникации, для которого характерна асимметричность ролей, а приоритет нередко отдается статусу. Хотя в XXI веке «De» не исчезло из употребления, сфера его употребления значительно сузилась. В настоящее время существует, по-видимому, категория датчан, которые вообще никогда не употребляют данное местоимение [Гурова 2016, 142].

При переводе художественного текста с датского языка на русский переводчику приходится учитывать все нюансы КС, чтобы сохранить естественность в общении героев произведения и не нарушить стилистическое единство русского текста. В связи с этим нередко приходится изменять обращение с «ты» на «Вы» (1) или прибегать к приему лексических добавлений (2):

Полицейский сожителя убитой:

(1) *Fortæl, hvor længe I har kendt hinanden* (КМ, 51). ‘**Расскажите**, как долго вы знакомы с нею?’ (КЧ, 42)

Домоуправ жильцу:

(2) *Lad døren stå, når du går, så der kommer luft ind* (КМ, 89). ‘**Будьте добры**, когда **уйдете**, **не закрывайте** дверь (досл. **позволь** двери **стоять**), чтобы поступало больше воздуха’ (КЧ, 79).

В ИЯ в обоих случаях просьба выражена императивами. Несмотря на то, что в рамках русской лингвокультуры волеизъявления также часто выражены формой императива, который не соотносится с негативными коннотациями, отношения «сверху-вниз» в рамках делового общения не позволяют обратиться в (1) и (2) по-русски на «ты». Для датчан, стремящихся при общении к равенству, обе просьбы в данных контекстах являются прогнозируемыми, а требуемое действие осуществляется в общих интересах, поэтому использование формы изолированного императива допустимо.

В других КС, предполагающих просьбу, в датском тексте используется сочетание императива с модальными частицами, так называемыми императивными комплексами, которые являются отличительной чертой датского языка и используются для выражения разных прагматических оттенков [Durst-Andersen 2011, Крылова 2012, Никуличева 2012]. При переводе эти частицы либо опускаются (3), (4), (5), либо заменяются на другие лексические средства, близкие по функции (6), (7), (8).

Деловой партнер партнеру:

(3) *Bare sig til kunden, at jeg præciserer senest om et par dage. Vi har brug for at lande den ordre.* (КМ, 55) ‘Скажи заказчику, что я представляю уточненный вариант через пару дней. Нам необходимо заключить этот контракт’ (КЧ, 46).

Муж жене:

(4) *Det er fint. Tag I bare af sted* (КМ, 135). ‘Отлично. Езжайте’ (КЧ, 119).

Мама дочке:

(5) *Luk lige op for morfar* (КМ, 256). ‘Открой деду’ (КЧ, 225).

Полицейский подозреваемому:

(6) *Kom nu, skynd dig!* (КМ, 275) ‘Пошевеливайтесь! Быстрее!’ (КЧ, 242).

Полицейский коллеге:

(7) *Kom nu, det er vigtigt!* (КМ, 411) ‘Давай-давай, это важно!’ (КЧ, 379)

Преступник жертве:

(8) *Kom nu, Rosa. Lad os få det overstået* (КМ, 461). ‘Входи же, Роза. Давай покончим с этим’. (КЧ, 426)

Частица **bare** в препозиции к императиву (3) сигнализирует слушающему, что для достижения желаемого результата ему необходимо предпринять простое минимальное действие, казулируемое глаголом [Крылова, 2012; Heinemann, Steensig, 2017; Samtalegrammatik]. Несмотря на то, что в русском есть относительный эквивалент данной частицы – «просто», ее употребление в русском переводе излишне, так как передаваемый ею смысл выводим из широкого контекста: этой фразе предшествует совет партнера не взваливать все на себя, а делегировать задание другим, но герой не соглашается и настаивает на своем.

Использование частицы **bare** в постпозиции к императиву (4) формирует в структуре диалога речевой акт разрешения. «При использовании данной конструкции говорящий делает умозаключение о бенефактивности казулируемого действия для адресата и, учитывая его нерешительность, как бы убирает с его пути мыслимые преграды и делает этот путь открытым» [Крылова 2012, 78]. В русском переводе оно также излишне, так как значение разрешения выводимо из широкого контекста.

Частица **lige** (5) представляет собой частотную, культурно-специфичную лексику, которой нет аналога в близкородственных скандинавских языках.

Обычно она употребляется в таких контекстах, когда, во-первых, говорящий предполагает, что выполнение его волеизъявления не вызовет возражений со стороны адресата, во-вторых, когда предполагаемое действие не является обременительным для адресата [Hansen, Heltoft, 2011, p.1072; Levisen, Waters, 2015, p. 260; Никуличева, 2012] и, в третьих, когда данное действие является для говорящего и слушающего частью совместной деятельности [Heinemann, Steensig 2017, 139; Samtalegrammatik]. В русском языке эквивалента данной частицы нет, и поскольку употребление формы изолированного императива в общении родитель-ребенок воспринимается как естественное, то при переводе она опускается.

В случае с конструкцией ‘императив + **nu**’ говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил соответствующее действие, однако предполагает отсутствие желания с его стороны [Hansen, Heltoft 2011, s. 1047]. В переводе на русский, как правило, используется функциональный перевод (6), (7), (8).

Несмотря на то, что после перехода на повсеместное «ты» ряд вежливых этикетных фраз вышел из активного употребления и для выражения побуждения часто используются прямые стратегии, в датском языке есть большое количество средств выражения просьбы – прежде всего это использование конвенциональных косвенных просьб в форме вопросов или условных предложений. К ним относятся предложения с модальными глаголами **kan/kunne**, **vil/ville**, глаголом **gide**, глаголами в настоящем времени и оборотом **vær sød/venlig at gøre noget**. При переводе подобные предложения часто переводятся с помощью добавления вежливого маркера «пожалуйста», которому нет прямого эквивалента в датском языке (9), (10), (11).

Полицейский коллеге:

(9) *Hvis du **gider** tage fat i den ene ende* (КМ, 110). ‘Помоги, **пожалуйста**’ (досл. ‘Если ты хочешь ухватиться с одной стороны’) (КЧ, 94).

Секретарь министру:

(10) *Rosa, **vil du ikke godt fortælle** mig, hvad det handler om?* (КМ, 421). ‘Роза, **расскажи, пожалуйста**, в чем дело’ (КЧ, 389).

Бортпроводник полицейскому:

(11) *Al elektronik skal **slukkes** nu, tak....Så er det nu. **Vær venlig at slukke, tak!*** (КМ, 394). ‘Выключите все электронные приборы. Спасибо!... Так, все.

Пожалуйста, отключите! Благодарю!’ (КЧ, 363)

Полицейский чиновнику:

(12) *Jeg vil gerne se mailen. **Kan du sende** mig en kopi af den?* (КМ, 193). ‘Мне хотелось бы посмотреть заявление. Ты **не мог бы переслать** мне копию?’ (КЧ, 169)

Отрицание **ikke** является характерной чертой косвенных просьб как в датском, так и в русском языке. Формально, формулируя просьбу с **ikke**, говорящий как бы заранее предвидит возможность неблагоприятного для себя результата в качестве наиболее вероятного, в связи с чем угроза лицу слушающего

уменьшается. Однако исследование Т. Хайнеманн, осуществленное на материале записи разговоров пожилых датчан с социальными работниками, свидетельствует о том, что вопросительная просьба с негацией в датском предполагает определенное право говорящего на то, чтобы ее высказать, а предполагаемое действие воспринимается адресатом как нечто, что должно быть осуществлено в порядке вещей – в отличие от вопроса без отрицания, который не предполагает подобного права говорящего [Heinemann, 2006]. Можно ли сделать подобный вывод по отношению ко всем КС в датском языке, сказать сложно. При переводе просьбы (12) переводчик сохраняет обращение на «ты», видимо пытаясь сохранить манеру общения полицейского, о которой упоминается чуть ранее: «говорит он безапелляционным тоном и больше в повелительном наклонении» (КЧ, 168), однако саму просьбу переводит не в настоящем времени, как на ИЯ, а в сослагательном наклонении для смягчения волеизъявления.

Как в датском, так и в русском форма императива (13) может выражать речевой акт совета. Однако если в датском языке побуждение часто смягчается за счет использования выражения *prøv at gøre noget* «попробуй что-то сделать» (14) или модальных глаголов (15), то в русском самой распространенной формулой является императив, ведь «в русской культуре совет традиционно воспринимается не как вторжение в личную жизнь, а как помощь» [Ларина 2009, 254].

Деловой партнер партнеру:

(13) *Læg mere over på de andre. Det er sgu derfor, vi har ansat dem* (КМ, 55). ‘Загрузи других. Мы же, черт побери, для этого их и нанмали’ (КЧ, 46).

(14) Родитель: *Jeg leder efter 3. A?* ‘Где третий «А»?’

Учитель: *Prøv i klassen. Bare følg larmen.* (КМ, 403)

‘Посмотрите в классе (досл. Попробуй (посмотреть) в классе). Там, где шумно (КЧ, 374)’.

Полицейский напарнику:

(15) *Du skal ikke tage dig af Jansen, hører hun pludselig sig selv sige* (КМ, 268).

‘А насчет шуточек Янсена **не парься**, – неожиданно для себя самой говорит Найя’ (КЧ, 237).

В отношении прохибитивов также наблюдается разница в употреблении моделей: если в русском используется форма императива с частицей **не**, то в датском запрет выражается с помощью модального глагола (16), (17). Таким образом, употребление формы императива в русском языке имеет более широкое применение, чем в датском, поэтому не случайно датчане воспринимают русский язык как более категоричный и прямолинейный, чем родной.

Сын отцу:

(16) *Du skal ikke hente mig mere* (КМ, 72). ‘Ты больше **не забирай** меня, **ладно?**’ (КЧ, 60).

Полицейский главврачу:

(17) *Du skal ikke gå. Vi er her af en grund, som du muligvis allerede kender* (КМ, 189). ‘**Никуда вы не пойдете.** Вам, возможно, уже известна причина нашего появления здесь’ (КЧ, 164).

Всеобщий переход на «ты» не мог не отразиться на формах приветствия и прощания. Преобладающей нейтральной формой приветствия стало слово *hej*, а прощания – *hej* или *hej-hej*, которые стерли границы между официальным/неофициальным общением, а также нивелировали возрастные и социальные различия между коммуникантами [Гурова 2017, 207]. Перед переводчиком часто встает дилемма – сохранять ли на ПЯ культурно-специфические особенности коммуникативного поведения персонажей или пытаться их русифицировать. В анализируемом романе переводчик часто выбирает первую стратегию. Так при общении учителя с родителем (18) и подруги дочери с родителем (19) сохраняется обращение на «ты» и соответствующие приветствие, характерное для ИЯ:

Учитель родителю:

(18) *Hej Steen. Kan jeg hjælpe med noget?* (КМ, 140) ‘**Привет, Стиин.** Я могу чем-нибудь помочь?’ (КЧ, 123)

Девочка-подросток отцу подруги:

(19) *Hej... “Leder du efter Gustav?”* (КМ, 140) ‘**Привет! ... Ты Густава ищешь?**’ (КЧ, 123)

Кроме вышеназванных форм прощания, в современном языке достаточно частотна формула *vi ses* ‘до встречи’ (20). При прощании в формальной обстановке, в сфере обслуживания, при деловых встречах употребляют форму *farvel* ‘до свидания’ (21). Как правило, при переводе используются прямые соответствия.

Полицейский коллеге:

(20) *Fint, vi ses* (КМ, 200). ‘Отлично. **До встречи!**’ (КЧ, 175)

Полицейский сотруднице муниципалитета:

(21) *Okay, tak. Farvel igen* (КМ, 434). ‘Окей, спасибо. **До свидания!**’ (КЧ, 402).

Разница в стиле коммуникации проявляется также и в отношении выражения благодарности. Если для русских основным маркером вежливости является «пожалуйста», то для датчан таким словом является слово *tak* «спасибо», в котором совмещаются функции «спасибо» и «пожалуйста». В некоторых коммуникативных ситуациях речевые формулы благодарности десемантизированы и являются формальным маркером вежливости или знаком завершения контакта, в связи с чем при переводе иногда опускаются (22).

(22) Секретарь начальника полицейскому:

Desværre, han er på vej til budgetmøde. Han vil i øvrigt gerne vide, hvad jeres snak skal handle om? ‘К сожалению, Нюландер на совещании по бюджету отдела на будущий год. И, кстати, он просил узнать, о чем ты собираешься с ним говорить’.

Полицейский: *Det er bare småting. Tak* (КМ, 24). 'Да так, по мелочам' (КЧ, 18).

В отличие от современного русского языка, где чрезмерная вежливость может быть воспринята негативно [Кронгауз 2013, 242; Северская 2018, 250], в датском языке «лучше лишний раз поблагодарить, чем не поблагодарить» [Ahlburg 2001, 11]. В связи с этим интересен эпизод, когда полицейский опрашивает свидетеля/возможного подозреваемого и благодарит за то, что он тратит на разговор свое время, используя по-датски две формулы вежливости, последняя из которых в переводе опускается, так как не соответствует русским этикетным правилам, обусловленным более значительной дистанцией власти (23).

(23) Завотделением больницы полицейским: *Jeg er desværre midt i en stuegang, men hvis vi kan gøre det hurtigt, vil jeg selvfølgelig gerne hjælpe jer.* 'У меня, к сожалению, сейчас обход, но если это не займет много времени, я, разумеется, готов помочь вам'.

Полицейский: *Det er virkelig pænt af dig. Tusind tak, svarer Thulin.* (КМ, 186)

'**Весьма любезно с вашей стороны. (Огромное спасибо)**, – отвечает Тулин' (КЧ, 161).

Кроме устойчивых формул благодарности (24), в датском языке есть целый ряд других этикетных формул, которые активно используются в повседневной жизни в определенных коммуникативных ситуациях (25), (26). Они не являются в той же степени устойчивыми в русском, но сохранены в переводе в виде близких по функции выражений.

Муж жене и полицейским:

(24) *De går nu. Jeg har sagt til dem, at vi ikke ved noget. Tak for i dag* (КМ, 78)

'Они сейчас уйдут. Я сказал им, что нам ничего неизвестно. **Благодарю за визит**' (досл. 'спасибо за сегодня') (КЧ, 66).

Главная героиня-полицейский родственникам своего любовника:

(25) *Skål på dét, siger hun og tømmer glasset, før de andre kan nå at følge trop* (КМ, 93). '**Выпьем** за это! – предложила Тулин и осушила бокал, прежде чем все остальные последовали ее примеру' (КЧ, 81).

Замминистра полицейским:

(26) *God arbejdslyst* (КМ, 301) '**Счастливо поработать**' (КЧ, 266).

Как и в случае с обращениями, переводчик часто сохраняет культурно-специфические особенности коммуникативного поведения персонажей, связанные с этикетными формулами вежливости. Например, в русском контексте довольно сложно представить, что медбрат спецотделения принудительного лечения психиатрической больницы, открывая дверь полицейским, искренне желает им «Добро пожаловать» (27). Однако сохранение данной формулы в переводе переносит читателя в другую лингвокультуру и знакомит с другими правилами этикета.

(27) *Velkommen til. I følger bare med mig* (КМ, 317). 'Добро пожаловать! Следуйте за мной!' (КЧ, 283).

Как показывают рассмотренные примеры, культурно-специфичные элементы коммуникативного поведения датчан влияют на выбор эквивалента при переводе на русский язык. В этой связи особую значимость приобретают антропоцентрированные параметры социальной дистанции. Различия в стиле коммуникации, обусловленные вертикальной и горизонтальной дистанцией, особенно заметны при выборе формы обращения и приветствия, при переводе которых переводчик часто прибегает к приему лексических замен. В отношении побудительных речевых актов также нередко используются замены, так как в русском языке употребление формы императива имеет более широкое применение, чем в датском, и может передавать значение просьбы, приказа, совета и прохибитива. Свойственные для датского языка модальные частицы, входящие в императивные комплексы, при переводе часто опускаются, поскольку передаваемое ими значение для русского читателя часто выводимо из широкого контекста. Речевой акт благодарности играет большую роль в датской лингвокультуре, в связи с чем датчане благодарят чаще и многословнее, чем русские. При переводе некоторые этикетные формулы благодарности опускаются, так как чрезмерная вежливость в некоторых случаях воспринимается по-русски негативно. В анализируемом переводе переводчик часто сохраняет культурно-специфические особенности поведения персонажей, связанные с этикетными формулами вежливости, знакомя читателей с другой лингвокультурой и правилами этикета.

Литература

- Бут М. Почти идеальные люди М., 2017.
- Гурова Е.А. Вербальные и невербальные формы приветствия / прощания в современном датском языке // Скандинавская филология Т.15 Вып. 2. СПб., 2017. – С. 204-222.
- Гурова Е.А. Формы общения на «ты» и на «Вы» в датском языке // Синхрония; Диахрония; Текстология: Сборн. науч. стат. и перев.: К юбилею Е.М. Чекалиной / ред. Э.Б. Крылова. М., 2016. С. 139-147.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2013.
- Крылова Э.Б. Функциональная семантика модальных частиц *bare*, *blot* и *kun* в датском языке // Скандинавская филология = *Scandinavica*. Вып. XII. СПб., 2012. С. 75-85.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английский и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Никуличева Д.Б. Динамика императива в современном датском языке: усиление аналитических тенденций // Динамические процессы в германских языках. Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В.Н.Ярцевой. / Отв. редактор Д.Б. Никуличева. М.-Калуга, 2012. С. 61-73.

- Северская О.И.* От «диких извинений» до «можнопожалуйста»: о границах между вежливостью и антивежливостью // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в РГГУ 23-24 октября 2018. М., 2018. с. 246-253.
- Ahlburg K.* Tak skal du ha'. Viborg, 2001. 84 s.
- Andersen B.* Høflighed uden grænser – om du & De og den måde vi behandler hinanden på. København, 2014. 423 s.
- Durst-Andersen P.* Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København, 2011. 200 s.
- Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog, Bind II. Århus, 2011. 1167 s.
- Heinemann, T.* 'Will You or Can't You?': Displaying Entitlement in Interrogative Requests. // Journal of Pragmatics 38, 2006. P. 1081–1104. DOI:10.1016/j.pragma.2005.09.013
- Heinemann T., Steensig J.* Three imperative action formats in Danish talk-in-interaction. // Imperative Turns at Talk. Sorjonen, M-L., Raevaara, L. & Couper-Kuhlen, E. (eds). Amsterdam, 2017. S. 139-173.
- Levisen C., Waters S.* Lige, a Danish "magic word"? An ethnopragmatic analysis. International Journal of Language and Culture 2:2, 2015. P. 244-268.
- Palmgren U.G.* Diskret som en dansker. Håndbog i høflighed – kulturelle koder i 11 EU-lande. København, 2008. S. 9-12.
- Samtalegrammatik.* URL: <https://samtalegrammatik.dk/grammatikken/udtryk-og-faenomener/> (Дата обращения: 27.09.2020).

Источники

- Свейструп С.* Каштановый человек. Пер. с дат. А.Н.Чеканского. М.: Эксмо, 2019. 480 с.
- Svejstrup S.* Kastanjemanden. Politikens Forlag, 2018. 526 s.

Сокращения

- КС* – коммуникативная ситуация
ИЯ – исходный язык
ПЯ – язык перевода
КЧ – Каштановый человек
КМ – Kastanjemanden

Глава 3.6.

Анализ датских сложных слов в переводах как средство выявления словообразовательных особенностей датских композитов³⁸

Е.В. Краснова
СПбГУ, Санкт-Петербург

В главе рассматриваются словообразовательные особенности датского сложного слова на материале переводов русской художественной литературы на датский язык, а также предлагается методика контрастивного анализа композитов. Проведенное исследование позволяет выделить наиболее частотные типы сложных слов, а также эксплицировать некоторые механизмы создания датского сложного слова, связанные с тем, что второй компонент оказывается либо широкозначным, либо многозначным, и требуется использование уточняющего компонента, который и «отвечает» за отнесение композита к единичному предмету. Антропоцентрический подход позволяет определить важность коммуникативной ситуации и взгляда говорящего на выбор первого, определяющего компонента сложного слова.

The Analysis of Danish Compounds in Translations from Russian as a Method for Eliciting Danish Word-formation Patterns

Elena Krasnova
St Petersburg State University, St Petersburg

The chapter discusses peculiarities of word compounding in the Danish language as exemplified in translations of Russian fiction into Danish. The methodology of contrastive approach to analyzing compounds is offered. The research identifies most frequent types of compounds and reveals mechanisms of compounding in Danish where the second component has typically either a wide meaning or several meanings thus requiring a clarifying component that is “responsible” for assigning the compound to a specific object. The anthropocentric approach allows us to determine the importance of the communicative situation and the speaker’s view of the choice of the first, defining component of a complex word.

Словосложение, являясь самым продуктивным словообразовательным методом в скандинавских языках и, в частности, в датском, предполагает создание бесконечного количества сложных слов, как потенциальных, так и окказиональных, которые непрерывно возникают на страницах СМИ, в устной речи, в кинофильмах, в художественной литературе и в социальных сетях. Механизмы создания сложного слова в германских языках и в датском языке, в частности, до сих пор недостаточно изучены. Исследования на материале различных языков в условиях лингвистической глобализации нередко опираются на положение, что механизмы и типология сложного слова

³⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00146.

в разных языках имеют много универсальных черт, при этом специфические, характерные для отдельных языковых систем, отодвигаются при этом на задний план.

Объяснение недостаточному вниманию к специфическому в системах разных языков кроется, очевидно, в том, что среди работ, посвященных проблемам сложного слова на материале германских языков, до сих пор преобладают исследования, основанные на данных английского и немецкого языков. На материале датского языка проблема сложного слова рассматривалась в единичных работах, посвященных отдельным аспектам датского сложного слова [Bauer 1978; Baron 1994; Basbøll 1994; Kønikе 1989].

Отдельно следует сказать о монографии Д.Б. Никуличевой, где детально анализируется синтагматика композитов в скандинавских языках в сравнительном аспекте [Никуличева 2008]. Представляется, что именно контрастивный подход, изучение несходных черт языков может стать важным инструментом при исследовании целого ряда языковых явлений.

В настоящей главе в качестве дополнительного инструмента, который может помочь пролить свет не только на взаимоотношение датского и русского языков, но и на особенности образования датского композита, предлагается использование контрастивного метода на материале переводов художественной литературы с русского языка на датский. Известно, что объем переводов с датского языка на русский язык показывает превышение русского текста в среднем на 15 процентов. Причина этого – не только различия в грамматической структуре двух языков, но и особенности передачи различных типов компактного сложного слова на русский язык.

Изменение вектора – анализ перевода русских текстов на датский язык, позволяющий изучить, какие именно русские номинации преобразуются в датское сложное слово, какие значения эксплицируются в датском сложном слове, представляется важным для исследования композитов в датском языке.

С использованием контрастивной лингвистики как синхронического лингвистического направления рассматриваются межъязыковые и переводные соответствия, линейные и векторные соответствия, а также имеющиеся в языках лакуны [Стернин 2006, 23-24].

Проблема отношения слова и словосочетания при контрастивном анализе языков требует уточнения. Для пары языков русский-датский мы исходим из того, что сложное слово и словосочетание, сложное слово и однословная номинация могут считаться равноправными номинативными единицами лексической системы языка и могут выступать как взаимные соответствия в переводах.

Попытка при исследовании сложного слова опереться на переводы, несомненно, может быть подвергнута критике, ведь очевидно, что при выборе того или иного переводческого эквивалента, переводчик руководствуется целым рядом как экстралингвистических, так и внутрilingвистических

факторов. Если исходить из представления, что единицей перевода высшего уровня выступает текст в целом, то при принятии решения об использовании того или иного переводческого эквивалента у переводчика имеется достаточно большая степень свободы, возможны достаточно большие структурные перестройки, и к тому же использование метода компенсации может привести к значительным изменениям в формальной структуре.

Поскольку, «при сравнении языков невозможно сопоставлять одновременно все языковые факты, ибо специфика каждой из сторон языка требует особого к ним подхода» [Ярцева 1981, 10], была разработана методика отбора материала, позволяющая выделить наиболее типичные взаимные соответствия. В качестве материала для данного исследования привлекались лишь сложные слова в рамках минимального контекста, который позволяет однозначно трактовать сложное слово.

При отборе композитов и их контрастивных пар исключались следующие единицы.

1. Цельноозначающие сложные слова, значение которых не выводится непосредственно из компонентов.

2. Термины, у которых есть однозначное соответствие: ‘отжигательная печь’ *smelteovn*, ‘волоочильный стан’ *trækkemaskine*.

3. Не включались в материал исследования также и русские словареалии и их соответствия в датском тексте (‘путевки’ *ferierejser gennem arbejdspladser*, ‘челнок’ *pendler-handler*). Очевидно, что при передачи культурно-специфических слов переводчик может использовать самые разные стратегии, в том числе и описательные конструкции [Влахов, Флорин 1980], и в переводе мы зачастую наблюдаем переводческий эквивалент, компоненты которого никак не могут «сигнализировать» нам о семантике датского сложного слова в сопоставлении с русским.

Таким образом, круг исследуемых единиц был ограничен, все единицы анализировались в рамках минимального контекста, где было исключено двоякое толкование. Выбранные слова обладают лексико-дифференцирующей функцией, они лишены экспрессивности и, как правило, легко интерпретируются, не привлекая внимания носителя языка. В качестве материала исследования использовались переводы художественной литературы с русского языка на датский: роман Ю. Трифонова «Исчезновение», рассказ С. Арно «Назло», рассказ Д. Ивашинцева «Крысиный король», рассказ А. Мелихова «Пробуждение», С. Мосовой «Тридцать четвертый сюжет», Д. Орлова «Законы физики», В. Попова «Желтая папка», Е. Фетисова «Фонарь», И. Штемлера «Старик Нури», (все рассказы опубликованы в сборнике «Свобода и судьба», где представлены параллельные тексты).

Контрастивный анализ сложных слов в датских переводах на основе сопоставления с исходными единицами в русском тексте включал в себя шесть этапов.

1. **Отбор сложных слов в датском переводе.** С использованием метода сплошной выборки из переводов на датский язык было выделено 860 композитов.

2. **Сопоставление с исходным русским текстом и установление контрастивных пар.** В процессе этого этапа устанавливалось соответствие между датским сложным словом и русским словосочетанием или однословной номинацией.

3. **Исключение сложных слов, которые по разным причинам не могут быть использованы в исследовании** (см. выше). В результате этого этапа анализа объем исследуемого материала сократился до 790 единиц.

4. Следующим этапом стало **определение наиболее частотных типов отношений между датскими компонентами сложного слова** в переводных композитах путем сопоставления с русскими словосочетаниями.

5. Определение переводных эквивалентов, которые не укладываются в привычную схему, в частности, переводов с **метонимическим переносом**, на основе сопоставления словосочетаний и слов в исходном языке с переводным композитом.

6. Анализ значений датских композитов, которые были использованы в переводе **вместо однословных номинаций** с использованием метода словарных дефиниций. Проводилось сопоставление словарных дефиниций русского слова, его прямого соответствия в датском, а также использованного в переводе композита, который может быть зарегистрирован в словаре, а может и отсутствовать в нем.

В отношении первых трех этапов анализа следует добавить, что не всегда отношения внутри пары выглядели прямолинейно (словосочетание = сложному слову или однословная номинация = сложному слову). В отдельных случаях наблюдались более сложные соответствия, например, 'из носа хлестала кровь' *han havde næseblod*.

Четвертый этап сопоставительного анализа позволяет в исследуемом материале выделить наиболее частотные типы отношений между компонентами сложного слова.

1. Отношение «время»: 'утренний сон' *morgensøvn*, 'февральский вечер' *februarraften*, 'летний сезон' *sommersæson*. Очевидно, что эти временные отношения могут быть дифференцированы: *februarraften* – это «точечное» событие, в то время как *sommersæson* относится к продолжительному периоду.

2. Отношение «место» встречается в исследуемом материале не так часто, как можно было предположить, исходя из того, что этот тип связи между компонентами сложного слова (в совокупности с отношением времени) являются базовым и универсальным. В исследуемом материале лишь единичные примеры относятся к этой группе, в частности: 'лампочка в потолке' *loftslampe*, 'школьная жизнь' *skoletilværelse*, 'балконное окно' *altanrude*.

3. Отношение «материал» представлено многочисленными единицами, в которых первый компонент сложного слова представляет собой обозначение материала, из которого сделано обозначаемое вторым компонентом: ‘деревянные ящики’ *trækasser*, ‘бетонный пол’ *betongulv*, ‘хрустальные вазочки’ *krystalskåle*, ‘газетная пробка’ *avisprop*, ‘брезентовый плащ’ *sejldugsregnfrakke*, ‘картофельные котлеты’ *kartoffelfrikadeller*, ‘бумажный фунтик’ *papirskræmmerhus*, ‘черносмородиновое варенье’ *solbærsyltetøj*.

4. Отношение принадлежности: ‘следовательское вранье’ *forhørsdommeløgne*, ‘деятельность кишечника’ *tarmfunktion*, ‘крышки парт’ *pultlåg*, ‘солдатские канюки’ *soldaterstøvler*.

5. Отношение, выражающее предназначение: ‘место привала’ *rasteplads*, ‘светомаскировочная бумага’ *mørklægningspapir*.

6. Отношение причины: ‘коньячный хмель’ *cognacberuselse*.

7. Отношение «часть-целое»: ‘носки ботинок’ *støvlesnuder*, ‘ломтики хлеба’ *brødsskiver*.

8. Отношение «сравнение»: ‘лицо старой обезьяны’ *et gammelt abeansigt*, ‘собачьими глазами’ *med hundeøjne*, ‘петушиная физиономия’ *haneansigt*.

Выделенные в результате анализа группы не полностью совпадают с потенциально возможными и исследованными на словарном материале и на материале Корпуса датского языка в датском языке [Краснова 2003]. Какие-то типы отношений оказались не востребуемыми в переводе. В частности, не представлены в исследованном материале отношения «что-то делают при помощи В», «что-то происходит с В» (В в данном случае первый, определяющий компонент).

Далее были проанализированы композиты, которые передавая представленные выше отношения, имели в своем составе компоненты, не являющиеся эквивалентами исходных, а представляющие собой какие-то смежные понятия, то есть, использовался метонимический перевод: ‘чаплинская комедия’ *Chaplinfilm* (‘чаплинский фильм’), ‘шестичасовое радио’ *seksnyheder* (‘шестичасовые новости’), ‘музыкальный театр’ *operetteater* (‘театр оперетты’), ‘детское личико’ *barnehoved* (‘детская голова’), ‘ночная рубашка’ *nattøj* (‘ночная одежда’), ‘детское ведерко’ *legetøjsspand* (‘игрушечное ведерко’). Метонимические замены вызваны обычно расхождениями в структуре семантических полей, различиями в сочетаемости слов, предпочтениями русского и датского языков при описании одной и той же предметной ситуации.

Зафиксированы отдельные случаи превращения сочинительных отношений в подчинительные: ‘садовод-любитель’ *fritidsgartner*, ‘дверцало-хлопушка’ *svingdør*, ‘глазки-щелочки’ *sprækkeøjne*.

Особый интерес для контрастивного сопоставления датского и русского языков представляет выделенная в результате последнего этапа анализа группа

Анализ датских сложных слов в переводах...

(около 20 % от проанализированного материала), где однословной номинации в русском соответствует датское сложное слово, в котором наблюдается конкретизация значения – использование дополнительного уточняющего первого компонента. Ниже представлены некоторые двухкомпонентные соответствия однословным номинациям в русском:

Слово в русском тексте	Переводной эквивалент
карман	jakkelomme ‘карман куртки’
фонарик	lommelyste ‘карманный фонарик’
рельсы	togskinner ‘железнодорожные рельсы’
ящик	postkasse ‘почтовый ящик’
штемпель	poststempel ‘почтовый штемпель’
участок	jordstykke ‘участок земли’
банки	syltetøjsglas ‘банки из-под варенья’
труба	vandledning ‘водопроводная труба’
берег	flodbred ‘берег реки’
трубка	telefonrør ‘телефонная трубка’
ножи	lommekniv ‘карманный нож’
халат	morgenkåbe ‘утренний халат’
халат	arbejdskittel ‘рабочий халат’
корзина	papirkurv ‘корзина для бумаг’
козырек	kasketskygge ‘козырек фуражки’
бидон	mælkejunge ‘бидон для молока’
жилье	menneskebolig ‘человеческое жилье’
утиль	metalskrot ‘металлический лом’
студия	filmstudie ‘киностудия’
колеса	toghjul ‘колеса поезда’
подкладка	jakkefor ‘подкладка куртки’
турбина	elturbine ‘электрическая турбина’
капкан	rævefælde ‘капкан для лисы’
стручок	ærtebælg ‘стручок гороха’
кран	vandhane ‘водопроводный кран’
ковер	gulvtæppe ‘ковер на полу’

Проведенный анализ контекстов использования данных контрастивных пар показал, что лишь в отдельных случаях можно объяснить использование уточняющего компонента потребностью контекста или исключением неправильного толкования. В отдельных случаях использование дополнительного компонента даже можно посчитать избыточным. Например:

‘Выше русой головы Ады появилась **фуражка** защитного цвета с такого же защитного цвета лакированным **козырьком**...’

Oven over Adas blonde hoved viste der sig en grønligtbrun kasket med lakeret kasketskygge i samme farve...

Известно, что причиной добавлений при переводе часто является формальная невыраженность семантических компонентов в исходном языке [Бархударов 1975], и в связи с этим был проведен анализ словарных дефиниций.

Сопоставление словарных дефиниций показывает, что использование сложного слова в датском вместо однословной номинации в русском происходило в четырех случаях. При сопоставлении словарных дефиниций использовался Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [<https://slovarozhegova.ru>] и Толковый словарь датского языка, *Den danske ordbog* [<http://ordnet.dk/ddo>].

1. Наблюдается диспропорция в семантике эквивалентов. Датский эквивалент имеет бóльший набор значений, чем русское слово или соответствующий ЛСВ слова. Так, русскому слову ‘фонарь’ в значении «Осветительный прибор в виде стеклянного шара, коробки, трубки, в которой помещается источник света» соответствует три датских значения слова *lygte*:

а. маленькая переносная лампа, используемая на улице или в помещении, где нет электрического освещения, источником света является батарейка, свеча или сжигаемый газ или керосин.

б. осветительный прибор на транспортном средстве: фара автомобиля, фонарь велосипеда, огонь самолета самолете и др.

с. уличный фонарь.

В переводе для слова ‘фонарик’ (не будем учитывать в данном случае тот факт, что это уменьшительная форма) используется эквивалент *lommelyste*, а для перевода слова ‘фонарь’ – *gadelygte*.

2. Датский эквивалент (или один из ЛСВ, соответствующих значению русского слова) обладает всеми признаками широкозначности, включает в себя целый ряд значений, представленных в русском слове. Например, значение слова ‘студия’ в русских словарях значительно более детализовано, чем значение соответствующего эквивалента *studie*.

3. Использование конкретизирующего компонента в связи с отсутствием представленного в русском слове значения в датском эквиваленте: *metrostationen* вместо ‘метро’, которое в русском языке имеет два значения:

а. Подземная, наземная или надземная (на эстакадах) городская электрическая железная дорога;

б. Станция метрополитена.

В датском языке представлено только первое значение что, возможно, связано с тем, что в датском метро, как правило, нет отдельного вестибюля или здания на станции.

4. При полном совпадении значений русского слова и его однословного эквивалента (или их ЛСВ) в датском тем не менее использовалось сложное слова с уточняющим компонентом: ‘жилье’ *menneskebolig*, ‘сало’ *flæskespæk*, ‘турбина’ *elturbine*, ‘перчатки’ *arbejdshandsker*.

П. Дурст-Андерсен, сравнивая датский язык с французским, отмечает, что французский тяготеет к именованию более конкретного визуального содержания, а датский – к более абстрактному понятийному содержанию [Durst-Andersen 2011, 28-29]. Нечто подобное наблюдается и при сопоставлении датского языка с русским, во всяком случае, когда речь идет о предметах материальной культуры, то есть предметах, созданных человеком, к которым относится большая часть исследованных единиц. В датских переводах наблюдается тенденция использования сложных слов с обобщенным значением в качестве второго компонента и конкретизирующим компонентом в качестве первого в тех случаях, где в русском мы имеем дело с однословной номинации. Выявление четкой тенденции противопоставления предметно-ориентированной однословной номинации в русском языке и категориально ориентированной композитной номинации в датском имеет значение для экспликации механизмов образования сложного слова в датском языке.

Основываясь на антропоцентрическом подходе к анализу исследованного материала, можно утверждать, что выбор переводчиком тех или иных сложных слов с конкретизирующим компонентом осуществляется в рамках конкретной коммуникативной ситуации, определяющей выбор первого компонента. Большинство исследованных композитов являются потенциальными словами, не зарегистрированными словарями, таким образом, можно утверждать, что роль человеческого фактора при создании датского сложного слова достаточно велика и определяется взглядом говорящего на реальность.

Проведенное сопоставительное исследование позволяет не только определить наиболее частотные соответствия между русским словосочетанием и датским сложным словом, но также и эксплицировать некоторые механизмы создания датского сложного слова, связанные с тем, что второй компонент оказывается либо широкозначным либо многозначным и требуется использование уточняющего компонента, который и «отвечает» за отнесение композита к единичному предмету. В применении к словосложению различия между многозначностью и широкозначностью в каком-то смысле нивелируются. Неважно, широкое или узкое значение закреплено за вторым компонентом – главное, что оно требует конкретизации.

Литература

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975.
- Влахов С. И., Флорин С. П.* Непереводимое в переводе. М., 2009.
- Краснова Е. В.* О некоторых проблемах словосложения в современном датском языке. // *Philologica Scandinavica*, СПб., Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского, Санкт-Петербург, 2003.
- Никуличева Д. Б.* Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. М.-СПб. 2008.
- Стернин И. А.* Контрастивная лингвистика. М., 2006.

- Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
- Baron I. Substantiviske komposita i valensteoretisk perspektiv // Nordlex-Projektet. Sammansatte substantiver i dansk. Red.: Irène Baron, december 1994, S. 7-18.
- Bauer L. The grammar of Nominal Compounding with special reference to Danish, English and French, Odense University Press, 1978.
- Basbøll H. Nogle eksempler på prototypikalitet og ikonitet i danskesammensætnongers prosodi // Nordlex-Projektet. Sammansatte substantiver i dansk. Red.: Irène Baron, december 1994, S.19-28.
- Durst-Andersen P. Bag om sproget. Kbh., 2011.
- Kønike M. Søvnbesvær & sovepiller. Om substantiviske komposita, Danske studier, 1989. S. 149-156.

Источники

- Арно С. Назло. I trods. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С. 42-63.
- Ивашинец Д. Крысиный король. Rottekongen. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С. 92-105.
- Мелихов А. Пробуждение. Orvågner. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С.110-129.
- Мосова С. Тридцать четвертый сюжет. Den fireogtredivte grundfortælling. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С. 134-159.
- Орлов Д. Законы физики. Fysikkens love. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С. 164-179.
- Попов В. Желтая папка. Den gule mappe. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С. 182-201.
- Трифонов Ю. Исчезновение. М.: Московский рабочий. 1988.
- Фетисов Е. Фонарь. Lygte. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С. 206-223.
- Штемлер И. Старик Нури. Gamle Nuri. // Свобода и судьба. Frihed og skæbne. 2015. С. 230-253.
- Trifonov J. Forsvinden. Kbh.: Forlaget Sputnik. 1988.

Словари

- Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 15. 09.2020).
- Den danske ordbog. URL: <http://ordnet.dk/ddo> (дата обращения: 15. 09.2020).
- KorpusDK. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk> (дата обращения: 15. 09.2020).

Глава 3.7.

Английские переводы идиоматики русского авангарда в лексикографическом освещении³⁹

И.В. Зыкова

Институт языкознания РАН, Москва

В главе представлены результаты разработки зоны «межъязыкового перевода», входящей в микроструктуру словаря «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм». Зарубежный интерес к творчеству представителей такого авангардного направления, как кубофутуризм, продолжает неуклонно расти и в наши дни, о чем свидетельствуют периодически публикуемые новые англоязычные издания. В работе рассматривается специфика творческого кредо кубофутуристов, определяющего экспериментальный характер идиоматики русского авангарда и трудности ее перевода на английский язык. Отдельное внимание уделяется особенностям английских коррелятов и их репрезентации в проектируемом лексикографическом издании.

Translations of the Russian Avant-garde Idiomatics into English from the Lexicographical Point of View

Irina Zykova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The chapter highlights the results of elaborating the section of “interlanguage translation” in the microstructure of the dictionary “The Idiomatics of Russian Avant-garde: Cubo-Futurism”. New English translations of the Cubo-Futurists’ works published for the last decades testify to the steadily growing interest in their creative activity on the part of various foreign communities. The peculiarities of the Cubo-Futurists’ creative credo, which determines the experimental nature of the Russian avant-garde idioms and the difficulties of translating them into English, are considered. Special attention is paid to the specifics of English correlates and their representation in the dictionary in question.

Начало XX века знаменуется формированием такого авангардного направления в литературе и искусстве, как (кубо)футуризм. В России одним из стимулов для становления кубофутуризма принято считать «объединение поэтов-футуристов группы “Гилея” с художниками круга “Союза молодежи”» (Сарабьянов 2002; цит. по [Бобринская ЭР]). К поэтам-кубофутуристам относятся Виктор Хлебников, Владимир Маяковский, Алексей Кручёных, Елена Гуро, Давид и Николай Бурлюки, Бенедикт Лившиц, Василий Каменский и другие близкие их кругу авторы, многие из которых работали и как художники. Суть кубофутуристической эстетики (лингвопоэтической и

³⁹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00134) в Институте языкознания РАН.

художественной) сводилась к поиску принципиально новых лингвистических, поэтических и художественных средств для выражения в литературе и искусстве принципиально нового этапа развития жизни и культуры русского и мирового сообщества, вызванного резким скачком научно-технического прогресса и мощным всплеском изобретений, значительно ускорившим ритм человеческой жизни. В качестве новых оснований творчества кубофутуристы утверждали экспериментирование и новаторство во всех возможных формах и видах их проявления, «раскрепощение» слова как такового от запретов и оков устоявшихся традиций и общепринятых норм. Они стремились создать свою «науку словотворчества» (в терминологии В. Хлебникова), центральное место в которой должно занимать «свободное», «живое», «самоценное», «самовитое» Слово, способное выразить «Новую Грядущую Красоту». Так, в одном из манифестов представители кубофутуризма открыто постулируют: «Мы развеяли старую словесную пыль, используя лишь железный лом старья. Мы не хотим знать различья между поэзией, прозой и практическим языком. Мы знаем единый матерьял слова и пускаем его в сегодняшнюю обработку. Мы работаем над организацией звуков языка, над полифонией ритма, над упрощением словесных построений, над уточненьем языковой выразительности, над выделкой новых тематических приемов. Вся эта работа для нас не эстетическая самоцель, а лаборатория для наилучшего выраженья фактов современности» («Наша словесная работа», 1923; цит. по [Маяковский, XII, 1959, 448-449]). Свои лингвоэкспериментальные находки и лингвоэстетические опыты они считают не «абсолютными художественными откровеньями», а «лишь образцами» текущей работы, представляющими решение разных частных словотворческих задач, например: «Опыт словесного лёта в будущее» (Асеев); «Достиженье максимальной выразительности разговорным языком, чистым от всякой бывшей поэтичности» (Хлебников); «Опыт полифонического ритма в поэме широкого социально-бытового охвата» (Маяковский); «Игра словом во всей его звукальности» (Каменский) и др. [Там же]. По замечанию С.Р. Красицкого, «футуристы поставили слово в ряд других материальных явлений действительности, приравняли его к вещи, на которую можно воздействовать, которую можно изменять, деформировать, перedefеливать по своему желанию и разумению» [Красицкий, 2001, 16].

История литературы и искусства XX и начала XXI вв. доказывает, что многие из лингвоэкспериментальных нововведений кубофутуризма были востребованы и послужили не только основанием для развития разных художественных направлений, формирующихся позднее как в России, так и за рубежом. Ценностная сторона их лингвоэкспериментальной деятельности раскрывается и во влиянии на ход эволюции художественного мышления, и в установлении метаязыковой рефлексии нового типа, основанной на инновационных методах использования внутреннего потенциала русской языковой системы, на выработке новых подходов к языковому строительству.

Осмыслению роли творцов и художников слова в языковом развитии и языковом строительстве посвящено множество научных трудов. Так, В.Н. Ярцева считала, что «в творчестве крупных писателей может найти место субъективная оценка качества и свойств литературного языка их времени, отношение к мерам по обогащению и улучшению языка, взгляды на задачи языкового строительства» [Ярцева 1969, 94]. Практической стороной проявления неугасающего общественного и научного интереса к творчеству кубофутуристов являются периодически публикуемые переводные (английские, немецкие, испанские, итальянские и т.д.) издания (см., например, [Nogi 2010], [Preckwitz 2014], [Wade 2018]), в которых предлагаются оригинальные пути освоения и методологического погружения в литературно-художественное наследие представителей кубофутуризма. Новые векторы теоретического поиска формируют различные лексикографические проекты исследования произведений (поэзии и прозы) Хлебникова, Маяковского, Крученых и др. (см., например, [Валавин 2010], [Масленников 2000], [Кожевникова, Петрова 2000], [Никутьцева 2008], [Перцова 1995], [Туралина 1997], [Шестакова 2019]).

В фокусе внимания настоящей главы находится обсуждение результатов разработки зоны «межъязыкового перевода», входящей в микроструктуру словаря «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» (авторы И.В. Зыкова, О.В. Соколова). Лексикографическая репрезентация способов перевода авангардной идиоматики на другие языки (в частности, на английский язык) актуальна по целому ряду причин, основными среди которых являются следующие:

1) данный пласт русской и соответствующей иноязычной (англоязычной) лексики еще не подвергался всестороннему и полноформатному лексикографическому изучению;

2) отсутствуют словари, в которых наряду с единицами словарного описания, выделенными из текстов авангардистов (в частности, кубофутуристов), приводятся их иноязычные аналоги или корреляты;

3) необходимость сведения и «сличения» (по выражению В.Н. Ярцевой) в рамках одного словаря всех возможных переводов единиц идиоматики авангарда из вышедших на протяжении чуть более столетия переводных изданий произведений кубофутуристов. Лингвистический интерес в данном случае является многосторонним и состоит, в особенности, в том, что, как справедливо отмечает В.Н. Ярцева, «манера переводческой практики связана <...> с лингвистическими тенденциями языка, на который переводится данное произведение. Очень часто может быть, что те обороты, которые на одном этапе развития языка были единственно возможными для правильного отражения семантики переводимого текста, в последующие периоды становятся просто элементами определенной стилиевой манеры» [Ярцева 1969, 85];

4) зафиксированный в словаре межъязыковой перевод – это ценный источник эмпирических данных для теоретического осмысления способов и

приемов передачи на разные языки самобытных или уникальных образных и выразительных средств, создаваемых или используемых в произведениях кубофутуристов, а также языковых новаций как результатов их поэтических и художественных экспериментов. Установка на «словоновшество», внедряемая в жизнь, культуру и искусство их лингвоэкспериментальной работой, нацелена на формирование кардинально нового понимания языка, на новаторское использование креативного потенциала языковой системы на всех языковых уровнях (фонемном, морфемном, синтаксическом, лексическом и т.д.). Соответственно, единицы идиоматики авангарда, или иначе говоря, единицы экспериментальной идиоматики – это особый вызов переводчику, требующий зачастую неординарного подхода к материалу и синтеза разного рода лингвистического, литературоведческого, искусствоведческого и культуроведческого знания с целью нахождения или, скорее, создания иноязычного варианта, оптимального для передачи структурно-смыслового своеобразия авангардной идиомы русского языка, что, несомненно, актуализирует релевантность их лексикографической фиксации.

Проектируемый словарь «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» обращен к решению указанных задач.

По **идиоматикой авангарда** нами понимается совокупность разного рода средств (вербальных и невербальных), целенаправленно создаваемых авангардистами в результате экспериментов, в основе которых лежат эстетическая и прагматическая интенции на формирование нового художественного языка литературы и искусства (см. подробнее в [Зыкова 2018; Зыкова, Соколова 2019]). Из данного определения следует, что в качестве заголовочных единиц в проектируемом словаре могут выступать единицы невербальной и вербальной идиоматики авангарда. Под **невербальной идиоматикой** имеется в виду совокупность невербальных (пластических) идиом, извлекаемых из художественных (живописных) произведений представителей раннего авангарда, а также и их литературных произведений, содержащих разного рода художественные изображения (графические наброски, рисунки, литографические изображения, фрагменты живописных картин и проч.) (о невербальной идиоматике авангарда см. подробнее в [Зыкова 2020]). **Вербальную идиоматику** составляют две разновидности языковых единиц: 1) **собственно авангардные идиомы** – языковые единицы, создаваемые в литературном авангарде в результате проведения языковых экспериментов (например, *в закричальности зари, самовитое слово, ка ветра, дыр бул щыл*); 2) «традиционные» или **общеязыковые фразеологизмы**, (экспериментально) используемые в произведениях литературного авангарда в узуальных и модифицированных формах (ср., например, *пляска смерти > смертирей беззЫбких пляска*). В настоящей главе рассматривается специфика структурной и содержательной организации зоны «межъязыкового перевода» для заголовочных единиц вербальной идиоматики.

С нашей точки зрения, словарная зона «межъязыкового перевода» должна обладать статусом обязательного компонента микроструктуры словаря «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» (см. т.ж. [Зыкова 2020]). Она включает переводы лексикографируемых единиц на иностранные языки и имеет комплексный характер. Как представляется, в ней целесообразно выделять следующие две подзоны: 1) подзона перевода на другие языки контекстов употребления заголовочных единиц, отобранных из переводных изданий; 2) подзона иноязычных коррелятов.

Необходимо отдельно указать на то, что первая подзона содержит переводы примеров употребления заголовочных единиц, извлеченных из разнородных литературных произведений кубофутуристов и близких их кругу авторов (манифестов, стихотворений, дневников, писем и т.д.) и составляющих такую зону в Словаре, как «зона контекстов». Из этого следует, что содержание подзоны «перевода контекстов» напрямую соотносится с содержанием зоны «контекстов». Извлеченные из переведенных контекстов иноязычные корреляты располагаются во второй подзоне. В качестве демонстрации приведем небольшой фрагмент зоны «контекстов» (вводится знаком 📄), точнее, два случая употребления собственно авангардной идиомы *заумный язык*; английские переводы этих контекстов, которые входят в первую подзону «межъязыкового перевода» (вводится знаком 🌐); а также все выявленные английские корреляты, которые формируют вторую подзону «межъязыкового перевода» (вводится знаком ✨) в проектируемом Словаре.

ЗАУМНЫЙ ЯЗЫК <заумная речь>

- СОБСТВЕННО АВАНГАРДНАЯ ИДИОМА: ИДИОМА-ТЕРМИН

(1) Но так как прямо они ничего не дают сознанию (не годятся для игры в куклы), то эти свободные сочетания, игра голоса вне слов, названы *заумным языком*. *Заумный язык* – значит находящийся за пределами разума. Сравни *Заречье* – место, лежащее за рекой, *Задонщина* – за Доном. То, что в заклинаниях, заговорах *заумный язык* господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным. Но есть путь сделать *заумный язык* разумным. (Хлебников, «Наша основа»)

(2) живописцы будетляне любят пользоваться частями тел, разрезами, а будетляне речетворцы разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями (*заумный язык*), этим достигается наибольшая выразительность и этим именно отличается язык стремительной современности уничтожившей прежний застывший язык (см. подробнее об этом в моей статье «Новые пути слова» в книге «Трое»). (Крученых, Хлебников, «Слово как таковое. О художественных произведениях»)

(1En) But since they yield nothing directly to our consciousness (you can't play dolls with them), these free combinations, which represent the voice at play outside of words, are called *beyonsense*. *Beyonsense language* means language situated beyond the boundaries of ordinary reason, just as we say "beyond the river" or "beyond the sea." *Beyonsense language* is used in charms and incantations, where it dominates and displaces the language of sense, and this shows that it has a special power over human consciousness, a special right to exist alongside the language of reason. But there does in fact exist a way to make *beyonsense language* intelligible to reason. (transl. by Paul Schmidt, "Collected works of Velimir Khlebnikov", Vol. I, 383)

(2En) the Futurian painters love to use parts of the body, its cross sections, and the Futurian wordwrights use chopped-up words, halfwords, and their odd artful combinations (*transrational language*), thus achieving the very greatest expressiveness, and precisely this distinguishes the swift language of modernity, which has annihilated the previous frozen language (see a more detailed discussion in my article "New Ways of the Word" in the book "The Three"). (transl. by Anna Lawton & Herbert Eagle, "Russian Futurism through Its Manifestoes, 1912-1928", 61)

✱ **иноязычные корреляты:**

En: *beyonsense language, transrational language, zaum language, transmental language, trans-sense language, metalogical language, nonsense language*

В задачи лексикографического описания не входит анализ или комментирование форм иноязычных коррелятов. Однако то разнообразие английских вариантов перевода, которые мы можем наблюдать в случае с авангардной идиомой *заумный язык*, представляет существенный лингвистический интерес и заслуживает отдельного рассмотрения в настоящей главе.

Примечателен, прежде всего, диапазон варьирования адекватного компонента *заумный* лексикографируемой авангардной идиомы *заумный язык* при ее передаче на английский язык, а также использование разных словообразовательных стратегий перевода данного компонента и собственно переводческих приемов. Как зафиксировано в словарной зоне «межъязыкового перевода», английские корреляты данного компонента представляют собой простые (например, *zaum*) и производные слова, образованные посредством префиксации (по аналогии со словообразовательной моделью в русском языке – *за-* + *умный*; например, *metalogical* < *meta-* + *logical*), словосложения (например, *trans-sense*), о котором свидетельствует дефисное написание слов, и такой окказиональный способ словообразования, как контаминация

(*beyonsense* < *beyon(d)* + *sense*). При этом наблюдается использование как исконных, так и заимствованных аффиксов и производных основ: англ. *beyond*; лат. *sense, trans, rational, non*; греч. *meta, logical*; рус. *zaum* [OED; NODE 1999]. На их базе создаются английские корреляты адъективного компонента *заумный*, состоящие преимущественно из заимствованных деривационных элементов, и один деривационный гибрид, ср.: *nonsense* и *beyonsense*. В поисках наиболее адекватного перевода компонента *заумный* применяются транслитерация (*zaum*); его полное или частичное калькирование (ср., например, *transrational* – букв. ‘за пределами разума’; = *заразумный, заумный; beyonsense* – букв. ‘за пределами смысла’; = *засмысловой; metalogical* – букв. ‘за пределами логического’; = *залогический*); и приближенный перевод, заключающийся в подборе наиболее близкой по значению единицы переводного языка (*nonsense*) (о способах перевода английских идиом см. тж. [Кунин 1984]). К попыткам передать или сохранить неологический характер переводимой единицы русского языка можно отнести такие английские единицы, как *zaum, beyonsense* и *trans-sense*, которые не существуют в английской языковой системе. Определенного рода неординарность другим английским коррелятам придает их наукообразный характер и тождественность (в определенном смысле) философским терминологическим понятиям со свойственным им широким интерпретационным потенциалом и смысловой многомерностью, как в случае, например, с прилагательными *metalogical* и *trans-mental*. Внимания заслуживает и использование слова *nonsense* для перевода русского компонента *заумный*. Возможно, при выборе этого широко распространенного в английском языке слова переводчик руководствовался главным образом стремлением сделать специфический русский неологизм максимально доступным для понимания англоязычной аудиторией. В целом можно говорить о том, что уникальная природа экспериментальной идиомы *заумный язык* находит подтверждение и отражение в словарной зоне межъязыкового перевода, сводящей воедино данные о многообразии ее интерпретаций средствами разных языков (в частности, английского языка), которые в свою очередь отличаются определенными структурными и семантическими качествами, позволяющими оценить путь творческого осмысления переводчиком единиц идиоматики русского авангарда.

Значительный интерес представляет и лексикографический анализ традиционных (или общеязыковых) фразеологизмов, используемых в лингвистических и художественных произведениях кубофутуристов. Показательно, что в своем стремлении создать новый язык литературы (поэзии) и искусства представители кубофутуризма весьма активно и креативно используют фразеологический ресурс русского языка. В качестве примера приведем фрагменты зон «контекстов» и «межъязыкового перевода» такого общеязыкового фразеологизма, как *ставить (поставить) точку (на чем, в чем)*.

СТАВИТЬ / ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ (на чем, в чем)

◎ ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ; ПОДТИП – ИДИОМА

● ‘Окончательно завершать что-либо, прекращать что-либо. *Имеется в виду, что* лицо или группа лиц (*X*) непременно должны завершить начатое дело, разговор, иногда – прервать какие-либо отношения (*P*). *Обычно* о деле или о проблеме, которые исчерпали себя или решение которых неоправданно затянулось. Реч. стандарт. ♦ *X поставил точку [на P]*’. («Большой фразеологический словарь русского языка», 2006).

(1) Где ветки молят Солнечного Спаса, / Его прекрасные глаза, / *Чернил зимы не ставить точку*, / Суровой нищенки покров. (Хлебников, «Синие оковы»)

(2) Все чаще думаю – / *не поставит ли лучше / точку нули в своем конце*. / Сегодня я / на всякий случай / даю прощальный концерт. (Маяковский, «Флейта-позвоночник»)

(2En1) More and more often I think – / wouldn't it be better / *to punctuate my end with a bullet*. / Just in case, / today I / am giving my farewell concert. (transl. by Jenny Wade, “Mayakovsky Maximum Access”, 49)

Прим. к переводу: Literally, “Wouldn't it be better *to place a period of a bullet at my end*” (transl. by Jenny Wade, “Mayakovsky Maximum Access”, 67)

(2En2) More and more often I think: / it might be far better for me / *to punctuate my end with a bullet*. / This very day, / just in case, / I'm staging my final performance. (transl. by Max Hayward & George Reave, “Vladimir Mayakovsky. The Bedbug and Selected Poetry”, 111)

(2En3) I keep thinking more often: should *an ounce of lead*, / *As a period, at the end of my story go?* / So, tonight, not knowing what lies ahead, / I am giving a farewell show. (transl. by Serge Elnitsky, “Vladimir Mayakovsky. The Backbone-Flute”)

(2En4) Increasingly, I think – / *do not put it better / bullet point at its end*. / Today I / just in case / I give a farewell concert. (“Vladimir Mayakovsky. The Backbone-Flute”, <https://vladimir-mayakovskiy.su/poemy/flejta-pozvonochnik/?lang=en>)

(2En5) More and more often, I wonder, – / why shouldn't I *place / the period of a bullet at the end of my stanza?* / Today, / just in case, / I am giving my final, farewell concert. (“Russian Poetry in English”, <https://sites.google.com/site/poetryandtranslations/homepage1>)

(2En6) More and more often I think – / wouldn't it be better *to place / the period of a bullet at my end?* / Tonight, / just in case, / I'm giving a farewell concert. (“The Backbone-Flute”, <https://theuncommonplacebook.wordpress.com/?s=backbone+flute>)

✳ **иноязычные корреляты:**

En: *to punctuate something; to place a/the period at something; as a period, at the end of my story (go); to put a point at something*

Важно в первую очередь отметить, что в двух случаях употребления в поэтических текстах В. Хлебникова и В. Маяковского, представленных в словарной зоне «контекстов», русский фразеологизма *ставить / поставит точку (на чем, в чем)* обретает довольно оригинальные модифицированные формы. Эти модификации создаются посредством ряда лингвокреативных стратегий (встраивания новых компонентов, перекомпозиции компонентов, разбиения базовой формы образа и ее усечения), что приводит к существенному расширению и/или преобразованию образной основы значения лексикографируемого фразеологизма за счет дополнительных окказиональных (метафорических и метонимических) смыслов и усложняет в известной мере процесс перевода контекстов его функционирования на английский язык. Как и в ситуации с собственно авангардной идиомой *заумный язык*, обращает на себя внимание разнообразие английских вариантов передачи лексикографируемого общезыкового фразеологизма средствами английского языка, зафиксированных в словарной подзоне «иноязычных коррелятов». Используются несколько переводческих методов. Интерес вызывает использование метода лексического перевода (*to punctuate something*). Любопытно, что при рассмотрении как первичного, так и современных (буквального и метафорического) значений глагола *to punctuate* можно обнаружить относительно близкую образно-смысловую или ассоциативную связь с передаваемым в образе русского фразеологизма *ставить / поставит точку (на чем, в чем)* представлении об окончании, прерывании, остановке чего-либо (деятельности, процесса, события, жизни и т.д.) как о завершении написания предложения (текста) посредством постановки точки – знака препинания, «ставимого в конце речи, содержащей полный смысл» [Даль ЭР]. Ср.: первичное значение *to punctuate* – «from medieval Latin *punctuat*- ‘brought to a point’» [OLD], то есть букв. ‘довести до точки’, тж. перен. ‘довести до полного смысла’; = ‘остановить(ся), закончить’; современные значения *to punctuate* – ‘1. to divide written work into sentences, phrases etc using commas, full stops etc 2 *literary* to interrupt something, especially when this is repeated’ [LDCE]. Другим переводческим методом является калькирование, о чем свидетельствуют английские корреляты *to put a point at something* и *to place a/the period at something*, последний из которых примечателен использованием лексемы *period*, относящейся к американскому варианту английского языка. Внимания заслуживает и попытка комбинирования переводческих методов. Английский перевод лексикографируемого фразеологизма русского языка *as a period, at the end of my story* представляет собой случай создания эквивалентного образного выражения, сочетающегося с элементами описательного перевода. Данный

английский коррелят характеризуется и грамматическим (синтаксическим) отклонением от исходной конструкции переводимого русского фразеологизма *ставить / поставить точку (на чем, в чем)* благодаря его трансформации в развернутое сравнение.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо сказать о факторах, которые определяют специфику зоны «межъязыкового перевода» в проектируемом нами словаре «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм». Следует в первую очередь отметить, что объем размещаемой в данной зоне информации по каждой вокабуле, будь то собственно авангардная идиома или общеязыковой фразеологизм, определяется частотностью ее воспроизведения в текстах кубофутуристов и использованием в более популярных или менее известных произведениях, которое обуславливает и количество существующих переводов того или иного произведения на иностранные языки. Поскольку не все, а преимущественно наиболее известные литературные произведения лексикографируемых авторов переведены, в частности, на английский язык, а также в силу труднодоступности ряда переводных изданий, зона «межъязыкового перевода» может содержать переводы не всех русскоязычных контекстов употребления той или иной вокабулы. К тому же, объем и характер содержания зоны «межъязыкового перевода» зависит и от того, к какому типу единиц идиоматики авангарда относится вокабула. В ходе исследования нами были установлены следующие типы собственно авангардных идиом: авангардные идиомы-термины (например, *самовитое слово – the self-sufficient word*); авангардные идиомы-экспрессы (например, *облако в штанах – a cloud in pants <trousers>*); авангардные идиомы-эксперименты (например, *бобэоби пелись губы – bobeobi sang the lips*); авангардные паремии, имеющие структуру предложения и отличающиеся афористическим характером (например, *Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней – He who does not forget his first love will not recognize his last*). В текстах кубофутуристов можно обнаружить и все структурно-семантические типы «традиционных» фразеологизмов: общеязыковые идиомы-термины или фразеологизмы-термины (например, *родная речь – mother tongue*); общеязыковые идиомы (например, *палец о палец не ударить – not to raise a finger to do something*); речевые или ситуативные формулы (например, *добрый день – good day*); коллокации (например, *поднимать вопрос – to raise a question*); фразеологические единицы метаязыкового и модального характера (например, *строго говоря – strictly speaking*), паремии (например, *Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет – Try to make a fool pray to God, and he simply smashes his forehead on the ground*). Согласно результатам лексикографического анализа, наиболее репрезентативной в содержательном отношении является зона «межъязыкового перевода» у авангардных идиом-терминов, а также многих общеязыковых фразеологизмов-терминов.

В заключение важно отметить, что разработка зоны «межъязыкового перевода» служит целям создания общей методологии лексикографического

описания столь колоритного и самобытного пласта русской лексики, как идиоматика авангарда, а также позволяет углубить понимание процесса идиообразования как практики лингвистического экспериментирования не только в языке источника, но и в языке перевода, и констатировать необходимость выхода на новый уровень метаязыковой рефлексии в ходе транспонирования единиц идиоматики авангарда в иноязычную форму.

Литература

- Зыкова И.В.* Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 210–219.
- Зыкова И.В., Соколова О.В.* Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: Идиоматика авангарда // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 7–20.
- Зыкова И.В.* Общая концепция, методология и актуальные проблемы словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» в контексте современных тенденций авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 131-160.
- Красицкий С.Р.* О Крученых // Алексей Крученых. Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. С.Р. Красицкого. СПб, 2001.
- Ярцева В.Н.* Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

Источники

- Крученых А., Хлебников В.* Слово как таковое. О художественных произведениях // Литературные манифесты и декларации русского модернизма. Санкт-Петербург, 2017.
- Маяковский В.В.,* Флейта-позвоночник // Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. I. М., 1955. С. 197-208.
- Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. XII. М., 1959.
- Хлебников В.* Наша основа // Литературные манифесты и декларации русского модернизма. Санкт-Петербург, 2017.
- The Backbone-Flute. Пер. с рус. [Электронный ресурс]. – URL: <https://theuncommonplacebook.wordpress.com/?s=backbone+flute>
- Elnitsky S.* Vladimir Mayakovsky. The Backbone-Flute. Пер. с рус. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elnitsky.com/flute.html>
- Hayward M., Reave G.* Vladimir Mayakovsky. The Bedbug and Selected Poetry. Пер. с рус. London, 1960.
- Lawton A., Eagle H.* Russian Futurism through Its Manifestoes, 1912-1928. Пер. с рус. Ithaca; London, 1988.
- Nori P.* Velimir Chlebnikov. 47 poesie facili e una difficile. Пер. с рус. Roma, 2010.
- Preckwitz B.* Wladimir Majakowski: Der fliegende Proletarier. Пер. с рус. Berlin, 2014.

- Russian Poetry in English. Пер. с рус. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sites.google.com/site/poetryandtranslations/homepage1>
- Schmidt P.* Collected works of Velimir Khlebnikov. Vol. I.: Letters and Theoretical Writings. Пер. с рус. Cambridge (Massachusetts); London (England), 1987.
- Vladimir Mayakovsky. The Backbone-Flute. Пер. с рус. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vladimir-mayakovskiy.su/poemy/flejta-pozvonochnik/?lang=en>
- Wade J.* Mayakovsky Maximum Access. US, 2018.

Словари

- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
- Валавин В.Н.* Словотворчество Маяковского: опыт словаря окказионализмов: около 3 500 слов. М., 2010.
- Даль В.И.* Толковый словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/364650>
- Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. / Отв. ред. М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев М., 2000.
- Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
- Масленников Д.Б.* Словарь окказиональной лексики футуризма: [на материале поэтических сборников начала XX в.]. Уфа, 2000.
- Никульцева В.В.* Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2008.
- Перцова Н.Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова: [около 6 000 слов]. М.; Vien, 1995.
- Туранина Н.А.* Метафора В. Маяковского: Словарь. Таблицы. Комментарий. Белгород, 1997.
- Шестакова Л.Л.* (ред.) Словарь языка русской поэзии XX века». Том VIII. М., 2019.
- LDCE* – Longman Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/punctuate>.
- NODE* – The New Oxford Dictionary of English. – Oxford/New-York, 1999.
- OED* – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/>
- OLD* – Oxford Learner’s Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/punctuate?q=punctuate>

**GERMANIC LANGUAGES:
TEXT, CORPUS, TRANSLATION**

CONTENTS

Introduction

Germanic Languages: Sources of New Data and Interpretations
(*Dina Nikulicheva*) 5

PART 1

TEXT: Sources of New Historic-philological and Linguistic Data and Interpretations from the Systemic, Socio-cultural and Genre Perspective

Chapter 1.1. Der Ausdruck aspektuell-temporaler und modaler Relationen in historischen und modernen Texten des Buchs der Psalmen (zur diachronen Dimension der kategorialen Konvergenz in der Verbgrammatik)
(*Michail Kotin*)..... 20

Chapter 1.2. Anglo-Saxon Treatises: Historical, Textual and Lingual Specificity
(*Yekaterina Yakovenko*) 31

Chapter 1.3. Archaic and Innovative Features in the Old Icelandic Epic: Repetitions in the "Elder Edda"
(*Tatiana Toporova*) 45

Chapter 1.4.: Archaic and Innovative Features in the Old Icelandic Epic: Hapax Legomena as an Analogue of Proper Names in the "Elder Edda"
(*Tatiana Toporova*)..... 64

Chapter 1.5. Stilprägende Wandlungen in deutschen Schwank-Romanen der frühen Neuzeit (das 16. Jh.)
(*Natalija Babenko*) 77

Chapter 1.6. Metadiscourse as a Factor of the Diachronic Genre Variation in the British and American Press
(*Elena Beliaevskaya*)..... 93

PART 2

CORPUS: Electronic Resources as a Source of New Data for the Interpretation of Grammatical, Lexical and Phraseological Phenomena in Germanic Languages

<i>Chapter 2.1. Deutsche Modalverben im Parallelkorpus und die Aufgaben der zweisprachigen Lexikographie (Dmitrij Dobrovol'skij)</i>	103
<i>Chapter 2.2. Parallelkorpora in der Äquivalenzforschung (Irina Parina)</i>	117
<i>Chapter 2.3. Deutsche Idiome im Korpus (Aktionsart und temporale Formen) (Elena Krotova)</i>	129
<i>Chapter 2.4. Combinatorial-derivational Method of Word Creation in German-language Network Communication (Rodmonga Potapova, Vsevolod Potapov)</i>	144
<i>Chapter 2.5. Politisch (in)korrekte Bezeichnungen in einem deutsch-russischen Wörterbuch: Auswahl der Lemmata und Grundlagen der lexikographischen Darstellung (Elena Kondakova, Elena Morozova)</i>	152
<i>Chapter 2.6. The Proper Name Goldilocks as a Metaphorical Resource in the English Newspaper Text (Alexandra Nagornaya, Mikhail Tseytlin)</i>	165

PART 3

TRANSLATION: Sources of New Linguistic Data and Interpretations from the Anthropocentric, Systemocentric, Contrastive and Lexicographic Perspectiv

<i>Chapter 3.1. Ways of Expressing the Indefinite-personal Agent in Swedish and Russian: Comparative Description and Translation (Elena Chekalina)</i>	179
<i>Chapter 3.2. Means of Expressing Evidential Meanings in Danish and Russian and Their Translation (Elvira Krylova)</i>	190

<i>Chapter 3.3. Grammatical Orientation in Time in Danish-Russian Translations</i> <i>(Dina Nikulicheva)</i>	203
<i>Chapter 3.4. The Cleft Construction det är... som in Swedish: Its Communicative Functions and Translation into Russian</i> <i>(Elena Zhiltsova)</i>	217
<i>Chapter 3.5. Peculiarities of the Danish Speaking Etiquette in Russian Translations</i> <i>(Elena Gurova)</i>	226
<i>Chapter 3.6. The Analysis of Danish Compounds in Translations from Russian as a Method for Eliciting Danish Word-formation Patterns</i> <i>(Elena Krasnova)</i>	236
<i>Chapter 3.7. Translations of the Russian Avant-garde Idiomatics into English from the Lexicographical Point of View</i> <i>(Irina Zykova)</i>	245
Contents	257

Подписано к печати 06.11.2020
Сдано в набор 07.11.2020
Формат бумаги А5 – 60х90 1/16
Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”.
Объем 16,5 усл.печ.л.
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
«Канцлер»